

ЮРИЙ БЕКИРОВИЧ ОСМАНОВ

ПРОСВЕТИТЕЛЬ ВОСТОКА
**ИСМАИЛ
ГАСПРИНСКИЙ**

Юрий Бекирович ОСМАНОВ

Просветитель Востока

ИСМАИЛ ГАСПРИНСКИЙ

Симферополь
«Бизнес-Информ»
2014

ББК 84-4
О 72

Османов Ю.Б.

О 72 Просветитель Востока ИСМАИЛ ГАСПРИНСКИЙ. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. – 312 с. илл.
ISBN 978-966-648-356-3

Организация ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) объявила 2014 год годом памяти выдающегося крымскотатарского общественного деятеля мирового масштаба Исмаила Гаспринского (1851-1914).

Сборник работ Ю.Б. Османова по исследованию творческого наследия великого гуманиста, выдающегося просветителя Востока и общественной деятельности подвижника Евразийства – И. Гаспринского.

– Постановка вопроса выбора мировоззрения, направления перспективы движения для возрождения и успешного развития российских мусульман в равноправном, добровольном союзе народов, Евразийском русско-восточном соглашении.

*Книга издана на личные средства участников
Национального движения крымских татар (НДКТ)*

Сайт Национального движения крымских татар (НДКТ)
<http://www.ndkt.org>

Вдова Айше и дочь Мерьем
выражают благодарность всем,
кто принимал участие в выходе этой книги

Рабочая группа, подготовившая материалы к печати:
Баев Г., Бекташ Х., Мамедэминов П.,
Сейдаметов Р., Сейт-Облаев С.

ISBN 978-966-648-356-3

© Ю.Б. Османов, 2014
© Бизнес-Информ, 2014

Имя и авторитет Исмаил-бея Гаспринского, стяжавшего славу «дедушки тюркской нации», великого гуманиста, выдвинутого педагогической общественностью Индии и научными кругами Франции на Нобелевскую премию мира и поныне глубоко почитаемого просвещённым Востоком, должно побудить передовое общественное мнение, агонизирующее на развалинах страны, обратить своё растерянное внимание на его представления о мире... (1993, январь)

Ю.Б. ОСМАНОВ

Содержание

Кладезь историко-филологической науки.....	5
Площадь испытаний.....	6
Предисловие.....	7
1941-1993 Ю.Б. Османов.....	10
1851-1914 Исмаил Гаспралы /Гаспринский/.....	12
1. 19901211 О творчестве И. Гаспринского.....	16
2. 19910308 Одинаково всем нужна правда (К 140-летию со дня рождения И. Гаспринского).....	20
3. 19930410 Из плена лжи (К 110-летию выхода «Герджимана»).....	23
4. 19651015 И. Гаспринский. Краткий очерк творчества (Критические заметки).....	28
5. 19660318 К оценке творчества И. Гаспринского.....	62
6. 19660710 И. Гаспринский и реакционные доктрины.....	80
7. 19661210 И. Гаспринский. Краткий очерк мировоззрения и деятельности.....	125
8. 19810715 О романе «Сто лет спустя. 2000 год».....	172
9. 19910228 И. Гаспринский и социалистические доктрины.....	204
10. 19921229 О Евразийских представлениях в концепции Исмаила Гаспринского.....	210
11. 19930113 Славяно-восточные отношения в представлении И. Гаспринского.....	220
12. 19930314 Два аспекта цивилизации.....	232
Приложение	
13. 19661114 Переписка Ю. Османова.....	236
14. 19920215 «Русско-восточное соглашение» – злая ирония современности.....	250
15. 19920331 «Зелёная книга» Муаммара Каддафи.....	255
16. 19920615 Из «диссидентов» в жандармы. От «демократии» – к суперфашизму.....	258
17. 19921029 Чего стоят новые мифы.....	289
18. 19930924 Профессиональный разговор.....	293
19. 19930716 О «Концепции национальной политики, прав и отношений в Крыму».....	297
20. 19930924 Полное политическое подобие.....	302
21. 19851107 Время ничто, если нет ничего во времени.....	304
22. 19930601 Парадокс времени.....	308

Кладезь историко-филологической науки

Юрий Османов – один из лучших знатоков жизни и творчества великого просветителя Востока Исмаил бея Мустафы-оглу Гаспринского. Титанический труд и природный талант весьма тонкого исследователя позволили ему ещё в 1960-е годы осветить наиболее глубинные пласты мыслей и идей «душки нации». Это подтверждают не только его статьи и очерки, но и личная беседа с ним. Моя первая и достаточно длительная (около двух часов) беседа с Ю. Османовым о И. Гаспринском произошла 20 ноября 1991 года в Ташкенте, в редакции газеты «Ленин байрагы». Им было сказано много интересного (во многом нового) о жизни и деятельности И. Гаспринского, и мы даже договорились об издании совместной книги...

Настоящий сборник Ю. Османова состоит из 12 очерков, посвящённых различным аспектам многогранной деятельности Гаспринского. Мне кажется естественным, что в них наиболее полно отражены именно политические работы Гаспринского. Несмотря на то, что многие из очерков написаны в советское время и в них имеется определенный «налёт» эпохи, смело можно утверждать: очерки Ю. Османова – это вершина исследовательского мастерства, касательно общественно-политических взглядов и представлений Гаспринского. Проще говоря, сегодня не видно исследователей Гаспринского такого уровня и масштаба, каким был Юрий Османов.

Особо следует отметить и анализ литературно-художественных произведений Гаспринского. В статьях, посвящённых романам «Молла Аббас» (1887) и «Сто лет спустя» (1906), Ю. Османов блестяще раскрывает художественную деятельность великого мастера, скрупулезно проникает в тончайшую художественную ткань произведений Гаспринского. В таких очерках Ю. Османов проявил себя и как великолепный текстолог.

Специфический стиль и ясность изложения, филигранная логика отличают все работы автора. Дотошность в цифровых данных, названиях многочисленных работ, исторических датах, абсолютная точность цитат, параллельный и перекрестный анализы событий делают очерки Ю. Османова глубоко научными и значимыми.

Несомненно, что очерки Юрия Османова – кладезь в становлении нового направления крымскотатарской историко-филологической науки – Гаспрведения.

*ИСМАИЛ КЕРИМОВ,
доктор филологических наук,
профессор кафедры крымскотатарского
языка и литературы КГИПИ
15.05. 2001 г.*

Площадь испытаний

Язык не поворачивается говорить, что «Исмаил-бей умер». Слово смерть есть не существование. Душераздирающая весть о смерти Исмаил-бея приводит нас в содрогание. Говоря о смерти Исмаил-бея возникает вопрос. Кто же благочестивый просветитель и руководитель народа? Задавая себе этот вопрос, вдумываясь, и моё перо не удерживается в руках. Кто же покажет, теперь, верный путь при обсуждении вопроса, относящегося к жизни и делам народа? Где же ключи клада объединяющего общую мысль с мыслью труженика – мысли, сердечные речи человека, защищающего интересы народа??? Если народ правильно и внимательно вслушивается в эти вопросы, то поймёт степень своего несчастья.

За 32 года никто ни сделал то, что сделал Исмаил-бей. Разве можно жить без надежды для народа?

Несомненно, духовная сила Исмаил-бея вырастит сыновей своего народа, такими как он. Однако, что делать? Как бороться, чтобы героев подобных Исмаил-бею было побольше? Конечно воспитание! – скажете Вы. Да уважаемые! Борца, посвятившего себя народу, народ никогда не забудет, и бережно будет хранить память о нём.

Наши дети не только должны об этом знать, но и быть очевидцами. Для подобного воспитания у нас много путей. Однако здесь хочу показать два пути:

Во-первых, написать о деятельности Исмаил-бея.

Во-вторых, в Бахчисарае от имени народа установить надгробный камень (памятник) на могиле Исмаил-бея со следующей надписью: **«Если народ забудет такого героя как ты, он будет способствовать уничтожению своей жизни».**

Если выполнение первого вопроса, т.е. написания книги о деятельности Исмаил-бея касается писателей и журналистов, то второе – непосредственно задача всего народа. Яснее, эти две задачи, действительно, призывают народ на площадь испытаний, глася: **«Если у тебя есть национальные чувства, то вдумайся о защите своего человеческого права».** Слава Аллаху, площадь испытаний открыта.

Всю свою жизнь посвятивший тебе, до последнего дыхания защищавший права, и направивший тебя на верный путь избавления от гнёта, человек ожидает от тебя лишь камня надгробного (памятника). Однако сей памятник, должен быть всенародным. Нет смысла ставить памятник на средства одного человека. Ибо **всенародный** памятник послужит **символом уважения великих деятелей народа** для будущего поколения. Подобного памятника и Сабри и Токай от народа не получили, так как Сабри не знали русские мусульмане, а Токай – мусульмане Кавказа. Вероятно, поэтому им и не воздвигли такого памятника.

Теперь какое ваше мнение об Исмаил-бее? Может, и по этому вопросу будете «разглагольствовать»?...

На всенародном памятнике должно быть высечено:

«Если народ забудет великого героя как Исмаил-бей, он будет способствовать уничтожению своей жизни».

Вот и открыта площадь испытаний.

Нариман Нариманов
журнал «Басират» № 22, 20.09. 1914 г.
(перевод с азербайджанского)

Предисловие

Организация ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) объявила 2014 год годом памяти выдающегося крымскотатарского общественного деятеля мирового масштаба Исмаила Гаспринского (1851-1914). Это достойная дань уважения памяти о нём, обращая внимание и учитывая исключительную важность для общественного развития вопросов образования, науки и культуры, сегодня остро и непреложно стоящих перед крымскотатарским народом.

Имя Исмаила Гаспринского хорошо известно как у нас в стране, так и за её пределами, чего нельзя сказать о его многогранном творчестве. Гаспринского знают как педагога, просветителя, издателя первой в России тюркоязычной газеты «Терджиман-Переводчик». Однако многие его произведения до сих пор остаются вне зоны внимания не только широкой общественности, но и исследователей-востоковедов. Долгое время имя Гаспринского было предано забвению. В советский период его если и вспоминали, то только в периоды кампаний по борьбе с буржуазным национализмом, пантюркизмом, панисламизмом. Даже могила Гаспринского в Бахчисарае была осквернена и разграблена варварами!

Одним из первых, кто начал целенаправленную работу по восстановлению справедливости и доброго имени Исмаила Гаспринского, был Юрий Бекирович Османов (1941-1993). Ещё, будучи студентом МВТУ им. Баумана, он досконально изучил всё, что было напечатано самим Гаспринским и о нём. В шестидесятых годах даже просто проявленный интерес к И. Гаспринскому мог вызвать небезопасное внимание со стороны спецслужб. Тем не менее, полученные знания, понимание масштабности фигуры Гаспринского и актуальности его наследия для судеб народов Союза и самого Союза стали тем фундаментом, опираясь на который, молодой Юрий Османов вступил в открытую полемику с апологетами официальной партийной линии, академиками и докторами наук: нафиговыми, смирновыми, климовичами и т.п. в защиту доброго имени Исмаила Гаспринского. Но силы были слишком неравны. Преодолеть стену умолчания вокруг имени Гаспринского тогда не удалось. Но, безусловно, на Османова обратили внимание, и не только в связи с его «странным» увлечением «пантюркистом» и «панислаμισмом».

Юрия Османова хорошо знали ещё и как одного из активнейших участников Национального движения крымских татар (НДКТ) – широкой внутренней инициативы крымскотатарского народа за возвращение на родину в Крым, восстановление его государственности, прав и состояний. Двадцать с лишним лет очерки Ю. Османова, посвящённые исследованию творчества И. Гаспринского, пролежали «в столе». Только после исторических решений I Съезда народных депутатов СССР, принявшего в ноябре 1989 года Деклара-

цию о признании преступными и незаконными всех актов против народов, подвергшихся насильственному переселению с мест их исторического проживания, и восстановлении их прав, и последовавшим за ним принятием Верховным Советом СССР «Выводов и предложений Комиссии по проблемам крымскотатарского народа», утверждённых Постановлением № 845-1 ВС СССР от 28.11. 1989 г., стало возможным реальное возвращение крымских татар в Крым.

Сам Османов возвращается в Крым в августе 1990 года. В сентябре его назначают и.о. Председателя комитета Крымского облисполкома по проблемам депортированных народов. Круглые сутки идёт титаническая работа по развёртыванию структур комитета в Крыму и в местах высылки в Средней Азии и России и организации возвращения в Крым крымских татар... Кажется бы, нет ни секунды времени для теоретической, творческой работы. Но у него на всё находится время. Колоссальную работоспособность Османова отмечали все, кто его знал. Именно тогда он вновь возвращается к своим исследованиям творчества И. Гаспринского. В периодической печати появляются его первые статьи о нём. Но Османов понимал, статьи не могут в полной мере раскрыть феномена Гаспринского как величайшего учёного, философа, просветителя и общественного деятеля. Тогда же он начинает готовить фундаментальный труд о Гаспринском. В его планы входило репринтное издание всех номеров газеты «Герджиман-Переводчик», издание полного собрания сочинений и воспоминаний соратников и современников о Гаспринском и, конечно же, его собственных исследований.

При жизни Османова этим планам не суждено было сбыться. В ноябре 1993 года Ю. Османов был убит. Его тело, на котором не было живого места, было найдено на одной из улиц Симферополя. Убийцы как будто бы хотели выбить из каждой клетки Османова те знания, которые он наследовал и приобрел за свою короткую жизнь. Но убийцы забрали только его жизнь. Османов успел многое из того, чем владел, передать единомышленникам, ученикам, родным и близким в документах, статьях, аналитических разработках, художественных произведениях и живом слове. Впору говорить о необходимости исследования и глубокого изучения наследия самого Ю.Б. Османова как одного из крупнейших теоретиков и практиков национального вопроса современности. Но без ознакомления с пониманием Османовым Гаспринского вряд ли можно до конца понять всю глубину мыслей и значимость его работ для будущего развития Крыма, Украины, России, всего русскокультурного геополитического пространства.

В приложении представлены переписка, статьи Ю.Б. Османова в исторической связи, перекликающиеся с воззрением И. Гаспринского на организацию самоуправления русских мусульман. Уникальный феномен самоорганизации народа в истории мировой цивилизации – в форме Национального движения крымских татар (НДКТ) с целью восстановления национальной

целостности, равноправия, правосубъектности крымскотатарского народа на своей родине в Крыму, развернувшегося как защитная реакция, на преодоление последствий геноцида и ограбления, совершённых против него 18 мая 1944 г. великодержавным шовинизмом.

Завершается книга размышлениями познавательного, мировоззренческого характера о природе времени, ведь деятельность исходит из знания, об этом некоторые цитаты из И. Гаспринского:

«Знания – это нечто столь сильное, что благодаря им слабое существо человека делается повелителем и султаном света...».

«Как неодушевленный, так и одушевленный мир подчинены известным законам. Зная законы жизни, социальные и политические условия жизни, социальные и политические условия времени и места, можно предвидеть многое в жизни государства и народов».

«Таким образом, сын мой, благодаря широкому, точному знанию каждый из нас может видеть далеко вперед, может много предугадать, предсказать. Наше предсказание ограничивается степенью нашего сознания и понимания и нисколько не умаляет вседержительства Создателя».

«Аллах дал человеку, своему любимому творению, великую силу, при помощи которой он может господствовать над многим; создавать и уничтожать очень многое. Это ум... Но ум следует обогатить знаниями».

«Пока народ не будет хорошо грамотным, пока он не начнёт мыслить и не пробудится в нём «самодетельность» все прочие меры не будут им использованы в должной степени».

В своих размышлениях Ю.Б. Османов сделал вывод, что свойство материи - время – устанавливается событиями, а как творить события, уважаемый читатель узнает из работ бесценного наследия великих просветителей И. Гаспринского и Ю. Османова в историческом процессе развития тюркомусульманских народов.

Предлагаемая вашему вниманию книга, мы надеемся, позволит объективно оценить фундаментальность и значимость этих двух выдающихся личностей крымскотатарского народа в вопросе восстановления естественноисторического статуса крымскотатарского народа, его целостности, прав и состояний, согласно требованиям Наказа народа своим представителям, в 1989 г. преобразованного в нормативно-правовой акт высшего органа государственной власти – Постановление № 845-1 ВС СССР «О выводах и предложениях комиссии по проблемам крымскотатарского народа» от 28.11. 1989 г.

Информационная рабочая группа
Национального движения крымских татар (НДКТ)
Симферополь, февраль 2014 г.

ОСМАНОВ ЮРИЙ БЕКИРОВИЧ

Родился 1 апреля 1941 года в деревне Биюк Каралез Албатского (ныне Куйбышевского р-на) Крымской АССР в семье агрономов. Мать, Мария Владимировна Гушинская, белоруска. Отец, Бекир Османович Османов - крымский татарин.

С началом Великой Отечественной войны мать с двумя детьми, Тамилей и Юрием с последним эшелонам эвакуируется в Азербайджан в районный центр Агдам. Отец, как непригодный к военной службе (порок сердца), ушёл в партизаны. Он был разведчиком Севастопольского, Акмечетского отрядов и Центрального штаба партизанского движения Крыма. Выполнил семь операций по заданию ставки партизанского командования, в том числе знаменитую морскую операцию по эвакуации из леса партийно-советского актива с мыса Кикинеиз. Немецкое командование за его голову назначило премию в 100.000 рейхсмарок.

После тяжёлого ранения Бекир Османов был эвакуирован на Большую землю. Трижды в русле особой политики в отношении крымскотатарского народа отдавался приказ о его расстреле, исполнить который помешали его товарищи по оружию - командиры отрядов Калашников и Зинченко. После войны в «Мемуарной литературе» изображён как немецкий шпион, расстрелянный по приказу командования. Ранее, в 1937 году, Бекир Османов был репрессирован и даже предан суду за «контрреволюционную деятельность», так как в своей диссертации доказал ненаучность теории стадийности Лысенко, но суд отклонил обвинение.

С 50-х годов - один из инициаторов и до последних дней жизни активнейший участник Национального движения. Против него многократно возбуждались «уголовные дела» в этой связи и под другими фальшивыми предлогами, в том числе дело об «экономической контрреволюции». Но все они провалились. В 1966 году был изгнан из партии. Мать, Мария Владимировна, в 1944 году с двумя детьми переезжает в Фергану, где родился сын Артем.

В 1958 году, окончив школу, Юрий Османов поступает в МВТУ им. Баумана (Москва). Окончив в 1965 году вуз, работал в объединённом институте ядерных исследований в г. Дубне и в институте высоких энергий в г. Серпухове. Ему в соавторстве с коллегами было выдано три авторских свидетельства на изобретение криогенной пузырьковой камеры - устройства, позволяющего фотографировать и измерять характеристики элементарных частиц. Позже, работая в Сумгаите, им было получено еще два свидетельства на изобретения - реконструкцию стекловарной печи.

Ещё обучаясь в вузе, Османов стал участником Национального движения крымских татар. В то же время начал изучать наследие великого просветителя Востока Исмаила Гаспринского. Итоги этих исследований были изложены в четырёх очерках.

В 1968 году за участие в Национальном движении был репрессирован сроком на 2,5 года. Срок отбывал на золотодобывающем прииске в Бессопане в Кызыл-кумах.

После окончания срока, с лета 1970 года жил в Сумгаите, работал в проектно-отделе стекольного завода. В Сумгаит он приехал, надеясь избавиться от жесткой опеки КГБ. Жизнь в Сумгаите его тяготила. Там жило мало крымских татар и широко развернуть движение здесь было невозможно.

В 1972 году он возвращается в Фергану. Короткое время работал в проектно-отделе азотного завода, затем в проектно-институте Гипроводхоза - начальником отдела насосных станций, главным инженером проекта.

Но главным смыслом его жизни было участие в Национальном движении. Все основные документы НДКТ были написаны им или при его непосредственном участии. Он направлял работу по самопереписи крымских татар и на основе анализа её результатов им была установлена истинная численность крымских татар в довоенный период.

Вместе с отцом был сделан анализ о масштабах геноцида и ограбления крымско-татарского народа при выселении в 1944 году, о чём было составлено семь Актов.

В 1982 году снова обрушились репрессии. Юрий Османов вновь арестован и осуждён на второй срок, хотя в промежутке провокации и «уголовные дела» шли сплошной цепью и требовалось огромное напряжение сил и искусство разоблачения и обуздания провокаций. Видимо, поэтому расправа в 1982 году велась с особой жестокостью и цинизмом, полным презрением к процессуальным нормам. Вначале он отсидел три года в посёлке Табага в Якутии. С первых же дней ему дали понять, что назад путь закрыт. Среди многих вариантов продолжения расправы - таких как новое «уголовное дело», понуждение к «помилованию» и т.п. - был избран самый изощрённый. За три дня до окончания срока заключения в наручниках Османов был доставлен в Благовещенскую спецлечебницу КГБ. Почти два года ему пришлось провести в Благовещенске. Потом - этап освобождения - вольная больница в Фергане.

С сентября 1987 года он на свободе, вернулся на свою прежнюю работу и снова активно включился в Национальное движение. Он находится в гуще событий во время погромов турок-месхетинцев в 1988 году. Именно при его активном участии и инициативе был предотвращён готовившийся погром крымских татар.

В 1989 году Ю. Османов активно работал в комиссии Верховного Совета СССР по проблемам крымско-татарского народа. Им был разработан проект «Декларации о преступности и противоправности государственных актов против народов, оказавшихся жертвой насильственного выселения», который лёг в основу принятой Верховным Советом СССР 14 ноября 1989 года Декларации «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». Он разработал проект документа комиссии Совета Национальностей ВС СССР и инициировал принятие судьбоносного, адекватно соответствующего Наказу крымско-татарского народа, нормативно-правового акта восстановления равноправия крымско-татарского народа Верховным Советом СССР – **«Выводов и предложений комиссии по проблемам крымско-татарского народа», утверждённых Постановлением № 845-1 ВС СССР от 28.11. 1989 г.**

В октябре 1990 года Ю. Османов назначается исполняющим обязанности председателя комитета по делам депортированных народов Крымского облисполкома. В этот период он встречается со многими высокопоставленными руководителями государства, республик Средней Азии. Личные контакты Османова с людьми, имевшими непосредственное влияние на решение проблемы, способствовали созданию основных Союзных документов по скорейшему организованному возвращению крымских татар в Крым. Большую роль в создании этих документов сыграло выступление Османова на IV Съезде народных депутатов СССР. Были достигнуты договоренности с руководителями республик Средней Азии о помощи этих республик в возвращении и обустройстве крымских татар в Крыму. Под его руководством была разработана структура Комитета и Положение. С целью торпедирования работы Комитета власти организуют кампанию противодействия ему руками подконтрольных им крымскотатарских структур ОКНД и пр. Возглавляя Комитет, Ю. Османов не пошёл на поводу у гиренок, багровых, балагур и т.п. за что стал неугоден властям.

Его непокорность и принципиальность особо раздражали крымское начальство. Всё это привело к тому, что 18 марта 1991 года Ю. Османов был освобождён от должности председателя Комитета. Основной состав Комитета, активисты НДКТ: Абдураимов В., Баев Г., Номанова А. и др. - коллективно подали в отставку. Уйдя из Комитета, они сохранили своё честное имя. Они не стали соучастниками разбазаривания выделяемых государством средств, которое планировалось властями, прикрываясь их именами. Осенью 1991 года он основал газету - информационный вестник Национального движения крымских татар «Арекет», редактором которого он был до последних дней своей жизни.

Только в 1992 году он смог перевезти свою семью (жену Айше и дочь Мерьем) из Узбекистана в Крым. Поселились они на квартире, так как в отличие от иных «отцов или сынов» крымских татар, не обзавёлся ни машиной, ни собственным домом. На личные дела у него никогда не хватало времени.

В 1993 году Ю.Б. Османов приглашается на работу деканом факультета востоковедения Международного Таврического эколого-политологического университета, где проработал до своей трагической гибели.

Неоценима его роль в Национальном движении крымских татар. Он был истинным признанным общенациональным лидером.

Практически все материалы 49^{-й}–52^{-й} общенациональных встреч НДКТ были написаны Османовым. Им же были написаны такие основополагающие документы, как проект-концепция Конституции Крымской АССР, проект Закона Украины о восстановлении национальной целостности, прав и состояний крымскотатарского народа (нации), Концепция национальной политики, прав и отношений в Крыму.

Юрием Османовым написано много замечательных стихотворений, поэм. Его труды ждут своих исследователей.

Сколько полезного и доброго мог он совершить. Но «на исходе года убийством завершилась охота». 6 ноября 1993 года Юрий Османов был убит.

ИСМАИЛ ГАСПРАЛЫ /ГАСПРИНСКИЙ/

Исмаил Гаспринский родился 8 (21) марта 1851 года в деревне Авджиной близ Бахчисарая в семье офицера русской службы Мустафы Али оглу Гаспринского и его жены Фатиме-Султан Темир Гази кызы (девичья фамилия Кантакузова).

19.04. 1854 г. семью утвердили в дворянском достоинстве. Учился И. Гаспринский в сельской мусульманской школе-мектебе, затем в «Зынджирлы медресе», в Симферопольской казённой мужской гимназии. Продолжил учёбу в Воронежском военном лицее и в Московской военной гимназии.

На него и Мустафу Давидовича, литовского татарина, обратил внимание преподаватель и директор гимназии известный панславянист, редактор газеты «Московские новости» Иван Катков, который еженедельно приглашал их к себе домой. Однако враждебность, которую проявил И. Катков к Турции во время восстания на острове Кипр в 1867 г., вызвала обратную реакцию этих двух юношей, и они в этом 1867 году вернулись в Бахчисарай. Здесь Гаспринский преподавал русский язык в «Зынджирлы медресе».

Из-за его острой критики традиционных методов образования он был безжалостно отвержен консервативно настроенными студентами и коллегами. Поэтому он оставил преподавание и, с целью улучшения своих знаний французского языка в 1871 году выехал в Париж через Вену. В Вене он познакомился со знаменитым учёным языковедом, этнографом, востоковедом Арминием Вамбери, который пророчил 20-летнему И. Гаспринскому будущность великого учёного.

Во время пребывания в Париже средства к жизни И. Гаспринский зарабатывал, работая переводчиком в рекламных агентствах. Он также работал секретарём у великого русского писателя Ивана Тургенева. В Париже И. Гаспринский стал писать корреспонденции для русских газет. Результаты своих наблюдений в Париже он позже опубликовал в работах «Русие ислямлыгы» («Русское мусульманство») 1881 г. и «Авропа медениетине бир назар мювазине» («Беспристрастный взгляд на европейскую цивилизацию») 1885 г.

С 1874 по 1875 год И. Гаспринский жил в Стамбуле, надеясь поступить в турецкий военный колледж, но русский посол Игнатъев, используя своё влияние, воспрепятствовал ему и потому он вернулся в Крым.

В период пребывания в Стамбуле он опубликовал неполитические статьи с описанием восточной жизни в нескольких русских газетах Санкт-Петербурга и Москвы.

В Крыму ознакомившись с деревенской жизнью своего народа он описал её в повести «Гюн догъды» («Солнце взошло») и опубликовал только в 1906 году. Здесь он был избран депутатом Бахчисарайской городской Думы, а с 13.02. 1879 по 05.03. 1884 г. – городским головой города Бахчисарая.

С 1879 г. И. Гаспринский предпринимал попытки создать собственное издательство газет на крымскотатарском языке «Файдалы эглендже» (1879-1890), «Закон» (1881).

С 10 апреля 1883 г. И. Гаспринскому разрешили издавать и редактировать первую крымскотатарско-русскую газету «Переводчик-Терджиман». Она долгое время была единственным тюркоязычным периодическим изданием в России, а с начала XX века старейшей мусульманской газетой в мире. Газета просуществовала 35 лет и была закрыта 23 февраля 1918 года.

Через «Терджиман» идеи Гаспринского распространялись в России, в Хивинском и Бухарском ханствах, в Персии, Китае, Турции, Египте, Болгарии, Франции, Швейцарии, США. Сам Гаспринский полагал, что газета более популярна среди иностранцев, нежели среди соотечественников. Материалами издания Гаспринского пользовалась печать исламских стран: «Игдам», «Саббах», «Гайрет», «Ватан», «Диккат», «Хизмет», «Агонк», «Заман», «Каир», «Нил», «Ахтер», «Нассури».

В 1886 году И. Гаспринский наладил издание рекламного приложения к газете «Переводчик-Терджиман» под названием «Листок объявлений».

С конца 1905 года он начал издавать первый крымскотатарский журнал для женщин «Алем-и-Нисван» («Женский мир»).

В 1906 году И. Гаспринский добился разрешения на издание первого юмористического журнала на родном языке под названием «Ха-ха-ха».

Позже он создал новый еженедельник – орган мусульманской фракции Государственной Думы Российской империи газету «Миллет» («Народ»).

Во всех этих мероприятиях Исмаилу Гаспринскому помогал Мустафа Давидович, его товарищ по Московской военной гимназии, который поселился в Бахчисарае и в течение 20 лет был головой Бахчисараея.

С именем Гаспринского связано основание и развитие просветительского движения народов исламского Востока «Джадидизм» (новый звуковой метод обучения) который радикально изменил суть и структуру начального образования во многих мусульманских странах, придав ему более светский характер. Им была написана и издана серия учебных пособий для национальных новометодных школ. Наиболее известным из них стал учебник «Ходжа-и-Субьян» («Учитель и ученик») составленный в 1887 году.

В 1905 году И. Гаспринский организует и проводит Всекрымские собрания мусульман. Для изложения требований народа в Петербург была направлена депутация во главе с И. Гаспринским. Школьный вопрос был обобщён в отдельном документе, составленном И. Гаспринским – «Записке уполномоченных крымских мусульман». В этом же 1905 году И. Гаспринский и его единомышленники создали мусульманскую либеральную организацию «Бунтунрусие иттифак-уль-муслимин» («Всероссийский союз мусульман»).

Он был членом ЦК и непосредственно возглавил Крымское отделение «Иттифак-уль-муслимин». И. Гаспринский был активным участником всех съездов «Иттифак-уль-муслимин».

Среди крымскотатарских единомышленников И. Гаспринского известны Исмаил и Али Муфтий-заде, Мустафа Кипчакский, Асан Сабри Айвазов, Абдураман Меметоглу, Асан Тарпи, Сулейман Крымтаев, Абдурешид Медиев, Рустам Ахундов, Ибраим Гурзуф, Али Булгаков, Аббас Корбек и другие.

Для объединения прогрессивных сил Востока на пути реформ и преобразований с целью созвать всемирный мусульманский конгресс в Египте, Исмаил Гаспринский едет в Каир вместе с Юсуфом Акчурой, Абдулой Таймазом. Издаёт в 1907-1908 г.г. газету «Аль-Нахда» («Возрождение») на арабском языке, в которой пропагандирует идеи и программу конгресса.

Исмаил Гаспринский стоял у истоков российского профсоюза полиграфских работников. Сотрудниками издательства И. Гаспринского в разное время были выдающиеся деятели крымскотатарской культуры: Осман Акчокраклы, Мемет Нузет, Якуб Шакир-Али, Усеин Шамиль Тохтаргазы, Абляким Ильми, Асан Сабри Айвазов, Сейт-Абдулла Озенбашлы и др.

Мировоззренческие принципы и взгляды И. Гаспринского по общественной значимости стоят в одном ряду с идеями выдающихся просветителей и философов Джамалетдина Аль-Афгани, Шагабутдина Марджани, Мухаммада Абдо, Гасанбека Меликова Зардаби, Махмудходжи Бехбуди и др.

Его учениками считали себя Садреддин Айни, Хамза Хакимзаде, Нариман Нариманов и десятки представителей нарождающейся интеллигенции на Востоке.

Обширно литературно-публицистическое наследие И. Гаспринского. Отметим роман «Дар-уль-Рахат» («Страна спокойствия») и «Сто лет спустя. 2000 год», а так же работу «Русско-восточное соглашение».

Гаспринский явился родоначальником многих литературных и публицистических жанров не только у крымских татар, но и у других тюркских народов. И. Гаспринский награждён орденами: бухарским «Золотой орден Восходящей звезды» (III степени); турецким «Медение» (IV степени); иранским «Лев и Солнце» (IV и III степени) и медалью Санкт-Петербургского русского Технического общества (бронзовая).

Исмаил Гаспринский умер в Бахчисарае 11 (24) сентября 1914 года и похоронен на территории «Зынджирлы медресе». Памятник ему установлен в Симферополе и Бахчисарае. Именем И. Гаспринского названы улицы, библиотеки и школа.

Информационная рабочая группа
Национального движения крымских татар (НДКТ)
Симферополь, февраль 2014 г.

О творчестве ИСМАИЛА ГАСПРИНСКОГО

Если народ забудет такого героя, он погубит свою жизнь

Жизнь и творчество Исмаил-бея Гаспринского – это один из феноменов мировой цивилизации. Великий просветитель Востока, при жизни получивший в передовой среде славу «дедушки тюркской нации», или по отзыву выдающегося деятеля советского Востока Наримана Нариманова – «великого главнокомандующего». И. Гаспринский был тесно связан с выдающимися представителями отечественной и зарубежной культуры, науки и политики – Л. Толстым, М. Горьким, И. Тургеневым и А. Вамбери, русской, египетской, персидской, польской, турецкой революционной эмиграцией. Его учениками считали себя С. Айни, Х. Хакимзаде, Н. Нариманов и десятки представителей нарождавшейся интеллигенции на восточных окраинах России, в основной массе репрессированных в годы культа личности.

И. Гаспринский реформировал архаическую мусульманскую школу. Только за первые 20 лет деятельности на этом поприще он открыл и реорганизовал более тысячи мектебов от Бахчисарая до Благовещенска. В дом-музее его имени ещё до Великой Отечественной войны посетители могли видеть экспонат – шар, сплочённый из тысячи драгоценных камней, на каждом из которых было выгравировано наименование очередной такой школы.

Приблизив программу школы к европейской (в этом И. Гаспринский следовал путём Ушинского, называя его «незабвенным учителем») и применив так называемый «звуковой метод обучения» (вместо чтения по буквам), разработал простой и понятный учебник «Ходжа-и-субьян» (Учитель и ученик), пользуясь которым мать могла учить ребёнка. Гаспринский добился того, что тот объём знаний, который в старометодных мектебах ученики осваивали за три-четыре года, в новых школах осваивался за полгода. Это была поистине школьная революция, обусловившая бурный прогресс в общественном сознании на национальных окраинах. «Новый метод» обучения – «усул-и-джадид» дал название и жизнь такому общественно-политическому течению, которое вошло в историю как джадидизм. Эта реформа вышла за границы России, проникла в Турцию, Персию и Китай. В 1910 году И. Гаспринский направляется в Индию. Обучив передовых учителей «новому методу» и дав толчок реформе в школе, он оставил исключительные по своей наблюдательности и глубине заметки о колониальном господстве в Индии: «Индия – жемчужина британской короны».

Тридцать один год И. Гаспринский был редактором – издателем первой независимой (и долгие годы – единственной) газеты на русском Востоке «Переводчик-Терджиман», которая читалась от Бахчисарая до Благовещенска и

Кульджи, в Китае, Турции. Отдельные абоненты получали газету в Лондоне, Женеве, Нью-Йорке. По случаю 20-летия газеты в 1903 году поступило более 200 телеграмм из ста адресов со всех концов России, западного Китая, Хивы, Персии, Болгарии, Египта, Женевы, Парижа и Нью-Йорка.

«Сердечно поздравляем Вас с 20-летием плодотворной деятельности в пользу родного народа, в целях его просвещения и сближения с великой русской народностью», - писали сохты Астраханского медресе.

«Хвала труженику, сеющему доброе семя на ниве народной, многие лета носителю просвещения и русской гражданственности», – писал известный деятель просвещения, видный исследователь Крыма Арсений Маркевич.

«Имя Ваше должно пользоваться справедливым уважением среди всех русских патриотов, к какому племени, какую бы веру не исповедовали, как имя талантливого истолкователя отношений русских православного закона к русским - закона мусульманского», – констатировал генерал А. Витмер, бывший профессор военной академии («Переводчик-Терджиман», 1903, №9).

Масштабна, чрезвычайно интересна и примечательна политическая деятельность И. Гаспринского, который как просветитель, бесспорно, стоит у истоков книжного дела, театра, литературной критики и многих других начинаний. Так в период первой русской революции он был организатором двух Крестьянских съездов Крыма, в которых приняло участие более 700 делегатов. Он организатор первого в России профсоюза печатников (1904 г. - Бахчисарай), активный деятель первых съездов партии «Иттифак» («Союз»).

С поражением революции политическая деятельность Гаспринского центром тяжести всё более смещается в международную сферу. Он предвидит неизбежность кардинального обновления России (это находит отражение в написанных им двух социально-утопических романах).

Сущность этой международной деятельности состояла в преодолении колониальной зависимости Востока от Запада. Основы этих представлений сложились у Гаспринского ещё в юности, когда он 20-летним юношей прибыл в Париж, где написал работу «Беспристрастный взгляд на европейскую цивилизацию» («Авропа медениетине бир назар мювазине»), сразу запрещённая к публикации в России. Так что даже в 1906 году он смог пропустить в «Терджимане» только полторы-две странички из этой работы.

В 1907 году у И. Гаспринского возникает мысль создать первый всемирный Мусульманский конгресс. С этой целью он едет в Каир, где основывает газету «Аль Надха» («Возрождение») для пропаганды идеи конгресса, устраивает пресс-конференцию, где излагает его программу. Она по сути дела представляла замысел Бандунгской конференции только в иной среде. Конкретно-исторические условия кануна I Мировой войны, происки апологетов колониализма не позволили создать конгресс. Не было удовлетворено представление французских учёных и педагогических кругов Индии о присуждении Гаспринскому Нобелевской премии Мира.

Обширно литературно-публицистическое наследие Гаспринского. Отметим помимо двух работ, роман «Дар уль Рахат» («Страна спокойствия») и роман «Сто лет спустя. 2000 год». Если первый роман наряду с блестящим очерком о европейской цивилизации даёт для условий Востока утопическую картину будущего государственного устройства в традиционной для русской разночинной демократии схеме крестьянской общины, то во втором романе государство будущего представляется Гаспринскому в формах, которые действительно напоминают современный уровень и проблематику в нашей стране. Две центральные работы Гаспринского символизируют смысл всей его деятельности и жизни. «Русское мусульманство» (Симферополь, 1881 г.) определяет замысел вывода восточных народов России из состояния ужасающего застоя и деградации, обращает страстный призыв к единению и равноправию народов нашего отечества.

«Я не пожертвовал бы ни одной капли чернил для этих заметок, если бы хоть на минуту сомневался в блестящем будущем моего отечества и живущего в нём мусульманства», - пишет в этой работе Гаспринский (с. 30).

Во второй работе «Русско-восточное соглашение», опубликованной в 1894 году, когда процесс возрождения царских окраин уже стал реальностью, Гаспринский намечает вторую часть своего замысла – возрождение всего Востока, поднимаемого примером «русского мусульманства» и опирающегося на союз с обновляющейся Россией.

Гаспринский никогда не терял веры в непреложность такого фарватера, несмотря на то, что действительность внесла сбой и заминки: *«Ну не фатальное ли это несчастье, тупым ножом режущего тёмного, но безвредного несчастного татарина»,* – восклицает он в связи с очередной волной вынужденной эмиграции – бегства крымских татар от царского гнёта. («Терджиман», 1903 г., № 50). Гаспринский снова и снова обращается к передовым силам России:

«... С тех пор, как могучий голос России наводит трепет на всю Среднюю Азию, с тех пор, как мы объявили свою азиатскую миссию цивилизаторской, то если не вся, то огромная доля всякой ответственности должна быть перенесена из глиняной Бухары в глиняный Ташкент (т.е. в резиденцию генерал-губернатора – Ю.О.) и блестящий Петербург... согласитесь великодушно, что за сорок лет дружбы и покровительства цивилизованного царства – одна жалкая начальная школа в Бухаре, две или три аптеки с амбулаториями во всей стране очень и очень немного... Так позвольте мне поставить вопрос – куда мы ведём Бухару? Позвольте мне, наконец, питать надежду, что просвещённое общественное мнение русского народа в недалёком будущем обратит внимание и на русский Восток» («Терджиман», 1909 г., № 29, «Куда мы ведём Бухару?»).

Несомненно, читатель с огромным наслаждением и интересом прочитает эти две выдающиеся работы. Творчество Гаспринского, разделившее судьбу наследия Соловьёва и Ключевского, Чайнова и Вавилова возвращается людям.

Гаспринскому посвящена обширная библиография. Однако хронологически она разделяется неравномерно. Пик её приходится, пожалуй, на дореволюционные годы. Затем в нашей стране его имя предаётся анафеме, а потом заговору молчания. Этот парадокс объясняется попыткой определённых сил отвергнуть революционную стратегию на Востоке, определённую в таких документах как «Декларация СНК к народам Востока». Сказалась и та политика, которая была принята в отношении крымскотатарского народа в 1944 году. В соответствии с ней о народе, оклеветанном в измене, паразитизме и прочих пороках, не должно было показываться ничего, что подрывало бы эти инсинуации.

Вместе с тем и в эти годы появлялись отдельные подлинные научные исследования, где приоткрывалась завеса лжи. Например, глубокая работа Бендрикова К.Е. «Очерки по истории народного образования в Туркестане» (1960 г.). Вопрос о пересмотре очернительского, фальсифицированного подхода к наследию Гаспринского был поднят национальной интеллигенцией с 1965 года, когда на правах рукописи появилось несколько обзорных очерков, результаты исследований которых положены в основание настоящего предисловия.

Следует упомянуть публикацию Л.И. Климовича в «Звезде Востока» (1989 г.). Она интересна тем элементом покаяния, с которым первый робкий шаг сказать правдивые оценки сделал один из застрельщиков страшной кампании шельмования и очернительства.

Настоящее предисловие хотелось завершить строками одной из передовиц «Переводчика-Терджимана» (1905 г., № 29):

«... Длинный ряд веков жизнь и культура русского и тюркского народов взаимодействуют... несмотря на грубые и неуместные затеи... слава Богу, добрые отношения народов не поколеблены... и это совершенно понятно, ибо оба богатыря из века в век преследовались одной и той же гидрой о трёх головах в виде тягот, неправды и невежества. Так было в прошлом. А в будущем эти народы пойдут, ибо должны идти, рука об руку, чтобы обрести одинаково нужные им свет, правду и сносную жизнь».

Османов Ю.Б.
11 декабря 1990 г.,
Симферополь

ОДИНАКОВО НУЖНАЯ ВСЕМ ПРАВДА

К 140-летию со дня рождения И. Гаспринского

Жизнь и творчество Исмаил бея Гаспринского – один из феноменов мировой цивилизации. Великий просветитель, при жизни получивший в передовой среде славу «дедушки тюркской нации», которого выдающийся деятель Востока Нариман Нариманов именовал «великим главнокомандующим».

И. Гаспринский был тесно связан с выдающимися представителями отечественной и зарубежной культуры, науки и политики – Л. Толстым, М. Горьким, И. Тургеневым, А. Вамбери, русской, египетской, персидской, польской, турецкой революционной эмиграцией. Его учениками считали себя С. Айни, Х. Хакимзаде, Н. Нариманов и десятки представителей нарождавшейся интеллигенции на восточных окраинах России, в основной массе репрессированных в годы культа личности.

Гаспринский реформировал архаичную мусульманскую школу. Только за первые 20 лет деятельности на этом поприще он открыл и реорганизовал более тысячи мектебов от Бахчисарая до Благовещенска. В доме-музее его имени ещё до Великой Отечественной войны посетители могли видеть экспонат-шар, составленный из тысячи драгоценных камней, на каждом из которых выгравировано наименование очередной такой школы.

Приблизив программу школы к европейской (в этом Гаспринский следовал путём Ушинского, называя его «незабвенным учителем»), он применил так называемый «звуковой метод обучения» вместо чтения по буквам, разработал простой и понятный учебник «Ходжа-и-субьян» («Учитель и ученик»), пользуясь которым любая мать могла учить ребёнка. Этим Гаспринский добился того, что ученики могли за полгода освоить трёх-четырёхгодичную программу.

Реформа вышла за границы России, проникла в Турцию, Персию и Китай. В 1910 году Исмаил Гаспринский отправляется в Индию. Обучив группу передовых учителей и дав толчок реформе в школе, он оставил исключительные по своей наблюдательности и глубине оценок заметки о колониальном господстве в Индии.

Более тридцати лет Гаспринский был редактором - издателем первой независимой и долгие годы единственной газеты на русском Востоке «Переводчик-Терджиман», которая читалась от Бахчисарая до Благовещенска и Кульджи, в Китае, Турции. Отдельные абоненты получали её в Лондоне, Женеве и Нью-Йорке.

Чрезвычайно интересна политическая деятельность Исмаила Гаспринского. Во время первой русской революции он был организатором двух крестьянских съездов Крыма, в которых приняло участие более 700 делегатов, организовал первый в России профсоюз печатников. (Бахчисарай, 1904 г.).

С поражением революции политическая деятельность нашего земляка всё более смещается в международную сферу. Он предвидит неизбежность кардинального обновления России, что находит отражение в созданных им двух социально-утопических романах. Сущность Международной деятельности Гаспринского состояла в преодолении колониальной зависимости Востока от Запада. Основы этих представлений сложились у него ещё тогда, когда он 20-летним юношей написал в Париже работу «Беспристрастный взгляд на европейскую цивилизацию» («Авропа медениетине бир назар мювазине»), сразу запрещённую в России, так что даже в 1906 году он смог напечатать из неё в «Терджимане» всего полторы странички.

В 1907 году возникает мысль создать первый всемирный мусульманский конгресс, и Гаспринский с этой целью едет в Каир, основывает газету «Аль Нахда» («Возрождение») для пропаганды идей конгресса, устраивает пресс-конференцию, на которой излагает его программу. По сути это был замысел Бандунгской конференции, только в иной среде. К сожалению, так и не было удовлетворено представление французских учёных и педагогических кругов Индии о присуждении Исмаилу Гаспринскому Нобелевской премии Мира.

Обширно литературно-публицистическое наследие Гаспринского. Отметим романы «Дар уль Рахат» («Страна спокойствия») и «Сто лет спустя. 2000 год». Если первый наряду с блестящим очерком европейской цивилизации даёт для условий Востока утопическую картину государственного устройства в традиционной для русской разnochинной демократии схеме крестьянской общины, то во втором романе государство будущего представляется в формах, которые действительно напоминают современный уровень и проблематику в нашей стране. Две центральные работы Гаспринского раскрывают смысл всей его деятельности и жизни. «Русское мусульманство» (Симферополь, 1881г.) определяет замысел вывода восточных народов России из состояния ужасающего застоя и деградации, обращает страстный призыв к единению и равноправию народов нашего Отечества.

«Я не пожертвовал бы ни одной капли чернил для этих заметок, – пишет в этой работе И. Гаспринский, – если бы хоть на минуту сомневался в блестящем будущем моего Отечества и живущего в нём мусульманства».

Во второй работе «Русско-восточное соглашение», опубликованной в 1894 году, когда процесс возрождения окраин уже стал реальностью, Гаспринский намечает вторую часть своего замысла: возрождение всего Востока, поднимаемого примером русского мусульманства и опирающегося на союз с обновлённой Россией.

Гаспринский никогда не терял веры в непреложность такого пути, несмотря на то, что действительность вносила сбои и заминки: «Ну не фатальное ли это несчастье, тупым ножом режущее тёмного, но безвредного, глубоко несчастного татарина», – восклицает он в связи с очередной волной вынужденной эмиграции крымских татар от царского гнёта. Снова и снова обращается он к передовым силам России: «... с тех пор, как могучий голос России наводит трепет на всю Среднюю Азию, с тех пор, как мы объявили свою

азиатскую миссию цивилизаторской, то если не вся, то огромная доля всякой ответственности должна быть перенесена из глиняной Бухары в глиняный Ташкент (имеется в виду резиденция генерал-губернатора – Ю.О.) и блестящий Петербург. Согласитесь великодушно, что за 40 лет дружбы и покровительства цивилизованного царства одна жалкая начальная школа в Бухаре, две или три аптеки с амбулаториями во всей стране – очень и очень немного... Так позвольте мне поставить вопрос – куда мы ведём Бухару? Позвольте мне, наконец, питать надежду, что просвещённое общественное мнение русского народа в недалеком будущем обратит своё гуманное внимание и на русский Восток».

Творчество Исмаила Гаспринского разделило судьбу наследия Соловьёва и Ключевского, Чаянова и Вавилова, но сегодня оно возвращено людям.

Гаспринскому посвящена обширная библиография, однако хронологически она распределяется крайне неравномерно. Пик её приходится, пожалуй, на дореволюционные годы. Затем в нашей стране имя его предаётся анафеме, а потом длительному заговору молчания. Сказалась и та политика, что была принята в отношении крымскотатарского народа в 1944 году.

Но и в эти годы появлялись отдельные подлинно научные, объективные исследования. Прежде всего, это работа К.Е. Бендрикова «Очерки об истории образования в Туркестане» (1960 год). Вопрос о пересмотре фальсифицированного подхода к наследию Исмаила Гаспринского был поднят национальной интеллигенцией в 1965 году, когда на правах рукописи появилось несколько обзорных очерков, результаты исследований которых и легли в основу настоящей статьи. Здесь следует упомянуть публикацию Л.И. Климовича в «Звезде Востока» (Ташкент, 1989 г.). Она интересна элементом покаяния, с которым первый робкий шаг к восстановлению правдивой оценки творчества и деятельности Исмаила Гаспринского сделал один из застрельщиков кампании предыдущего очернительства.

Этот рассказ о нашем знаменитом земляке я хочу завершить строками одной из передовиц, написанных им для «Переводчика-Терджимана» (1905 г., № 29):

«...длинный ряд веков жизнь и культура русского и тюркского народов взаимодействуют..., несмотря на грубые и неуместные затеи. Слава Богу, добрые отношения народов не поколеблены..., и это совершенно понятно, ибо оба богатыря из века в век преследовались одной и той же гидрой о трёх головах в виде тягот, неправды и невежества. Так было в прошлом. А в будущем эти народы пойдут, ибо должны идти рука об руку, чтобы обрести одинаково нужные им всем, правду и сносную жизнь».

Симферополь,
8 марта 1991 г.

под эгидой ЮНЕСКО научная конференция на тему:
«Исмаил Гаспринский – выдающийся мыслитель и гуманист».

ИЗ ПЛЕНА ЛЖИ

К 110-летию выхода первого номера «Терджимана»

О Гаспринском я услышал впервые ещё от своего отца в 50-х годах. Он был близок с Асан Сабри Айвазовым – последним редактором «Терджимана». Поэтому я уже имел некоторое представление, конечно, самое общее, об этом удивительном феномене. И конечно, я тогда не предполагал, что мне доведётся непосредственно соприкоснуться с ним.

Дело было в конце января 1964 года. Возвращаясь с курорта, отец, как всегда, остановился на несколько дней в Москве, где я учился в МВТУ и встретился с тогдашней интеллигенцией. Помню одну такую встречу. Вечером, за час до отхода поезда, которым отъезжал отец, на вокзале появился старик. Это был сотрудник библиотеки в почвенном институте, филолог Басыр Гафарович Гафаров. Отец изложил ему соображения встречи представителей Национального движения, состоявшейся в конце декабря. Встреча считала, что режим Хрущёва в ближайшие полгода падёт и в этой связи необходимо впервые выйти с кардинальным проблемным общенациональным документом для того, чтобы со всей непреложностью поставить национальный вопрос крымских татар на повестку дня непосредственной работы партийно-государственной системы. Конкретной задачей беседы с Басыром Гафаровичем было довести мнение встречи о характере будущего документа и просьба оказать помощь с историографическими материалами. Басыр агъа горячо отреагировал и действительно четыре-пять извлечений из источников (С. Елпатьевского, А. Маркевича, Хартахая и Кондараки) он сделал. Обычно я звонил ему и, если был готов материал, мы встречались, и я переправлял материал в Узбекистан. Сам я тоже записался в библиотеку им. Ленина и окупился в незнакомый мне мир истории.

При встречах Басыр Гафарович столь часто восторженно упоминал имя Гаспринского, что я, заинтригованный, запросил в библиографическом отделе «Терджиман». Мне систематически около двух месяцев отказывали под предлогом «нет сведений» или «отсутствует в фондах». Но потом внезапно, как ни в чем не бывало, я получил и взял нетерпеливыми руками и первую подшивку «Переводчика» и знаменитый «Иджрет» А. Озенбашлы.

Примерно в течение года каждый день с пяти вечера до одиннадцати, когда библиотека закрывалась, я читал и делал обширные выписки из этой сокровищницы нашей народной мысли и жизни. Суставы на пальцах правой руки опухли и воспалились. Эти материалы мы периодически обсуждали. Как-то Басыр Гафарович встретил в центре Люциана Ипполитовича Климо-

вича: «Надо реабилитировать Гаспринского», – сказал он. «Давайте, начинайте», – насмешливо отозвался Люциан Ипполитович. «Кстати, это уже начато, познакомьтесь с диссертацией Р. Нафигова из Казанского университета. Он там всё очень хорошо сказал».

Надо напомнить, что Л. Климович, один из ведущих советских востоковедов действительно глубоко знал наследие Гаспринского и всю силу своего знания и научной энергии направил на тягчайшее поношение и извращение смысла и содержания политической, просветительской деятельности и мировоззрения Исмаила Гаспринского. Ближайшее знакомство с подлинниками и с тем, что писал Л. Климович (я тогда уже проработал его «труды» на этот счёт), однозначно свидетельствовали о настоящем преступлении учёного и человека. Но его слова «Давайте, начинайте», создавали впечатление, что времена меняются.

Уже на следующий день докторская диссертация Рафика Измаиловича Нафигова, – точнее, толстенная книга, написанная по материалам диссертации, лежала передо мной. Две или три странички этого труда были посвящены цитатам с самой отборной клеветой и шельмованием Гаспринского. От себя Рафик Измаилович помянул только серию статей Исмаил бека «Мезхебе иштиракийюн» («Социалистическое учение»), оценив их как «звериную ненависть к Москве!» Было ясно, что Нафигов сам Гаспринского не читал, а что Л. Климович просто посмеялся и поиздевался над предложением, не придав к тому же ему серьёзного значения.

Ярости Басыр агъа не было предела. «У, сволочь!» – адресовал он обоим. Меня поразила пустота, бесцветность и банальность докторской работы. Все-таки реалии 1965 года много отличалась от тех, что были даже десятилетием ранее. И поэтому низкопробная и безграмотная ложь диссертации периода «оттепели» возмущала больше, нежели квалифицированная и циничная провозакация сталинского периода.

К этому моменту основная часть наследия Гаспринского, содержащаяся в «Терджимане» на русском языке, мною была проработана. Так же, как основная часть шельмующей его литературы. Поэтому мы решили начать реабилитацию творчества И. Гаспринского с удара по диссертации Р. Нафигова. Это было удобно, так как, во-первых, незадачливый профессор собрал все жупелы фальсификаторов, весь имперский арсенал. А с другой стороны бить можно было, не боясь и со всей силой, – хозяева не станут прямо на защиту грубо сработанного заказа и оскандалившегося холопа.

Примерно через месяц очерк-отповедь был готов. Писал его я, затем в рукописи прочёл Басыру Гафаровичу. Юношеский максимализм и задор, с каким был написан очерк, с лихвой компенсировали явный непрофессионализм

этого первого, столь серьёзного по задачам произведения. Но и сегодня, почти тридцать лет спустя, можно сказать, что главные акценты там были составлены верно. Басыр Гафарович принял очерк с энтузиазмом. Однако я наново его переделал и затем, за нашими двумя подписями мы направили пять экземпляров закладки в ЦК КПСС, Институт истории АН СССР, журнал «История СССР», в Казанский Госуниверситет и в АН Грузии.

Ещё до получения официального ответа Рефик Музаффаров, тогда молодой кандидат наук, сообщил нам комичный случай. Какой-то историк из Якутии, приехавший в Москву, с ужасом сказал ему: «Какие-то два крымских татарина осмелились написать о Гаспринском». Из Грузии учёный секретарь АН Авалиани вежливо сообщил, что у них нет специалистов, занимающихся проблемами, затронутыми нами.

Вскоре пришёл ответ из института истории АН СССР. Профессор, доктор исторических наук А. Н. Смирнов, автор «Истории СССР с древнейших времён до наших дней» по поручению ЦК КПСС сдержанно, но категорично отверг наши постановки. В целом его ответ был столь же реакционен, как и два листочка из диссертации доктора. Но это был уже совсем иной уровень и продолжить полемику представляло большой интерес и смысл. Это подтвердил и вызов нас в редакцию журнала «История СССР», его зам.редактора Шелобским. Он был несколько озадачен нашим ответом, что нас не интересует ни Нафигов, ни его диссертация. «Значит, дело серьёзней», – задумчиво сказал он и выразил мысль, что журнал не хотел бы воевать с профессором из Казани, дабы избежать обвинения в столичном диктате. Но предложил нам изложить свои соображения на всесоюзной конференции по джадидизму, которая должна вскоре состояться: «Я думаю, мы Вам дадим слово».

Однако конференцию просто-напросто отменили. Тем временем, ободрённый началом и уже набравшись опыта в первом очерке, я составил ответ на заключение проф. Смирнова. Ответ развернулся в ещё более крупный очерк, для которого было привлечено много нового материала. Была одна сложность. Н. Смирнов отметил действительный промах – нами не был освещён период после 1905 года, то есть и деятельность Гаспринского в рамках партии «Иттифак» (что нас меньше беспокоило), и концепция Гаспринского относительно «Социалистического учения». И дело не только в том, что детально с этой фундаментальной работой тогда нам не удалось ещё ознакомиться. Мы не считали её главной для Гаспринского, умершего в 1914 году. Тогда мы и сами не смогли бы составить предметного суждения на сей предмет, и оказались бы втянутыми в полемику, которая бы нас увела в сторону от Гаспринского и нашей задачи. Это я учёл при составлении ответа. Но вот незадача: если раньше мы с Басыр агъа встречались по два-три раза на неде-

лю, то здесь почему-то месяца полтора я не мог заставить его по телефону ни дома, ни на работе, – отвечали что его нет. А когда удалось, он решительно отверг идею отвечать Смирнову новой работой. Или не отвечать, или ответить в трёх строчках. Мне удалось лишь сговориться ответить. Решили, что каждый из нас напишет вариант ответа и затем, приемлемый, мы вместе подпишем. Я первый послал Басыру Гафаровичу свой вариант почтой (он сослался, что не может встретиться или принять меня дома). Я был сильно обескуражен его возражением против большого очерка, так как по содержанию он не имел возражений. Тогда Басыр агъа подавленным голосом сказал, что его вызывали в Московский обком партии и сказали, что он «болен старой болезнью, которая называется национализм».

Вскоре от Басыр агъа пришло письмо. В нём лежал перечёркнутый мой вариант и подписанный им его вариант ответа. Вариант мне показался тогда не просто слабым, но покаянным на обвинение, прозвучавшее в «партийном доме».

Все мы, участвовавшие тогда в Национальном движении, были почти уверены, что окажемся жертвой репрессий (я имею в виду наше юное тогда поколение), впрочем, воспринимая это с изрядной долей романтизма. Но наша молодость не мешала уже тогда понимать, что идти на судилище мы должны не как курбанский ягнёнок, не на жертву, а дать бой. Поэтому ответить в таком варианте для меня означало бы открыть спину для удара и либо сразу оказаться в числе подсудимых на первом же процессе и сразу же получить предложение от соответствующих инстанций сделать и следующий шаг «для смягчения своей участи». Этот совершенно прагматический политический расчёт, а не юношеский максимализм побудил меня к письму Басыр агъа о том, что ни вместе и никому из нас в отдельности такое письмо писать или подписывать нельзя. Но запал энергии у моего коллеги пропал и, ему ничего не оставалось, как обидеться.

Мне же тоже ничего не оставалось делать, как, привлекая собранный ранее богатый материал, вложить его в серию очерков-исследований, раскрывающих разные стороны мировоззрения и политической деятельности И. Гаспринского. В конце концов, меня пригласили в Серпуховский горком партии и передали точку зрения «соответствующего отдела ЦК КПСС», что нет каких-либо политических препятствий для обсуждения проблемы Гаспринского на страницах научных журналов. Это было уже в мае 1967 года. Летом профессор М. Вахабов, из Ташкента, ознакомившись с очерками, счёл не только возможной, но и необходимой их публикацию. Он не стал скрывать, что даже простая публикация этих материалов сразу позволит реабилитировать де-факто «от 15 до 18 репрессированных и ошельмованных представи-

ИСМАИЛ ГАСПРИНСКИЙ

Критические заметки

по поводу статьи Батыева С.Г. «*Татарский джадидизм и его эволюция*» (журнал «История СССР», № 3, 1964 г.)

и книги Нафигова Р.И. «Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли» (1895-1917 гг.), (Казань, 1964 г.).

Москва 1965 г.

РЕМАРКА

«Исмаил Гаспринский» – краткий очерк творчества, написанный в октябре 1965 г. Османовым Ю.Б. и Гафаровым Б.Г. в форме критических заметок, подвергнут мною незначительной стилистической редакции (особенно вопрос об ошибочных взглядах Гаспринского). Характер очерка, как дающего постановку вопроса, трактовка его положений и композиция, остались неизменными, ибо переработка очерка в целом, во-первых, не может производиться одним автором, а во-вторых, в ней нет необходимости.

Ю. Османов

Данный очерк не ставит целью анализировать джадидизм и работу Т. Батыева в целом, тем более в нём нет места оценке книги т. Нафигова как таковой. Особенностью данных работ, особо акцентированной их частью, является оценка, данная их авторами.

Исмаилу Гаспринскому

– просветителю, педагогу, публицисту, организатору печатного дела русских мусульман, создателю основ крымскотатарского литературного языка, пропагандисту дружбы народов, пропагандисту русского духа, русского народного характера среди народов Востока, посвящается.

Творчество Гаспринского – это тема для работы целого коллектива исследователей. Поэтому здесь мы остановимся лишь на вопросе о ключевых позициях, из которых, на наш взгляд, следует исходить для правильного понимания и оценки творчества Гаспринского, а также попытаемся дать общую оценку его творчеству.

При оценке того или иного явления, роли той или иной личности в истории следует исходить из многогранности, а иногда и противоречивости явления или личности.

Человечество слишком дорого платит за свой прогресс, чтобы без самого тщательного анализа списывать на свалку истории ту или иную личность, течение, философскую систему.

Не случайно враги прогресса с радостью хватаются за ошибки в развитии передового. Используя отсталые, ошибочные взгляды или неточно выраженные мысли (а чаще просто искажая их смысл) того или иного философа, общественного деятеля, враги пользуются их именем для своих грязных целей, замалчивая, загущивая, искажая рациональное в их взглядах, пытаются выставить как своего сторонника или даже идеолога.

Примеры были. Сколько раз враги поднимали вой о «перерождении» советского государства, как только вскрывались те или иные недостатки? Сколько раз искажали смысл наших лозунгов. Сколько восторгов вызвал НЭП. Кто и как только не пытался интерпретировать идею мирного сосуществования? Как клеветали и чернили освободительную миссию Советской Армии в Отечественной войне? Разве не пытались фашисты действия отдельных отщепенцев представлять как действия народов, а этих отщепенцев выдавать за представителей народа?

Имеем ли мы право закрывать глаза на этот факт? Имеем ли мы право отдавать врагам то, что принадлежит нам? Разве трагические примеры недавнего прошлого не служат нам уроком? И, наконец, разве уже похоронены идеи XX-XXII съездов?

Для того, чтобы правильно оценить роль Гаспринского, необходимо проанализировать ту обстановку и окружение, в которых ему пришлось начать свою деятельность и работать.

Гаспринский – это целая эпоха в развитии образованности, общественно-го самосознания политической и духовной жизни русского мусульманства. Его газета – «Переводчик», как зеркало, отражала жизнь национальных «окраин», – их страстное стремление к знаниям, свету, стремление выбиться из отсталости экономической и культурной – стремление глубоко революционное по своей сущности.

Поэтому, при описании обстановки, в которой развернул свою деятельность Гаспринский, мы часто будем обращаться к его работам.

Гаспринский был «инородцем». Инородцами были весь мусульманский мир России, народы Севера, Прибалтики и Сибири. (Мы не боимся термина «мусульманский мир», удобно заменяющий длинный перечень народов, подходящих под это определение). Чтобы облегчить задачу превращения национальных окраин в свои сырьевые придатки и рынки сбыта, чтобы безнаказанно грабить их земельные, лесные богатства и природные ресурсы, инородцев России держали в невежестве, бесправии, в незнании русского языка

и российских законов, закрыв им путь к знаниям, прогрессу и передовой общественной мысли России.

Каковы были результаты жесточайшего национального гнёта, этой политики «обрусения и ассимиляции», политики форсированной русификации «иногородцев»?

«Там, где можно было, мы бросали свои пепелища, святыни, родину и уходили бог весть куда (крымцы, кавказцы, бессарабы), а где уйти было некуда, мы уходили в свой тесный мирок, отдаваясь ему всецело и не желая знать и ведать ничего, что не касалось близко нашего мирка и его узких интересов (мусульмане внутренних губерний)». (И. Гаспринский. «Русское мусульманство», с. 7).

В работе «Русское мусульманство» (1881) Гаспринский, излагая чаяния многомиллионных трудящихся масс русских мусульман и определяя программу их борьбы за свои человеческие права, так характеризует состояние общественной мысли мусульман:

«При русском господстве пришли в некоторый упадок и те средства умственного развития татар, кои представлялись их письменностью и школами. Только полуразрушенные, полуразвалившиеся памятники старины с их надписями, кое-какие засаленные, запылённые книги свидетельствуют, что когда-то и татары могли писать и говорить красиво, умели задумываться, требующими мысли, понимали красоты Хафиза, человечность Шейх-Саади, смелый полёт мысли Ибн Сина и других арабских и персидских писателей и философов». («Р.М.», с. 9).

С беспощадной правдивостью показал Гаспринский русским мусульманам и русскому народу этот «мирок» мусульманина!

«Мусульманину почти безразлично, кто им повелевает, – он по своему закону обязан повиновением... Всё не своё его не интересует, всё, что не входит в круг его знаний, привычек и верований – ему чуждо и не нужно. Для всех случаев жизни, для всех вопросов ума и сердца он не нуждается в помощи опыта, критики и науки – всё это заменяет вечный Коран, с вечно неизменными ответами и указаниями на все вопросы жизни и смерти...». («Р.М.», с. 21-22).

Разоблачая царизм, его испытанные методы одурманивания сознания народов – религию, стравливание народов и разделение их национальными рамками, Гаспринский говорил, что не религиозный фанатизм, не особен-

ность умственного склада, не стремление быть под господством Турции объясняют эту отчуждённость мусульман.

Человек, стоящий высоко над временем, Гаспринский понимал и страстно пропагандировал, что волею истории русскому народу дано сплотить вокруг себя народы и приобщить их к своей культуре и науке, как великому народу, с передовой культурой и наукой и повести за собой эти народы.

Именно политика царизма была причиной этой «обособленности», отчуждённости мусульман:

«В силу существующих социально-общественных условий быта и жизни русские и мусульмане лишены возможности обмена мысли и идей». («Р.М.», с. 22).

Об исторической миссии русского народа Гаспринский, в частности, говорил:

«Провидение передало и передаёт под власть и покровительство России массу мусульман с богатейшими землями, делает Россию естественной посредницей между Европой и Азией, наукой и невежеством, движением и застоём». («Р.М.», с. 7).

Понятно, прозорливо, современно. Брошюра «Русское мусульманство» вышла в свет в 1881 году. Это не случайно. В ней Гаспринский сформировал свои взгляды, это боевая программа, которой он будет руководствоваться всю жизнь, этой работой он дал толчок, подготовил широкие народные массы к новому и необычному в их жизни – газете. Первая и единственная в течение двух десятилетий газета у русских мусульман – «Переводчик - Терджиман» появилась в 1883 г. В течение тридцати лет её бессменным редактором и издателем являлся Исмаил Гаспринский. В 1881 году он писал:

«Русские мусульмане не имеют ни науки, ни литературы, ни печати». («Р.М.», с. 32).

Отчётливо понимая основные принципы политики царизма, результатом которой был этот застой, Гаспринский, человек ясного ума широкого кругозора, безошибочно распознавал и разоблачал методы конкретного проведения этой политики:

«... для них (мусульман – О., Г.) открывались школы, но, как плохо и без изучения почвы насаженные растения, школы эти не давали плодов и с течением времени погибали бесследно». («Р.М.», с. 14).

«Увы, я был одним из наиболее ревностных учителей этих недавно народившихся школ, получил одобрение за свою деятельность, потеряв всякую надежду выучить говорить по-русски хоть одного татарина». («Р. М.», с.32).

Причина нежизненности русско-татарских школ объясняется целью, которую они преследовали. В программе министерства просвещения сказано, что цель этих школ:

«... обрусение и слияние всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, с русским народом» (см. БСЭ, т. 35 старого издания «Крымская АССР»).

Понятно, что под «обрусением» царизм понимал насильственное искоренение языка, культуры, обычаев инородцев. Именно эту цель преследовали система образования, суд и т.д. Посмотрим, как высмеивает Гаспринский эти бутафорские школы, всю систему просвещения:

«Мне может быть скажут, что они (татарские дети – О., Г.) могут учиться в русских школах и затем пользоваться русской литературой и печатью для своего развития. В отношении единиц это так, но если дело идёт о массах, то бессилие русских школ и науки, в обсуждаемом нами вопросе, мне кажется, очевидно и не допускают возражений. Мне могут сказать ещё, что для инородцев-мусульман открываются специальные русско-татарские народные школы, для обучения их русскому языку... Мы стоим перед роковым вопросом: выпустили ли в целое десятилетие крымскотатарские школы хоть одного татарчонка со свидетельством на знание русской речи?!» («Р.М.», с. 32).

Пред нами раскрывается ещё одна сторона таланта Гаспринского – педагога. Его драгоценные мысли о воспитании и образовании детей, о родном языке, о русском языке – это насущные вопросы сегодняшнего дня, это наша действительность, подчас уродливая и трагическая.

«Высшее образование в России невозможно без общегосударственного русского языка, но ничто не мешает для распространения элементарных знаний (народные школы, низшие ремесленные профессиональные школы) пользоваться татарским языком». («Р.М.», с. 34).

«Я решительно не понимаю, что может мешать введению татарского языка в школе. Разве русский язык и наука настолько слабы и не окрепли, что их нужно охранять насчёт других языков империи?» («Р.М.», с. 35).

Исходя из всего этого Гаспринский заключает:

«Итак, если мы находим, что обрусение тюркотатар России невозможно и, следовательно единение этим путём недостижимо, то что же остаётся? Остаётся возможность единения, сближения нравственного, на почве равенства, свободы, науки и образования». («Р.М.», с. 31).

«Словом, нравственное обрусение мусульман может совершиться путём подъёма их умственного уровня и знаний, а это может совершиться только путём признания за татарским языком прав гражданства в школе и литературе». («Р.М.», с. 32).

Страстный пропагандист дружбы народов России, мудрый учитель, Гаспринский смело вступил в бой с целым строем, против мощной системы, осуществляющей политику национальной дискриминации, политику стравливания народов. Гаспринский обращается к великому русскому народу протянуть руку дружбы своим младшим братьям, с горячим призывом к инородцам России примкнуть к русскому народу и идти вперёд дорогой прогресса.

«Дайте мусульманам возможность знать Россию, ее жизнь и законы, дайте им возможность приобретать познания, которые своей живительной струей освежили бы их затхлое мировоззрение, облегчите к ним доступ новых идей и принципов, – и вы увидите, как быстро оживёт, очеловечится и примкнёт к русской мысли и жизни дремлющая, апатичная мусульманская масса. Конечно, этого можно достигнуть не крутыми мерами, а прямым и доверчивым обращением к учебным средствам и языку самих мусульман». («Р.М.», с. 31).

«Света, света дайте нам, старшие братья, иначе мы задохнёмся...» («Р.М.», с. 35).

Пророчески звучали слова Гаспринского:

«Я не пожертвовал бы ни одной капли чернил для этих заметок, если бы на минуту сомневался в блестящем будущем моего отечества и живущего в нём мусульманства».

Эти слова слышали трудящийся Восток.

Гаспринский не был прожектёром-мечтателем. Царизм не намеревался дать «света и знаний» народам России. Значит, народы и их инородцы должны сами заняться проблемами своего образования.

Гаспринский разрабатывает новый метод обучения в национальных школах – звуковой и составляет новый учебник национальной грамоты. Он вводит этот метод в Бахчисарайском мектебе. Он разъезжает по России и за её пределами, разъясняет и пропагандирует его, открывает школы. Экономия времени, даваемая этим методом (сокращение срока обучения зависело от опыта педагога), позволила расширить круг изучаемых предметов, дать школьникам элементы знаний по математике, географии, истории, естествознанию. При этом школьники не просто заучивали Коран, не умея писать и читать, а выходили грамотными на родном языке. Чтобы чеховские герои не поставили нам здесь «запятую», уместно ещё раз вернуться к взглядам Гаспринского на язык.

Гаспринский говорил, что подняться до уровня современной цивилизации и идти вместе с русским народом дорогой прогресса, инородцы смогут только освоив русский язык. Но изучение русского языка не является самоцелью:

«Не языкознание развивает мозги, не научная подкладка воспитания, не русский язык вдохнёт жизнь в русское мусульманство, а наука, которая должна быть передана им наилегчайшим и действительным образом». («Р.М.», с. 38-39).

«Школа – орган умственного и нравственного воспитания. Служить чему другому она не может и не должна. Русская речь распространится по Руси не путём нескольких десятков жалких школ, а улучшением, облегчением сообщений, расширением способов труда и торговых промышленных сношений населяющих её народов. А для этого, прежде всего надо позволить и помогать писать, читать на родном языке, всякому русскому народу». («Р.М.», с. 36).

Реформа школьного дела, таким образом, проведённая Гаспринским, облегчила народным массам учёбу (а в мектебе учились все дети) освоению родной грамоты, а тем самым и русского языка и, была явлением своевременным, общественно-необходимым, сыграла огромную роль в деле пробуждения народных масс, их образованности, в деле приобщения их к культуре и общественной жизни русского народа в деле подготовки их к революции.

Как видим, задачи, которые Гаспринский поставил перед собой, были огромны, сложны, требовали колоссального ума, такта, знаний, титанической работы. Они были бы невыполнимы, если бы Гаспринский не сумел организовать и использовать как трибуну (сначала еженедельную) газету.

Каков результат этой педагогической, публицистической и общественной деятельности Гаспринского?

В юбилейный для газеты 1903 год в статье «20-летие издания» он так от-вечал на этот вопрос:

«Работая единолично, мы выпускали 965 номеров газеты в количестве 15 млн. листов по России и одного миллиона за границей, преимущественно в Турции.

Всё написанное нами для «Переводчика» занимает ленту в 1500 аршин длины... Какой же результат? Мы знаем, что на полях этой верстовой ленты отмечены нами следующие явления из жизни российских мусульман за истекшие 20 лет:

- 1. Пожертвовано до 3.000.000 руб. на благотворительное и учебное дело.*
- 2. Открыто и реформировано более 1.000 мектебов, в коих введён звуковой метод.*
- 3. Молодыми переводчиками и писателями изданы не менее 300 новых книжек литературного и научного характера.*
- 4. Учреждены 8 благотворительных обществ.*
- 5. Самое главное, повсеместно видны признаки умственного пробуждения наших мусульман». («Переводчик-Терджиман», 1903 г., № 8).*

Да, Гаспринский отметил самый важный результат своей работы. Ему удалось разбудить дремлющую мусульманскую массу, поднять её на борьбу за знания, за развитие. Его страстная пропаганда дружбы народов независимо от языка и религии приносила заметные плоды.

Итак, с именем Гаспринского связана революция пробуждения общественного самосознания татарских масс.

Следует ясно представлять, что не менее сильным и опасным противником, чем самодержавие, являлись клерикальные круги и дворянство. Несколько попыток Гаспринского начать издание альманахов, календарей успехом не увенчались. Ему приходилось преодолевать жесточайшее сопротивление мулл, ишанов, религиозных и невежественных людей распространению газеты, школ, обучению девочек, убеждать, что «светская печать безвредна», что «газета не пропагандирует против намаза», вести интенсивную полемику с противниками газеты, учения, прогресса. Гаспринский понимал, что выполнить историческую миссию – разбудить дремлющую, апатичную массу мусульман к активной общественной и культурной жизни, вести пропаганду знаний, труда, мира и дружбы, учить людей можно не одним, не эпизодическим архиреволюционными, архиправильными, архиблагородными жестами или всплесками, не сразу, а исподволь, постепенно и постоянно, улучшая и разнообразя методы.

«Если хотите, господа, добра народу, то начинайте с того, что доступно и выполнимо». («П-Т», 1904 г., № 39).

«Народ, – это организм живой, а не тесто, как вы, кажется, думаете, – с ним нужно бережно обращаться», – говорил Гаспринский.

Здравомыслящему человеку ясно, что Гаспринский неизбежно должен был стать в резкое противоречие с духовенством. В самом деле, каким кощунственным посягательством на догматы религии были заветы, с которыми он обращался к простому народу:

«Работа – обязанность человека. Прогресс – необходимость природы человека... Человек недолговечен, он нечто преходящее, но народ, человечество не умирает: оно будет, пока существует мир... Не должно сообщать свою работу с собственной краткой жизнью и потребностями, надо работать в пользу человечества, иначе оно будет падать, а без человечества немислимо человеческое существование отдельных людей ... нужны науки и знания – без всего этого труд человека сам по себе будет менее значителен, чем труд лошади или вола!» («П-Т», 1883 г., № 15, «Труд и Прогресс»).

Многих взвинтило краткое приветствие Гаспринского появившейся в Болгарии газете «Диккат» («Внимание»), двойнику «Переводчика», печатавшейся на болгарском и турецком языках:

«... Выражаем наши лучшие пожелания молодому «Вниманию» на пути проповеди просвещения и братского сближения мусульман и христиан Болгарского княжества». («П-Т», 1883 г.).

Гаспринский прекрасно видел противника. В полемике с «вечно непогрешимой» кастой духовства, у которой есть ответы на «все случаи жизни и смерти», он, блестяще владея арабским языком, являясь талантливым полемистом, обращая внимание на их противоречия, основываясь на Коран, он вёл диспут до победы, «оставаясь» «благочестивым мусульманином». Гаспринский успешно полемизировал с теми русскими и зарубежными исламоведами (он владел, как родным языком, всеми тюркскими языками, русским, арабским, английским, французским и немецким), утверждавшими, что ислам является основным тормозом развития мусульман, что сам характер их религии постулирует их экономическую, культурную и общественно-политическую отсталость. За этими теориями крылось оправдание политики дикой русификации и экономического порабощения народов Востока царизмом и западными державами, ограбление их в вопросах культуры, языка, оправдание их отсталости, это был по сути дела расизм, проводимый под видом

науки. И Гаспринский говорил, что даже самые реакционные течения и явления не могут свернуть всё общество с дороги прогресса. Он говорил, что глупо говорить о превосходстве одной религии над другой. Он приводил пример японцев и африканцев, которые, являясь язычниками, стоят на совершенно разных ступенях развития. Для Гаспринского в большей мере характерен материалистический подход к общественным явлениям:

«Я вообще не вижу достаточных оснований видеть в серьёзных государственных и народных движениях отвлечённые задачи без основательной реальной подкладки», – говорил он в своей знаменитой работе «Русско-восточное соглашение» (1896 г.).

Отвлекаясь на минуту в сторону, скажем, что эта работа и сейчас современна, злободневна, ценна и может быть даже более актуальна, чем при жизни Гаспринского:

«Уже одна тревога в Европе каждый раз, когда возникает слух о русско-турецком сближении и союзе, показывает, какое важное значение он мог бы иметь, но значение его ещё больше увеличится, если поставить вопрос шире и, не ограничиваясь Турцией, подумать о сближении и солидарности всего Востока с Россией.» («Р.-В.С.», с. 11).

«... Мы советуем им (странам Востока – О.,Г.) помнить про могучую Россию и прекрасный русский народ.» («Р.-В.С.», с. 19).

ВЫВОДЫ:

1. Ведя полемику с исламоведами, Гаспринский вёл борьбу с политикой «разделяй и властвуй», говорил народам Востока: проснитесь; нет никаких объективных непреодолимых причин для вашего бездействия, невежества, застоя, он указал им дорогу и союзника.
2. Полемизируя с духовенством, Гаспринский стремился устранить (насколько это было возможно) его влияние на народ, доказать народу необходимость борьбы за прогресс, за культуру, поднять его на эту борьбу.
3. Мечты и проекты Гаспринский воплощал в жизнь.
4. Борьба Гаспринского с политикой царизма, с татарским застоём и клерикализмом по своей сущности была глубоко прогрессивной, актуальной, революционной для своего времени.

Гаспринский был педагогом, человеком с большой буквы. Он учил детей, он дал им возможность получить пользу от учёбы, он дал им учебник. Он прославил благородный, тяжёлый труд учителя, он требовал внимания к нему:

«Нет ничего дешевле труда татарского учителя. Нет человека более забытого, как татарский учитель. Жаль», – писал «Переводчик» в 1883 г. Как и во всех случаях, Гаспринский не только выступил сам, но и организовал общественное мнение о том, что учителю надо помочь, что нужно выделить из нищенского бюджета семьи несколько копеек на это благородное дело, а будущее окупит эту жертву.

Гаспринский учил учителей. Со всех концов России и из-за границы приезжали к нему учителя за советом, сам он регулярно объезжал Восток вплоть до западного Китая. Он дал учителям новый метод. Когда этот метод укрепился, Гаспринский указал на новый этап в развитии школьного дела. В своём обращении «К учителям» он говорил, что они научились учить ребят письму и чтению. Нужно теперь научиться готовить их к самостоятельной работе, чтобы они *«... и по выпуску из мектеба могли бы путём чтения пополнить свои знания и заняться своим саморазвитием»*. («П-Т», 1904 г., № 19).

Как всегда, он учил, как это можно сделать. Он выступает инициатором организации «учительских курсов» и дальнейшего развития дела обучения:

«И русская и татарская школы требуют дальнейшего подъёма и развития... Идея об учреждении «учительских курсов» для дальнейшего развития мектебов уже назрела... Народ хочет, ищет знаний. Это добрый признак и без последствий не останется. Исмаил». («П-Т», 1904 г., № 71).

Для курсов нужны средства и время и развитие книжного дела: *«... и в особенности на русском языке, так много хороших книг по различным отраслям знаний, что учителя путём чтения могут поднять, широко развить своё самообразование... Без самостоятельности, одной рутинной и шаблоном далеко не пойдешь... Народ ищет в школе знаний, а не наружного лоска...»* («Учебный вопрос», «П-Т», 1904 г., № 72).

Драгоценные мудрые мысли Исмаил умел доносить до простого народа понятным, богатейшим литературным языком:

«Я вовсе не думаю, что школа – панацея от всех наших бед и зол, особенно я не думаю этого о народной школе. Бесчисленные школы имеются в Корее и Бухаре, и простой народ в этих странах, как и в Китае, почти поголовно грамотен. Плохая школа и глупая литература, пожалуй, составляют худшее из невежеств. Просвещает народ не какое-нибудь, а только высшее и притом общечеловеческое просвещение». («П-Т», 1904 г., № 66).

Терпеливо, постепенно, тактично, решительно и умело проводил он эти идеи. Он учил народ культуре духовной и культуре быта: *«Очевидно, что эпидемию родит и питает невежество. Сюда нужно направить и желчные строки, и энергичную борьбу».*

Он готовил народ к будущему, он учил народ:

«...каждый из нас по мере сил и понимания должен стремиться к обществу и участвовать в создании и разрешении вопросов общего блага, пользы и прогресса, памятуя, что без общества, без народа каждый из нас – нуль. Какие задачи предстоят нашему обществу? Прежде всего, просвещение и как путь к тому, изучение русского языка.

Далее улучшение и увеличение школ и мектебов, разработка родного языка, развитие литературы, книжности... К грядущему нужно скоро и энергично подготовиться, ибо иначе придется трудно». («Что нужно делать», «П-Т», 1904 г., № 96).

Трудно что-либо выбрать лучшее в его мыслях: каждое слово, каждое изречение продолжает, дополняет и обобщает прежде сказанное, является новым ценным откровением. Через свою газету «Переводчик» Исмаил нёс народу необходимые знания политики, экономики, политической географии, законов.

Мы уже говорили о серьёзности, такте и умении Гаспринского в деле воспитания. Говоря о проблемах образованности и общественной передовой мысли мусульман, он так писал:

«При появлении на свет «Переводчика» печать находилась в таком положении, что каждая, часто жалкая книжка 10-20 страниц из оберточной бумаги приветствовалась нами как знаменательное, отрадное явление. Мы систематически хвалили и книжку, и автора, и издателя, имея в виду ободрить, поощрить их, направить на развитие книжного, печатного дела. Разбирать недостатки едва, едва нарождающегося дела было непрактично, бесполезно, т.к. критическая оценка была бы не понята и вместо пользы могла отбить охоту у начинающих... Критика, бесполезная 20 лет назад, становится теперь необходимой. Это, тем более, что на «книжном базаре» оказался торговец, а в писательство врывается «барышник», замечается тенденция приравнять книжный товар к соленой рыбе или сушёной фрукте... Это наше предисловие». («П-Т», 1904 г., № 40).

Гаспринский беспощадно критикует татарскую интеллигенцию. В своей статье «Наша интеллигенция» («П-Т», 1904 г., № 32) Гаспринский, раскрыв

смысл этого слова исходя из глубокого, философского понимания разницы между формой и содержанием, пишет:

«История не знает такого оригинального «типа», каков наш интеллигент... Они никакого цвета не имеют. Они именно тем отличается от всех других интеллигентов, что цвета не имеют. Таким образом, мы имеем образованных татар, но не имеем татарской интеллигенции. Однако есть признаки, что она нарождается и животворная эволюция не так далека, как может казаться, смотря на всю эту бесцветную толпу».

«Надо работать!» – вот девиз Гаспринского. Трудом своим он давал пример. Он призывал к приобщению к русской культуре и давал её образцы. Вот строки из некролога Тургеневу (которому Гаспринский обязан владением богатым литературным русским языком):

«Истинная красота и правда – остаются и признаются таковыми на всей земле».

В статье, посвящённой 75-летию Толстого, он рассказывал народам Востока:

«Лев Николаевич всегда являлся в своих разнообразных произведениях глубоким и ясным умом, живо и художественно рассказывающим обыденные явления и исторические течения и сплетения нашей русской жизни. В Л.Н. глубина, ширь, оригинальность мысли, а также неподражаемое мастерство... Мы же, – русские, любим его ещё и, особенно как вдохновенного выразителя русского ума и русской души, показавшего и доказавшего богатство и оригинальность русской натуры... Живя в России, стыдно не быть знакомым со своим русским философом, которого так хорошо знает мир».

Гаспринский всегда поднимал свой могучий и гневный голос публициста-гражданина в защиту простого народа, страдающих, униженных и угнетённых. Вспомните эти строки, когда услышите обвинение Гаспринского в любви к царизму, в службе капиталу, в ненависти к простому народу и национальной эгоистичности:

«... Но останутся в стороне подстрекатели кабинетные, газетные... Впрочем, они не пишут «бейте», «громите», «тащите чужое добро», нет, до этого не дошли, они только поучают народ, что его злоключение от жидов. Они охотно разносят злостные сплетни о ритуальных убийствах, они ежедневно плачут, что еврей торгует, обирает, а хлеба не

производит, замалчивая о том, что у еврея не было и нет земли). («П-Т», 1903 г., № 18, «Кишинёвское насилие»).

Так обвинял переводчик Исмаил истинных организаторов еврейских погромов, Постоянно указывая, что только невыносимый экономический и национальный гнёт является причиной массовой эмиграции татар Крыма, горячо протестуя, он пишет:

«Ну не фатальное ли это несчастье, тупым ножом режущее тёмного, но безвредного, глубоко несчастного татарина». («П-Т», 1903 г., № 50, «Несчастье»).

О киргизах: *«Дай Бог, ... чтобы вместо пастушеской жизни киргизы зажили осёдлой и цивилизованной жизнью»*. («П-Т», 1883 г., № 11).

«Только ленивый не обирал так или иначе простодушный киргизский народ, только ленивый не устраивал своих делишек и своего состояния на его счёт... Если ещё степи (надо думать в лучших частях их) были бы отводимы для скотоводов-капиталистов, то киргизу совсем некуда будет деваться». («П-Т», 1903 г., № 11).

Несомненно, что эти цитаты, вырванные из основного текста, несравненно слабее, чем воздействие статей Гаспринского, сопровождаемых и подтверждаемых цифрами и фактами, общим тоном газеты.

В статье «Что делали мурзы» («П-Т», 1883 г., № 19), он пишет:

«Честь и слава некоторым честным публицистам, громко говорившим о земельном грабеже в Башкирии и тем обратившим на него внимание общества и правительства... правительство, разумными и гуманными предприятиями оградил по возможности башкир и прочих мусульман от кровожадных эксплуататоров, но, увы, до того сотни тысяч десятин земли и леса перешли в руки мошенников всех званий и состояний».

В статье он разоблачает и других соучастников преступления: *«... мурзиков, чиновных и интеллигентных мусульман, поголовно набравших в рот воды ввиду бедствий окружающего тёмного люда»*. («П-Т», 1883 г., № 19).

Постоянно борясь за признание за женщиной Востока человеческих прав, он выступил за коренную перестройку бракоразводного дела. В связи с этим он писал:

«Он бессовестно торгует браком, он гробит слабую, связанную жертву, вся вина которой заключается в том, что она согласилась быть же-

ной, помощником этого злодея! По букве шариата эту несчастную все терзают, ссылаясь на Божественный закон. Разве эта женщина не обижена и не унижена до положения бессловесного скота?.. Господа, эти дочери народа «в рабство» не проданы; они «жены», а между тем положение их хуже рабского». («П-Т», 1903 г., № 36).

* * *

Гаспринского справедливо считают создателем литературного языка, доступного всем мусульманам России (а также за её пределами). Это дало повод идеологам панисламизма и пантюркизма зачислить Гаспринского в свой стан (см., например, Валидов Д. «Очерк истории образованности и литературы волжских татар», ГИЗ, 1923 г.). Нечистоплотные современные критики Гаспринского основали свои обвинения его в пантюркизме и панисламизме ссылкой на эту и подобные работы, а чаще ни чём не обосновывали. Что же это за язык, каким целям он служил, являлся ли он искусственным и надуманным, и если да, умер ли он вместе со своим «создателем»? За основу языка газеты «Переводчик» Гаспринский взял свой родной язык – крымскотатарский. Это не случайно. Крымскотатарский язык, находится на стыке двух языковых групп – северо-восточной (языки народов Поволжья и Средней Азии) и южной (туркменский, азербайджанский, турецкий, гагаузский и др.). Испытывая на себе их влияние (в силу известных определённых исторических, экономических, политических и культурных контактов крымскотатарского народа с народами двух этих групп), крымскотатарский язык в своей лексике и грамматике накопил многое характерное для двух этих групп. Особенно это характерно для словарного состава. Следы этого влияния видны ещё и сейчас. (Мы имеем в виду некоторые особенности и наречий горных и степных татар Крыма, находившихся под преимущественным влиянием этих двух групп). Гаспринский, со свойственным ему чувством меры и талантом, использовал эту особенность своего языка. Он смело расширил языковой состав, отшлифовал и обработал его, он обогатил, очистил и сделал гибким язык родного народа, завершив тем самым многовековой процесс формирования единого литературного крымскотатарского языка из составлявших его наречий (о наречиях см., например, у В.В. Радлова, Самойловича и др.).

В силу указанных особенностей язык «Переводчика» был понятен всему мусульманскому миру. Для Гаспринского невежество и отсталость не имели национальных рамок (так же, как свет и знания). Он ставил вопрос широко: приобщить инородцев России к прогрессу, культуре и общественной жизни России; пробудить в странах Востока интерес и любовь к России. Газету «Переводчик» он писал и для русского народа. У нормальных людей не может возникнуть возражения против важности и необходимости книжного дела, развития культуры народов, развития их образованности. Мы уже говорили о состоянии этих составляющих духовной жизни мусульман в рассмат-

риваемый период. Теперь вспомним слова Гаспринского о литературном общедоступном языке. Говоря о причинах, тормозящих развитие печатного дела мусульман, он указал, что основной является «разница в наречиях и провинциализмы авторов и переводчиков», которые затрудняют повсеместное распространение и понимание этих малочисленных книг.

«Нет надобности говорить о важности и значении общелитературного языка для развития книжного дела и роста читателя. Язык – основной элемент, главное орудие развития народа». («П-Т», 1904 г., № 79, «Книга и книжное дело»).

Избегая проводить параллели, напомним, что в период организации марксистской печати вопрос о том, что лучше – центральный орган или множество местных газет (с точки зрения возможностей финансовых, действительности и охвате читателя), решился в пользу центрального органа. Здесь вопрос стоял – что лучше в период организации и формирования (единый язык или множество диалектов, единство действий в этой сфере народно-демократического движения или раздробленность).

Естественно, что по мере повсеместного появления и бурного развития тюркской литературы и печати, местные диалекты крепили и развивались совместно с культурой (что полностью соответствовало взглядам и целям Гаспринского), а язык газеты «Терджиман» постепенно терял функции всеобщего языка, оставаясь и развиваясь как литературный, народный крымскотатарский язык. **Этот язык жив, ибо жив и жизнеспособен создавший его народ.**

Всё сказанное касается языка татарской части «Переводчика». Цель Гаспринского состояла в том, чтобы русский и нерусские народы протянули друг другу руку помощи, дружбы и сотрудничества. Именно поэтому переводчик Исмаил писал свою газету и для русских и для мусульман. Не опасаясь преувеличения и пристрастности, скажем, что многие современные газеты позавидуют богатству и красоте русского языка, таланту Гаспринского – журналиста, публициста и редактора.

История не знает ещё одного такого примера, когда один человек почти 20 лет писал и редактировал газету (пока не вырастил и воспитал себе помощников).

В его газете не было сенсационного, потребительского, пошлого, недостоверного или «заполняющего» материала. Несмотря на этот поистине каторжный труд (ему часто приходилось выполнять и чисто техническую работу – набора, сверки и печатания газеты), Гаспринский всю жизнь по сути дела был бедняком. Доходов с газеты часто не хватало и на бумагу (иногда приходилось закладывать драгоценные украшения из приданого жены).

Как видим, цели и действия Гаспринского не имели ничего общего с панисламом и пантюркизмом. Обвинения такого характера сыпались на него и раньше. Это понятно, так как обвинение в панисламизме было удобным предлогом для тех, кто хотел преградить путь к выходу из отсталости народов Востока. В статье «Панисламизм» («П-Т», 1904 г., № 78) Гаспринский высмеял и само течение, и обвинения в пренебрежении к нему:

«Зная свою страну, зная Восток по его легальной и нелегальной публицистике, мы считали своим долгом заявить, что панисламизм как понятие и стремление к объединению всех мусульман под одной халифской властью – миф.

Если искусное, умелое, крепкое папство никогда не могло объединить, не говоря христианские народы, но даже племена, исповедующие католичество, то является прямым абсурдом допускать возможность объединения мусульманских народов разных сект, цветов, языков, разбросанных от Марокко до Малайского архипелага».

Отрицая возможность государственного объединения мусульман под эгидой Турции, Гаспринский писал, словами газеты «Тюрк» (издававшейся в Каире на турецком языке с 1903 года) заключает:

«Германия может стремиться к объединению всех немцев, а Россия – всех славян. Тут условия географические, этнографические, литературные и прочие могут оправдывать такие стремления.

Объединение же мусульманских народов, которые кроме Корана не имеют ничего общего, может быть лишь несбыточной мечтой».

У русских мусульман есть одна Родина – это Россия, одна дорога – это дорога прогресса, дорога, по которой народы России должны идти огромной братской семьей, – вот кредо Гаспринского. Россия, указывающая путь человечеству – вот его мечта.

Как мы указывали, у Гаспринского (и это закономерно) было много врагов и противников. Сыпались обвинения и в панисламизме, и в любви к царскому самодержавию и в «сепаратизме» (национализме). Борьба народов России за сохранение и развитие своей культуры, экономики, языка всегда являлась прогрессивным, революционным явлением.

Гаспринский видел это развитие народов Востока не на пути отделения, замыкания в национальных рамках, а в органической связи с общероссийским прогрессом экономики, культуры, общества. Позиции верные и сейчас и тогда. Поэтому обвинения в национализме и не ново, и не умно. В статье «По поводу одного недоразумения» Гаспринский отвечал на это обвинение Остроумову - редактору «Туземной газеты» («Туркестан»):

«1... Улучшение мною метода преподавания, борьба, которую я вёл с татарским застоём и клерикализмом, если с одной стороны облегчили усвоение родной грамоты, то с другой стороны облегчили также изучение и государственной грамоты.

Дирекция училищ Туркестанского края ввела в русско-туземные правительственные школы звуковой метод, выдвинутый мной и одобренный ею учебник туземной грамоты, который есть перефразированная копия моего учебника.

2. Что касается благотворительных обществ, – то они вовсе не «обособленные»... В числе членов «обществ для пособия бедным мусульманам» немало русских... Считать такие благотворительные общества «ненужными» и грешно и некультурно... Почему такое благотворение вы находите «подозрительным»?..

3. Я снисходительно и одобрительно отношусь к литературным произведениям, спектаклям и т.п. культурным начинаниям татар... Да как же иначе относиться? Неужели за это нужно осуждать и поносить?..

4. ...слово «ассимиляция» понимается Вами иначе, чем мусульманским людом. Так причём же я?» («П-Т», 1904 г., №№ 24-35).

Примечание:

1. Индексация наша.

2. Гаспринский считал более целесообразным благотворительность направлять на учебное дело (см., например, полемику «О Зекате», 1904 г.) Как меру, как организацию, предназначенную для борьбы с экономическими трудностями, он предлагал (пропагандировал и разъяснял) «профессиональные общества», своего рода профсоюзы, и был организатором общества взаимопомощи работников печатного дела в Крыму. Это произошло 3 января 1903 г. (см., например, газ. «Крым»).

Гаспринский был блестящим политическим комментатором и обозревателем. Политические обзоры, составляемые по достоверным сведениям, сообщаемым газетами мира, были интересны и понятны, говорили о серьёзном, научном подходе Гаспринского. Ещё в 1888 г. он писал:

«Между азиатскими народами особенные успехи делают японцы. Им можно предсказать прекрасную будущность. Не оставляя своего, они очень быстро принимают всё хорошее европейское... Они поняли, что без знаний, искусства, торговли и труда нельзя жить на свете». («П-Т», 1883 г., № 9).

В 1903 году он возвращается к оценке перспектив народов Китая (вопросы эти были затронуты им в брошюрах):

«Мы не разделяем теорий об отжившем, одряхлевшем Китае и думаем, что раса в 500 миллионов рано или поздно сыграет великую роль в истории человечества. Какова бы ни была эта роль, но первые поступательные шаги этой, сейчас дремлющей расы пройдут по землям русского и мусульманского Востока».

Свои выводы он основывал на наблюдениях общественной жизни стран.

Гаспринский, будучи серьёзным и осторожным человеком, действовал согласно народной поговорке: «Тебе, дочь, говорю, но ты, невестка, слушай». Бичуя колонизаторские устремления западных держав и Японии, вскрывая агрессивную сущность капитализма, он показывал тем самым сущность политики и строя царской России.

Позволим себе привести следующие выдержки:

«Главная работа европейских держав клонится к приобретению выгодных рынков и колоний и к обеспечению торговых выгод. В этом они сильно конкурируют друг с другом и пользуются всяким случаем, чтобы расширить и обеспечить свои интересы за счёт азиатских и африканских народов как наименее культурных и слабых». («П-Т», 1904 г., № 47, «Европейские державы и Восток»).

«Всеми ими ворочает, заставляет бегать, суетиться, хитрить, надувать друг друга, дружить и враждовать, а то драться и воевать напор широким морем разлившейся богатой жизни, натиск беспрерывно растающей культурно-производительной силы». («П-Т», 1903 г., № 41, «Вечно неизменная истина»).

Как оценивали Гаспринского современники? Об одной категории «судей» мы уже говорили. Передовые люди России видели главное в его творчестве.

В 1903 г. «Переводчик» праздновал свое 20-летие. 200 телеграмм и 100 адресов пришло со всех концов России, «... получены письма и телеграммы из Западного Китая, Хивы, Персии, Болгарии, Египта, Женева, Парижа и Нью-Йорка». Вот приветственный адрес от молодёжи Казани:

«Излишне перечислить всё, сделанное Вами, т.к. такие капитальные труды, как популяризация звукового метода, русской грамоты, благотворительных обществ и проч., известны всем, нельзя так же не поблагодарить Вас и за Ваше внимание к молодёжи, стремящейся к свету».

От сохтов Астраханского медресе:

«Сердечно поздравляем Вас с 20-летием плодотворной деятельности в пользу родного народа в целях его просвещения и сближения с великой русской народностью...»

Известный деятель просвещения, исследователь истории Крыма Арсений Маркевич:

«Хвала труженику, сеющему доброе семя на ниве народной; многие лета носителю просвещения русской гражданственности».

Генерал Витмер, бывший профессор военной академии:

«Как русский патриот ..., выражаю глубокое уважение к Вашей просветительской деятельности на пользу общих наших братьев – татар и русских магометан вообще... Имя Ваше должно пользоваться справедливым уважением среди всех русских патриотов, к какому бы племени ни принадлежали, какую бы веру ни исповедовали, как имя талантливого истолкователя отношений русских православного закона к русским законам мусульманского». («П-Т», 1903 г., № 19).

Вот письмо из Алупки:

«Человеколюбивый г. редактор!.. Мы узнали, что и татарка человек.. Оказывается и мы, как мужчины равно правы пользоваться жизнью и её благами. А между тем уже, сколько веков, как поработана мусульманка, низведена на степень недостойного человеческого достоинства. Ханифе, дочь Кайбуллы». («П-Т», 1904 г., № 29).

И в том же номере, в письме из Семиречья:

«Местные благочестивые муллы и их поклонники газету жгут и боятся её, как нечистой силы».

О популярности, актуальности и важности «Переводчика» можно судить по выводам, к которым пришла комиссия Губернской управы, исследовавшая экономическое положение крупных татарских деревень Крыма - Туака и Ускута:

«Татарское население, не зная вообще русского языка, не имея на своём языке перевода русских законов и постановлений, находится в совершенной зависимости от своеволия каждого встречного и поперечного, каждого желающего своевольничать...»

Последняя газета («Переводчик» – О., Г.) пользуется вообще популярностью у татар, а в Туаке прочитывается до дыр и даёт материал для оживлённых бесед и дебатов в кофейнях и домашних кружках». (с. 20-21. «Туак и Ускут» (Симф., 1903 г.).

Высокую оценку Гаспринскому и его роли в статье, посвящённой его памяти, дал революционер и писатель, выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства Нариман Нариманов (1870-1925). Статья, озаглавленная «В Бахчисарае – площадь испытаний» и подписанная «доктор Нариманов», опубликована в журнале «Басират» (20 сент. 1914 г., № 22, г. Баку). В ней, в частности, говорится:

«... Если народ забудет такого героя, он погубит свою жизнь».

Эти слова говорят, насколько правильны, прогрессивны, мудры были заветы Гаспринского, что отступить от них – значит погибнуть. Оценка Нариманова ценна тем, что она характеризует ту роль в жизни трудового Востока, и тот авторитет, которым Гаспринский пользовался в среде прогрессивной интеллигенции Востока.

Итак, главное в творчестве Гаспринского – просветительство. Мы указали, что прогрессивная и революционная по сути борьба его отражала и опиралась на движение народных масс трудящихся Востока и преодолевала жесточайшее сопротивление царизма и его идеологов, клерикализм, невежество. В этот момент у народа оказались и временные «попучики». Это был период бурного развития капитализма на окраинах, характеризующийся борьбой нарождающейся неопытной буржуазии окраин с буржуазией метрополий. Понятны надежды и стремления буржуазии опереться на демократическое движение народных масс. Ей нужны были привилегии. В единении «национальной» буржуазии, в панисламизме она видела выход. Денежным мешкам нужна была печать, представляющая их интересы. Никакой печати у мусульман не было. Буржуазия видела, что движение народных масс, энергия, дипломатичность Гаспринского проложат путь этой печати. Она видела, что талант Гаспринского в области языка и журналистики вдохнёт жизнь в эту печать. И они начали меценатствовать и благотворить, крича об исключительности мусульман, о своей щедрости и любви к народу. Но не борьба буржуазии за привилегии, не её заигрывание разбудило народные массы. Не защита интересов буржуазии «в рамках конкурентной борьбы её с русским капиталом», не панисламистская пропаганда, не служба национальному капиталу питала и направляла деятельность Гаспринского. Его прозорливость позволила ему предугадать приближающееся пробуждение народных масс; талант, трудолюбие и благородство – направить, ускорить и поддержать это пробуждение; неиссякаемую энергию, оптимизм, молодость и доверие народов – до последних дней следовать своей программе – служить народу и усиливать методы воспитания. Гаспринский неуклонно и смело шёл своей дорогой, дорогой служения народу, и именно денежные мешки, их лакеи - панисламисты, пустозвоны и невежды, жадной толпой тянули к нему грязные руки,

хватали и ругали, восхищались и проклинали. Сначала буржуазия благотворила, чтобы получить нужный для неё небольшой прогресс в образовании народа. Затем, испугавшись размаха народного движения, она стала благотворить, чтобы подкупить интеллигенцию, взять её на службу. В этом – корни джадидизма. Часть интеллигенции пошла на это. Тех, кто смело и решительно отмежевался – были единицы. Так поступил, например, Н. Нариманов, который с трибуны съезда учителей Азербайджана заявил:

«... Никому я не давал права и не позволю за презренный металл заставить меня молчать... Перед всем съездом я с радостью отказываюсь от стипендии г. Тагиева, чтобы быть свободным от тиранов нашего времени». (Н. Нариманов, сб. соч., т. 1, с. 6).

Находились такие, что советовали Гаспринскому писать в «Переводчике» не благотворение того или иного богача, а сумму награбленного этим богачом у народа (увидеть в «Переводчике» большее, более серьёзное – их не хватило). Несомненно, что поступок Нариманова был смел, благороден и поучителен. Но место Гаспринского и Нариманова в революционном движении было разное. Нариманов принадлежал к тому поколению, которое было воспитано на идеях Ахундова и Гаспринского, которое поняло и приняло заветы Гаспринского:

«Пусть люди судят и рассуждают. Молчать приличествует только животным». «Человек, живущий 50-60 лет, обязан иметь обдуманнный план жизни и труда. Он должен иметь определённую идею и целесообразно своему положению... для многих общественных и народных дел... необходимо, чтобы много людей, т.е. общество, народ имел общую идею и цель».

Оно (поколение) поняло и приняло эти идеи прогресс братских народов, счастливая жизнь без угнетённых и обездоленных. Как иное поколение – они яснее видели средства к достижению этой цели, они находили новые пути. Когда это поколение становилось на ноги, Гаспринский ободрял, помогал и учил их. Когда оно окрепло, Гаспринский продолжал свой труд. Нариманов рисковал собой и своей стипендией. Гаспринский не нуждался в стипендиях и пенсиях. Но любым неосторожным словом он мог погубить газету – «язык и голос народа, его представителя». Именно об этом предупреждает Гаспринский в аллегорической форме в год рождения «Переводчика» в заметке «Письмо Бабай-Рахима» («П-Т», 1883 г., № 6), где старый мудрец советует *«сыну своему – «Переводчику» быть осмотрительным, не горячиться и не доказывать там, где это бессмысленно, чтобы не быть объявленным «сумасшедшим».*

Необдуманных же советов и советчиков было много, это были люди, не умевшие понять роли и места Гаспринского в демократическом движении, не понимавшие момента, возможностей и особенностей «легальной» борьбы; люди чувства, а не разума; слова, а не дела.

Гаспринский же находил способы критиковать беспощадно и убийственно, не подвергая опасности газету.

Всё его творчество – это обвинительный приговор шовинизму, национальному разбою, это гнев и вера миллионов.

* * *

До сих пор мы умышленно не затрагивали литературной деятельности Гаспринского. Им написан роман «Таинственная страна» – страна «Спокойствие», где в художественной форме изложены его взгляды на будущее человеческого общества. Появление романа не случайно, мечты о бесклассовом обществе – прекрасные мечты, они всегда занимали лучшие умы человечества. Появление новой утопической системы всегда совпадало с периодом подъёма народного движения, социальными революциями. Достаточно вспомнить «Утопию» Мора, «Город Солнца» Кампанеллы, «Новую Элоизу» и др. Руссо, «Что делать» Чернышевского. Все они притягательны своим благородством, гениальностью догадок, все содержат элементы прогрессивного и отсталого, дают представление о миропонимании автора. «Таинственная Страна» – очевидно последняя страна-утопия, – им на смену пришла реальность. Не касаясь художественных достоинств романа, его человечности и художественной привлекательности, не претендуя на полноту и законченность, скажем, что именно в этой работе чётко видно ошибочное в мировоззрении Гаспринского.

Находясь в большей мере на материалистических позициях, обобщая, выражая, отстаивая в своей деятельности интересы народа в вопросе о причине возникновения и существования классового разделения и эксплуатации, методах её уничтожения и о гегемоне народных масс в этом процессе, Гаспринский стоял ещё и на неустановившихся, ошибочных идеалистических позициях. Сущность их заключается в том, что Гаспринский не понимал роли частной собственности как источника классового наслоения (даже при справедливом начальном распределении её).

Во-вторых (а это неизбежное следствие первого) во всеобщем и высшем просвещении всего народа Гаспринский видел основной путь освобождения от эксплуатации.

И, неизбежно потому, третье – руководителем социального переустройства Гаспринский считал интеллигенцию.

Такие позиции, вполне оправданные в данном конкретном случае, ибо просвещение (в широком смысле) трудящихся масс Востока было действи-

тельно первостепенным делом, без которого немислимо было бы развитие и активная борьба масс, такие позиции естественно приводили Гаспринского к критике другого пути – вооружённой борьбы. Однако повторяем, что Гаспринский не стоял на позициях голого отрицания, напротив, признавал, что ему ещё не всё ясно. Здесь ограничимся лишь одной ссылкой, достаточно, впрочем, красноречивой, считая, что данному вопросу должно быть посвящено отдельное исследование. Сказанное подтверждается многими высказываниями Гаспринского, и в частности этим:

«... в числе татарских газет одна яросоциалистическая... можно, конечно, спорить против своевременности появления татарского социализма, но нельзя не признать сам факт знаменательным». («П-Т», 1906 г., № 68).

* * *

Таким образом, Гаспринский перед нами предстал своей положительной и отрицательной сторонами. Ещё раз кратко охарактеризуем их:

1. Безусловно, положительным является борьба Гаспринского за присоединение народов Востока «к общерусскому движению вперёд», к русской и общечеловеческой культуре и цивилизации, за равноправный союз с русским народом; «борьба с татарским застоём и клерикализмом», борьба с расизмом, «русификаторством», шовинизмом и произволом, борьба за дружбу Востока и России.

2. Понятие Гаспринского о национальной культуре, языке и традициях чётки, правильны и современны.

3. Его **практическая деятельность**, направленная на: создание, пропаганду и внедрение нового метода обучения – реформы школьного дела, создание им печати и книжного дела мусульман России; воспитательная педагогическая работа с учителями начальных школ; его усилия на пробуждение к общественной жизни и самостоятельности интеллигенции и всего народа; деятельность талантливого публициста, оратора, переводчика, общественного деятеля, прогрессивна и грандиозна по масштабам.

4. Его горячая поддержка всех униженных и ограбленных, поддержка и воспитание «чувства человеческого достоинства, тлеющего под жалким халатом», его могучий честный голос в защиту женщин Востока современны и благородны.

5. Создание им основ литературного крымскотатарского языка, как и вся его деятельность просветителя и гуманиста, – огромный вклад в дело развития образованности, культуры и общественной мысли крымскотатарского народа.

Эта сторона его деятельности обязывает человечество с глубоким уважением и принципиальностью вспомнить имя Исмаила Гаспринского.

Отрицательное во взглядах Гаспринского:

вера в победу чистого просвещения и связанная с этим нерешительность действий в годы максимального революционного подъёма,

попытка путём реформ в государственном управлении прийти к прогрессу общества (этим, частично, объясняется его участие в «Мусульманском союзе» и пр.),

короче, недопонимание классовой сущности борьбы, со всеми вытекающими ошибками во взглядах и действиях.

При этом следует учесть, что ошибки эти охватывали лишь последний этап жизни и деятельности Гаспринского, т.е. 1905-1914 годы, **лишь ослабляя, но не изменяя характера и значения его основных взглядов и деятельности в эти годы.**

Безусловно, разбирая творчество Гаспринского, следует внимательно изучить эти ошибки и их причины и осудить их, чтобы оставить всё то, что связано с Гаспринским, как таковым.

Отрицая реакционную *философию* Толстого, мы не отрицаем Толстого, отрицая *реакционные воззрения* Достоевского, мы не отрицаем его как *величайшего писателя*, отрицая *идеализм* Гегеля, мы не отрицаем его *диалектики*, отрицая ханжу Вольтера, мы не отрицаем *гениальность его ума*, мы понимаем и принимаем *противоречивость* «чудака и мечтателя» Руссо, отрицая *культ личности*, мы не перечёркиваем *три десятилетия* нашей истории.

Можно ли, отрицая Молла Аббаса Франсеви (литературный псевдоним Гаспринского), отрицая его ошибочное и отсталое, можно ли отрицать и уничтожать Исмаила Гаспринского – это светлое и чистое, гневное и страстное, трудолюбие и талант, остроту ума и гуманизм?

* * *

Наше исследование закончим кратким разбором «современной» «критики» Гаспринского, которая в основном сводится:

1. К стремлению представить Гаспринского выразителем интересов, идеологом крупной татарской буржуазии, его деятельность – службой крупному капиталу.
2. К обвинению его в панисламизме и пантюркизме, в ненависти к русскому, к России.
3. К попытке очернить Гаспринского методами низкопробной клеветы.

Посмотрим, как это конкретно выглядит.

а). «... конкуренция татарской буржуазии с господствующей русской буржуазией повелительно требовала реформы всего дела образования. На этой основе и возникло течение джадидизма «ысул джадид» («новый метод»). Его идеологом и основателем был крупный крымский помещик Исма-

ил-Бек-Гаспринский. (С.Г. Батыев, жур. «История СССР», 1964 г., № 4, с. 55).

б). *«Идеи пантюркизма, выдвинутые Гаспринским...» «Единство тюрко-татар» во имя победы татарского капитала в конкурентной борьбе в рамках русского самодержавия лежало в основе всей деятельности Гаспринского, джадидизма в целом*. (Там же, с. 56).

Любое общество состоит из классов. История общества – есть история борьбы классов. Исключить из рассмотрения крестьянство и пролетариат – народ, значит отбросить культуру народа, его жизнь, потребности, его борьбу, – значит взять объектом изучения класс эксплуататоров, буржуазную культуру, борьбу национальной буржуазии за привилегии.

Любая личность, работающая для общества (в благородном смысле слова), если её поместить в эту уродливую и нелепую схему, окажется вынужденным слугой и идеологом этого кособокого общества буржуазии.

Именно такую схему сотворили батыевы-нафиговы.

Эта уродливая схема, обобщённая на всю Россию, приводит к тому, что любой, призывающий к дружбе и сотрудничеству народов в борьбе с невежеством и застоём, кажется проповедником пантюркизма, панисламизма, исключительности и т.п.

Эти страшные обвинения не помешают, конечно, в другом месте обрушиться на Гаспринского с противоположным обвинением:

«С голоса русских капиталистов пел «Терджиман»... (Р.И. Нафигов, «Формирование...», с. 76) (панисламизм!?), а затем вернуться к «ненависти к России».

в). *«Эти школы («новометодные») – народные школы – О., Г.) сохранили тюркотатарскую языковую основу, к чему особенно стремился идеолог джадидизма Исмаил Гаспринский*. (С.Г. Батыев, с. 56).

Мы подробно обсуждали этот вопрос. Советуем «критикам» освежить в памяти такие исторические документы, как «Обращение СНК ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», Советскую Конституцию. Советуем заглянуть в любую национальную (начальную) школу Казани, Ташкента, Стамбула и убедиться, что все они, называясь «мектеб», имеют тюркскую языковую основу. Эта неглубокая софистика и эквилибристика рассчитаны на невежество и невнимательность читателя.

г). *«Внешне «безобидная» идея Гаспринского о языковом единстве российских мусульман берётся в 1917 году на вооружение открытыми контрреволюционерами*. (С.Г. Батыев, с. 60).

О том, что контрреволюционеры подхватывают всё, что им помогают взять, мы уже упоминали.

д). *«Существенных различий во взглядах Г. Исхакова, Ю. Акчурина, Г.Р. Ибрагимова (идеологи буржуазии волжских татар – О., Г.) нет: все они сходятся в одном – ненависти к России, в противопоставлении тюркотатар остальным народам»* и сноска:

«Нужно упомянуть ещё одного идеолога татарской буржуазии – И. Гаспринского, всё различие взглядов которого от названных выше в том, что в основном, – разделяя взгляды Ю. Акчурина, Гаспринский надеялся и на панисламистское движение». (Р.И. Нафигов, с.70).

«Аргументированная» травля Гаспринского началась после войны (1941-1945 гг.), сначала от обвинения в «туркофильстве» (см. обзор в работе Нафигова), кончая полным отрицанием в статье Батыева. Нафигов «развил» и дополнил Батыева неприкрытой ложью и крепкими словечками. В приведённой тираде есть и о «ненависти к России», и о противопоставлении «тюркотатар», и о «панисламизме». Ясно, почему так легко контрреволюционеры «берут на вооружение» наше наследство. Обо всём этом мы говорили и отсылаем к соответствующим местам статьи. Для контраста дадим слово Гаспринскому:

«Мы советуем им (странам Востока – О., Г.) помнить про могучую Россию и прекрасный русский народ».

«Все, живущие в России, считаются русскими, какова бы ни была их вера и племя. Все – дети одной земли».

Этих мыслей, этого голоса не заглушить ни вою контрреволюционеров, ни нафиговым-батыевым.

Статья Гаспринского наравне и во главе «отцов нации», Нафигов продолжает:

«Закон убывающего плодородия почвы, мальтусовская версия о перенаселенности земли – таковы «научные» аргументы «отцов татарской нации» (с. 76).

Похвалим Нафигова за знакомство с этими теориями и обратимся к Гаспринскому. Полемизируя с «Новым Временем», говорившем об угрозе перенаселенности и рекомендовавшим поощрять эмиграцию, он пишет:

«Статья эффектна, но и только. В России, слава Богу, найдётся ещё место очень многим миллионам трудящихся людей, и хлопотать об исходе российских жителей, по меньшей мере, очень рано». («П-Т», 1903 г., № 29).

Переводчик ни «лестью, ни сплетнями, ни самовосхвалением никогда не занимался. Он был далёк от этих «отцов наций»: **«Свет и теплота бывают разными и исходят от разных элементов, начиная с воска и кончая навозом», – писал он по адресу таких «светочей».**

«Слава нашего Собрата (имеется в виду редактор, издатель возникшей в 1903 г. газеты «Шарки-Рус», т.е. «Русский Восток», – Шахтактинский М. – О., Г.) должны приятно пощекотать наши (т.е. мусульманский – О., Г.) бузной, кумысный патриотизм. Пусть краснеют в гробах Эмиль де Жирарден, даже Виктор Гюго... все они, проработав свой век, не заслужили эпитета «отец народа», а наши Мемет Ага, «слава ему, слава раз, два, три – и «отец народа»». (П-Т», 1903 г., № 31).

Нищета философа Нафигова и беззастенчивость настолько захлестывают его, что он отбрасывает всякую маскировку и идёт напролом:

«Идеалом его, – говорит философ, – оказывается Япония. Чисто случайно, видимо, Гаспринский забывает, что японцы никогда не исповедовали Ислам», (с. 339).

Мы приводим слова Гаспринского о Японии - «азиатской стране», сказанные в 1883 г., тогда же он даёт характеристику их быту, религии, элементы истории и т.п.

В 1903 - 1905 гг. в связи с японской войной Гаспринский возвращается к вопросу о Японии. Он организует огромный цикл статей «О Японии и японцах», убедительно анализирует развитие экономики, культуры, нравов... чтобы показать простому народу всю важность просвещения.

«Было бы лучше издание на тюркском языке популярных брошюр по разным отраслям знания, т.к. туземец не умеет отличать не только японца от малайца, но и деятельности сердца от работы желудка». («П-Т», 1904 г., № 26).

«Не Япония бьёт нас: нас бьют сто десять тысяч её деревенских учителей (против наших 50 тысяч), её тысячи газет и журналов, которые ведь тоже школы, её превосходно налаженные высшие училища и колледжи, а главное её вдруг проснувшийся народный дух». («П-Т», 1904 г., № 66).

«... если укажете на любовь японцев к знаниям и просвещению. Это будет лучше и полезнее, чем необоснованное рукоплескание язычникам». («П-Т», 1904 г., № 63, «Вниманию восточных публицистов»).

«Туземец», читавшие «Переводчик», несомненно, знали и Японию и газету и её редактора, чего нельзя сказать о Нафигове. «Панисламизм» – этот

«засаленный журнал» политики царизма, тем более является дохлой мышью в руках захудалого философа. Пытаясь отрицать значение деятельности Гаспринского, Нафигов пишет:

«Национальность и национальная культура в условиях капитализма есть требование буржуазное, националистическое» (с. 404).

1. Гаспринский не имел «националистических», а тем более «буржуазно-националистических» взглядов на культуру и нацию, не требовал обособления «национальной культуры и нации (см. выше).

2. Национально-освободительное движение – составляющая часть революционного процесса.

3. В какой стан собирается зачислить Нафигов выдающихся русских писателей, развивавших также и русскую народную культуру; Тукая, Айни, Навои, Драйзера, развивавших культуру своих народов и этим внёсших свой вклад в мировое наследие?

4. Что является источником, где исторические и социально-исторические корни советской культуры?..

Останавливаться ещё раз на «звериной ненависти к Москве» Гаспринского нет оснований. Гаспринский в полемике не нуждался в «звериной злобе», «ненависти», лжи и клевете и т.д., без чего не могут обойтись те, у кого пусто за душой и нечисто с совестью.

В заключение рассмотрим длинную, но интересную тираду Нафигова, несколько проливающую свет на его позиции:

«О реформе старой мусульманской школы, ... первым заговорил Хусаин Фаизханов (умер 1866 г. – О., Г.) и он же представил свой проект реформы светского образования...» «... в своё время, ... приписали создание татарской светской школы И. Гаспринскому. За годы, прошедшие с тех 20-х годов, ... оно утвердилось и приобрело силу канона».

«Профессор Г. Сагди в 20-х годах также предполагал, что честь введения светского обучения принадлежит К. Насыри, а не Гаспринскому. Всё же, в период культа личности Сталина победила неверная установка».

И.Н. Ульянов «... в начале 70-х годов был организатором первых национальных мордовских школ...» (с. 95-96).

Оказывается, дело совсем даже не во взглядах Гаспринского. Чтобы победила верная «установка», нужно заменить фамилию, национальную принадлежность, из Крыма перевести в Поволжье (и только-то), а Гаспринского, от греха подальше, записать в контрреволюционеры, джаиды, панисламисты и т.д.

Автор забывает только, что Гаспринскому «приписали» «создание татарской светской школы» не в 1920 годах, а намного раньше, и положение это

«приняло форму канона» уже в 1903 году, т.е. задолго до профессора Сагди и «культа личности», к сожалению для фальсификаторов эту «приписку» сделал трудовой Восток и прогрессивные люди всего мира.

Естественно, национальная гордость, забота о воспитании молодежи, пробуждает каждый народ искать в своей истории выдающихся представителей, помнить и гордиться ими. Таким поискам нужно сказать словами Гаспринского «дело доброе», «в добрый путь». Однако жульничеству, каким-то интересам, не имеющим ничего общего с интересами жизни и науки, этого сказать нельзя.

Вполне возможно, что мысль о реформе школы возникала и до Гаспринского и даже Фаизханова. Точно так же, как ценные догадки, мысли о бесклассовом обществе возникали задолго до марксизма и конкретного его воплощения. Поэтому Гаспринский и является просветителем, что он сумел доказать необходимость знаний и прогресса, ***сокрушить все преграды и отвлечённые проекты и мечты, сумел воплотить в реальную действительность*** – новометодные школы, газету, печать и книжное дело, пробуждение народных масс. Мы знаем, сколько школ открыл Фаизханов (думается ни одной) и далеко ли пошёл проект реформы светского образования (этого Нафигов сообщить не догадался). А вот то, что именно Гаспринский донёс мысли о прогрессе, знаниях, свете до миллионов трудящихся, что им и его последователями за 20 лет открыто только в России около 1000 новометодных школ с преподаванием по методу и с помощью учебника Гаспринского, знали миллионы людей, да и сейчас знают многие (об этом Нафигов умалчивает). Именно этот бесспорный факт и дал повод говорить о Гаспринском, как о реформаторе учебного дела мусульман. Это нисколько не умаляет ума и заслуг И.Н. Ульянова в деле просвещения, Фаизханова и любого другого мечтателя в гениальности догадок. Если кого-либо это всё-таки обижает, то останется посочувствовать обиженному.

* * *

Нет сомнения, что правильно понять роль и место Гаспринского, задача трудная, требующая ума, знаний, принципиальности и беспристрастности. Особенно было трудно разобраться в этом в первые годы Советской власти, в обстановке ожесточённой борьбы с контрреволюцией, с врагами партии и государства – троцкистами, шовинистами, националистами, в годы перегибов и уклонов, в обстановке усиливающегося культа личности, чуждого науке, научному подходу к творчеству. Именно поэтому не было проведено развернутого всестороннего принципиального анализа творчества Гаспринского – явления феноменального, выходящего за рамки одной эпохи, одного народа, одной страны. Именно поэтому его по кускам отдавали врагам. Те или иные моменты его творчества оценивали по высказываниям врагов советского го-

сударства или людей, чьи взгляды не заслуживают названия «серьезных». Именно к 1940-м годам сложилась пагубная тенденция огульного охаивания и отрицания Гаспринского. Однако следует заметить, что имя Гаспринского не было тогда вычеркнуто из истории.

Истинно научный подход к оценке Гаспринского требует, стоя на современных позициях, оперировать прежде всего критериями того времени, сравнивать со сравнимыми величинами той эпохи.

Нафиговы, прикрываясь флагом борьбы с культом личности, используя чуждый науке арсенал (ложь, подтасовка, жонглирование терминологией, софистика), пытаются похоронить Гаспринского, очернить его, тем самым защищая и развивая антинаучные, антимарксистские фальсификаторские традиции. Какие бы почётные звания они не имели, они являются наглыми авантюристами, чьи цели, взгляды и дела перекликаются с планами и делами панисламистов, расистов, врагов Советского государства.

Пора серьёзно подумать о нашем наследстве, открыть и изучить его. Пора покончить с произволом шарлатанов-нафиговых.

Примечания:

I. Курсив везде (*О., Г.*)

II. Использованная литература.

1. «Переводчик-Терджиман», 1883-1914, Бахчисарай.
2. «Русское мусульманство», 1881 г., Бахчисарай.
3. «Русско-восточное соглашение», 1896 г., Бахчисарай.
4. Журнал «Басират», 1914 г., № 22, Баку.
5. Н. Нариманов, собр. соч., т. I, Баку.
6. «Туак-Ускут», 1903 г., Симферополь.
7. Батыев С.Г., «Татарский джадидизм и его эволюция». Журнал «История СССР», 1964 г., № 4.
8. Нафигов Р.И. «Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли», Казань 1964 г., (издание Казанского университета).
9. Валидов Д., Очерк истории образованности и литературы Волжских татар. ГИЗ, 1923 г.

Османов Юрий Бекирович,
Гафаров Басыр Гафарович.

Почему отдали врагам ИСМАИЛА ГАСПРИНСКОГО?

Почему оклеветали Исмаила Гаспринского, почему отдали его в стан врагов прогресса человечества, в стан контрреволюции; какие силы, какая реальная основа вдохновляет и питает большую фантазию и зоологическую ненависть нафиговых-батыевых? – Такой вопрос неизбежно возникает после знакомства с творчеством и биографией этого просветителя-гуманиста.

Ответ станет ясным, если вспомнить, что Исмаил-бей Гаспринский (1851-1914) – сын крымскотатарского народа, который, живя и работая для человечества, жил и работал и для своего народа, уважая, любя и веря в простого человека, любил, уважал и верил в свой народ, обращаясь к русскому народу протянуть руку дружбы, дать света и знаний своим младшим братьям, не исключая и свой народ.

Ответ станет ясным, если вспомнить, что этот народ ограбили, уничтожили 46,2 % нации, превратили его жизнь в ад, и, заметая следы, фальсифицируют его историю, уничтожают его культуру.

Каждый народ – это общность людей, накопившая, сохранившая и развивающая складывавшуюся веками культуру – трудовую и духовную, историю, создавшая совместным трудом облик родного края; народ – это общность людей вместе с этой культурой, историей и родным краем. Советский Союз – содружество таких народов. Родина – это наши родные края и очаги, история СССР – это история совместной борьбы наших народов за это содружество, советская культура – это слиток из национальных культур.

Нет дерева без корней. Без родного края, культуры и истории, без языка, которые сохраняются и развиваются, не мыслим ни один народ.

Уничтожение культуры, плодов труда многих поколений, истории народа, истребление и вытеснение в резервации – цель и методы всех античеловеческих теорий и течений, цель и методы расизма и фашизма.

Организаторы выселения, вдохновители травли, дирижёры по уничтожению культуры, языка и истории нашего народа – это махровые антисоветские силы, враги советского народа и дружбы народов, враги партии, поднявшие руку на революционные завоевания народов, на ленинизм. Выполняя волну этих сил, в этой мутной волне творят свой разбой первенцевы, надинские, нафиговы.

В своём обращении к Ленинской партии и Советскому правительству полумиллионный крымскотатарский народ так охарактеризовал их моральное и общественно-политическое лицо, их место в человеческом обществе:

«Оправдание такого безграничного произвола против целого народа, выселение его из родного края, ликвидация его равноправия, ликвидация его школ, печати, культуры, лишение его элементарных политических,

экономических, моральных и всех основных человеческих прав никак не может укладываться в рамки здравого разума.

И вот эти трусливые, шовинистические писатели, «учёные», эти враги, эти рабы врагов национальной политики ленинской партии, эти алчные к карьере, к деньгам низкопробные фальсификаторы, предающие честь, совесть целых народов,

всю свою силу, умение направили на фальсификацию истины, подлые провокации в угоду своим хозяевам – врагам дружбы и монолитности народов СССР, на разжигание национальной розни и с этой грязной и подлой целью

они объявили и рисовали крымскотатарский народ – его прошлое, настоящее и будущее поколения нетрудовыми, работоторговцами, предателями интересов революции, изменниками и предателями своей социалистической родины – людьми ненадёжными и недостойными ни родного края, ни равноправия и никаких человеческих прав, т.е. людьми и народом, достойными позора, унижения и бесправия».

Проследив всю свою историю, с любовью и уважением вспомнив о выдающихся представителях русского народа – Л. Толстом, А. Герцене, А. Пушкине, Л. Симиренко, Семёнове-Тян-Шанском, М. Горьком и многих других, оценивших и воспевавших лучшие черты, присущие крымским татарам, наш народ заключает:

После таких бессмертных мыслей о трудящихся татарах, высказанных выдающимися людьми,

чего стоит жалкий и злобный хор эксплуататоров, колонизаторов, душителей народов,

чего стоит, полный шовинистического яда, жалкий писк бесцветных писателей, невежественных историков, учёных типа первенцевых, ветлиных, козловых, надинских и им подобных?

Пусть эти, достойные сожаления и презрения, защитники злобного, но уже обветшалого шовинизма роются в мусоре враждебных для нашего социалистического общества сил, а наш народ будет и дальше идти дорогой мирного, созидательного труда, дорогой дружбы, нерушимой дружбы народов, дорогой верности партии, правительству, социалистической отчизне.

Позор этим торговцам честью и гуманностью, оказавшимся рабами карьеры и наживы!

Если признать, что интересы Советского государства требует осуждения, изоляции и разоблачения торговли научным именем, званием, честью и порядочностью, клеветы и фальсификации, то, что же остаётся?

Защищая чуждую нам идеологию, цели врагов и шовинистов, нафиговы неизбежно скатываются на антинаучные позиции, на позиции националистические, действуют как жулики и шарлатаны.

Поднять голос в защиту Гаспринского – это долг честного учёного, это долг советского гражданина.

Вырвать Гаспринского из рук зарвавшихся шовинистов, из рук врагов, изучить его творчество, отделить драгоценное от шелухи и приобщить эту драгоценность к нашему наследию, дать возможность советским людям знать Гаспринского, дать слово Гаспринскому-просветителю-гуманисту – вот насущная задача, требующая решения.

Своим кратким очерком творчества Гаспринского мы хотим обратить внимание исследователей на громадный нетронутый материал. Здесь найдут много нового, полезного и интересного педагога, историка, философа, языковеды, библиографы, работники печати.

В кратком исследовании нет возможности коснуться его исключительно интересной биографии, его общественной деятельности на официальных постах, его связи с выдающимися людьми своего времени, подробно остановиться на сравнительном анализе его мировоззрения и взглядов таких людей, как М.Ф. Ахундов, Л.Н. Толстой, Ф. Достоевский, Н. Нариманов.

Несомненно, что истинно-научный подход к оценке мировоззрения Гаспринского и его роли требует, стоя на позициях сегодняшнего дня, прежде всего, оперировать критериями того времени, сопоставлять со сравнимыми величинами той же эпохи.

Итак, творчество Гаспринского ждёт своих исследователей, оно ждёт свободы.

Юрий Бекирович ОСМАНОВ,

г. Серпухов, п/о Протвино,
ул. Победы, дом 8, кв. 61.

Басыр Гафарович ГАФАРОВ,

г. Москва, 12, Ново-Кузьминская,
д. корп. кв. 13.

октябрь 1965 г.

К оценке творчества И. ГАСПРИНСКОГО

Со времени появления краткого очерка «Исмаил Гаспринский» (написанного в соавторстве с Б. Гафаровым) появились новые материалы, отзывы на очерк и, в частности, рецензия д.и.н. Смирнова, написанная по поручению ЦК КПСС.

Рецензия, как позиция собственно т. Смирнова, не заслуживает анализа.

Но отрицание Гаспринского, отказ от постановки вопроса (ставшего сейчас особенно актуальным) о Гаспринском, мотивируемые и обосновываемые невежественной и пошлой оценкой классово и политической сущности просветительства,

беспочвенные утверждения, под предлогом не изученности и сложности вопроса, не могут быть приняты как мнение ЦК КПСС.

Учёт всего сказанного выше показывает необходимость некоторой конкретизации, уточнения (например, разграничение просветительства и джадидизма), более чёткого изложения и акцентирования основных аспектов вопроса, по-прежнему в рамках его постановки (как и в очерке), а не его детализации. Разработка конкретных вопросов творчества Гаспринского требует большой работы многих исследователей и, несомненно, будет проведена.

Формально данная статья построена автором как критика положений «рецензии» д.и.н. Смирнова. Рецензируя очерк «Исмаил Гаспринский», тов. Смирнов пишет:

«... Вы совсем не показали политического и классового лица И. Гаспринского в его творчестве. Больше того, вы избегаете политической характеристики Гаспринского...».

И далее:

«Уделив главное внимание просветительству Гаспринского, вы, в сущности, не сделали серьезной попытки разобраться в социальных проблемах творчества Гаспринского...».

В очерке показано, что сущностью деятельности Гаспринского было просветительство. Мироззрение Гаспринского, его взгляд на политические, экономические и духовные отношения мусульманского Востока и европейского империализма составляют драгоценный научный материал.

Без научного анализа и оценки этого материала нельзя правильно марксистски понять роль, место и значение Гаспринского в вопросах просвещения, прогресса и демократии. Выдающийся успех его деятельности, как великого просветителя Востока, главным образом объясняется его ясным пониманием, умелым, метким, беспощадным разоблачением алчного западного империализма, хищнической сущности русификаторской политики царизма, прозор-

ливым предвидением прекрасного будущего России и живущего в нём мусульманства, ясной, всеобещающей перспективы прогресса мусульманского Востока в союзе с Россией.

Отбросить социальную и политическую сущность наследия Гаспринского, выдающийся результат его деятельности как просветителя Востока, сумевшего поставить и решить крупные проблемные вопросы, высоко возвышаясь над национальной и религиозной ограниченностью, значит умышленно выхолостить сущность вопроса. Тот, кто хочет игнорировать наследие Гаспринского, тот, по существу, вуалируя свои истинные замыслы понятиями науки вне политики, буржуазным объективизмом, пытается отнять у мусульман Востока его подлинного Гаспринского, призвавшего Восток к науке, прогрессу, демократии в союзе с Россией.

Создание Гаспринским печати и книжности мусульман России, нового метода обучения (с точки зрения методики и предмета обучения); создание им общепонятного литературного языка, школы учителей, газеты – школы и голоса народа;

борьба с *«плохой школой и глупой литературой»*; борьба за пробуждение мусульман, уважение и поощрение *«чувства человеческого достоинства, тлеющего под жалким халатом»*; теоретические воззрения и борьба с колониаторской идеологией,

– вот коротко содержание просветительной деятельности Гаспринского.

Только рьяный колонизатор и обслуживающий его демагог станет отрицать, что именно невежество, бесправие и забитость простого народа являются мощным средством социально-политического порабощения народа в руках эксплуататоров. Только они станут отрицать социальную и политическую сущность борьбы за равноправие женщин, находившихся на самой низкой ступени социальной лестницы.

Гаспринский, подняв свой могучий голос в защиту женщины Востока, смело вскрыл сущность её бесправного положения, указав, что оно определяется и оправдывается государственным законодательством и шариатом.

Очерк, ни тем более творчество Гаспринского не дают никаких оснований для вульгаризации сущности просветительства Гаспринского, – сведения его к «культурничеству», ограничения его рамками одного народа или только Россией.

Что касается вопросов культуры, литературы и просвещения, то Гаспринский рассматривал и использовал их как существенные, неотъемлемые элементы развития общества. Поставленные и решённые Гаспринским в такой плоскости проблемы Востока находятся в полном соответствии с научными положениями о классовости литературы, пропаганды, просвещения и пр.

Тот, кто не отрицает элементарных истин, сможет понять политическое лицо и социально-политические взгляды Гаспринского, невежество и по-

шлость «доводов» д-ра Смирнова. Цитируемый далее отрывок ещё раз характеризует научную «ценность» рецензии.

«Вы показываете, как Гаспринский много и решительно выступал по вопросам просвещения и культуры, рисуете его пропагандистом сближения татар с Россией, борцом против татарского застоя и клерикализма, рекомендовавшим благотворительность, как средство борьбы с экономическими трудностями».

Очерк ничего не «рисовал», а приоткрыл десятилетиями создаваемую завесу над творчеством Гаспринского. Находясь на позициях марксистской науки и научной достоверности, нельзя разделять докторской примитивной оценки Гаспринского, – Гаспринский – просветитель всего мусульманского Востока и русских читателей его публицистики. Если бы цель т. Смирнова заключалась в научном анализе, он бы читал в очерке то, что написано, а не другое.

В очерке написано:

«Гаспринский считал более целесообразным благотворительность направлять на учебное дело (см., например, полемику «О Зекате», 1904 г.) Как меру, как организацию, предназначенную для борьбы с экономическими трудностями, он предлагал (пропагандировал и разъяснял) профессиональные «общества взаимопомощи», своего рода профсоюзы и был организатором общества взаимопомощи работников печатного дела в Крыму. Это произошло 3 января 1903 г.»

Но т. Смирнову не нужен научный анализ. Ведь Гаспринский пропагандировал профсоюзы (и даже организовал один), значит, не только понимал существование борьбы классов, но и прямо поощрял народ к действенной форме борьбы за свои экономические права.

Ориентация и разъяснение форм и методов этой борьбы были даны Гаспринским после 20-летней политической подготовки широких народных масс Востока, накануне революции 1905-1907 гг. Недвусмысленность политических и классовых позиций Гаспринского очевидна.

Сказанное несколько не противоречит положению очерка, что Гаспринский *«недопонимал классовой сущности борьбы, со всеми вытекающими ошибками во взглядах и действиях»*. Действительно, Гаспринский допускал ошибку в вопросе о гегемонии в демократическом, революционном движении, но это не означает отрицания классовой борьбы. В очерке указаны причины этой ошибки:

Объективные – слабость пролетариата на окраинах и неподготовленность, незрелость политического самосознания народных масс всей России к 1905 г.

Субъективная – собственно ошибка – расчёт на интеллигенцию, как гегемона народных масс.

Более глубокий анализ показывает, что было бы заблуждением абсолютизировать веру Гаспринского «в победу прогресса посредством чистого просвещения» (из очерка).

Гаспринский видел, что его программа мобилизации народов Востока России на активную, сознательную борьбу ещё не закончена (это подтвердило поражение революции 1905-1907 гг.). Революция 1905 года не меняла характера отношений Востока с империалистическим Западом, утверждала необходимость союза Востока с Россией, и Гаспринский продолжал борьбу, оставаясь верен до конца своей программе.

Смерть оборвала напряжённую работу Гаспринского. Именно в эти дни, писал Н. Нариманов бессмертные строки на «всенародном памятнике Гаспринскому»:

«Кто же теперь благочестивый просветитель и руководитель народа?.. Где же ключи клада, объединяющего общую мысль с мыслью труженика – мысли, сердечные речи человека, защищающего интересы народа???... За 32 года никто не сделал того, что сделал Исмаил-бей...»

Если народ забудет такого великого героя, как Исмаил-бей, он будет способствовать уничтожению собственной жизни».

Если рассматривать, как серьёзны потешания доктора, насчёт кажущейся ему противоречивой возможности ошибаться в выборе гегемона революции (недопонимание классовой сущности борьбы) и революционной сущности борьбы Гаспринского с политикой царизма и империализма, то следует признать, что Смирнов отрицает революционно-демократическое и национально-освободительное движения как революционные, как исторических предшественников Октябрьской революции. Доктор, очевидно, серьёзно подумывает обосновать обратное – что борьба с русификаторской, шовинистической политикой царизма есть явление контрреволюционное. В добрый путь. Для этого у него есть широкий круг авторитетов, начальники охранных отделений, панисламисты, буржуазные националисты, русификаторы и пр. контрреволюционеры.

«Вы словно забыли, – учит доктор, – что Гаспринский современник революции 1905 г. и событий в Крыму; он – непосредственный участник подъёма буржуазно-национального движения на окраинах России и его мировоззрение более сложное, чем это Вам представляется. Нельзя забывать, что Гаспринский проявил живой интерес, как к панисламу, так и к пантюркизму, оставаясь в то же время лояльным по отношению к царизму. В своих симпатиях к царизму Гаспринский, отражал, прежде всего, интересы и политическую линию крупной татарской буржуазии и мурзачества, которые

себя неплохо чувствовали под крылышком царизма, и поэтому не стремились к реализации идей панисламизма...».

Следует отметить, что Гаспринский не только современник революции 1905 г. Он её активный участник, как просветитель Востока, подготовивший трудовой Восток к этой революции. Он активный участник событий в Крыму. Этому вопросу ещё будет уделено внимание. Участие Гаспринского в работе партии «Иттифак» само по себе ещё ровно ничего не говорит в пользу оппонентов Гаспринского. Эту деятельность можно рассматривать как изучение расстановки политических сил, поиски путей в грядущих событиях. Правильную исчерпывающую характеристику этой деятельности нужно и можно дать после изучения её, в тесной связи с публицистикой тех лет и всем мировоззрением Гаспринского. Неизученность вопроса не предлог для отказа в самой постановке его.

Вторая часть докторских откровений гласит, что Гаспринский был верным союзником царизма в закабалении народов, будущее Востока видел в сепаратизме и, в отличие от буржуазии, *«живо интересовался идеями пантюркизма»*. Пан-измы, если отбросить их утилитарную оболочку, означают затуманивание классового сознания народных масс Востока религией, национализмом..., воспитание в них ненависти и недоверия к другим народам и, в частности, к русскому. Если даже закрыть глаза (как это делает т. Смирнов) на конкретные статьи Гаспринского о пан-измах, то анализ 32-летнего публицистического и литературного наследия Гаспринского показывает, что социальная и политическая сущность деятельности Гаспринского как великого просветителя Востока заключалась в борьбе с пан-измами, шовинизмом, национальной и религиозной ограниченностью. Если борьба трудящихся Востока (возглавляемая в свою эпоху Гаспринским) за человеческие права, выход из отсталости и бесправия, прогресс, дружбу и союз с братским русским народом и народами России есть «панисламизм», то да здравствует этот «панисламизм», воплощённый в нашей действительности согласно ленинскому документу – «Обращение к мусульманам Востока»! Анализ ожесточённой борьбы Гаспринского показывает глубокие связи уважаемого доктора с мертвецами.

Обратимся к предыстории вопроса. Кто первый и, с какой целью обвинил Гаспринского в пан-измах и назвал его «крупным крымским помещиком»?

Как мы указывали, социально-политическая сущность просветительской деятельности Гаспринского остриём была направлена против колониалистского Запада, русификаторского, шовинистического царизма, против религиозной и национальной ограниченности и невежества.

Каждая из этих группировок – Запад, царизм и «свои» эксплуататоры по своему пытались обойти это препятствие, в то же время, демонстрируя сходство приёмов и определённое единство интересов.

Зарубежные и царские идеологи развернули бешеную травлю Гаспринского на страницах научных журналов. В очерке указано основное направление в теоретической полемике Гаспринского по вопросу будущего мусульман Востока – формально оно сводилось к полемике вокруг ислама.

Исходя из материалистического понимания истории, Гаспринский доказывал, что не религия, не алфавит, не «фанатизм» определяют социально-политическую фазу развития и уровень цивилизации той или иной нации, а исторический процесс развития общества. Он срывал маску с лозунга о несостоятельности народов Востока преодолеть отставание. Именно в этом направлении Гаспринский призывал работать учёных, желающих найти объективные причины отсталости народов Востока, Африки и др.

Политику царизма и борьбу с прогрессом определяли и направляли люди более крупные и дальновзоркие, чем жандармские чиновники, они прекрасно поняли социальный и политический смысл просветительской деятельности Гаспринского. Только успел Гаспринский опубликовать «Русское мусульманство» и начал издание газеты, как развернули и резко активизировали деятельность миссионеры – Ильминский в Казани и – Остроумов в Туркестане (Ташкенте) – центрах русского Востока.

Борьба Гаспринского была направлена против миссионеров, их инородческих школ, шла борьба за трудящиеся массы, борьба с царизмом.

«Остроумов Н.П. – писатель, окончил курс в Казанской духовной академии в 1870 г., преподавал в академии противомусульманские предметы и татарский язык; в 1877 г. был назначен инспектором народных училищ Туркестанского края, в 1879 г. – директором Туркестанской учительской семинарии, а с 1883 г. состоит директором Ташкентской мужской гимназии. Главнейшие из многочисленных сочинений Остроумова... «Критический разбор мухаммеданского учения о пророках» (Казань, 1874 г.) «Первый опыт словаря народного татарского языка по выговору крещёных татар Казанской губернии». (Казань, 1876), «Сарты» (1890-1896), «Аравия и Коран» (Православный собеседник, 1896). С 1883 г. Остроумов состоит редактором туркестанской «Туземной газеты». В 1885-1886 гг. при помощи туземца Саттархана Остроумов перевёл Евангелие на язык сартов...». Энцикл. словарь Брокгауза, т. XXII, СПб, 1897 г., с. 368.

«Ильминский Николай Иванович (1822-1891) – русский педагог – миссионер. Окончил Пензенскую духовную семинарию и Казанскую духовную академию (1842-46), затем находился в научной командировке на Востоке (в Египте, Турции 1851-53). В 1862-1872 гг. – профессор Казанской духовной академии и Казанского университета по кафедре турецко-татарского языка. Вся деятельность Ильминского и его педагогические взгляды были связаны с христианизацией, русификацией нерусских народностей...» Вся система Ильминского проникнута идеями воспитания в духе православного вероисповедания и монархии, верноподданнических чувств.

При поддержке царского правительства и министра просвещения А. Толстого Ильминский и его единомышленники развернули деятельность по созданию миссионерских школ, а также училищ по подготовке учителей (в Поволжье, Волго-Камском крае, Приуралье, на юго-востоке страны). К 1891 г. имелось 122 т.н. инородческие школы, в которых училось 3.400 детей... В 1863 г. по инициативе Ильминского была открыта Казанская крещено-татарская школа, положившая начало организации школ этого типа. С целью подготовки учителей для миссионерских школ Ильминский создал Казанскую инородческую учительскую семинарию (1872), директором которой он был до конца жизни...». (Педагогическая энцикл. т. 2, 1965, с.198.).

Характеристики врагов теоретической и практической деятельности Гаспринского предельно чёткие.

Сущность миссионерства – проникновение и укрепление позиций капиталистических держав в колониях. Миссионерские школы и литература – вот одно из средств идеологической обработки, национально-политического давления на народные массы.

«Основное назначение миссионерских школ – воспитание детей коренного населения в духе безропотного послушания хозяевам и властям. Обучение зачастую ведётся на языке колонизаторов. Большая часть времени уходит на изучение «закона божьего», зубрёжку молитв, внушение правил христианской морали». (БСЭ, 1954 г., т. 27, с. 589).

Говорить о какой-то пользе миссионерства в России и его якобы прогрессивном характере можно, только став на позиции великодержавного шовинизма, подменив научный анализ ограниченным утилитарным подходом, объясняя такую оценку миссионерства «заслугами» в распространении русского языка. При оценке российского миссионерства следует не забывать, что вся деятельность их, насаждение ими русского языка, являлись актом насильственного «обрусения», удушения национального языка и культуры, противостояли делу освобождения от эксплуататоров, а стратегические замыслы были сметены революцией.

Деятельность миссионеров щедро субсидировалась царизмом. Они развернули ожесточённую травлю Гаспринского, фальсификацию и облаивание его взглядов и практической деятельности с позиций православной церкви, русского капитала, великодержавного шовинизма. Именно главари миссионерства – Ильминский и Остроумов обвинили Гаспринского в панисламизме и пантюркизме, – это было удобной, но прозрачной ширмой шовинистических и русификаторских позиций. Поскольку пантюркизм, как идеология, связан с буржуазно-помещичьими кругами, чтобы как-то скрыть бессилие

своих «теоретических» потуг, они присвоили Гаспринскому титул *«крупный крымский помещик Исмаил-Бек-Гаспринский»*.

Хоть вопрос сословия и не имеет принципиального значения, отметим, что Гаспринский никогда не был помещиком. Да, Гаспринский носил дворянский титул. Когда это являлось научным критерием для оценки личности? Гаспринский был редактором, педагогом, философом, публицистом, писателем, общественным деятелем. Газета его «Терджиман» издавалась на доходы от её распространения.

Трудящийся Восток на практике прекрасно понимал идейную разницу между (*«ассимиляцией» и «обрусением»* Остроумовых) и (прогрессом и *братским союзом народов* Исмаила Гаспринского).

Краткие, неотразимые по своей социальной остроте ответы остроумовым, работы: «Русское мусульманство», (1881); «Русско-восточное соглашение», (1896, Бахчисарай); «Взгляд на Восток и Западную культуру» (1906, Стамбул);

вся деятельность Гаспринского; специальные статьи, развенчивающие панисламизм и пантюркизм как тактически и стратегически мертвые, ошибочные и вредные иллюзии, а обвинение в них народов Востока – как ширму для их закабаления;

резкая критика клерикальных и шовинистических кругов Турции,

– начисто разбивают жалкие потуги «современных» «критиков» - наглых фальсификаторов, показывают, чьими преемниками и продолжателями они являются.

Этот анализ был бы далеко не полным, если бы от Остроумова мы сразу перешли к Смирнову, ибо тогда можно было бы подумать, что Смирнов прочитал или читал когда-нибудь Гаспринского, затруднил себя добросовестным анализом нашего очерка и поднимаемого в нём вопроса. Ещё более наивно полагать в Смирнове нечто самостоятельное.

Нет. Не в планах тех, кто диктовал ответ Смирнова, научное изучение творчества Гаспринского. Не в их интересах разоблачение великодержавного шовинизма, не в их интересах сказать народам СССР правду о Гаспринском. Обратимся к истории вопроса.

«Джадидизм (от арабс, усул-и-джадид – новый метод)» – буржуазно-националистическое течение, зародившееся в 80-х гг. XIX-го века среди татарской буржуазии...

Первым проявлением джадидизма было узкокультурническое движение за реформу старой системы мусульманского образования... Основателем и ярким пропагандистом джадидизма был крымский татарин, крупный земледelec, пантюркист и вместе с тем приверженец царского самодержавия (с 1905 г. октябрист) Исмаил Гаспринский, издававший в Бахчисарае в 1883-1914 гг. татарскую буржуазно-националистическую газету «Терджи-

ман» («Переводчик»)..
С помощью панисламизма джадиды стремились укрепить позиции эксплуататорских классов мусульманских народов и затруднить революционное движение трудящихся народов Востока...

Прикрываясь идеями пантюркизма (создание всетюркского буржуазного государства под эгидой Турции) и используя религиозно-политические лозунги панисламизма (создание всемусульманского государства под эгидой той же Турции), джадиды превратились фактически в агентуру турецких агрессивных элементов и стоявшей за их спиной империалистической Англии. (БСЭ, 1952 г., т. 14. с. 199-200).

Далее: «Джадидизм (от араб. джадид букв. – новый) буржуазно-националистическое движение, зародившееся в 80-е гг. XIX в., среди татарской буржуазии.

...Основоположителем джадидизма был крымский татарин, крупный земледелец Исмаил Гаспринский». (МСЭ, 1959 г., т. 3, с. 478).

Интересно для последующего анализа следующее определение:

«Пантюркизм – шовинистическая доктрина турецких реакционных буржуазно-помещичьих кругов, ставящая своей целью подчинение власти Турции всех народов, говорящих на татарских языках. Пантюркизм возник в Турции в начале 20 века как идеология младотурков...». (БСЭ, т. 32, 1955 г., с. 13).

А вот совсем «свежие» материалы:

«Его (джадидизма) идеологом и основателем был крупный крымский помещик Исмаил-Бек-Гаспринский».

«Идеи пантюркизма, выдвинутые Гаспринским, лежали... в основе всей деятельности Гаспринского, джадидизма в целом». (История СССР, № 4, 1964, с. 55-56).

«Пантюркизм в России возник среди верхушечных слоев крымских татар. Во главе этого течения, сочетающего свою пропаганду с выражением верноподданнических чувств к царизму, стоял крымский помещик Исмаил Гаспринский (1851-1914). С 1883 г. в Бахчисарае под его редакцией стала выходить газета «Терджуман», проповедавшая идеи панисламизма и пантюркизма» (акад. И.С. Брагинский, Ист. СССР, № 6, 1965, с. 34).

«Джадидское движение возникло здесь (в Бухаре) под влиянием пантюркистской печати, особенно газет «Сират ал мустахим» (Турция), «Терджуман», а позже «Вақыт» (акад. И. Брагинский), История СССР, № 6, 1965 г., с. 35).

Можно было бы поднять и другие многочисленные материалы, но приведённые показывают, какой мелкой сошкой и плагиатором является г. Смирнов.

Таким образом (по академику), *«шовинистическая доктрина турецких реакционных буржуазно-помещичьих кругов»* родилась в областях, являющихся объектом этой доктрины и наживой для этих кругов, была привнесена в Турцию извне. В самом деле, программа «Переводчика» была опубликована в 1881 г., пантюркизм возник в Турции в начале XX века, а турецкая националистическая партия «Единение и Прогресс» – «Иттихад ве теракки», чьей идеологией и доктриной явился пантюркизм, была основана в 1889 г. в Стамбуле.

Таким образом, согласно Брагинскому и К^о, Гаспринский является основателем, вождём и пропагандистом пантюркизма и джадидизма в масштабе всего Востока.

Вспомним предысторию вопроса. Проводя русификаторскую политику в масштабе всего Востока, царизм основной удар направлял на места, являющиеся предметом особого вождения грабителей, колонизаторов, форпостами империалистической политики.

Гаспринский, как просветитель Востока, обобщивший, направивший и возглавивший Восток, как общественный деятель и публицист, вёл борьбу по всем направлениям.

Особую ненависть вызывала его борьба с политикой захвата Крыма, – уничтожением и вытеснением из Крыма татар.

Царизм, устами августейших особ провозгласивший курс на скорейшее очищение Крыма от татар, как ширму и удобный предлог использовал обвинение крымских татар в пантюркизме, панисламизме, «вредности для края», ненадёжности и измене. Сущность этой лжи разоблачал журнал А. Герцена «Колокол» и силы, группирующиеся вокруг него, – опасные преступники с точки зрения царизма, Гаспринский и объединённый его газетой «Переводчик» пробуждающий Восток – пантюркизм и панисламизм с точки зрения царизма.

Гневно звучал голос Гаспринского на дворянских собраниях, в «Переводчике», официальной печати, в многочисленных выступлениях, разоблачавших поощрение эмиграции, пропаганду царизма о турецком рае:

«Татары страшно плакали. По-видимому, им тяжело было покинуть родину и родных. Переселенцы принадлежали к сословию безземельных татар и уходили с вакуфной земли, не имея сил платить 8 руб. за десятину или половину урожая».

«Эмиграция, – это наше несчастье. Не впервые Крым переживает её. В 1860 годах ушло из благословенного края до 200.000 народа... Вымирание было наказанием за оставление насиженного гнезда. Теперь в Турции должно было бы быть полмиллиона татар, но их едва найдется до 100 тысяч». (И. Гаспринский, 1903 г.).

Гаспринский разоблачал разграбление вакуфных земель, – одну из главных причин «крымскотатарской аграрной катастрофы» – массового обезземливания крымскотатарского крестьянства и, как следствие, – массовой эмиграции и вымирания.

Рассчитывая, что звание д.и.н. и ст.н. сотрудника такой авторитетной организации как Институт истории делают его рецензию достаточно «солидной», чтобы стать заключительным словом, способным «похоронить» Гаспринского и вопрос о нём,

т. Смирнов нагромождает серию домыслов и трескучих фраз, под которыми нет ни основания, ни работы по изучению поднятых вопросов.

Таково и утверждение, что Гаспринский фактически направлял работу мусульманской фракции II Думы. Конечно, Гаспринский, его мировоззрение и деятельность могли оказывать влияние на отдельных депутатов Думы. Но бесспорен факт, что своё влияние оказывали (и прежде всего) все социальные слои общества, все политические силы, приведённые в столкновение.

Взгляды Гаспринского и сам Гаспринский не могли представлять все политические направления.

Не утверждая, что это именно влияние Гаспринского, отметим определённое сходство позиций Гаспринского и депутата II Думы Решида Медиева в вопросе о земле:

«Представитель крымских татар – депутат Медиев (Таврическая губерния) в горячей революционной речи высказывается «за землю и волю». Чем дальше продолжаются прения, тем ярче выплывает перед нами требование народа, что землёй должен пользоваться тот, кто на ней трудится». (24-е заседание 9 апреля 1907 г., стр. 1789). «Он приводит наказ «братьев» - «татар», жалующихся на расхищение вакуфных земель». (Ленин., собр. соч., т. 13, стр. 374, «Аграрная программа», С.Д. в новой русской революции 1905-1907 гг., раздел: Классы и партии по прениям во II Думе).

Вопрос о Гаспринском и мусульманской фракции II Думы, несомненно, чрезвычайно интересен и при изучении даст много важного материала для оценки Гаспринского.

Захват национальной родины крымских татар в 1944 г. подводя итог вековым стремлением колонизаторов, потребовал создать видимость законности этого преступления. И нашлись люди в халатах академиков и докторов наук, писателей и мемуаристов, которые выжимают всё из арсенала буржуазной социологии, из арсенала подстрекательства, лжи и фальсификации.

Удушение (правовое и экономическое) крымскотатарского языка в своё время положенного Гаспринским в основу общепонятного литературного языка тюркотатар, неизбежно привело к отрицанию этого литературного

языка, его создателя и пропагандиста и его газеты. Признать их, это значит признать язык крымскотатарского народа, сам народ.

Через энциклопедии, исторические и политические журналы, справочную и популярную литературу эти учёные учат советский народ, что крымские татары – это паразитическая нация, во всей своей истории заражённая национализмом, панисламизмом, пантюркизмом:

«Основоположником и ярким пропагандистом джадидизма (буржуазно-националистического течения) был крымский татарин... пантюркист и вместе с тем приверженец царского самодержавия, ... издававший в Бахчисрае... татарскую буржуазно-националистическую газету «Тарджимен»;

«В основе всей деятельности крымского татарина лежали идеи пантюркизма» – изощряются они;

«Через «Тарджимен» Гаспринский проповедовал идеи панисламизма и пантюркизма» – с поразительным бесстыдством и наглостью клеветают они в другом месте.

Используя конъюнктуру, шовинизм пытается дать бой по всем генеральным направлениям марксистской науки. Некоторые из этих шовинистических трудов по истории в литературе, уже получили соответствующую оценку с марксистских позиций («Очерки по истории Крыма» Надинского, «Честь смолоду» Первенцева, «В горах Таврии» Вергасова, «В крымском подполье» Козлова и др.).

Всё сказанное выше, ближайшее знакомство с вопросом показывает лживость обвинения Гаспринского в «лояльности к царизму».

При обсуждении данного вопроса начинающему исследователю следует:

Во-первых, помнить, что Гаспринский начал свою работу по пробуждению Востока в таких общественно-политических условиях и уровне зрелости народных масс, с таким огромным размахом, охватом и стратегическим прицелом, что вести её нелегальными методами было невозможно. Всё это требовало величайшей осмотрительности, умения, иногда маскировки.

Во-вторых, следует сразу вспомнить программу Гаспринского, которой он не изменил всю жизнь: борьба с русификаторской шовинистической политикой царизма, за союз с русским и другими народами, за пробуждение народных масс. Это поможет правильно отделить ценное от шелухи, существенное от наносного.

В-третьих, своё рассмотрение следует вести в тесной связи с конкретными событиями и сплетениями интересов вокруг данного конкретного вопроса.

Начинающему исследователю необходимо со всей чёткостью разграничить: «усул-и-джедид» - новый метод И. Гаспринского, как научное и организационное средство (как новый путь) для ускорения подъёма грамотности и просвещения мусульманского Востока, как органическую часть его про-

граммы просветительской – социально направленной, революционно-демократической по сути деятельности, от социального течения джадидизма, суть которого – использовать науку и просвещение ради классовых интересов нарождающейся буржуазии, как буржуазно-националистическое извращение (отрицание) просветительства, его противоположность.

Реакционная сущность джадидизма, анализ его эволюции и конечного результата развития получили широкое освещение и разработаны досконально и, в общем верны. (В частности же изучение джадидизма конкретно в Крыму, как и вся история нашего народа – дело будущего).

Однако изучение джадидизма, его зарождения и эволюции, при попытке уклониться от анализа эволюции просветительства – революционно-демократического движения,

отрицание просветительства путём сведения его к культурничеству, так же как анализ джадидизма и просветительства среди тюркотатар в отрыве от адекватных течений России: великодержавного шовинизма и различных форм славянофильства, и просветительства,

– означают отход от исторической действительности, от марксизма.

Яркий пример этого отхода дают указанные работы.

В работе Брагинского «О природе среднеазиатского джадидизма...» (История СССР, 1965 г., № 6) подробно исследованы развитие и результат джадидизма, показаны идейные источники, усиливающаяся организационная, идейная и политическая оформленность этого течения. Но вот Брагинский обращается к шекотливой для него темы просветительства:

«Однако по мере нарастания массового революционного движения татарских трудящихся джадидизм эволюционировал вправо, становится антиреволюционным. От него отмежевались демократически-просветительские элементы». (История СССР, 1965 г., № 6, с. 27).

Следует заметить, что джадидизм никогда не был революционным, значит, правильным было бы говорить о его возникновении и, следовательно, размежевании двух чуждых течений. Революционно-демократическое течение среди тюркотатар России по Брагинскому представлено лишь элементами.

«Что касается рядовых джадидов, учителей новометодных школ (школ Гаспиринского – Ю.О.), отдельных интеллигентов, то среди них, бесспорно, преобладало стремление к просветительству. Многие из них разобрались до революции в реакционной сущности джадидской идеологии, но в своей практической деятельности сеяли «разумное, доброе, вечное». (История СССР, 1965 г., № 6, с. 38).

Итак, в противовес реакционным теориям и течениям на Востоке прогрессивные течения были идейно разоружены, слабы, слепы, неорганизованны, стихийны. Оригинальная логика у т. Брагинского.

Опять-таки как стихийные, случайные он отмечает отдельные прогрессивные элементы в творчестве видных представителей интеллигенции того времени, отдельных представителей, но, разумеется, не претендовавших на роль идейных вождей просветительства.

Впрочем понимая шаткость и двусмысленность своих позиций, академик пишет:

«Выдающимся просветителем, который по существу возглавил широкое движение татарской интеллигенции за распространение знаний в народе, был знаменитый Каюм Насыров (1825-1902). Издаваемые им календари составили эпоху в развитии культуры не только татар Поволжья, но и всего тюркоязычного населения России». (Там же, с. 27).

Итак, просветительство на Востоке окончательно обезглавлено академиком уже к 1902 г. Далее:

«Нельзя отрицать заслуг Насырова в деле просвещения. Неграмотному человеку ясно, что такое календарь и каковы его возможности. Если бы все просветители, например, русские: Чернышевский и др., разговаривали с народом посредством календарей, можно представить судьбу человечества. Гаспринский, издав несколько календарей, отказался от этого убогого для просветителя (в настоящем смысле слова) средства общения с народом. Он создал мусульманскую печать. Он сделал язык печати понятным всем тюрко-татарским народам Востока. Он не только возглавил широкое движение интеллигенции, а, что гораздо важнее, направил движение народа в борьбе за знание, прогресс. Он не только возглавил, но и учил народ, учил интеллигенцию. Новый метод – это детище Гаспринского, и никакими фальсификациями это не отнять у него».

Никакими фальсификациями не удастся обезглавить просветительство Востока вообще, русского Востока в частности.

Начинающему исследователю следует предельно ясно понять, что *просветительство Гаспринского*, в частности «усул-и-джедид», *не является стихийным, неосознанным, а, следовательно, подверженным характерному мелкобуржуазному националистическому уклону протестом* реакционному русификаторскому царизму, империализму, касте духовенства, клерикализму и эксплуатации.

Гаспринский, сын Востока, выступил перед ним как сын русской земли, как просветитель-интернационалист, сам хорошо понявший общую тенденцию, перспективы и пути развития общества, Востока, взаимоотношений России и Востока. Он выступил как русский, осознавший *пагубность вели-*

кодержавного шовинизма для будущего России, понимавший его живучесть и его способность незаметно обволакивать сознание людей.

Именно поэтому на него ополчился дореволюционный современный шовинизм.

Начинающему исследователю следует помнить, что Гаспринский ясно предвидел травлю, «обработку» и фальсификацию, которой будет подвергаться его наследие. Поэтому основные свои работы он перевёл на русский язык сам. Это упоминавшиеся брошюры, 25-летняя публицистика «Переводчика», статьи в официальных газетах и журналах, роман «Страна спокойствия». *Следует решительно предостеречь от работы не с авторскими переводами, где умышленно искажена сама сущность.* Тем более, что в этих случаях теряется богатство русского языка Гаспринского.

Завершая, разберём ещё одно интересное заключение т. Смирнова:

«С помощью подобных цитат из произведений Гаспринского вы пытаетесь обосновать данную Вами характеристику деятельности Гаспринского. И это вам вполне удалось. Но вы, однако, проявили односторонний подход и совсем не показали политического и классового лица Гаспринского в его творчестве. Больше того, вы избегаете политической характеристики Исмаила Гаспринского».

Даём справку.

В качестве основного документа, дающего ключ к пониманию всего творчества Гаспринского, взята его работа «Русское мусульманство» (1881 г.), являющаяся программным документом, в котором Гаспринский изложил проблемы, стоящие перед народами Востока вообще и русскими мусульманами в частности, показал основные пути их решения:

Трудящийся Восток выбьется из вековой отсталости на дорогу прогресса политической, общественной, экономической и социальной жизни, если он:

- 1) вырвется из лап колониалистского, империалистического Запада;
- 2) нанесёт сокрушительный удар, изолирует русификацию, шовинистическую политику самодержавия;
- 3) преодолеет яростное сопротивление духовенства, эксплуататорских классов и собственную религиозную ограниченность;
- 4) ориентируясь на союз с прекрасным и, несомненно, передовым русским народом в «братской семье народов России» (которой Гаспринский предсказывал блестящее будущее), поднимется до вершин науки, культуры, примкнёт к прогрессивному общественному движению России, к русской мысли и жизни.

Он обращается к русскому народу с пламенными идеями интернационализма и солидарности народов в процессе общественного развития, показы-

вает, что без дружбы, доверия и равноправия немислимы прогресс народов и прекрасное будущее России.

Великий педагог Гаспринский разъясняет, что проблемы социального прогресса и переустройства немислимы без определённого уровня грамотности (в том числе правовой, политической и экономической) широких народных масс, без активного участия каждого человека в проблемах человеческого общества. Великий педагог Гаспринский в этой работе постулирует основные принципы постановки обучения в национальных школах.

Отчетливо представляя расстановку сил прогресса, ориентировав Восток на союз с Россией, *именно в среде русского мусульманства развернул он свою практическую деятельность*, ибо, предвидя блестящую будущность России и живущего в нём мусульманства, он предсказывал, что Россия станет родной всему Востоку и русский Восток пойдёт во главе всего Востока. *Гаспринского выдвинула, создала сама эпоха, история, жизнь.*

Вы – «киты науки»! Куда вы проглатываете свои языки и скудное остроумие, когда речь идёт об этой работе? **Почему Вы обходите молчанием этот труд**, актуальный до сих пор, пока существует невежество, империалистический запад и воинствующий шовинизм.

Почему вы не пытаетесь отыскать в нём «противоречий», более «сложного» мировоззрения, чем кажется простым людям?

Разобрав эту работу Гаспринского анализом фактического газетного материала – живого слова Гаспринского, показано, как Гаспринский проводил в жизнь эти идеи, как и каким печатным словом, вооружил он русское мусульманство, каковы были результаты этой деятельности, как оценили её действительно передовые люди своего времени, простой народ.

Умышленно взят год 1883 – начало издания и год 1903 – двадцатилетие издания, чтобы показать, что *Исмаил Гаспринский ни на шаг не отступил от своей программы*, что эта программа дополнялась согласно требованию жизни. Кто из Вас, применив научный анализ творчества Гаспринского, а не измышления панисламистов, расистов, шовинистов, сможет доказать, что Гаспринский изменил своим взглядам, изложенным в своей программе?

Вы как от чумы шарахаетесь от творчества Гаспринского, предпочитая творчество его интерпретаторов.

Вы, академики, стремились приписать Гаспринскому реакционное мистическое произведение Фитрата – «Обитель благополучия» (СПб, 1915), умалчивая о произведении Гаспринского «Страна спокойствия» (переведено автором на русский в 1903-1904 гг.), дающего ключи к пониманию философских взглядов Гаспринского. Но вопрос стоит не о Фитрате.

Нам «вполне удалось» обосновать истинное социально-политическое лицо Гаспринского, основываясь на фактическом материале, невольно вырывается у тов. Смирнова. Однако с лёгкостью акробата он тотчас отталкивается от своего признания. Сделав галопообразный экскурс по затасканным аб-

сурдным измышлениям, он, то назидательно укоряет нас в попытке уклониться от анализа периода 1903-1914 гг., то бросается разъяснить нам своё вульгарное толкование панисламизмов. Он обвиняет, что мы не анализировали отношения правого крыла «Милли-фирка» к Гаспринскому. Если бы почтенный доктор отнёсся добросовестно к возложенной на него задаче, то нашёл бы ответы на эти наскоки. Чтобы не затруднять его, повторимся коротко:

Краткий очерк не может претендовать на полное и всестороннее исследование творчества Гаспринского. В нём дана общая оценка, поставлены центральные проблемы многогранной деятельности Гаспринского, ключевые позиции, из которых следует исходить для правильного понимания и оценки места и роли его творчества.

Ни в какой мере не обманутые ограниченностью, которая привела бы нас к оценке Исмаила Гаспринского с точки зрения его заслуг перед крымскотатарским народом,

мы (т.е. наш народ) непосредственно связываем атаку на Гаспринского с позиций великодержавного шовинизма и расизма, с общей атакой этих сил на позиции ленинской партии, ленинизма и советскую законность в национальном вопросе, в ликвидации последствий действия врагов советского народа и партии в условиях культа личности.

Когда захвачен родной край, уничтожены все школы нашего народа, ликвидирована основа существования родного языка крымских татар, защитить передовые идеи, а также бессмертные дела великого просветителя Востока, его борьбу с шовинистической русификаторской политикой царизма является делом исключительно тяжёлым, но абсолютно актуальным.

В очерке объяснён источник ошибок Гаспринского, без детального анализа их.

Объяснено и то, почему творчество Гаспринского использовалось и интерпретировалось по-своему панисламистами и буржуазными националистами: панисламисты, буржуазные националисты, расисты и великодержавные шовинисты – составляют одну группу под именем контрреволюционеры, душители народов. Их идеологи – буржуазные социологи, их цель – оправдать социальное и правовое неравенство и национальный гнёт, оправдать все преступления против народов, физическое уничтожение и вытеснение в резервации. Для этого контрреволюционеры используют самое святое для человечества, а их идеологи всегда подводят под эти преступления «научную» базу.

Оценена деятельность Гаспринского в 1903-1914 годах. Показано, что, несмотря на ошибки и заблуждения, ***сущность и размах основной деятельности Гаспринского находятся в полном соответствии с его программой.***

Но не думайте, уважаемое светило, что оценка ошибок Гаспринского будет отдана в Ваши руки. Много чести. Всего Гаспринского в цельной и неразрывной связи всех его ошибок, заблуждений и предвидений, всё его твор-

чество в неразрывной связи с общественно-политическими условиями того времени будут исследовать неподкупные исследователи, твёрдо стоящие на позициях политической, партийной, гражданской науки. Этот процесс уже начался, и нет сомнения, ближайшее будущее вынесёт приговор шовинизму во всех его проявлениях. Шовинизм – это ползучее реакционное наследие прошлого составляет питательную среду, на которой во всех сферах науки и пропаганды растут, откармливаются и успешно работают враждебные социалистическому строю элементы в массах, представители науки, литературы, искусства и др.

Конечное место шовинизма и его проводников – на свалке истории. И нет сомнения, что скоро так и будет.

ВЫВОДЫ:

1. Цель очерка «Исмаил Гаспринский» и данной работы, базируясь на изучении и анализе творчества Исмаила Гаспринского, дать ему общую характеристику с привлечением обширного цитатного материала.
2. Анализ доказывает:
  - наглое игнорирование и фальсификацию истинного творчества и взглядов Гаспринского большинством этих представителей науки,
  - полное незнание с творчеством, взглядами и биографией Гаспринского,
  - наличие общей для них тактики и взглядов, заимствованных у буржуазных социологов и вдохновляемых современным шовинизмом.
3. Обе группы этих учёных сознательно обманывают советский народ, оплачивающий их антинаучную деятельность.
4. Такой ответ т. Смирнова не случаен: найдутся сотни других смиренных, которые напишут сотни вариантов ответа на любой очерк и труд об Исмаиле Гаспринском, основываясь на указанных и, частью, приведённых «директивных материалах», питаюсь атмосферой, созданной вокруг данного вопроса.
5. Научная оценка и здоровая дискуссия о творчестве Исмаила Гаспринского возможна только при решительном вмешательстве партии и обуздании шовинизма в исторической науке.

март 1966 г.,
г. Серпухов

Просветитель Востока ИСМАИЛ ГАСПРИНСКИЙ и реакционные доктрины и течения

«Все невежды суть рабы по природе». («Таинственная страна». Роман)

«Темнота и невежество народных масс бесспорно служат главным источником многих как единичных, так и массовых зол в обществе». («П-Т», 1905 г., № 18)

Многовековая колониальная зависимость стран Востока от империалистического Запада, безраздельное господство иностранного капитала в сфере экономики и политики обусловили крайнюю экономическую, социальную и политическую отсталость Востока.

Крайне низкий уровень развития производительных сил, как следствие колониальной политики Запада, нещадная эксплуатация и ограбление народа «своими» эксплуататорами, построение государственного законодательства на основе шариата, религиозный характер официальной идеологии, безраздельное влияние духовенства в сфере духовной, а так же в формировании традиции, морали и этики определяли и (определяют) религиозную окраску почти каждого общественного социального движения на Востоке.

Любое течение может иметь двойственный характер в зависимости от времени, места, стадии развития относительно к движущим силам течения.

Такие доктрины как панисламизм, пантюркизм, пантуранизм и пр., трактуемые как стремление к консолидации мусульманских (тюркских...) государств и народов под тем или иным флагом, представляют собой попытку опереться на разноречивые по целям, характеру и сущности направления и стороны национально-освободительной и вообще классовой борьбы.

Общим и, безусловно, характерным признаком этих течений является оправданная (на данном этапе) или неоправданная, вольная или невольная подмена общности классовых интересов общностью религии, происхождения и т.д.

Панисламизм и пр., понимаемые как доктрины реакционные, являются таковыми тогда и постольку, поскольку они «... призваны подорвать революционное интернациональное сознание трудящихся, заменить буржуазно-националистическим, отвлечь народные массы против эксплуататорских классов и разжечь межнациональную и межрелигиозную рознь». («Совр. филос. и соц. мысль...», с. 233, Э.Ю. Гасанова).

Несомненный интерес представляет вопрос о распространении этих течений в среде русских мусульман. Россия и русская культура, общественное прогрессивное движение непосредственно, а особенно и главным образом через русское мусульманство, оказывали всё возрастающее влияние на трудящиеся массы Востока. Страх перед надвигающимися революционными событиями в России и соображения политического характера (прежде всего продиктованные западным империализмом, его борьбой за сферы влияния) определяли отношение правящих кругов стран Востока к русскому мусульманству.

Политика царизма также заключалась в изоляции мусульман России и Востока от русской и европейской передовой общественной мысли и передовой культуры. Посеять в мусульманах недоверие и отчуждение к русскому, внушить мысль о смирении и покорности, закрыть все пути к прогрессу и из тёмного, невежественного населения делать удобный источник наживы и обогащения, дешёвый рабочий товар и бессловесное пушечное мясо. На это была поставлена государственная машина царизма. В политике русификации (т.е. насильственном уничтожении языка, культуры, веры, традиций, разграбление земель и изгнание из родного края) в руках царизма был испытанный приём обмана и шантажа общественного мнения – внушение славянским и христианским народам версии о фанатизме, ненадёжности, национализме, пантюркизме и панисламизме мусульман.

«Пан-измы» в руках царизма были главным оружием в борьбе с прогрессивными силами на Востоке, в удушении «инородцев» России, в обмане классового сознания славянских народов.

Политика «собственных» эксплуататоров полностью определялись их классовыми интересами и положением вассала у более сильной русской буржуазии.

Политика прогрессивных сил, отражавшая чаяния народа, была направлена против политики эксплуататорских классов Востока, Запада и России, на союз с русским народом и прогрессивным общественным движением России.

Вопрос о политических и социальных течениях, идеологической и философской мысли в среде русского мусульманства, следовательно, и Востока, не может получить полного и достоверного освещения до тех пор, пока умалчивается, упрямо, тенденциозно и априорно обращается и извращается деятельность выдающегося просветителя Востока Исмаила Гаспринского (1851-1914). Выдающийся успех его деятельности как просветителя Востока объясняется тем, что он, полностью отражая интересы народа, поставил и решил крупные проблемные вопросы народно-демократического движения на Востоке; призвал Восток и указал пути к науке, прогрессу и демократии в союзе с русским народом; ясно понимая, умело, метко и беспощадно разоблачал алчную сущность империализма, шовинистическую, русификатор-

скую, грабительскую политику царизма, прозорливо предвидел прекрасное будущее России и живущего в нём мусульманства.

Основываясь на том непреложном факте:

- что исторически и в силу сходных политических, правовых, экономических и духовных условий жизни трудящиеся мусульмане России, несомненно, представляли устойчивую общность,
- что национальное, демократическое и вообще серьёзное социальное движение немыслимо без единства его движущих сил,
- что весь Восток был объединён империалистической политикой, бесправием, невежеством и нищетой народных масс,
- что именно через русское мусульманство Россия будет примером всему Востоку,
- Гаспринский действительно в истории выступил как просветитель всего Востока, призывавший к его единению для решения назревших проблем. Как демократ, политик и просветитель, он выдвинул лозунг:

«Фикирде, Дильде ве Иште – бирлик» (Единство в замыслах, языке и работе).

Смысл этого лозунга изложен Гаспринским в его программной работе «Русское мусульманство» и в 1896 году (как обобщение 15-летней деятельности) в работе «Русско-восточное соглашение». Необходимость знать и оперировать двумя этими работами для желающих вообще что-либо сказать о Гаспринском столь же неоспорима, как знание азбуки для желающего стать грамотным.

В 1905 году Гаспринский в статье «Наша программа» писал:

«... объявленная в первом номере нашей газеты в 1883 году останется неизменной, но вследствие изменившихся обстоятельств и условий жизни мы будем развивать, и проводить её яснее, ибо вся Россия и всё русское стали теперь яснее. Программа наша заключается, и заключалась в следующем: На ниве единства с Россией, сохраняя свою национальность, стремиться к восприятию высшей культуры». («П-Т», 1905 г., № 89).

Последовательность Гаспринского, верность своей программе неоспорима и ясна каждому, кто знаком с его наследием.

Смысл лозунга и сущность деятельности Гаспринского станут очевидны после анализа отношений Гаспринского к панисламизму, пантюркизму и джадидизму.

Если очистить термин «джадидизм» от несусветной путаницы, умышленно созданной, то джадидизму, реакционному течению, направленному на изоляцию трудящихся мусульман России от российского революционного

движения, использующему для этого лозунги панисламизма и пантюркизма, используя движение народа к знаниям, противостоит просветительство. Усул-и-джедид – новый метод Гаспринского, означал первые, реальные шаги в деле просвещения народа. Отождествлять усул-и-джедид с джадидизмом, утверждать, что первый породил последнее, а тем более говорить о трансформации просветительства в джадидизм смешно, безграмотно, а вернее это есть грубая фальсификация, прямое издевательство над истиной, обман общественного мнения, рассчитанный на неосведомленность трудящихся, занятых производством материальных благ, и потому не имеющих возможности для глубокого изучения вопроса. Во-первых, усул-и-джедид – это метод обучения детей грамоте, т.е. новый метод в педагогике, а джадидизм – это реакционное социально-политическое течение. Во-вторых, вопросами совершенствования дела народного просвещения всех народов во всех формациях общества занимались лучшие умы человечества – просветители; появление джадидизма не означало конца просветительства, напротив, его появление говорило об агонии класса эксплуататоров, вместе с которым он и исчез. Просветительство же крепло, ибо сущность его жива, пока жив народ, общество. Просвещение является коренным вопросом жизни и прогресса общества любого социального уклада. Просвещение – есть вечно не меркнувший свет, абсолютно необходимый для истинного прогресса общества во всех стадиях его развития. Об этом не подумали мудрецы, «похоронившие» просветительство в среде мусульман.

Как мы указали, религия была эффективным средством воздействия на сознание народных масс Востока. Кроме того: *«Религия оказывалась фактически самой доступной, а зачастую и единственно возможной формой выражения даже прогрессивной общественной мысли и протеста против колониального гнёта, к тому же наиболее понятной для широких масс, опутанных сетями религиозных предрассудков и суеверий».* («Совр. филос. и соц. мысль...», с. 8, Аникеев Н.П.).

Об отношении Гаспринского к религии достаточно красноречиво говорит его просветительная деятельность, пропаганда прогресса, труда, познания чуждых религии. Наконец, политическая деятельность Гаспринского прямо была направлена против «касты духовных», «чалмоносцев». Эти вопросы будут освещены попутно. Здесь укажем, что являясь противником мифической формализованной религии вообще, Гаспринский видел силу её воздействия на народ. Выступить прямо против религии, в руках которой были все школы мусульман и значительная часть земель, лесов и капиталов, т.е. экономическая и политическая сила и трибуна, это фактически означало бы самоизоляцию от народа с потерей оружия в борьбе против религии и фактической изменой подлинному просвещению народа, т.е. это означало бы выступить против интересов народа.

Кроме того, колонизаторы и русификаторы объяснили отсталость Востока характером религии и фанатичностью мусульман. Выступить прямо против религии и с этой точки зрения было бы ошибочно. В философской беседе «Вера и Разум» (или: «Это, видимо, хорошо, но что говорит наш шариат») в предисловии Гаспринский пишет:

«Во всех явлениях жизни и деятельности мусульманин по традиции обращается к указаниям религиозного закона и шариата. Поэтому весьма важно, если шариат, т.е. вера, не расходится с разумом и указаниями опыта». («П-Т», 1905 г., № 45).

Превосходно зная Коран, шариат и толкования (не будь Гаспринский просветителем, он вероятно, был бы крупнейшим теологом), опираясь на их противоречия, Гаспринский без труда мог доказать, что данное преобразование допускается или поощряется Кораном. В своём замечательном произведении «Таинственная страна» («Дар уль Рахат»), которое более роман-памфлет, роман-боец, чем роман-утопия, сохраняя атрибуты и символику религии в государстве будущего, считая Аллаха творцом Природы, Гаспринский говорит:

«В это я верую так же, как и ты, но ты не знаешь того, что всё на свете совершается по определенным порядкам и вечным законам, ... уже тысячи лет солнце появляется на востоке, чтобы уходить на запад, хотя Аллах может ... несколько изменить его направление... Как неодушевлённый, так и одушевлённый мир подчинены известным законам. Зная законы жизни, социальные и политические условия времени и места, можно предвидеть многое в жизни государств и народов... Таким образом, сын мой, благодаря широкому, точному знанию, каждый из нас может видеть далеко вперёд, может многое предугадать, предсказать».

Во второй философской беседе «Вера и Разум» Гаспринский, характеризуя период упадка в жизни государств и народов, пишет:

«В этом втором периоде, как роковой признак его у всех народов, замечается рядом с упадком нравственности развитие показной, ложной религиозности. «Всё от Бога», «Так хочет Бог» – оправдываются измельчавшие люди, делая Аллаха соучастником и покровителем всякого рода преступных, подлых и падших людишек. Вместо «работайте», «старайтесь», «стройте правду» носится всюду похоронный безнадежный клич «молитесь». Вместо людей века, чести и добра, плодятся тунеядцы, дер-

виши без призвания и т.п. элементы... Молла Аббас. (псевд.). («П-Т», 1905 г., № 48).

Гаспринский учил народ, что «... всё, что украшает человека, приличествует мусульманину», что

«один день, проведённый на страже народного интереса, удобнее Аллаху, чем сорок дней поста и сорок ночей молитвы» (изречение пророка), («П-Т», 1905 г., № 48),

что «... *разумная, вольная песня – это половина молитвы. Она облагораживает человека, облегчает душу*». Это писалось 60 лет назад для Востока задавленного, опутанного религиозными предрассудками.

В романе «Таинственная страна» Гаспринский предоставляет слово шейхам, мударрисам «Великого Медресе» только для того, чтобы отнести религию к совокупности моральных норм бесклассового общества.

Вскрывая несостоятельность расистских теорий ряда исламоведов, Гаспринский показывал, что их религиозная трактовка социальных течений на Востоке – метод фальсификации исторической деятельности:

«Я вообще не вижу достаточных оснований видеть в серьёзных государственных и народных движениях отвлечённых задач без основательной реальной подкладки». («Р.-В.С.», 1896 г.)

«Экзальтированные лица – на Востоке не редкость... Они начинают и кончают своё поприще в пределах какого-либо города или текие – если Мухаммед Ахмед почти моментально приобрёл громадное влияние и, молва о нём прошла из конца в конец мира, то объяснить это следует не заурядными бреднями, не фанатизмом... Новейшая история мусульманских стран представляет нам ещё несколько аналогичных деятелей, вызванных к жизни, как мы думаем, более серьёзными побуждениями, чем избитым истасканным «фанатизмом».

Борьба Шейха Абдуль-Кадера Алжирского против французов, героическая эпопея Якуб Хана Каишгарского в Восточном Туркестане – не последствия религиозного изуверства, а продукт более серьёзных исторических явлений». («П-Т», 1887 г., № 22, «Исторический очерк»).

Затрагивая вопрос утилитарной стороны течений пан-измов, следует отметить, что Гаспринский отвергал любые формы искусственного государственного объединения народов под религиозным или националистическим флагом.

Именно поэтому, ясно понимая исторически неизбежное и несомненно прогрессивное в историческом плане развитие в составе России тюркских народов, Гаспринский на основе глубокого научного анализа исторической действительности именем тюркотатар России заявил, что Великая равнина от Памира до Карпат – родина русского мусульманства, русское оружие – его оружие, у русского и мусульманских народов одна дорога – к прогрессу и прекрасному будущему.

«Мы видим и чувствуем ход истории человечества. Времена мелких экономических и политических единиц миновали... Татария и Московия принадлежат истории и прошлому, теперь надо думать и работать за будущее...». («П-Т», 1905 г., № 29).

Характеризуя существенный момент центристических теорий – требование государственного единения под эгидой Турции, т.е. характеризуя перспективы этих теорий в целом, в политической статье «Панисламизм» Гаспринский пишет:

«Это слово – пугало, попадавшееся нам на страницах некоторых русских и иностранных изданий, мы встретили теперь в Тифлисской татарской газете «Шарки Рус»... Русские авторы, мало или вовсе незнакомые с Востоком, естественно опасались, чтобы «таинственно-грозное движение», охватившее будто бы мусульманский мир, не взбудоражило российских мусульман.

Зная свою страну, зная Восток по его легальной и нелегальной публицистике, мы считали своим долгом заявить, что панисламизм, как понятие и стремление к объединению всех мусульман под одной халифской властью, – миф.

Если искусное, умелое, крепкое папство никогда не могло объединить, не говоря христианские народы, но даже племена, исповедующие католичество, то является прямым абсурдом допускать возможность объединения мусульманских народов различных сект, цветов, языков, разбросанных от Марокко до Малайского архипелага».

Далее Гаспринский цитирует газету «Тюрк»:

«Германия может стремиться к объединению всех немцев; Россия – всех славян. Тут условия географические, этнографические, литературные и прочие могут оправдывать такое стремление. Объединение же мусульманских народов, которые кроме Корана, не имеют ничего общего, может быть лишь несбыточной мечтой». («П-Т», 1904 г., № 78).

Сообщая о возникновении новой нелегальной турецкой газеты «Тюрк», Гаспринский видел и следующую мысль этой газеты:

«Подцензурные легальные турецкие газеты надрывались, чтобы связать воедино несвязуемое, иначе говоря, работали над тем, чтобы морочить и себя, и других, покрывая пустыми фразами центробежные стремления разных своих народностей флагом «османизма» и «общего отечества». («П-Т», 1903 г., № 48).

Вопреки авторитетному мнению некоторых академиков, пантюркизм не был экспортирован в Турцию из России, а также не мог возникнуть ранее тюркизма, ибо является историческим наследием последнего, результатом его развития. А тюркизм никак не мог возникнуть в России, так же, как, скажем, русский великодержавный шовинизм не мог родиться от украинского национализма.

Доказывая нежизненность государственного единения под религиозным и националистическими лозунгами народов Востока, Гаспринский прекрасно понимал, что идеологи этого «единения» спекулируют на объективной тенденции к единению прогрессивных сил данного этапа социального развития общества. Эпоха Гаспринского – эпоха пробуждения народов, демократического движения, и именно единению демократических сил, пробуждению, просвещению народа посвятил Гаспринский свою жизнь. В связи с этим примечательна статья Гаспринского, в которой он высказывается по поводу сношений султана Абдул-Хамида с персидским шахом о прекращении суннитско-шиитской розни. В ней Гаспринский дипломатично уклоняется от характеристики намерений султана, только вставшего на путь своей реакционной панисламистской политики:

«... Известно, что единение – сила, а рознь – гибель людей вообще и во всех сферах жизни. С этой точки зрения нельзя не сочувствовать идее Абдул Хамида. Но вопрос этот имеет для нас ещё частный интерес... Религиозная, и в сущности не особенно значительная рознь яркой, кровавой лентой идёт через всю историю единокровного азербайджанского народа, до сих пор вредно отзываясь в гражданской и социальной жизни. Не вдаваясь в глубокую, религиозную сторону вопроса, это дело совести, мы не можем не сочувствовать вообще идее, цель которой умаление вражды и недоверия и распространение любви и единства среди людей». («П-Т», 1887 г., № 19, Важный вопрос»).

И если, касаясь вопроса о политике султана-халифа, Гаспринский проявляет понятную сдержанность, то по адресу «лучшего друга» мусульман – германского императора Вильгельма II высказывается вполне открыто:

«...Востоку нужна не охрана того или иного императора, не та или другая «иностранный» политики эквилибристика, а внутреннее очищение и возрождение, иначе будущее темно и печально. И Каир и Стамбул уже прибежали к «покровительству» Пальмерстона и Наполеона III; Стамбул не раз получал охрану из Вены, но посмотрите, что из этого вышло: друзья-моряки забрали Египет и Кипр; друзья-рыцари прихватили Тунис, а кавалеры из Вены засели в Боснии и Герцеговине.

Востоку нужны не политические комбинации, а здоровье, честное и спешное домашнее дело. («Император Вильгельм II и Ислам», «П-Т», 1905 г., № 92).

Признание реального соотношения сил на политической арене, отсутствия всяких объективных и субъективных условий для образования панмусульманского государства, т.е. зрелость исторического и политического анализа, ещё не даёт исчерпывающего ответа об отношении Гаспринского к панизмам. Показать социальную и политическую подоплеку, пагубность лозунгов о религиозном, расовом и т.д. единстве, показать истинное лицо идеологов такого «единства» – европейских «друзей», «отцов нации», «обрусителей и их пиджачных единомышленников» – вот историческая задача, поставленная и решённая Гаспринским, политическая и социальная сущность его просветительства.

Весь могучий талант Гаспринского был отдан борьбе с невежеством забитого, ограбленного народа, с политикой дальнейшего экономического, правового и духовного ограбления. Просвещение народа – в руки народа – вот лозунг, выдвинутый им и определивший направление его просветительской и политической деятельности.

В пламенном политическом памфлете «Горе Востока» Гаспринский (вечая этим памфлетом роман «Таинственная страна»), обобщая (резюмируя) оценку, данную в романе политике эксплуататорских классов, современной цивилизации и обслуживающей их религии, писал:

«... Благодаря могучему влиянию и своеобразной, но сильной эрудиции Мат-муллы (олицетворение духовенства) был положен предел любознательности и научному движению мусульман... Мало-помалу народ погрузился в невежество и перестал видеть и понимать. Правители, окрыленные «семью

святостями», стали творить всякие безобразия и расхищать народную казну для своих прихотей...

...Народу, достаточно оступившему от невежества, запуганному кнутом и жестокою уздою, учение Шат-муллы (олицетворение религии на службе эксплуатации – Ю.О.) пришлось по душе: не видя плодов от своего труда, он возложил все надежды на судьбу и терпеливо ждал, что когда-нибудь взойдёт же солнце...

В общем, невежество стало одобренным состоянием, управление – тиранией, а в результате Восток был раздавлен и ограблен...». («Горе Востока», «П-Т», 1905 г, № 9-11).

Подвергнув всестороннему анализу положение трудящихся мусульман России, Гаспринский приходит к выводу, что только «социально-общественные условия быта и жизни» являются причиной «отчуждённости», забитости и невежества мусульман.

В программе своей деятельности – программе пробуждающегося Востока «Русское мусульманство» (Бахчисарай, 1881 г.), Гаспринский писал:

«Мусульманину почти безразлично, кто им повелевает – он по своему закону обязан повиновением... Всё не своё его не интересует, всё, что не входит в круг его знаний, привычек и верований, – ему чуждо и не нужно. Для всех случаев жизни, для всех вопросов ума и сердца он не нуждается в помощи опыта, критики, науки – всё это заменяет вечный Коран, с вечно неизменными ответами и указаниями на все вопросы жизни и смерти». («Р.М.» с. 21).

«Русское мусульманство» по целеустремлённости, цельности, широте охвата, верности трактовки и актуальности поднимаемых проблем, социальному гуманизму и интернационализму, по своему эффекту – целой революции в сознании трудящихся масс Востока занимает достойное место среди шедевров научной мысли.

Как бесконечно далеки от нужд народа, от реальной жизни, как надуманны и мелки рядом с этой работой груды томов современных философов и социологов на Востоке и на Западе, копающихся и нежелающих видеть далее убогого круга «персонализирующегося индивидуума», «освежающие» и подлапывающие мертвые философские системы.

Взгляды Гаспринского на трудовой народ, его нужды и перспективы, разработка проблем просвещения («высшего, общечеловеческого») и вытекающая из этих взглядов титаническая деятельность,

получили всемирную известность, любовь и поддержку широчайших народных масс, явились действенным оружием в борьбе с панисламизмом, пантюркизмом и джадидизмом.

Раздавленному, ограбленному, оболваненному, но никогда не терявшему веру в будущее народу прозвучал голос Гаспринского, что «мусульмане – люди», вселил уверенность в своих силах, пробудил к деятельности. Веками создаваемую систему образования, а вернее систему умерщвления способности и желания мыслить и познавать, систему умелого выматывания сил и средств из простого народа Гаспринский, опиравшийся на пробудившееся сознание и самодеятельность народа, расшатал в два десятилетия. Это происходило параллельно с отчаянной попыткой царизма задушить всякое движение и мысль инородцев России, обрусить, христианизировать, обезличить их, задавить экономически и породить тем самым ненависть и недоверие к русскому народу.

Появление Просветителя Востока на рубеже двух веков именно в среде русского мусульманства – факт глубоко закономерный и символический. Трактую вопросы взаимоотношения русского мусульманства и русского народа, трактую вопросы будущего многонациональной России – братской семьи народов, Гаспринский шёл на чрезвычайно важное, смелое и пророческое обобщение о взаимоотношениях России и Востока, о судьбе народов Востока.

«Я не пожертвовал бы ни одной капли чернил для этих заметок, если бы на минуту сомневался в блестящем будущем моего отечества и живущего в нём мусульманства.

Я верую, что рано или поздно русское мусульманство, воспитанное Россией, станет во главе умственного развития и цивилизации остального мусульманства». («Р.М.», 1881 г., с. 30).

Мысли, высказанные семьдесят лет назад, не теряют своей злободневности. Приведём свежий пример, достаточно характеризующий современное взаимоотношение Востока, Советской России и империализма.

«В последнее время американская, английская и западногерманская реакционная печать подняла яростную кампанию по поводу дальнейшего развития и укрепления дружественных отношений между СССР и Сирией. Вытаскиваются на свет смехотворные утверждения о том, будто СССР «собирается поглотить Сирию». («Вокруг Дамаска», «Известия», 1966 г., № 15192).

Семьдесят лет назад Гаспринский очень хорошо видел сущность этих взаимоотношений и пророчески предсказывал их перспективу:

«Уже только одна тревога в Европе каждый раз, когда возникает слух о русско-турецком сближении и союзе, показывает какое важное значение он мог бы иметь, но значение его больше увеличивается, если поставить вопрос шире, и, не ограничиваясь Турцией, подумать о сближении и солидарности всего Востока с Россией». («Р.-В.С.», 1896 г., с. 11).

«Имея за собой Турцию и Персию, Россия станет родной всему мусульманскому Востоку и благодаря особенно счастливому складу русского народного характера действительно пойдёт во главе мусульманского народа и его цивилизации». («Р.-В.С.», с.15).

Блестяще оправдавшиеся предсказания взаимоотношений России и Востока, Востока и Запада, перспектив России и русского мусульманства, перспектив развития Китая и Японии говорят о большом научном предвидении Гаспринского.

Гаспринский не был философом ради философии. Он работал для трудового Востока:

«Исподволь, но, систематически проводя идею о сближении России и Востока, передавая беспристрастно вести о России, свободно полемизируя, когда нужно, с русскими изданиями... я достиг успеха, о коем не смел и думать. «Переводчик» стали читать не только простые люди, для которых я писал и пишу, но и ученые улемы, вельможные ханы и просвещённые паши. Ничем другим нельзя объяснить успех «Переводчика», как пробуждением интереса Востока к России, что видно также из того, что мусульманские газеты постоянно и дословно перепечатывают все сведения «Переводчика» о России». («Р.-В.С.», 1896 г., с. 8).

Удерживая народ в бесправии и невежестве, отравляя его сознание религией, эксплуататорские классы стремились привить в сознании народных масс, что народ и в самом деле не способен мыслить и созидать, что он так, да и рождён на рабское нищенское существование. Самой бесправной в экономическом и политическом отношении, действительно доведённой до положения бессловесного существа единицей элементарной ячейки социальных отношений – семьи, а, следовательно, и всего общества, являлась женщина Востока.

Борьба за равноправие женщины, за её самосознание являлась непреходящей существенной стороной просветительской деятельности Гаспринского. Здесь ему пришлось воевать не только с кастой духовенства, дикостью и «толстоголовыми» фанатиками из Стамбула, но и, конечно, с европейской колонизаторской «точкой зрения», ибо невежество и бесправие народа являются благодатной почвой для всех форм эксплуатации. Сущность европей-

ской точки зрения такова, что мусульманка – всего лишь «игрушка», «самка» в социальном и паразит в экономическом отношении. Под этими утверждениями о паразитизме половины Востока крылась также версия о предопределенности его отсталости.

Разбивая это расистское положение, Гаспринский говорит, что мусульманка закабалена не менее европейской женщины, но в силу особого характера распределения организации труда её «затворничество» представляет собой явление более экономическое, чем нравственное.

«В мусульманском мире не существует модного вопроса о «женском труде», ибо самый труд существует, несомненно. Может лишь возникнуть вопрос об улучшении и усовершенствовании его». («П-Т», 1887 г., № 24, «Труд мусульманки»).

В многочисленных статьях Гаспринский вскрывает безысходное материальное и правовое положение женщин, узаконенное шариатом и русским законодательством. Вскрывая сущность взаимоотношений в семье как взаимоотношение купли-продажи, он пишет:

«... Он бессовестно торгует браком, он грабит слабую, связанную жертву, вся вина которой заключается в том, что она согласилась быть женой, помощником этого злодея. По букве шариата эту несчастную все терзают, ссылаясь на Божественный Закон. Разве эта женщина не обижена и не унижена до положения бессловесного скота?.. Господа, эти дочери народа «в рабство» не проданы; они «жённы», а между тем положение их хуже рабского». («П-Т», 1903 г., № 36)

Читая строки из письма от девочки из Алупки, трудно не понять: в каком действительно ужасном положении находилась мусульманка; все благородство, мужество, высокий социальный гуманизм и успех деятельности Исмаила Гаспринского.

«Человеколюбивый редактор!.. Мы узнали, что и татарка человек... Оказывается, и мы, как и мужчины, равно правы пользоваться жизнью и её благами. А между тем, сколько уж веков, как поработена мусульманка, низведена на степень, недостойную человеческого достоинства. Ханифе, дочь Кайбуллы». («П-Т», 1904 г., № 29).

Уделяя особое внимание женщине Востока, Гаспринский как гуманист, как просветитель, думал о бесправии женщины вообще. Раскрывая крайне «фальшивое» положение, в которое поставлена «европейская женщина, он, в частности, говорит:

«... европейка ... материально несамостоятельна и, как таковая, имеет особый безнравственный кодекс законов и понятий об обязанностях. Несправедливость и насилие, даже в самых малых дозах, порождают сопротивление, борьбу и ведут к безнравственности...»

... бухарская цивилизация (позвольте мне так выразиться) привела к гнуснейшему среднеазиатскому пороку, о котором неудобно и говорить; а английская цивилизация собрала на улицы и базары Лондона до ста тысяч профессиональных проституток». («Таинственная страна», роман, 1887-1906 гг.).

В статье «Труд мусульманки» Гаспринский, глубоко анализируя положение женщины, затрагивает и интересно трактует существенные вопросы её равноправия:

«... если признать, что экономическая жизнь людей непременно требует от женщины однородной с мужчиной деятельности, то мы укажем некоторые виды и подобного труда мусульманки, хотя по убеждениям нашим труд мужской и женский должны быть разграничены, в интересах как самого труда, так и жизни... Не будет ли целесообразнее, чтобы в мировой мастерской, творящей человеческий прогресс, роль и труд мужчины и женщины были справедливо распределены, не насилуя физических и моральных их особенностей, способностей и призваний».

Перед нами ещё и ещё раз предстаёт великий гуманист, просветитель и философ народных масс.

Чрезвычайно важным, дающим решающее слово в определении отношения Гаспринского к реакционным течениям и, в первую очередь к джадидизму, является вопрос национальности, национального языка и культуры, трактуемый и в тактическом и перспективном аспектах. Большой и многогранный, как и все затронутые вопросы, в данном исследовании он может получить лишь схематическое освещение, являя в целом предмет исследования не одной крупной и серьёзной работы.

Теме этой посвящена вся деятельность Гаспринского, и ответ, однозначный и полный мы сможем получить начиная с программы – «Русское мусульманство» (1881), кончая его последним вздохом и строкой. С особенной полнотой даёт ответ публицистика революционного 1905 года, который подвёл некоторые итоги развития революционного, демократического движения, показал полное банкротство русификаторской политики царизма, окончательно пробудил трудовой Восток.

«То, что я писал в 1881 г. в «Русское мусульманство», служившее введением к моей газете, нашло компетентное подтверждение в 1905 г. Теперь и т. Миронцев и др. деятели нашего Востока (миссионеры-русификаторы – Ю.О.) уже поняли, что противомусульманские задачи были излишни и бесплодны». («П-Т», 1905 г., № 47).

О чем Гаспринский писал в «Русском мусульманстве»? О том, что язык, памятники, литература, обычаи и трудовые навыки составляют неотъемлемые материальные и духовные ценности каждого народа и мусульмане всех национальностей, как и все люди, имеют на них право. Он писал о том, что наука, знание, это солнце, которое должно светить всем. Что подняться до уровня мировой цивилизации инородцы смогут, только овладев русским – общегосударственным языком, и язык этот *«распространится по Руси не путём нескольких десятков жалких школ (миссионерских – Ю.О.), а улучшением, облегчением сообщений, расширением способов труда и торговых промышленных сношений населяющих её народов. А для этого, прежде всего надо позволить и помочь писать, читать и учиться на родном языке всякому русскому народу»* («Р.М.», с. 36).

Разрабатывая принципы постановки обучения в национальных школах (и блестяще применив их в практике новометодных школ), показав необходимость и независимость родного языка для школьного обучения детей, Гаспринский писал:

«Не языкознание развивает мозги, а научная подкладка воспитания; не русский язык вдохнёт жизнь в русское мусульманство, а наука, которая должна быть передана им наилегчайшим и действительным образом». («Р.М.», с. 38-39).

Гаспринский писал в этой работе, что Россия – родина русских мусульман. Что не к «обрусению», не к «ассимиляции», а к нравственному сближению на *«почве равенства, науки и образования»* ... *«должна вести нас великая Россия».*

«Дайте мусульманам возможность знать Россию, её жизнь и законы, дайте им возможность приобрести познания, которые бы своей живительной струёй освежили бы их затхлое мировоззрение, облегчите, облегчите к ним доступ новых идей и принципов, и Вы увидите, как быстро оживёт, очеловечится и примкнёт к русской мысли и жизни дремлющая, апатичная мусульманская масса».

«Света, света дайте нам, старшие братья!...»

И если идеологи русификаторской политики царизма – ильминские, миропиевы и К^о всполошились и ополчились тогда против «ужасной опасности», на «тонкую и последовательную мысль неблагоприятную для православного русского государства и общества», на «ядехидный» и т.д.,

то современные миропиевы в отличие от своих принципалов **не нашли более умного выхода** (да и что оставалось делать),

как борьбу Гаспринского за права обездоленного трудового Востока, призыв его к русскому народу дать света и знаний своим младшим братьям, борьбу за сплочение национально-освободительного и демократического движения России, пропаганду русского народного духа и характера на Востоке, его борьбу с великодержавным шовинизмом, его интернационализм и гуманизм,

приписать «монархизму», «верноподданническим чувствам», пантюркизму и т. д.

Но обратимся к публицистике 1905 г. Бичуя шовинизм, Гаспринский писал:

«... право национальности, право иметь и блюсти свой исторический культурный народный облик, есть в наше просвещённое время такое же естественное, неотъемлемое, право человека, как и все другие «droits de l'homme». «Отнять у человека его национальность не меньшее насилие, чем отнять свободу совести или разрушить семью... Так и современные крепостники-политики признают святыне узы народности исключительным правом господствующего народа». («П-Т», 1905 г., № 22, «Иностранцы и земский собор»).

Право национальности. Взгляды Гаспринского по этому вопросу представляют одну из драгоценнейших нестареющих страниц его богатейшего наследия. Одна экономическая формация сменяется другой, совершая цикл через расцвет к гибели, одна форма эксплуатации, одни эксплуататоры сменяются другими. Но общество, народ – вечны, они существуют, пока существует мир. Вместе с классом отмирает и культура, и язык (жаргон) класса. Вместе с народом живёт культура и язык.

«Известно, какое важное значение имеют пословицы, сказания, загадки и другие образчики народного языка, мысли и дум... В сказаниях, песнях, поговорках каждого народа хранятся лучшие формы и образцы языка

и выражаются характер, мировоззрение и судьба данного народа). («П-Т», 1887 г., № 2).

Неотъемлемое право человека – обрабатывать землю, которую тысячи лет обрабатывали предки, сохранять наследие, созданное в процессе этого труда, и являющееся неотъемлемым условием дальнейшего развития, права овладеть достижениями человеческой мысли – право на свет и знание.

Не националистическое, не буржуазно-националистическое,

а глубоко и верно отражающая сущность экономического и политического положения народных масс России научная и злободневная трактовка вопроса о нации, требующая не межевания, не привилегией, а фактического равенства народов в России. Уместно здесь напомнить крылатое ленинское выражение:

«Ни одной привилегии, ни одной нации, ни для одного языка! Ни малейшего притеснения, ни малейшей несправедливости к национальному меньшинству! Вот принципы рабочей демократии». (В.И. Ленин. «Рабочий класс и национальный вопрос»).

Вот принцип, за который боролись преследуемые колониализмом, расизмом и шовинизмом, лучшие умы человечества, завоевавшие любовь и всемирное признание. Победа – за этим принципом.

Под «правом национальности» Гаспринский понимал, прежде всего, право на труд и жизнь:

«Не единым хлебом жив бывает человек. Это верно, но верно и то, что без хлеба тоже жить нельзя... Необходимо позаботиться и об обеспечении и развитии мусульманских областей». («П-Т», 1905 г., № 33, «Высочайший указ»).

Великий просветитель и выразитель чаяний обездоленных, ограбленных, душимых в тисках голода, политической и правовой дискриминации народных масс Востока вёл борьбу за право на жизнь инородцев России.

Борьба за землю, как объект труда и источник существования для трудящихся масс мусульман, должна быть отмечена как основной аспект деятельности Гаспринского.

В статье «Высочайший указ» («П-Т», 1905 г., № 33), исходя из того, что краеугольный закон современного ему общества – право частной собственности, Гаспринский пишет:

«Необходимо, прежде всего, чтобы «право собственности» общество стояло так же незыблемо, как право частного лица... Любой башкир или киргиз, владея тысячью десятин земли, по закону – неприкосновенный собственник. Аналогично сто башкир или киргиз вместе должны иметь такое же непрерываемое право на сто тысяч десятин общинной земли...

Держа высоко и незыблемо знамя правды и права, надо по возможности скорей решить вопросы обезземеленных мусульман в Крыму, о наделах и горных пастбищах в закавказских губерниях, о земельном устройении горцев, о спорных вакуфах Туркестанского края, о башкирских лесах и киргизских степях. Особенно серьёзен последний вопрос. Киргизы добровольно отдались под покровительство и власть России со всеми своими стадами и степями. Степи эти всегда принадлежали народу и ханской собственности не составляли... С точки зрения исторической и бытовой, киргизские степи представляли собой общественную, народную собственность. Право это испокон веков осуществлялось киргизами, сообразно их кочевому, подвижному образу жизни. Земледелец осуществлял своё право и владение «распашкой», кочевник «выпасом» ... Необходимо оградить интересы и пользы преданного и прекрасного киргизского народа... Киргизский народ есть народ русский, и ... русское право одно от Балтики до Памира».

Приведённая выдержка требует одного пояснения. Просветитель, видевший главное средство освобождения народа от эксплуатации в его всеобщем просвещении, Гаспринский ещё не понимал, что причиной возникновения неравенства и эксплуатации является частная собственность. «Общественная народная собственность» в сочетании с правом частного лица, конкретней – справедливое распределение земли и эксплуатируемый труд в сочетании с всеобщим высшим просвещением народа – вот социальная и политическая структура государства будущего. Гаспринский не указал на пути перехода к бесклассовому обществу. Отрицая вооружённый путь на современном ему этапе, он вообще не берётся ещё за трактовку переходного периода. Свои взгляды на общество он характеризует как ещё не оформившиеся до конца («мне и самому многое ещё не ясно»).

Однако он твёрдо верил, что общество будущего – общество без эксплуатации, без классов, общество национального и гражданского равноправия, высокой культуры, науки. Это общество – свободы личности всеобщего радостного труда и всеобщего высшего просвещения. Общество без тюрем, без насилия. Это общество Гаспринский описал в романе «Таинственная страна» – первом (и, пожалуй, единственном) на Востоке произведении утопического социализма. Этот роман, переведённый на русский, арабский и персидский (с

крымскотатарского) языка, выдвигал самые передовые идеи того времени, возникшие в среде мусульман Востока, был написан в Крыму, в Бахчисарае сыном крымскотатарского народа Исмаилом Гаспринским. Обходя вопрос о путях перехода, Гаспринский твёрдо знал, что политическое, правовое и общественное самосознание народа является главнейшим условием этого перехода. Просветительство Гаспринского (как совокупность его педагогической, общественной, журналистской и политической деятельности), его социальный и политический смысл были прекрасно поняты миропиевыми, смиренными и К^о. (Современные миропиевы вынуждены быть менее понятливыми).

И, наконец, каковы бы ни были взгляды Гаспринского на формы народно-землепользования в государстве будущего, они базировались на принципе – земля принадлежит народу, что отвечало коренным интересам трудового народа, и было его лозунгом. Во-вторых, вообще оценивая деятельность Гаспринского, нужно помнить, что она протекала в эпоху становления национально-освободительного и демократического движения, в период буржуазно-демократической революции 1905 года. Огромная роль Гаспринского в политической жизни этого периода настолько прогрессивна и ясна, что окончательно отменяет обвинение фальсификаторов в джадидизме, монархизме, пантюркизме и пр. Революция 1905 года пробудила Восток к активной политической жизни. Во всех концах России происходили собрания мусульман, принимались петиции, направлялись делегации в Петербург. Двойственный характер петиции отражал ожесточённую классовую борьбу, незрелость народных масс. Это были первые шаги:

«Прошения и записки, подаваемые мусульманами в Петербурге, говорят пока о некоторых поместных, областных их нуждах религиозно-бытового характера. Вопрос высшего порядка, вопрос правовой или ими обходится, или упоминается вскользь, т.к. они признают его решённым царским словом и царской милостью». («П-Т», 1905 г., № 29. Передовица).

Вопросы о земле, о свободе печати, о школах занимают всё большее место в мусульманских петициях. Почти единодушное требование выборности духовных лиц и ограничения срока полномочий, подконтрольности их деятельности в этих петициях и с другой стороны контрпетиции, ходатайства и т.п. касты духовных, требующие сохранения безраздельного влияния духовенства.

В политической жизни мусульман России, истории Крыма Гаспринскому принадлежит выдающееся место. Показать развитие прогрессивной мысли мусульманского Востока, показать Крым без И. Гаспринского, это сознатель-

но фальсифицировать историю, ибо Крым – немыслим без коренного населения - татар, без их истории.

Касаясь характера мусульманских петиций, Гаспринский – председатель I съезда мусульманского Союза России, организатор и председатель крымского филиала Союза, писал:

«Если сварить в одном котле все петиции, то получатся две маленькие бумажки; на одной написано: для мечети нужен мулла, а на другой: для муллы нужна мечеть, ... а разве больше ничего не нужно, разве не опрашивался народ?» («П-Т», 1905 г., № 53).

«Вообще все мусульманские собрания и депутации, как попугаи, всюду повторяют одно и то же – муфти да казий! ... А народ, господа, для которого мы все существуем, не имеет какой-либо нужды?». («П-Т», 1905 г., № 36).

Борьба народа с кастой духовенства в резкой форме проявилась в Крыму. Объясняется это тем, что разграбление многих сотен тысяч десятин земли крымскотатарского крестьянства было совершено при активном участии членов Духовного правления во главе с Таврическим муфтием, борьбу возглавлял и направлял Исмаил Гаспринский. На собраниях мусульман крымского полуострова (апрель 1903), где была принята крымская петиция и обсуждены состав, полномочия и цели депутации в Петербург, выявилась оппозиция духовников. Для того, чтобы обмануть народные массы в ход были пущены религия, угроза, деньги.

«... Наши некоторые чалмоносцы, забыв, что они только пастыри, лезут в роль плохого урядника и, якобы, что-то предупреждая и пресекая, желают обделать узкокастовое дело». («П-Т», 1905 г., № 59).

«Кадиями был пущен слух, что некоторые статьи общей петиции не согласны с требованиями шариата и поэтому для спасения души мусульман от греха ими составлена другая петиция, во всём согласная требованиям и указаниям шариата. Этот ловкий манёвр и обман были пущены в ход, чтобы хитро заманить простой люд к подписке контрпетиции». («П-Т», 1905 г., № 48).

Без труда разбивая схоластические аргументы «духовников», Гаспринский вскрывает истинный смысл разногласий:

«Довольно, наивно и весьма прозрачно «правленцы» хлопочут об интересах касты и кружка, думая, что народ всё ещё остаётся и должен оставаться быдлом и дойной коровой». («П-Т», 1905 г., № 59).

Во время пребывания крымской депутации в Петербурге в «Новом времени», а сразу затем в «Крымском Вестнике» и «Переводчике» появилась статья о целях касты «духовных» во главе с Таврическим муфтием:

«Г. Караиайский собирается прибыть в столицу с другой депутацией в качестве представителя от «касты духовных», которым хотелось бы взять в своё ведение все вакуфы и капиталы, как то было до Выс. учреждённой комиссии о вакуфах.

Все, знающие Крым, невольно вспоминают грандиозное хищение вакуфов и благотворительных капиталов, которое вызвало учреждение означенной комиссии... Каста духовных, всего в 300-400 душ, самоизбираясь и самоуправляясь, растратила до 200 тыс. десятин вакуфной земли. Было время, когда только ленивые не захватывали земли...» («П-Т», 1905 г., № 41, «Крымский муфтий и духовенство»).

Несомненно, что разграбление земель в Крыму носило не случайный характер. О масштабах и сущности «Крымскотатарской аграрной катастрофы» (1784-1870) как средстве русификации Крыма убедительно показано в докладе Комиссии Таврического губернского земства. Авторы исследования поясняют эту мысль:

«Мы разумеем раздачу крымских земель «помещикам христианского толка».

В руки новых помещиков... поступило 350 тыс. десятин, в большинстве случаев заселённых татарских земель».

Генеральным межесванием 1802 г. площадь (ещё не разграбленных – Ю.О.) земель, которыми они (т.е. татарская беднота – Ю.О.) обладали, исчислялась в 600 тыс. десятин. Но, по сведениям земских начальников, к 1887 г. она сократилась до 79 тыс. десятин». («Туак и Ускут», 1903 г.).

Таким образом, царизму потребовалось 100 лет, чтобы фактически лишить средства существования татарскую бедноту. Комиссия о вакуфах, многочисленные указы и распоряжения – всё это умело создавало обстановку полной неразберихи и видимости заботы о землеустроении татар – всё для того, чтобы как можно полнее обезземелить татарское крестьянство ру-

ками крупных грабителей и мелких мошенников. Земельная катастрофа явилась удобным моментом и для мурз и духовенства увеличить свои капиталы и ещё ту же затянуть вожжи управления народом.

После учреждения особой комиссии как одна из мер решения земельного вопроса предлагалась «секуляризация» государством вакуфных земель у духовенства. Это дало бы возможность царизму окончательно решить вопрос русификации Крыма. Вакуфы не являлись собственностью духовенства (по шариату). Царизм, наложив лапу на земли Крыма, получил бы полную свободу в (земельной) политике, т.е. полного изгнания из Крыма коренного населения – татар, превратив её в «исконно-дворянскую» землю (современные шовинисты это трактуют более расплывчато и подленько, как акт исторической справедливости – восстановления исконных прав русского и украинского народов на Крым как древнеславянскую территорию. См. послевоенную литературу). Выступая против секуляризации земли, Гаспринский заявляет, что только народ является хозяином земли, тот народ, который её обрабатывает. Приводимые выдержки, кроме прочего, ещё иллюстрируют цели, которые преследовал Гаспринский оперируя, догматами Корана и шариата:

«Вакуфы согласно требованию шариата обязательно должны находиться в заведовании и управлении мутевелиев (старост), но никоим образом не в руках духовенства, которое в лице служащих в различных учебных или благотворительных заведениях пользуется лишь доходами с них... необходимо лишь, согласно положительному требованию шариата иметь над вакуфами особых смотрителей и старост, удалив, где окажется это злоупотребление, личное заведование муллы или ходжи вакуфом. Что же касается секуляризации вакуфов, то дело это едва ли удобно и своевременно. Вопрос этот, возбуждённый в Турции, был оставлен ввиду религиозной стороны дела (ибо сразу встанет вопрос о содержании мектебов и мечетей – Ю.О.), не смотря, что там могли приступить к делу с авторитетом халифа и ближайшим знанием всего этого щекотливого дела». («П-Т», 1887 г., № 31, «О вакуфе»).

«Крупный крымский помещик», «монархист», «панисламист» и «джадид» – убедительно показывает полное единство интересов духовенства и царизма в деле уничтожения человеческого имени простого народа, говорит именем народа:

«... Императрица (Екатерина II – Ю.О.) создала не существующую в исламе касту «духовного звания», превратившуюся в наследственных привилегированных вакуфоедов и тунейдцев. Духовная служба, преподавание, вос-

питание были отданы как привилегия в руки кучки людей, а всё остальное население устранено... Население решительно высказалось против кастовой привилегии «духовного звания» людей, часто очень далёких от духовных званий и дел. Почувяв, что привилегия на мечети и вакуфы может рухнуть, каста обеспокоилась... Население вовсе не хлопочет об уничтожении касты сословия духовных. Пусть себе существует, коли то приятно, но население желает и добьётся того, что в силу шериата и вообще здравого смысла право на службу, право на учение и воспитание, принадлежало всем достойным людям, а не членам захудалой касты».

Как мы видели, духовники также апеллировали к шариату. По этому поводу Гаспринский делает характерное для него предупреждение:

«С шериадом играть – плохо будет. Шериатские книги известны и нам. Наконец мы можем обратиться к авторитету Константинопольских и Каирских учёных улемов. Но лучше оставить эту недостойную интригу». («П-Т», 1905 г., № 48).

Гаспринский имел обширные связи с прогрессивными деятелями Востока (прогрессивными для своей среды и условий).

Именно тот факт, что просветитель Востока Исмаил Гаспринский, имея полнейшую поддержку народа, выступил с требованием «хозяин земли – народ, землю народу», именно потому, что он, выражая чаяния и волю народа, противопоставил их политике царизма – «Россия – без инородцев», а «Крым – без татар», именно это вызывает бешеную ненависть заложников современного шовинизма. Именно потому, что вопрос был поставлен смело, радикально, весомо.

В ноябре 1905 г. под руководством Исмаила Гаспринского проходят I и II Крымское мусульманское собрание. Со всех концов Крыма съехались 714 представителей всех слоёв населения. В цели собрания, согласно заранее опубликованной программе, входило три вопроса:

- «... а) реформы духовного правления,*
- б) управления и наилучшего использования вакуфов,*
- в) об улучшении участи безземельной части населения».*

(«П-Т», 1905 г., № 96).

«По вопросу о реформе духовного правления, управления вакуфами, собрание остановилось на мысли держаться проекта, составленного весной с.г. и представленного в Петербург». («П-Т», 1905 г., № 97).

В петиции, представленной на имя Витте, основные требования по этим вопросам сводились к следующему:

Выборность всех служителей культа всем населением (прямое голосование), начиная от приходских должностей, кончая муфтием; муфтии и кадии избираются сроком на 5 лет; «... упразднив временную комиссию о вакуфах, существующую с 1885 г., учредить при духовном правлении «вакуфное отделение» под председательством муфтия. Отделение это должно состоять из двух членов, избираемых на 5 лет всем мусульманским населением Крыма. Для ревизии и контроля деятельности вакуфного отделения, и для фактического контроля по уездам избирать таким же образом, на 5-летие 12 членов». («П-Т», 1905 г., № 31).

При оценке вышеприведённого, следует помнить, что речь идёт о первых шагах веками забытого, запуганного народа.

И такая постановка вопроса, как возложение на народ функции контроля за духовенством и за землепользованием, хотя и не ставила и не могла ещё ставить вопрос о полной изоляции и ликвидации духовенства,

являлась хорошим политическим ударом по духовенству и царизму,

говорила о пробуждении самосознания народа – свидетельстве выдающегося успеха деятельности Гаспринского в просвещении и приобщении народа к российскому прогрессивному движению.

Перед губернатором Крыма, вызванным на Всекрымское мусульманское собрание, было поставлено требование о немедленной реорганизации существовавшего состава духовного правления, являющегося «тормозом всякого доброго начинания». Губернатор вынужден был признать справедливость требований о земле и реформе духовного правления. На вопрос, признаёт ли губернатор собрание Всекрымским (полномочия каждого представителя подтверждалась подписями пославшего его населения), тот ответил: «Да, несомненно».

«Вопрос о положении безземельных татар вызвал очень горячие дебаты, причём в числе говоривших были многие простые сельчане, передававшие о своих нуждах, как, например, об устранении татар от пользования т.н. «приписными» общественными лесами, закрытием дорог к берегу моря и т.п.»

«... Собрание постановило: домогаться, чтобы безземельные татары были поселены а) на свободных вакуфных землях; б) на свободных казённых землях и в) на наделах из частновладельческих земель на правах долгосрочного выкупа.

Относительно... земель и лесов, вообще взятых в казну за выходом части населения за границу – хлопотать о возврате таковых во владение хозяев... и нуждающегося населения, ... укрепив за обществами их общественную ответственность...» («П-Т», 1905 г., № 97).

Итак, царизм, устами губернатора Крыма вынужден был признать, что его политика «Крым – без татар» – потерпела фиаско и что трудящиеся крымские татары, несомненно, представляют решающую силу в жизни полуострова. Политические события на полуострове, закреплённые в документах, показывают, что трудящиеся татары являлись надёжным оплотом революционного движения России в борьбе с царизмом и в первую очередь в таком коренном вопросе, как вопрос о земле: земля должна принадлежать тому, кто её обрабатывает. Центральным вопросом всех документов является требование равноправия всех народов России. С особой остротой поставлен вопрос о выходе народа из-под экономического, политического и духовного гнёта религии и духовенства. Просветитель Востока Исмаил Гаспринский выражал, обобщал и активно выступал в защиту этих требований народа. Предшествовавшая 1905 году 25-летняя просветительская деятельность Исмаила Гаспринского ставила целью подготовить народ к грядущим событиям, просвещение – народу – лозунг Исмаила Гаспринского. Лозунг джадидизма – просвещение против народа.

После опубликования программной работы «Русское мусульманство» (1881, Бахчисарай), суть которой – битва с шовинизмом, невежеством и клерикализмом, И. Гаспринский начинает издание газеты «Переводчик». Появление этой газеты – первой и 25 лет единственной газеты русских мусульман – выдающийся политический успех и гражданский подвиг И. Гаспринского. «Переводчик» – школа, язык и голос народа. Следующий этап – разработка нового метода обучения. Какова сущность метода?

«Основав наше издание (т.е. «Переводчик») с целью дать взрослым мусульманам постоянный материал для чтения, мы задумались также над мыслью прийти на помощь детям и дать им по возможности подходящее руководство для начального обучения. Но коснуться нашей тысячелетней школы, ввести в неё хоть маленькое улучшение, – дело слишком серьёзное и требовало времени.» («П-Т», 1887 г., № 15).

«1883 г., апрель 27-го, ... мы, нижеподписавшиеся, присутствовали на экзамене в мектебе Исмаил мурзы, ... где обучение ведётся по новой методе, причём были свидетелями, дети-новички в течение шести месяцев успели

выучиться читать и писать (по-татарски), начали читать по-арабски и упражняться в арифметике. Старшее же отделение детей, усвоив татарскую и арабскую грамоты, уже достаточно успело в мусульманском законе и арифметике...».

Превращение мектеба из мельницы, где перемалывались разум и живая душа ребёнка, в школу, блестящая отповедь тем, кто в арабском алфавите видел панацею от всех бед, это достижения, но ещё не сущность нового метода выдающегося педагога современности.

«Ходжа-и-субьян» («Детский учитель»), содержит (для учителей) основание школьной дисциплины и порядок, начала педагогики и приёмы обучения, и последовательные уроки для детей (с указаниями для преподавателя) по татарской и арабской грамоте, диктовке, арифметике и мусульманскому закону.

Учебник приурочен для пользования людей, не имеющих педагогической подготовки, и, думаем, что книжка наша послужит не только для годжи и мектебдара, но и всякой грамотной матери для обучения своего ребёнка»...

Сущность «усул-и-джедид» И. Гаспринского – просвещение в руки народа. Вырвать из рук духовенства, мурзачества и царизма привилегию на воспитание и просвещение народа, сделать носителем просвещения самого забитого в политическом, экономическом и моральном отношениях человека – женщину, внести его в каждую семью. Именно это вызывает бешеную ярость современного шовинизма, ликвидировавшего все школы, уничтожившего всё книжное богатство крымскотатарского народа. Именно поэтому бессмертно имя Гаспринского.

Революционный 1905 год ознаменовал новую эпоху в развитии мусульман России и всего Востока. И. Гаспринский, возглавлявший крымскую депутацию в Петербурге, организовавший её создание и разработку всех её документов, составляет «Докладную записку уполномоченных крымских мусульман», поданную 18 мая 1905 г. на имя министра Народного просвещения России. Являясь подлинным документом народа, она даёт ясное представление о той эволюции, которую прошли трудящиеся массы мусульман. «Записка» представляет дальнейшее развитие работы «Русское мусульманство», является его логическим и историческим продолжением. В ней именем народа ставится требование «просвещение – в руки народа» и даётся научное обоснование социально-политических предпосылок, необходимой системы мероприятий и основных аспектов школьной и национальной политики на

окраине для воплощения в жизнь этого требования. Приведём выдержки из «Записки».

«Для образования и просвещения русских мусульман с 70-х годов прошлого века открываются т.н. «Русско-татарские» или «Русско-туземные» школы, а для подготовки учителей для этих школ основаны были также «учительские школы» в Симферополе, в Гори, в Казани и Ташкенте... программа их ограничена преподаванием русской грамоты и четырёх правил арифметики. Как таковые, школы эти... составляют для просвещаемой мусульманской массы начало и конец русского просвещения и развития культуры...

*Мусульманское население России достигает 15 млн. душ или 3 млн. семей. Если поставить себе задачей иметь одну начальную школу на 100 семей, то следовало бы открыть тридцать тысяч школ для мусульман, что потребует, кроме единовременных расходов, ежегодного школьного бюджета в 12 млн. руб. ... В то же время число учительских школ надо будет удесятить. Если бы достижение такого «количественного идеала» распределить на 25 лет, то ежегодный прирост бюджета русско-мусульманской школы приблизился бы к миллиону рублей. Полагаем, что даже ежегодное увеличение этого бюджета на полмиллиона рублей составит тяжёлое бремя для министерства, т.к. в школах не менее нас нуждается и остальное, 115 млн. население империи. Отсрочивать же широкое, интенсивное развитие школьной сети не приходится, **только знание поддерживает, движет народы и даёт им жизненную силу.***

Мы думаем, что для поднятия и развития школьного и вообще просветительского дела должно прибегнуть к самому народу, его сердцу и уму...

Рецидив безграмотности, большой среди русского населения, достигает огромного процента среди мусульман, ...

...программу нашей начальной школы необходимо и расширить и приносить к жизни... Программа эта должна поставить себе целью расширение кругозора ученика и рядом с этим, обучение русскому языку. Для умственного просвещения мусульман России надо поступить так, как поступал Н.И. Ильминский в деле духовного (т.е. церковного – Ю.О.) просвещения мелких инородческих племён, т.е. надо прибегнуть к родному языку детей... Раз только русская школа станет «полезностью» в глазах мусульманина, то дальнейшее её развитие и расширение будет обеспечено; сердечное и материальное содействие как школе не только русской, но и родной будет развиваться из года в год...

Мы уполномочены ходатайствовать... о начальном преподавании на родном языке. О том же ходатайствует мусульманское население почти всех областей...

Резюмируя сказанное, имеем честь доложить, Ваше Высокое Превосходительство, что мусульмане тем охотнее будут учиться, просвещаться и содействовать тому великому делу, чем более это дело будет носить государственно-общественный характер... Исходя из этого мы просим, чтобы русско-татарская или русско-туземная школа не жила исключительно гражданский характер (т.е. не церковный – Ю.О.) ..., чтобы к заведению школы, в помощь учебному начальству был призван общественный, местный элемент, чтобы просветительство – народные учреждения не стояли в стороне и отчужденно от общества... и чтобы родному языку нашему было отведено достаточно места, как естественному элементу знания и естественному элементу начального преподавания...». («П-Т», № 43, 1905 г.).

Поездке депутации в Петербург предшествовала длительная подготовка общественного мнения через «Переводчик». Основной упор И. Гаспринский сделал на критику русификаторской политики царизма. Это был приговор истории – шовинизму, страстный призыв к разуму и совести людей. И. Гаспринский прекрасно понимал, что царская Россия тюрьма народов. Он работал для будущей России.

«... При существующей постановке инородческого вопроса, инородческие народности... не могут ожидать никакого существенного изменения в своём правовом положении.

Сотни лет российская бюрократия ограничивала инородцев в самых элементарных правах, сотни лет она употребляла все старания, чтобы обессилить инородцев, убить в них всякую инициативу, всякое проявление активности и самостоятельности, и всё это делалось... во имя «насуточных интересов государства и явной пользы русского народа» (термин «Заключительного обозрения»). (Великодержавный шовинизм и работающие под него «измы» вообще склонны приписывать свои людоедские планы и преступления интересам русского или другого славянского народа – Ю.О.). ***Результаты этой политики гонений на инородцев, как известно каждому непредубеждённому человеку, оказались весьма плачевными: русское государство и русский народ абсолютно ничего от неё не выиграли...*** (Так и политика «Крым без татар!» как до революции, так и после 1944 года, кроме бесконечного позора, громадной траты народной казны, разгула шовинизма и люмпен-прослойки, подрыва экономики Крыма и трагедии крымско-

татарского народа, кроме вреда советскому народу, государству и престижу ничего не принесла и принести не могла – Ю.О.).

... Начало, положенное в основание предстоящих изменений правового положения инородцев России, совершенно не соответствует давно уже назревшей в России потребности в полном раскрепощении личности, к какому бы состоянию, национальности и вероисповеданию она ни принадлежала...». («П-Т», 1905 г., № 38, «Об инородцах»).

Представитель пробуждённого Востока, терзаемого империалистически-ми хищниками, Востока – объекта расизма и шовинизма, сын крымскотатарского народа Исмаил Гаспринский впервые в истории Востока и России именем угнетённых поставил вопрос о равенстве наций и народов. Можно с уверенностью сказать, что история демократического движения не знала подобного примера осознанного, безоговорочного, смелого и страстного выступления в защиту прав народов, их братского содружества и сотрудничества в силу того, что они – народы, творцы материальных благ «из века в век преследовались одной и той же гидрой о трёх головах в виде тягот, неправды и невежества».

Трудно сказать, что имеют в виду современные миропиевы, когда называют Гаспринского монархистом или пантюркистом, окончательно свихнувшиеся с позиций порядочности, чести, партийной научной принципиальности.

«Объединение, скрепление народностей страны есть необходимое условие государственности. Различия языка, происхождения и верований не должны служить тут помехой...»

Казалось, что обрусители под благовидным предлогом объединения преследовали вредную цель разъединить, отбить мусульман от России...

У нас существуют вопросы польский, финляндский, армянский, еврейский. Господам обрусителям этого казалось мало, ибо они... работали над созданием нового, нежелательного татарского или мусульманского вопроса, отравив существование и доверие громадного населения в 18 млн. ...». («П-Т», 1905 г., № 26, «Важное время»).

В своих обличительных статьях Гаспринский раскрывал сущность еврейского, армянского, мусульманского вопросов как цель политики царизма и не имеющих корней в русском, армянском и мусульманских народах. В статье «Кишинёвское насилие» Гаспринский писал:

«... Но останутся в стороне подстрекатели кабинетные, газетные... Впрочем, они не пишут «бейте», «громите», «тащите чужое добро», нет, до этого не дошли, они только поучают народ, что его злоключение от жи- дов. Они охотно разносят злостные сплетни о ритуальных убийствах, они ежедневно плачут, что еврей торгует, обирает, а хлеба не производит, за- малчивая о том, что у еврея не было и нет земли». («П-Т», 1903 г., № 18).

Касаясь армяно-татарской (т.е. азербайджанской) резни, он писал:

«За что погибли эти люди, за что остались сиротами обездоленные их семьи? Не видя, не зная причины этой взаимной резни армян и татар, полагаем, что тут не обошлось без злой провокации, без наищёптывания...» («П-Т», 1905 г., № 14).

Любителям жонглировать терминологией, оторванной от существа дела, теперь представляется возможность приклеить Гаспринскому ярлык крайнего космополитизма.

Гаспринский убедительно показывает, что русификаторская шовинисти- ческая политика направлялась, опекалась и щедро вознаграждалась царизмом насчёт народов России.

«... Очень много гадостей было написано в газетах про мусульман разными «просветителями» Востока, чтобы дискредитировать это смиренное, но стойкое население в глазах русского общества и центрального Правительства. О фанатизме мусульман, о вреде их мектебов, об антигосударствен- ности их книг и т.п. жарились на патриотическом масле длинные статьи и доклады, которые были нами своевременно опровергаемы». («П-Т», 1905 г., № 33, «Золотые слова»).

«Одно время очень модным и популярным был инородческий вопрос; о нём писали очень много, на этом коньке делали карьеру, создавали имя, и увы, достаточно неудачных опытов и начинаний, приносивших вред... По части инородческого дела и обрусительных проектов и опытов самое выдающееся место занимал покойный Ильминский и ученики его, рассыпанные и благоус- троенные по нашему Востоку... На нашем мусульманском Востоке не проис- ходило ничего, что прямо или косвенно не одобрялось или не осуждалось по- койным, причём те из провинциальных деятелей, которые по своим воззре- ниям не подходили к его меркам и тенденциям, удалялись или переводились в другие места. Он знал, как это устроить. Сильная рука Н. И. чувствовалась не только на берегах Волги и Белой, но и на берегах Сыр-Дарьи, Иртыша и Зеравшана... В начале 80-х годов Гаспринский, Девлет Кильдеев, Мирза Алим

напечатали в русских газетах несколько статей о мусульманстве и татарах. Этого было достаточно, чтобы Ник. Ив. встрепенулся и забил тревогу о грозных опасностях... Ильминский подавал мнения, советы, проекты. Муфтиев надо назначать из таких людей, которые боятся урядника, школа должна быть таковой, чтобы мусульмане ничего далее России не знали. И всё в этом роде. Надо заметить, что покойный не менее ратовал против русской земской школы и популярных русских народных книг и всего светского образования вообще и имел успех. «Зловещие точки на горизонте», «ехидство», «изворотливость», «ужасные опасности», «попустительство и бессердечие русских либералов», доносимые кому и куда следует, не остались без влияния».

Не потому ли ополчился на Гаспринского современный шовинизм, что его взгляды очень современны и актуальны? Дело доходит до курьёзов. Когда революция 1905 г. поставила (в частности) вопрос о свободе мусульманской печати, отмене цензуры, в числе многочисленных противников такого шага был профессор Смирнов. Ильминский «умирая, завещал профессора Смирнова г. Победоносцеву (обер-прокурор св. Синода – Ю.О.) «для восточных дел». Этот профессор выступал с яростными нападками и обвинениями Востока и Восточной литературы в «фанатизме» и т.п., а потому требовал не предоставлять ни свободы печати, ни других свобод.

Сейчас, когда стоит вопрос – снять оковы с просветителя Востока И. Гаспринского, цепи лжи, злобных инсинуаций, невежества и забвения, в качестве держиморды выдвинут опять Смирнов – доктор исторических наук, и его аттестация Гаспринского – мертвый от рождения плод политической и исторической неряшливости и крайней научной недобросовестности изображается как оценка партии.

В статье «Лебединая песнь» (т.е. предсмертные судороги шовинизма) И. Гаспринский пишет:

«... И Вы, и я, не говоря о других лицах, можем представить полный список Восточных книг, которые вопиют к людям и к небу за Вашу ужасную аттестацию... Для чего нужна была подпись и разрешение Смирнова или смириновых, чтобы напечатать по-татарски «Капитанскую дочку» Пушкина, «Тараса Бульбу» Гоголя или «книжку о сбережении и гигиене зубов. Потому господу «мечтатели» думали заставить мусульман читать только «творения» казанской переводческой комиссии и считали излишним, чтобы у мусульман были здоровые зубы».

В ответ на призывы шовинизма похоронить инородцев в темноте и бесправии, с тем, чтобы ту же затянуть пути экономического и политического господства над ними, Гаспринский заключает:

«Да здравствует обновленная Россия, да здравствует свет, разлитый на все её народности». («П-Т», 1905 г., № 88).

Когда для крымскотатарского народа растоптана революционная клятва партии (обращение к мусульманам России и Востока), когда попраны исторические ленинские декреты – завоевания революции (о правах народов России; о предоставлении автономии коренному населению Крыма – татарам – на родной земле), когда уничтожены все школы и книги народа, когда уничтожены все права суверенной нации и все гражданские права на родной земле – в Крыму, именно поэтому с таким страхом и ненавистью прячут от советского народа и проклинают имя и дела просветителя Востока Исмаила Гаспринского – сына крымскотатарского народа, поставившего вопрос равноправия всех народов перед грядущей, обновленной Россией.

Третьим кардинальным вопросом, поставленным Крымской депутацией в Петербурге (о двух – петиции мусульман Крыма и докладной записке об образовании инородцев России мы уже упоминали), явился вопрос о свободе мусульманской печати. Гаспринским была заранее дана на страницах печати развёрнутая критика существовавших положений и планов царизма и даны основные моменты положительного решения назревших вопросов.

На приёме депутации у Председателя комиссии по печати Кобеко, Гаспринский с блеском проявил талант полемиста и дипломата. Кобеко, смиренно, вся черносотенная Россия выступила против свободы мусульманской и еврейской печати.

В своём выступлении Гаспринский, касаясь цензуры Корана, юридическо-богословских книг, учебников, произведений восточных классиков Саади, Ширази, Физули, Молла Руми, Навои и др. переводов, произведений русских классиков Пушкина, Гоголя, Толстого, Тургенева и др., а также книг, издающихся повторно, говорил: *«Какое может быть основание продолжать эту сухую формальность и дальше?»* Кобеко согласился, что нет необходимости подвергать цензуре эти издания. Перейдя затем к вопросу о произведениях, которые еще не написаны, Гаспринский говорит, что нет никаких оснований подозревать их в злостности и безнравственности и поэтому преследовать и ограничивать мусульманскую печать.

«И теперь уже одни слухи об этом принимаются мусульманским населением как обида и своего рода унижение... Обратите, Ваше превосходительство, внимание на то, что во всех петициях, поданных мусульманами, в той

или другой форме они просят об облегчении своей печати. Они уважают и ценят печать и злоупотреблять ею, думаю, не будут».

Кобеко: «Главное беспокоит, что татары, охотники до религиозных споров, пустятся в религиозную полемику и мы, русские, не зная восточных языков, будем лишены возможности даже возражать им... По-русски они могли бы и полемизировать».

Ответ Гаспринского показателен:

«Я ничего не имел бы против изъятия из обращения религиозной полемики вообще, за исключением серьезной религиозно-философской беседы на русском языке и в специальных журналах». Публицистика Гаспринского даёт многочисленные примеры таких бесед – о прогрессе и труде, о равноправии женщины, о силе Разума, о профсоюзах, о деньгах, наконец, о Толстом и Пушкине. Гаспринского никогда не занимали темы религии. Беседа Крымской депутации с Кобеко закончилась так:

Кобеко: *«А что вы думаете о предварительной цензуре периодических изданий на восточных языках?»*

И. Гаспринский: *«Если редакторами будут люди с образовательным цензом, то не вижу необходимости лишать такие издания общих прав, кои будут даны изданиям на всех других языках?»*

Кобеко: *«Дело это будет обсуждаться в сентябре, тогда, надеюсь, ещё поговорим обо всём этом».* («П-Т», 1905 г., № 42).

С декабря 1905 «Переводчик» вследствие отмены цензуры выходит полностью на крымскотатарском языке, дублируя лишь исключительно важные статьи. Обращаясь с исключительной теплотой к бывшему цензору «Терджимана», Гаспринский писал:

«... Я получил возможность хоть немного послужить родному слову и самосознанию, несмотря на ревнивое, фанатичное шипение узких обрусителей, ненавистников Востока, который любит Россию, несмотря на минувшую недобросовестность клики обрусителей». («П-Т» 1905 г., № 101, «Цензору И.И. Казасу»).

Битва с кликой обрусителей, начатая Просветителем Востока, закончилась победой принципов пролетарского интернационализма. Контрреволюционный шовинизм, наголову разбитый партией Ленина в годы революции и становления страны Советов, сейчас снова поднял голову.

Философия – одна из сфер его активного проявления.

И, естественно, основной удар направлен против Гаспринского, как центральной фигуры на Востоке, которую невозможно обойти.

Несколько слов о языке, созданном Гаспринским. Как было показано в предыдущих работах, выработка такого общепринятого литературного языка явилась прямым следствием задач просветительской деятельности среди мусульман от Западного Китая до Египта. В основу литературного языка «Переводчика» естественно лёг крымскотатарский язык, находившийся на стыке двух языковых групп. Значит, речь идёт об обогащённом, обработанном искусным мастером языке крымскотатарского народа.

«С самого начала издания «Переводчика» нами была взята на себя очень тяжёлая ответственная задача – писать так, чтобы быть понимаемым от Касимова до Каизгара... «Переводчик» читается всеми тюркскими племенами – южными, северными и восточными, и читатели, как видно из тысяч их писем, пишут языком «Переводчика».

...Зачаток нашего литературного языка вовсе не «османский», как думают г.г. Баязитов и Исаков. Османский, точнее Стамбульский книжно-канцелярский язык не понятен для анатолийских турок; тем менее он может пригодиться для нас, российских или китайских тюрков. Попытки упростить, отуречить османский язык были, но осязательного результата не дали». («П-Т», 1905 г., № 90, «Вопрос о языке»).

Когда в результате деятельности Гаспринского поднялась и стала развиваться мусульманская печать, остро встал вопрос о языке – как писать – общим языком или местным, Гаспринский стоял за общелитературный язык, хотя многие считали иначе и, в конце концов, действительно получила жизнь вторая точка зрения. Является ли это свидетельством пантюркизма? Во-первых, **не язык даёт направление ходу социального развития, а жизнь диктует свои требования языку.** Следовательно, не от вопроса о языке, нужно идти к пониманию и объяснению взглядов Гаспринского на пантюркизм, а, поняв сущность его деятельности и взглядов, социальные условия жизни, подойти к его трактовке о языке.

Не затруднимся повторить слова Гаспринского: *«... Известно, что единение – сила, а рознь – гибель людей вообще и во всех сферах жизни»*, которые верны вопреки тысячам проклятий и ярлыков русификаторов.

Будь то политика живучего шовинизма – явления классового, направленного против трудящегося мусульманства, или условия братского содружества народов,

единый литературный язык, как вобравший в себя всё лучшее и богатое из составляющих, как язык, на котором говорят лучшие, страстные, гуманнейшие и яростные люди – писатели, и доступный сразу всем,

разве стремление к такому языку заслуживает (с точки зрения разума) дубинки?

Польский профессор придумал международный язык – эсперанто. Несмотря на то, что мир никогда не заговорит на нём, вряд ли кому-нибудь может прийти мысль наложить на него секвестр, как на вредную и опасную затею, ибо по мысли его автора и фактически он служит благородным и гуманным целям. Гаспринский не изобретал языка. Он работал и призывал работать над улучшением, очищением и обогащением живого, естественного литературного языка. Думаем, что излишне приводить высказывания и пожелания русских писателей о развитии и распространении русского языка. Вопрос ясен. Шовинизм обеспокоен не насчёт общего языка, а насчёт способностей мыслить и говорить, кого бы он хотел заставить молчать и не мыслить.

«... Все крупные народности, несмотря на различие областных говоров, создали и пользуются единым общим, литературным языком. Различие малорусского, белорусского, или великорусского наречий, различия в говоре ярославца от туляка или курянина не было помехой к выработке общерусской литературной речи. То же самое можно сказать о различии наречий арабских племён, северо- и южногерманцев и северо- и южноитальянцев...

Настоящий литературный тюркский язык вырабатывается самостоятельно (имеется в виду – в историческом процессе – Ю. О.) путём употребления для всех племён основных слов и подчинением правилам тюркской грамматики всех иноязычных слов, вошедших в наш язык.

Небольшое развитие грамматических, фонетических форм не может быть помехой объединению письменного языка». (П-Т), 1905 г., № 90, «Вопрос о языке»).

Итак, никакого «диктата» над местными наречиями, речь идёт о литературном языке и видно, что пишут с одной стороны крупный специалист в области языка и языкознания, а с другой – талантливый публицист, сознающий свою ответственность служению народу, а не в обмане его, как «учёные»-шулера типа надинских-нафиговых. А если серьёзно посмотреть на вопрос развития «местных» языков, то они развиваются в сторону обогащения и словарного состава и грамматического строя и т.д., т.е. опять же в сторону слияния языков. После всего, оценивая шумиху вокруг панисламизма, пантюркизма и т.д., перефразируя Гаспринского можно сказать, что, так как не

было пан-измов, то их пришлось выдумать. Ну а памятник, на разворованные народные деньги казнокрадам из учёных, он поставлен. И очень дорогой, дороже денег.

К политической жизни России русское мусульманство подключилось в период буржуазно-демократической революции. Естественно, что в этот период бурно образовывались буржуазные партии, которые искали сходные по программе общероссийские партии. В силу слабого развития пролетариата на окраинах, где подавляющее большинство населения связано с сельскохозяйственным производством (это особенно относится к таким сельскохозяйственным районам, как Крым, где и в сельском хозяйстве капитализм был гораздо менее развит, чем в центре), буржуазные партии не могли доминировать. Первый всероссийский съезд (август 1905) мусульман поручил участникам провести зональные съезды, организовать широкую пропаганду программ российских партий с тем, чтобы выработать свою программу и примкнуть к одной из них. Некоторые предпочли сразу высказать свои пожелания. Касаясь казанского собрания, Гаспринский писал:

«К сожалению... собрание было не общее, а локальное. Раз собрание нашло нужным перевести на татарский язык программы различных партий, чтобы ознакомить с ними народ, то почему собрание поторопилось примкнуть к КД партии?»

Крымское собрание 20 ноября в числе 714 душ решило не торопиться с этим вопросом, тем более что, согласно постановлению мусульманского съезда в Нижнем Новгороде, указаны были пути совместного решения этого важного вопроса». («П-Т», 1905 г., № 101).

Таким образом, Гаспринский, на протяжении двух десятков лет, возглавивший демократическое движение мусульманства, неизбежно на этапе буржуазно-демократической революции должен был работать по созданию буржуазных партий (ибо любая крестьянская партия по сути своей – буржуазная) и принимать в них активное участие. Это закономерный факт, который однако, сам по себе ничего не говорит. Какова же платформа Гаспринского в этих партиях?

Как мы указывали, его позиции по земельному и национальному вопросу полностью выражали волю народа: земля – народу, нациям – свободу (языка, печати, национальной народной культуры, свободу совести). В отношении духовенства – открытая борьба за освобождение народа от экономического, духовного и воспитательного ига религии. Вопрос о реорганизации медресе и

мектебов – в определенной мере был нужен и буржуазии, и духовенству, и народу. Народу потому, что в них он получал знания. При разработке проекта реорганизации медресе Гаспринский выступает как педагог, как просветитель. По вопросу об участии в политической жизни России Гаспринский выступал ясно – широчайшее участие; выбор достойнейших представителей народа в Государственную Думу. Представитель крымских татар депутат II Государственной Думы Решид Эфенди Медиев (из Карасубазара) выступал в Думе с требованиями революционного народа: землю – народу, в соответствии с постановлением Крымского мусульманского собрания, в духе публицистики «Переводчика». Ленин назвал это выступление «горячей революционной речью» представителя крымских татар.

Что касается остальных пунктов программы, Гаспринский поддерживал те, кои были выгодны национальной буржуазии в её борьбе с русской буржуазией, ибо эта борьба сама по себе прогрессивна. Интересна следующая реплика Гаспринского тем, кто надеялся, что Гаспринский поддержит всякое начинание и течение:

«... «всё» может принять только осёл, скажем более – мы не примем и того, что могут принять муллы, если принятое ими будет противно нашему разумению и совести». («П-Т», 1905 г., № 71, «Поправка»).

В связи с вышеизложенным интересно упомянуть мнение Гаспринского о предполагаемой программе «Татарской прогрессивной партии». По своей сути партия, несомненно, буржуазная.

«Как противоположность и противовес влиянию на народ строго консервативного духовенства и примыкающих к нему элементов, довольных установившимся порядком жизни, организуется «партия мусульманских прогрессистов». Это новое явление и новые люди, как продукт общего подъёма и оживления русской жизни, составляют отрадное и интересное явление жизни наших мусульман. Ядром этой партии служат интеллигентные мусульмане, посвятившие себя литературе и писательству, часть учителей и муталимов новометодных мектебов, более или менее развитая часть купечества и других элементов, сознающих и видящих недостатки национально-го быта и «жизни».

В основу программы ... будут положены распространение среди мусульман современного просвещения, реформа национальных училищ (мектебов и медресе) на почве приближения их к современным учебным заведениям, основание читален, библиотек. Устройство народных чтений, содействие полез-

ным изданиям... развитие грамотности и начальных познаний среди женщин...»

Партия не революционная, а именно прогрессистская с элементами народничества, прогрессистская как мелкобуржуазная демократическая партия на этапе буржуазно-демократической революции, как партия, оппозиционная шовинизму.

В жизни мусульман подобное явление действительно новое, исторически своевременное и неизбежное.

Следует отметить, уже в 1905 г. среди активных участков политических событий в Крыму появляются люди, имена которых затем войдут в историю пролетарского революционного движения. Таков, например, участник крымских мусульманских собраний Али Боданинский, впоследствии член мусульманского коммунистического бюро, расстрелянного белогвардейцами.

И, наконец, отметим выступление Гаспринского с предложением о созыве II собрания Союза русских мусульман.

«Я, в качестве председателя первого собрания Союза, беру на себя смелость предложить сделать второй шаг к осуществлению цели Союза. Ничего не предрешая и не выжидая обмена мнений областных бюро и представителей, имею честь предложить на суд следующее...».

Далее предлагается собрать II собрание с целью изложения устава, программы; решения вопросов о представительстве в Государственной Думе, выработка программ новых мектебов, медресе, вопрос о введении в духовные правления представителей населения, короче, все вопросы, которые действительно необходимо было решить на том этапе. Пункт «г», гласит:

«Ясное, решительное обеспечение за мусульманским населением принадлежащих ему угодий, земель, выпасов, лесов, а в случае государственной в том надобности, отчуждать таковые, не стесняя населения и с оплатой по доброй воле». («П-Т», 1905 г., № 101).

Итак, политическая деятельность Гаспринского в годы революции полностью определялась его ролью как просветителя, руководителя демократического движения народа. В своей деятельности он выражал коренные интересы народа, являясь в то же время одним из организаторов буржуазных партий мусульман, что закономерно вытекало из характера этапа социального развития общества. Главное – Гаспринский опирался и выражал коренные интересы народных масс.

При оценке просветителя Востока И. Гаспринского важно остановиться на его отношении к войне вообще и войне за веру. Прежде всего, Гасприн-

ский чётко разделяет войны грабительские, империалистические и войны освободительные. Он убедительно показал, что экспансия экономическая и политическая неизбежно оканчивается военной экспансией империалистических государств. Всем этим движет капитал – культурно-производительная сила».

Характеризуя русско-японскую войну, как империалистическую, Гаспринский писал: *«Высунувшись из сонной жизни Дальнего Востока это государство, после первых же реформ, поставивших внутреннюю жизнь страны на культурно-производительную ногу в современном духе, сразу стало в наступательное положение передовых государств Европы. Главные заботы и стремления его направились к обезвреждению новыми местами для выхода размножающегося населения и обеспечению путей для сбыта развивающегося производства... Это весьма естественно заставило Японию стать на положение военного государства, и вот она, быстро увеличивая свои сухопутные и морские силы, облизывается, глядя на весьма лакомый для неё кусочек – Корею»...*

«Те же, что и у Японии, побуждения находим и у Северо-Американских Соединённых Штатов, которыми за последние годы овладела воинственная горячка забирающей жадности»...

Всеми ими ворочает, заставляет бегать, суетиться, хитрить, надувать друг друга, дружить и враждовать, а то драться и воевать, – напор широким морем разлившейся богатой жизни, натиск беспрерывно разрастающейся культурно-производительной силы. И горе тем народам, которые в веке столь горячечно возбуждённой жизни всё же не хотят покинуть сладость забвения в нирване». («П-Т», 1903, № 41, «Вечно неизменная истина»).

В статье «Западная привычка» Гаспринский показывает общую картину империалистического разбоя в период русско-японской войны:

«Каждый раз, когда России приходилось воевать с кем-либо, Европа пользовалась «случаем» поживиться... Как видно, и Русско-Японская война считается европейцами подходящим (если не подготовленным) случаем... Как только русско-японские переговоры приняли серьёзный, тревожный характер, англичане двинули в Тибет торговую миссию, сопровождаемую войсками и пушками; и как только на Дальнем Востоке громко заговорили пушки, мирно-торговая миссия англичан в Тибете преобразилась в военную экспедицию, имеющую целью поставить английского резидента в Лхасе. В то же время успешно закончились переговоры об англо-французском соглашении по колониальным делам. Англия получила одобрение Франции на египетское сидение, а Франция получила Британское благословение на осуществление своих задач в Марокко. Таким образом, грохот орудий у Порт-Артура

решил судьбу всего Африканского материка и обширной водной площади Средиземного и Красного морей. («П-Т», 1904 г., № 41).

Империалистические державы, стремясь к разделу колоний, уделяли много усилий ориентировать страны и народы Востока на союз или вражду, которые отвечали бы интересам политики империализма. Наряду с подогревом Германией панисламистских тенденций, важное место занимали стремления Англии склонить мусульманские государства и народы к джихаду (священной войне) с Россией. Трактую вопросы войны и участия в ней мусульман, Гаспринский одновременно даёт оценку этим стремлениям. Приведённая ниже выдержка примечательна и тем, что джихад, приемлемый Гаспринским, это не что иное, как справедливая национально-освободительная война. Этот взгляд не является данью конъюнктуре, как это имеет место у ряда современных философов и социологов Востока, он базируется на глубоком знании народа и его чаяний, вытекает из всей системы воззрений Гаспринского:

«... Никакие шпионы, никакие враги русского государства не собьют с пути разума, верности и чести подвластных России мусульман, даже вновь поступивших и принятых в подданство...

Священная война, война за веру, может возникнуть только в том случае, если противник явно, несомненно, предпринял враждебные, насильственные действия против мусульманской веры, с очевидным намерением уничтожить мусульман или мусульманство. Всякая другая война есть война «светская», иначе политическая, в коей мусульманин обязан принимать настолько участия, насколько к тому его обязывает священный долг защищать своего государя и родину.

Глубоко ошибаются те, кои думают, что призвав мусульман к священной войне, так-таки и подымут их, как бессмысленное стадо животных...

Если кто-либо призвал русских мусульман к священной войне против своих же соотечественников русских, то мы смело можем сказать, что народ удивился бы не нахальству дерзкого, но его крайней глупости и близорукости». («П-Т», 1887 г., № 14).

Предостерегая мусульман России и Востока от оценки войн с точки зрения симпатий или антипатий религиозного, политического или меркантильного характера, объясняя причины поражений России в японской войне, Гаспринский, в частности, писал:

«Не Япония бьёт нас: нас бьют сто десять тысяч её деревенских учителей (против наших 50 тыс.), её тысячи газет и журналов, которые ведь тоже школы, её превосходно налаженные высшие училища и колледжи, и главное её вдруг проснувшийся народный дух». («П-Т», 1904 г., № 66).

Касаясь перспектив развития и судьбы России в час испытаний, именем мусульман России Гаспринский заявлял:

«Обе стороны как бы инстинктивно понимают, что обширнейшая общая родина – равнина стелющаяся от предгорий Памира до берегов Балтики, предназначила их к общей, совместной исторической жизни». («П-Т», 1903 г., № 29).

Историей доказано, что русские мусульмане своё оружие считали оружием защиты русской земли и с честью доказали это. В 1904 г. «Переводчик» перепечатывает из газ. «Салгир» статью «Заслуги татар». В ней, в частности, писалось:

«1904 год, год 50-летнего юбилея Севастопольской обороны, есть в то же время год 100-летнего юбилея военной службы, в качестве самостоятельных частей, коренных жителей полуострова, крымских татар.

В марте 1784 г., по указу Императрицы Екатерины II (№ 15936) было составлено национальное войско из новых подданных Таврической области в составе 5 дивизионов по 200 чел. в каждом, со своими офицерами и командирами из мурз Крыма...

В 1807 г., в июне, по указу Императора Александра I (№ 22770) было сформировано четыре полка конных крымских татар на всём собственном иждивении по 500 ч. в каждом, со своими офицерами и командирами из мурз Крыма...

Полки эти, как известно, доблестно участвовали во всех боях Отечественной войны, защищая отечество вместе с достославной русской армией, и лишь после изгнания врага из России вернулись... с большой действующей армией через Германию»...

«В 1826 г. был сформирован лейб-гвардии крымскотатарский полускадрон, который, вместе со сводно-казачьим полком участвовал в войне с Турцией за Дунаем в 1828 и 1829 годах и был при осаде и взятии крепости Варна. Участвовал эскадрон и в войне 1853-54 гг., и часть его находилась в числе защитников Севастополя».

Часть эскадрона «...участвовала в составе целого конвоя (Его Величества – Ю.О.) в войне с Турцией в 1877-78 гг. при взятии Горного, Дубняка и Ловчи». («П-Т», 1904, № 2).

Осуществляя свою русификаторскую политику, царизм широко создавал и использовал версию о предательстве и ненадежности татар. Под этим предлогом совершался массовый гон крымскотатарского крестьянства с земель, принудительное выселение во внутренние губернии России с конфискацией

всего имущества, принуждение к эмиграции в Турцию. Чтобы лишить царизм возможности фальсифицировать историю и на основании этой фальсификации проводить русификаторскую шовинистическую политику, Гаспринский проводит полную статистику участия мусульман России в японской войне.

«И в прежние войны России мусульмане принимали в них участие, но это оставалось как-то незаметно, ибо регистрация раненых, убитых, больных была крайне несовершенна. Не то теперь. Теперь видно, кто, где и как служил, из опубликованных списков, и мы все знаем, что немало мусульманских сынов сложили свои головы на равнинах Маньчжурии». («П-Т», 1905 г., № 10, «Служба и жертвы мусульман»).

«Настоящее всегда связано с прошлым и будущее познаётся тем легче, чем больше мы знакомы с прошлым». («П-Т», 1904 г., № 1).

«История это такая наука, которая, говоря о прошедшем, учит будущему». («П-Т», 1906 г., № 69).

Зная историю, нетрудно понять, где корни глумления над памятью павших в борьбе с фашизмом, над совестью сотен тысяч героических участников этой великой эпопеи – борьбы за честь, за жизнь, за родину – крымских татар. Нетрудно понять, почему скрывается от советского народа беспристрастная статистика. История говорит, что политика «Крым – без татар» – это политика колониального разбоя, детище царизма, полностью принята на вооружение современным шовинизмом. Вот почему боятся и ненавидят Гаспринского, столь блестяще и широко разоблачившего эту политику. Гаспринский убедительно показал, что русификаторская политика не есть воля русского народа.

В № 22 1883 г. «Переводчика» была опубликована статья «Господину Молчанову». Этот постоянный корреспондент «Нового времени» писал, что извеще об открытии в Крыму крестьянского банка «... очень больно задело моё сердце, как сердце русского человека... Татары, купив земли, сядут на ней так прочно, что не впустят в благословенный природою край ни одного русского человека».

Ответ Гаспринского таков: *«Ваше злосчастное сердце весьма бедно, тоще и болезненно, но затрудняемся понять, почему оно у вас болит «как сердце русского человека». Позвольте, отвергнув, что ваше сердце русское, усомниться также, что оно человеческое, но т.к. несомненно, что вы все же есть человек от человека, то укрепляемся в убеждении, что бедное сердце ваше крайне больное... здоровому сердцу гадко и низко болеть о том, что нуждающемуся хотят помочь,*

а русскому сердцу должно быть стыдно и гадливо идти в разрез с наилучшим качеством своего народа – мирно и гуманно уживаться везде и со всеми...

Что же касается того, что «татары крепко сядут на земли», – успокойтесь, не такой крепкий народ. Три четверти их оставило Крым и пропало без пользы кому бы то ни было, а земли их ныне заняты действительно крепкими людьми, настроившими на татарских пепелищах солидные Кропенталь, Фридрихштадт, Вейсенбург, Германиштадт и т.п.»

Это по Вашему адресу «спец. корреспонденты», специализирующиеся на отраве общественного мнения, к вам растлители молодёжи из молодёжных журналов, к вам шовинистические учёные и писатели, и, наконец, к Вам, маститые писатели, учёные, считающие своим правом беспринципно и трусливо отмалчиваться за бронёй аполитичности и, потому, сомнительной порядочности. А. г. Молчанову должны поставить памятник в Крыму – сбьлись мечты, наконец, очистили Крым от татар во имя «здоровья» его молочных братьев.

Не политической конъюнктурой, не погоней за дешёвой популярностью, не политическими комбинациями определялась работа Гаспринского в интересах «русско-восточного соглашения», а в интересах дружбы народов России. Не плодом досужей фантазии кабинетного учёного определялись его воззрения на русское мусульманство и будущее России.

«... длинный ряд веков жизнь и культура русского и тюркского народа взаимодействуют... Несмотря на грубые, неуместные затеи обрусительных дельцов, несмотря на гласные и негласные доносы и черные краски их писцов, слава Богу, добрые отношения народов непоколебимы. В русском народе нет недоброжелательности, враждебности, обидчивости к «татарину» и, наоборот, у последнего нет никаких дурных чувств или помыслов в отношении «руса».

... Отцы миссионеры и их пиджачные единомышленники могут не одобрять такое добродушное, мирное сожительство, но это неопровержимый и яркий факт. Это действительность, вытекающая из общей печали, общего горя и общей нужды русской и мусульманской массы.

Их свело в одно общая великая равнина – родина, простирающаяся от подножий Алтая до Памира, до болот Балтийского моря; их породнило общее горе от неумения жить.

Оно и понятно, ибо сегодня мусульманин инородец, и живой, бойкий ярославец под свист и грохот откуда-то проскочившего к нам паровоза, продолжают ездить на деревянных осях, пребывая если не в бронзовом, то в «деревянно-камышовом» периоде культуры. Им ли не быть родными, им ли быть во вражде!

Сравните эпосы и народные думы русские и тюркотатарские и вы увидите, что на разных языках эти два народа излагают одно и то же горе, одни и те же жалобы и печали. И это совершенно понятно, ибо оба богатыря из века в век преследовались одной и той же гидрой о трёх головах в виде тягот, неправды и невежества.

Так было в прошлом. А в будущем эти народы пойдут, ибо должны идти рука об руку, чтобы обрести одинаково им нужные свет, правду и сносную жизнь.

Пора выбраться одному из тёмной сакли; другому из закопчённой, курной избы.

Не разделяйте, не отделяйте, не выделяйте, если желаете сплотить, скрепить. Мы не имеем дела в Тегеране, в Кабуле, в Калькутте или Пекине, но мы желаем быть в тесных отношениях к Москве, если она сама не хлопнет перед нами своих ворот. («П-Т», 1905 г., № 29).

Глубокая вера в трудовой народ, в его будущее, в его могучий дух ярким светом озаряет все творчество Исмаила Гаспринского.

«Строгая симметрия всех частей, красота и величие общего вида, воздушные арки, соединяющие колоннаду храма, непритворно и беспристрастно говорят нам о духе народа - строителя, духе великом, красивом и жизне-радостном...». («Таинственная страна», 1887-1905).

В этом – весь Гаспринский.

ВЫВОДЫ:

1. Сущность творчества просветителя Востока Исмаила Гаспринского заключается в борьбе с невежеством, религиозной и национальной ограниченностью, абсолютным бесправием трудящихся мусульман России и Востока. Взгляды Гаспринского на перспективы России, русского мусульманства и Востока, на нацию и её народную культуру и язык, на проблемы воспитания, обучения, труда, прогресса и науки, на взаимоотношения людей и народов, на место религии и эксплуатации в обществе не теряют своей научной ценности, исторической правомочности и злободневности.

2. Просветительство Гаспринского (во всех сферах надстройки) было направлено на борьбу с реакционными течениями на Востоке (пан-измы, джадидизм, религия); в России (шовинизм, русификация, миссионерство) и на Западе (расизм, колониализм).

3. Обвинения Гаспринского в пан-измах, джадидизме и монархизме представляют собой акт открытой фальсификации исторической действи-

тельности, отход от понятий чести, порядочности и долга учёного и гражданина, непосредственно смыкается с актом надругания и уничтожения памятника и дома-музея И. Гаспринского в Бахчисарае шовинистическими громилами.

4. Надругание над творчеством и прахом просветителя Востока И. Гаспринского означает надругание над сокровенными чаяниями многих поколений трудящихся масс Востока о равенстве, свободе, счастье, над их памятью о мудром просветителе-гуманисте. Это означает прямой удар по принципам пролетарского интернационализма, по дружбе, симпатиям и доверию народов Востока к СССР.

Возможность осуществления надругательства над творчеством выдающегося просветителя Востока является прямым следствием варварского акта уничтожения завоеваний революции, захвата национальной родины и всего наследства крымскотатарского народа и призвано служить его оправданием в области философии.

5. Демонстративная фальсификация вопроса о просветительстве среди народов Востока ставит под удар престиж СССР, престиж советской исторической науки.

Требование эпохи – разгромить шовинизм в исторической науке, положить конец обману советского народа. Советский народ должен знать о Гаспринском.

6. Для полной ликвидации атмосферы фальсификации и травли, созданной вокруг Гаспринского и всего просветительства на Востоке, необходимо развернуть широкую научную дискуссию в исторических, философских и политических журналах.

7. Для успеха дискуссии следовало бы в ближайшее время опубликовать работы «Русское мусульманство», 1881 г., «Русско-восточное соглашение», 1896 г. и роман «Таинственная страна» (1887-1905).

Цитированная литература:

1. «Переводчик-Терджиман», газета. 1883-1914. Бахчисарай.
2. «Русское мусульманство» И. Гаспринский. 1881 г. Бахчисарай.
3. «Русско-восточное соглашение». И. Гаспринский. 1896 г. Бахчисарай.
4. «Туак и Ускут» (Экономич, характер, татарских деревень. Симф. губ. земство). Симферополь 1903 г.
5. «Современная философская и социологическая мысль стран Востока», М. 1965 г.

июль 1966 г., Серпухов

ИСМАИЛ ГАСПРИНСКИЙ

Краткий очерк мировоззрения и деятельности

Период деятельности Гаспринского совпал с бурным развитием капитализма в России и Европе, с эпохой подъёма национально-освободительной борьбы в Азии и Африке, революцией 1905 года в России, затем в Турции и Персии. Поражение российской и турецкой революции, годы столыпинской реакции, балканские войны и назревание мирового конфликта – такова общественно-политическая обстановка в заключительный период деятельности Гаспринского.

Закономерность исторического процесса ставила перед Востоком задачу: в условиях жёсткого колониального гнёта преодолеть гигантское отставание во всех сферах общественной жизни. В этом процессе становления национального и интернационального самосознания сформировалась демократическая мысль русских мусульман, ассимилировавшая богатейшие традиции гуманизма и утопизма древнего Востока, традиции русского демократического движения. С 1905 года в среде русских мусульман возникает социал-демократическое движение как органическая часть общероссийского. Одновременно решались задачи этапа буржуазно-демократической революции по созданию массовых легальных организаций, ежедневной прессы, использованию буржуазного парламентаризма и т.п. Революция в России оказывала огромное влияние на развитие революционного процесса во всем мире и, в свою очередь, в значительной мере зависела от него.

Поэтому одной из важнейших задач демократического движения русских мусульман явилась ориентация трудового Востока на русскую революцию, на передовое общественное движение и мысль России.

Это была исключительно тяжелая и актуальная задача, поскольку международная политика царизма была политикой империалистической, колонизаторской и состояла в подавлении свободы и демократии в России, на Востоке и в Европе.

Следовательно, соединение и взаимовлияние революционного процесса на Востоке и в России не входило в планы царизма, как и реакции на Востоке. Вопросу истории и перспектив взаимоотношений России и Востока предельно чёткую оценку дал Ленин:

«В Персии едва ли не решающую роль сыграла и продолжает играть русская контрреволюция, а турецкая революция сразу встретила перед собой контрреволюционную коалицию держав с Россией во главе ...

Все боятся успеха турецкой революции, ибо этот успех означал бы неминуемо, с одной стороны, развитие стремлений к действительной демократии во всех балканских народах, с другой стороны, победу персидской революции, новый толчок к демократическому движению в Азии, усиление борьбы за самостоятельность в Индии, создание свободных порядков в громад-

нейшем протяжении русской границы, следовательно, – создание новых условий, затрудняющих политику черносотенного царизма и облегчающих подъем революции в России». (В.И. Ленин. «События на Балканах и в Персии», 1908 г. с.соч., т. 17, с. 221-222).

Эта сложность исторического периода и задач, стоящих перед прогрессивными силами и Востока, получили своё отражение в творчестве Гаспринского.

«У нас нет литературы», – сказал Белинский, встав во главе российского демократического движения, ибо, хотя в русской литературе уже работали Ломоносов, Жуковский, Державин и даже Пушкин, она ещё не имела демократических традиций, не объединяла и не могла вести за собой демократические силы. Начав с изложения целей и задач русской литературы в статье «Литературные мечтания», Белинский затем создал русскую литературу как таковую.

До Гаспринского на Востоке и в среде русских мусульман выдвинулось несколько крупных личностей, понимавших, что жизнь требует коренной перестройки быта мусульман и работавших в этом направлении.

Засилье клерикальной реакции привело к появлению религиозно-реформаторского движения, возглавлявшегося М. Абдо в Египте и Дж. Афгани в Персии. Тесно связанная с религией школа также требовала коренной перестройки. С первыми идеями и проектами реформы связаны имена Марджани и Файзханова. Первые шаги зарождающегося печатного дела и литературы мусульман связаны с именами М.Ф. Ахундова, Гасанбека Меликова, Каюма Насырова и других. Однако все эти явления представляли собой ещё только признаки зарождающегося пробуждения, не объединённые единой программой, не всегда свободные от пережитков и предрассудков.

Восток должен освободиться от иностранной опеки, у русских мусульман нет школы, но есть мельница ума и души ребенка, нет печати для освещения и решения насущных проблем жизни, нет книг и нет интеллигенции, как передового, «культурно-бродительного фермента» жизни, сказал Гаспринский, приступая к своей деятельности. Он начал с того, что в работе «Русское мусульманство» изложил положение и обострил нужды мусульман России, дал критику национальной политики царизма и методов русификации, теоретически обосновал основные пути подъёма социальной, политической и умственной жизни русских мусульман. Основные положения этой работы сводятся к следующему: Россия – это родина русских мусульман, общность интересов навсегда связала вместе русский народ и инородцев; русские мусульмане пойдут в ногу с прогрессивным общероссийским движением, если приобщаться к передовой русской культуре, если старший брат протянет руку помощи и дружбы.

Первым и главным средством пробуждения является реорганизация школ, создание печати, свободное развитие родного языка, познание своей родины - России. Не языкознание развивает мозги, говорил Гаспринский, а научная подкладка воспитания. Не русский язык вдохнёт жизнь в русское мусульманство, а наука, переданная наиболее доступным и понятным способом.

Русский язык распространяется по России не путём двух-трёх десятков жалкого подобия школ, а развитием отношений, сближением народов в процессе труда и жизни.

Высшее образование немыслимо без русского языка, который должен быть и будет языком общегосударственным.

«Дайте мусульманам возможность знать Россию, её жизнь и законы, дайте им возможность приобретать познания, которые своей живительной струёй освежили бы их затхлое мировоззрение, облегчите к ним доступ новых идей и принципов, – и вы увидите, как быстро оживёт, очеловечится и примкнёт к русской мысли и жизни дремлющая апатичная мусульманская масса ... Света, света дайте нам старшие братья, иначе мы задохнёмся ...», – писал Гаспринский в своей работе «Русское мусульманство» (Бахчисарай, 1881 г., с. 31).

Изложив программу, он приступил к деятельности. Потребовалось огромных трудов, чтобы через три года непрерывных ходатайств получить разрешение на издание газеты и найти подписчиков. Первый номер единственной в течение 25 лет газеты русских мусульман «Переводчик-Терджиман» вышел 10 апреля 1883 года. Программой газеты явилось «Русское мусульманство». Политическое лицо газеты определялось воззрениями Гаспринского в национальном и колониальном вопросах, социальная сущность заключалась в том, что она отвечала насущным требованиям момента, подъёму народных масс на борьбу за свои права. Издание газеты встречало яростное сопротивление реакционного духовенства.

Знаменитый тюрколог А. Вамбери, касаясь роли Гаспринского в подъёме общественной мысли «инородцев» России писал, что *«неутомимый Исмаил-бей Гаспринский духовно пробудил свой народ и с того времени любовно и горячо работает в пользу преобразования общественной жизни, ратует за необходимость усвоения современного знания и повышения народного образования. Исмаил-бей ... был достаточно умён, чтобы вначале не нападать слишком резко на невежество и фанатизм мулл, этих наиболее ярых противников всяких новшеств»* (Статья А. Вамбери «Культурное движение среди русских мусульман» в работе «Лекции об Исламе» И. Гольдциера с. 276-302).

Культурное пробуждение мусульман чрезвычайно тревожило царизм, который как контрмеру организовал активную деятельность миссионерства,

возглавляемого Ильминским. Одновременно с «Переводчиком» возникает его антипод – «Туземная газета», редактируемая в Туркестане крупнейшим миссионером Н. Остроумовым.

Исключительные меры царизма по удушению инородцев требовали от редактора единственной на 18 миллионов человек населения газеты исключительной осторожности и умения в проведении поставленных задач.

Многие исследователи, в частности Плеханов, отмечают, что Белинский искренне прославлял самодержавие, веря в его миссию носителя просвещения и освобождения народным массам.

Идея гуманной, народолюбивой монархии была положена Герценом в его теорию проповеди, равно обращённой к хозяину и работнику, что в своё время даже явилось поводом для школы М. Покровского отгнести Герцена в идеологи либерально-монархического направления. Эти заблуждения двух крупнейших деятелей революционной демократии понятны, они объясняются конкретными условиями эпохи. Крупным шагом вперёд является то, что Гаспринский полностью исключает царизм – «официальную Россию» из своих воззрений, отдавая лишь дань славословиям августейшим особам по случаю коронавания или дачи высочайших указов.

В первом номере «Терджимана» Гаспринский помещает «Молитву», в которой в сжатой форме излагается программа газеты:

«Дай Бог, чтобы «Переводчик» был слугой истины и зеркалом века. Пусть, проповедуя правду и честность, будет он рабом просвещения и искусств. Да узнаем мы, наконец, нашу святую родину; пусть о ней расскажет нам «Переводчик». Да освоятся русские мусульмане с мудростью века. Молитвы наши за царя да переводит «Переводчик». Век наш – чудный век; надо нам понять его. Пусть в направлении постоянен, да здравствует молодой «Переводчик» («Переводчик-Терджиман», 1883, № 1).

В 1908 году, в год террора и реакции Гаспринский в честь 25-летия «Переводчика» воспроизводит песню и поясняет смысл слова «Молитва»:

«Молитва» всегда заключает в себе просьбу, желание, нужду. Восточный поэт восьмидесятых годов под словом «молитва» подразумевал многое.

Восток вообще любит метафоры и иносказание. Наш поэт был вдвойне прав своей метафорой, ибо в то время Русь представляла собой великую метафору и только и делала, что молилась да молилась». («П-Т», 1908 г., № 28).

Пусть будет «Переводчик» слугой истины и зеркалом века. Пусть, проповедуя правду, переводит на понятный народу язык, ясно излагает его чаяния,

беды, напасти; пусть поведает народу об эпохе, научит понять направление исторического процесса, – такова программа Гаспринского.

Эта программа ставила целью коренное преобразование всей общественной мысли и жизни мусульман. В области народного просвещения она предусматривала охват всех возрастных категорий общества – реформу мектебов, медресе, создание учительских курсов и созыв учительских съездов; создание литературы, критики, печати, народного театра, открытие народных библиотек и клубов, благотворительных и просветительских обществ и профсоюзов. В 1883 году к моменту появления «Переводчика», в образцовом новометодном мектебе, открытом Гаспринским в Бахчисарае, были проведены первые показательные экзамены. Так рождается «Новый метод» – «усул-и-джедид», который распространяется по всей России. Со всех концов приезжают за опытом учителя; сам Гаспринский посещает мусульманские области Поволжья, Средней Азии, Закавказья, Сибири и Китая, где открывает новометодные школы.

Через 20 лет в школах русских мусульман по новому методу обучалось около ста тысяч детей. Более десяти новометодных школ открылось в мусульманских областях Китая, усул-и-джедид проникает в Персию, а в 1912 году Гаспринский открывает школу в Индии.

В 1887 году Гаспринский составляет учебник «Детский учитель»:

«Ходжа-и-субьян», содержит (для учителей) основание для школьной дисциплины и порядка, начала педагогики и приёмы обучения и последовательные уроки для детей (с указанием для преподавателей) по татарской и арабской грамоте, диктовке, арифметике и мусульманскому закону. Учебник приурочен для пользования людей, не имеющих педагогической подготовки, и думаем, что книжка послужит ... всякой грамотной матери для обучения своего ребёнка». («П-Т», 1887 г.).

«Ходжа-и-субьян» послужил основой при составлении подобных учебников в Казани, Ташкенте, на Кавказе (учебники Чернявского, Эфендиева и Велибекова). Новый метод означал полную перестройку школы, начиная с приёмов чтения и письма, с учебников и программы, кончая введением в школьный обиход мусульман карт, наглядных пособий, отменой телесных наказаний.

«Новый метод» Гаспринского, основанный на идеях Коменского, означал ликвидацию старой школы – мельницы ума и души ребенка – в современную европеизированную школу, раздвигая её стены, привлекая общество, женщину к делу народного просвещения.

Реформа народного просвещения была проведена снизу, вопреки сопротивлению и гонениям со стороны царской администрации и клерикальных кругов.

В 1905 году Гаспринский организует и проводит I-е и II-е Всекрымские собрания мусульман, обсудившие насущные вопросы. Для изложения требований народа в Петербург была направлена депутация во главе с Гаспринским. Школьный вопрос был обобщён и в отдельном документе – составленной Гаспринским, «Записке уполномоченных крымских мусульман» (подана 18.05. 1905 г. на имя Министра народного просвещения), которая развивает идеи «Русского мусульманства» и, являясь подлинным документом народа, подводит итог 20-летнего пути, революции, которую проделало сознание мусульман всей России.

В «Записке» именем российских мусульман ставится требование, чтобы *«школа носила исключительно гражданский характер, не преследуя иной задачи, кроме просвещения и преподавания общего государственного языка»,* что для поднятия и развития школьного и вообще просветительского дела должно прибегнуть к самому народу, его сердцу и уму», даётся обоснование основных аспектов школьной политики на иноплемённых окраинах и системы мероприятий для воплощения в жизнь этих требований. («П-Т», 1905 г., № 43).

Начав свою работу в тёмной и забитой мусульманской массе, где *«религия оказывалась самой доступной, а зачастую и единственной формой выражения даже прогрессивной общественной мысли и протеста против колониального гнёта, к тому же наиболее понятной для широких масс, опутанных сетями религиозных предрассудков и суеверий»* (Аникеев Н.П. «Современная философская и социологическая мысль стран Востока», с. 8), Гаспринский понимал, что сразу выступить против духовенства, в руках которого была значительная часть земель и капиталов, школы, вся умственная жизнь общества, привело бы к фактической самоизоляции от народа. Якобы особым характером ислама, как религии, оперировали колонизаторы в целях укрепления своего господства. С другой стороны любая религия содержит в себе элементы, отражающие протест народных масс против экономического и религиозного гнёта, формальные принципы общественной морали. Позиция Гаспринского состояла в том, что существование сословия духовенства лишено смысла, – религии не место в сфере социальной, её задача охранять моральные устои общества.

Опираясь на поддержку народа, используя реформаторское брожение в духовенстве, Гаспринский повёл гибкую борьбу с церковным мракобесием и религиозной ограниченностью народа. С революции 1905 года эта борьба стала открытой и ожесточённой.

Гаспринский разоблачает духовенство как беспощадного эксплуататора и душителя народа, испокон веков обслуживающего эксплуатацию, воспевающего покорность и смирение, недвусмысленно показывает единство интересов духовенства (эксплуататоров) и царизма:

«Императрица создала не существующую в исламе касту «духовного звания», превратившуюся в наследственных вакуфоедов и тунеядцев! Духовная служба, преподавание, воспитание были отданы как привилегия в руки кучки людей, а всё остальное население устранено ... Население решительно высказывалось против кастовой привилегии «духовного звания» людей, часто очень далеких от духовных званий и дел. Почуяв, что привилегия на мечети и вакуфы может рухнуть, каста обеспокоилась ..., но население желает и добьётся того, чтобы в силу шариата и вообще здравого смысла право на службу, право на учение и воспитание, принадлежало всем достойным людям, а не членам захудалой касты» («П-Т», 1905 г., № 48, Гаспринский имеет в виду указ Екатерины II о создании духовного сословия).

«Переводчик» разоблачает грандиозное хищение вакуфных земель и капиталов, произведённое духовенством под прикрытием особой вакуфной комиссии, учреждённой в 1885 году царизмом. В противовес решениям собраний мусульман Крыма духовная оппозиция обвинила их в несоответствии духу шариата. Высмеивая «духовников», Гаспринский показывает сущность их борьбы за «спасение духа мусульман»:

«Наши некоторые чалмоносцы, забыв, что они только пастыри, лезут в роль плохого урядника, и, якобы, что-то предупреждая и пресекая, желают обделать узко кастовое дело ... Довольно наивно и весьма прозрачно правленцы хлопочут об интересах касты и кружка, думая, что народ всё ещё остаётся и должен оставаться быдлом и дойной коровой». («П-Т», 1905 г., № 59).

Петиция крымских мусульман, представленная на имя Витте по этому вопросу, содержала требование реформы духовного правления, выборность прямым голосованием всех лиц духовного звания, упразднения Вакуфной Комиссии и создание «Вакуфного отделения» при духовном правлении для ревизии и упорядочения вакуфов. Собрание поставило перед губернатором вопрос *«об удалении с должности муфтия и казья в возможно кратчайший срок, дабы население могло избрать других лиц, заслуживающих доверие».*

Отмечая половинчатость петиций и незрелость народных масс, Гаспринский указывал, что все собрания, петиции и депутатии российских мусульман «твердят как попугаи»: «муфти да казий», обходя вопрос высшего порядка, вопрос правовой. «А народ, господа, для которого мы все существуем, не имеет какой-либо нужды?» – спрашивает он.

На страницах «Переводчика» – газеты, **которая служит «прежде всего, правде и просвещению, ... учит смотреть правильно на вещи и понимать их, ... знакомит всех с нуждами и интересами населения и служит его представителем»** («П-Т», 1883 г., № 1), Гаспринский освещал проблемы и

нужды мусульман, их отечества. Помимо школьного дела и литературы, таковыми являлись вопросы земельный, национальный, женский, вопросы политики и истории.

Борьба за землю, как объект труда и источник существования для трудящихся масс мусульман, должна быть отмечена как один из основных аспектов в деятельности Гаспринского. Процесс капитализации и колонизации восточных окраин приводил к массовому интенсивному разграблению земель и лесов Башкирии, степей Киргизии, вакуфов Туркестана, земель Закавказья и Крыма. Гаспринский исходил из того, что землёй должен пользоваться тот, кто её обрабатывает. Борьба за право на землю, расхищаемую у миллионов крестьян, принимала форму апелляции к сложившейся на Востоке в условиях феодализма специфической форме общинного землепользования, когда земля не закрепощалась в частное владение.

С особой остротой вопрос о земле для крестьян встал в период революции:

«Держа высоко и незыблемо знамя правды и права, надо по возможности скорей решить вопрос о безземельных мусульманах в Крыму, о наделах и горных пастбищах в закавказских губерниях, о земельном устройении горцев, о спорных вакуфах Туркестанского края, о башкирских лесах и киргизских степях. Особенно серьёзен последний вопрос. Киргизы добровольно отдались под покровительство и власть России со всеми своими стадами и степями. Степи эти всегда принадлежали народу и ханской собственности не составляли, за исключением кое-каких урочищ. С точки зрения исторической и бытовой киргизские степи представляют собой общественную, народную собственность. Право это испокон веков осуществлялось киргизами, сообразно их кочевому, подвижному образу жизни. Земледелец осуществлял своё право и владение «распашкой», кочевник «выпасом» («П-Т», 1915 г., № 33, «Высочайший указ»).

Указывая, что скотоводам-капиталистам созданы все условия для хищнической эксплуатации и захвата земли, Гаспринский требует оградить право киргизов и принять меры к скорейшему переводу их к оседлости.

Апелляция к общинному землепользованию в период капитализации деревни характерна демократическому движению вообще. Ленин отмечает, что: «Идея «права на землю» и «уравнительного раздела земли» есть не что иное, как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян» (В.И. Ленин «Памяти Герцена»).

«Общественная народная собственность» – конкретный справедливый раздел земли и неэксплуатируемый, но не обобществлённый труд – такова конечная программа Гаспринского в земельном вопросе:

«Необходимо, прежде всего, чтобы «право собственности» обществ, стояло так же незыблемо, как право частного лица ... Любой башкир, или киргиз, владея тысячью десятин земли, по закону – неприкосновенный собственник. Аналогично сто башкир или киргиз вместе должны иметь такое же право на сто десятин общинной земли». («П-Т», 1915 г., № 33, «Высочайший указ»).

Утопичность этой идеи, как средства против натиска капитализма, доказывала жизнь, ломавшая общину снаружи и изнутри, разорявшая тысячи земель собственников. В своих экономических исследованиях «Монополия на табак», «О хлопковом деле», в статьях о разграблении земель и лесов крестьян, Гаспринский приходит именно к этому заключению и приходит к выводу о необходимости законодательного сдерживания процесса монополизации производства и сбыта.

Всекрымские мусульманские собрания по земельному вопросу постановили «домогаться, чтобы безземельные татары были поселены:

а) на свободных вакуфных землях с умеренной арендной платой в пользу вакуфа;

б) на свободных казённых землях и

в) на наделах, из частновладельческих земель на праве долгосрочного выкупа. Относительно «приписных» лесов горной части Крыма, земель и лесов, вообще взятых в казну за выходом части населения за границу – хлопотать о возврате таковых во владение хозяев ... и нуждающегося населения..., **укрепив за обществами их общественную собственность»** («П-Т», 1905 г., № 37, «Крымско-мусульманское собрание»).

Гаспринский организовал избрание депутатом в Думу от Таврической губернии учителя из Карасубазара Решид Медиева. В своей речи во II Государственной Думе Медиев выступил с революционными требованиями народа:

«Землёй должен пользоваться тот, кто её обрабатывает, кто поливает её своим потом», он разоблачил разграбление земель на национальных окраинах сиятельными дашковыми, мордвиновыми, графами и начальниками жандармских управлений. (Стенографические отчёты II Государственной Думы).

Гаспринский явился организатором, критиком нарождающейся литературы мусульман. Со многими начинающими писателями он был близко знаком, хорошо знал историю литературы народов. Он призывал учиться у русской литературы, писать понятным народу языком, решать актуальные вопросы, **«стремясь к реализму и психологической достоверности повествования»**, глубоко верил в блестящее будущее литературы русских мусульман: **«Не**

способный отчаиваться и верующий в лучшее будущее в жизни мусульман, я склонен видеть в этих, маленьких ещё проявлениях» умственной жизни «добрые и хорошие симптомы. Да и пора!» – писал он по поводу первых произведений Н. Нариманова. («П-Т», 1894 г., № 14). При этом Гаспринский был очень сдержан и тактичен, чтобы не оттолкнуть начинающих от тяжёлого важного дела:

«При появлении на свет «Переводчика» печать находилась в таком положении, что каждая, часто жалкая книжка 10-20 страниц из оберточной бумаги приветствовалась нами как знаменательное, отрадное явление. Мы систематически хвалили и книжку, и автора, и издателя, имея в виду ободрить, поощрить их и направить на развитие книжного печатного дела. Разбирать недостатки едва-едва нарождающегося дела было непрактично, бесполезно, т.к. критическая оценка была бы не понята и вместо пользы могла отбить охоту у начинающих.

Критика бесполезная несколько лет назад становится теперь необходимой. Это, тем более, что на «книжном базаре» уже показался «торговец», а в писательство врывается «барышник», замечается стремление приравнять книжный товар к солёной рыбе или сушёной фрукте.

Уже есть «сочинитель» романа в 40 страниц, дующий с читателя по 50 копеек за книжку без пересылки ... Это наше предисловие». («П-Т», 1903 г., № 40, «Критические заметки»).

Гаспринский всячески поощрял и приветствовал переводы русских классиков, учебной и популярной литературы на языки мусульман России и Востока. Им написан ряд блестящих статей о Толстом, Тургеневе, Гоголе, Фонвизине. Особенно глубокое уважение питал Гаспринский к Толстому – «величайшему художнику и мыслителю». (М. Горький в воспоминаниях упоминает о встречах Л. Толстого с Гаспринским. То же находим в дневниках Толстого). «Толстого хоронит человечество», – писал Гаспринский в день смерти писателя, преданного анафеме.

Гаспринский наладил издание в качестве приложения к «Переводчику» регулярной «библиотеки мусульман», включая в неё произведения европейских, восточных и русских писателей разнообразного жанра и назначения. Среди них составленные Гаспринским «Самоучитель русского языка», календари, книга советов для женщин, географический атлас в красках, с татарскими названиями, «Коммерческий справочник», неоконченная «Энциклопедия для русских мусульман», более 50 новелл, роман. В честь 25-летия «Переводчика» им, вместе с женой Зехра-ханум был открыт в Бахчисарае образцовый мектеб для девочек, идея которого распространялась по другим мусульманским областям. Гаспринский организовал первый журнал для женщин «Алем-и-нисван» («Женский мир»), редактором которого стала его дочь,

журнал для детей «Алем-и-субьян» («Детский мир»), сатирический журнал «Ха-ха-ха», арабскую «Аль Нахда» в Каире.

Гаспринский выработал литературный язык своего «Переводчика», понятный мусульманам Поволжья, Китая, Средней Азии, Закавказья и Крыма. Жизненная необходимость в таком языке в условиях, когда на 15 миллионов русских мусульман существовал единственный «Переводчик» с тиражом 400-600 экземпляров при 50 номерах в год, несколько книжек Ахундова, Насырова и Радлова, бесспорна.

Анализируя причины, тормозящие развитие печатного дела мусульман, Гаспринский указывал, что *«разница в наречиях и провинциализмы авторов и переводчиков»* сильно затрудняют повсеместное распространение и понимание без того малочисленных книг.

«Нет надобности говорить о важности и значении общелитературного языка для развития книжного дела и роста читателя. Язык – основной элемент, главное орудие развития народа». («П-Т», 1904 г., № 79, «Книга и книжное дело»).

В основу языка «Переводчика» естественно лёг крымскотатарский язык, находившийся на стыке двух языковых групп.

«С самого начала издания «Переводчика» – писал Гаспринский, – нами была взята на себя очень тяжёлая ответственная задача – писать так, чтобы быть понимаемым от Касимова до Кашигара... «Переводчик» читается всеми тюркскими племенами – южными, северными и восточными ... Зачаток нашего литературного языка вовсе не османский, как думают господа Баязитов и Исхаков. Османский, точнее Стамбульский книжно-канцелярский язык не понятен для анатолийских турок; тем менее он может пригодиться для нас, российских или китайских турок. Попытки упростить, отуречить османский язык были, но осязательного результата не дали». («П-Т», № 90, 1905 г., «Вопрос о языке»).

Согласно намечавшейся Гаспринским после 1905 г. программе разработки общелитературного языка русских мусульман, обучение в начальной школе должно вестись на родном наречии, а в старших классах – на общелитературном языке: «В сфере литературы мы стояли и стоим за «простой», но литературный так называемый «тюркский» язык, не считая полезным копирование деревенских жаргонов или «османского языка», – писал Гаспринский («П-Т», 1910 г., № 2). Однако развитие капитализма на восточных окраинах и связанные с этим тенденции к национальному самоопределению требовали развития национальной литературы и языка. Созданная усилиями Гаспринского печать мусульманских областей к этому времени уже была способна

количественно и в какой-то мере качественно охватить читателя. Идея общелитературного языка потому встретила после 1905 года противодействие и сам «Переводчик», выполнив миссию, утерев функцию общероссийской газеты. Несмотря на ошибочность попытки Гаспринского сохранять общелитературный тюркский язык для пользования различными нациями, следует отметить прогрессивные идеи, которые он преследовал. Сейчас, когда советская литература необычайно окрепла и выросла, получают признание и развитие произведения, написанные на основе обработанных местных говоров, обогащающих нашу литературу. Однако всего тридцать лет назад это было непростительной роскошью и встречало резкий отпор. Призывая писать только общелитературным языком, Горький пояснял это тем, что беллетристика «ставит своей целью «искусство», а не «этнографию». (М. Горький, «Письма к читателям»).

Разногласия по вопросу о языке между Гаспринским и другими мусульманскими публицистами и поэтами не следует абсолютизировать до крайности, ибо, преследуя одни цели, они видели к ним разные пути. Вот что писал Гаспринский в связи со смертью Тукая:

«Поэт Тукаев... Это имя неизвестно ни в Крыму, ни на Кавказе, ни в Туркестане. Причина этого заключается в нашей отсталости, в том, что у нас нет общего языка, что мы пренебрежительно относимся к литературе. Если бы у нас было побольше энергии, и владей бы мы общим языком, то несчастный Тукаев с истрадавшей душою, полными слёз глазами и огненной речью всюду был бы извещен ... Все северные тюрки, облекшись в траур, плачут, ибо потеря ... поэта, творца блестящих как молния произведений – большое несчастье ... Эта роза, не успевшая ещё расцвести как следует, этот наш юный поэт пал жертвою недуга ... Тукаев писал в казанском вкусе, его стихи – не простой подбор слов: в каждой его строке видна жизнь, каждая его фраза проникнута глубокой мыслью». («П-Т», 1913 г., № 82, «Некролог»).

Одним из самых обострившихся актуальных вопросов в империи был вопрос национальный. В своей деятельности Гаспринский исходил из сознания необходимости полного раскрепощения всех народов; из оценки трудового народа как творца всех богатств, цивилизации в конечном счёте; из веры в бессмертие и могущество народного духа, счастливое будущее народа Гаспринский разоблачает политику стравливания народов, организацию еврейских и армяно-татарских погромов как надёжный способ грабежа трудового народа. На всю Россию звучал голос Гаспринского:

«Но останутся в стороне подстрекатели кабинетные, газетные ... Впрочем, они не пишут «бейте», «громите», «тащите» чужое добро, нет,

до этого не дошли, они только поучают народ, что его злоключения от жи- дов. Они охотно разносят злостные сплетни о ритуальных убийствах, они ежедневно плачут, что еврей торгует, обирает, а хлеба не производит, за- малчивая о том, что у еврея не было и нет земли». («П-Т», 1903 г., № 18, «Кишинёвское насилие».

Гаспринский указывает, что «время мелких экономических формаций прошло», замыкание в узко националистических рамках неминуемо приведёт к отставанию от времени, самоизоляции и гибели. С другой стороны объеди- нение возможно лишь при безусловном освобождении всех народов, полном равноправии и свободном их развитии в братском сотрудничестве.

«Объединение, скрепление народностей страны, есть необходимое ус- ловие государственности. Различие языка, происхождения и верований не должны служить тут помехой». («П-Т», 1905 г., № 26, «Важное время»).

Публицистика 1905 года представляет собой обвинительный приговор ца- ризму, его черносотенной политике. В национальном вопросе Гаспринский высоко поднялся над временем, над национальной узостью и пошлым, лож- ным космополитизмом, правильно понял общее направление исторического процесса:

«Близкое и тесное единение русских мусульман с русской народностью – дело возможное и необходимое. Однако этого нельзя достигнуть той поли- тикой, которая до сих пор рекомендовалась и отчасти применялась обрусит- елями наших восточных окраин ... Казалось, что обрусители под благовид- ным предложением объединения преследовали вредную цель разъединить, от- бить мусульман от России ... У нас существуют вопросы польский, фин- ляндский, армянский, еврейский. Господам обрусителям этого казалось мало, ибо они работали над созданием нового, не желательного татарского или мусульманского вопроса, отравив существование и доверие громадного насе- ления в 18 млн., населения доверчивого и преданного, несмотря на разность культур и верований». («П-Т», 1905 г., № 26, «Важное время»).

Указав на то, что национальная политика царизма привела к плачевным для государства и всех народов результатам, Гаспринский разоблачает лице- мерный характер царских реформ:

«Начало, положенное в основание предстоящих изменений правового по- ложения инородцев России, совершенно не соответствует давно уже на- зревшей в России потребности в полном раскрепощении личности, какому бы состоянию, национальности и вероисповеданию ни принадлежала. Да

и самый вопрос, какие следует сохранить ограничения для инородцев, пора оставить. Необходимо решить другой, гораздо более важный вопрос: **вправе ли культурное государство во имя каких бы то ни было соображений ограничивать в элементарных правах целые национальные или вероисповедные группы, искони живущие в стране?**» («П-Т», 1905 г., № 38, «Об инородцах»).

В чём состоит возможность и необходимость единения, что является определяющим фактором сближения народов? Здесь Гаспринский поднимается до уровня классового понимания истории и делает вывод, что сближение народов – это естественный и благотворный процесс, результат общности классовых интересов трудового народа, а не результат политических комбинаций или утопий:

«... Длинный ряд веков жизнь и культура русского и тюркского народов взаимодействуют ... Несмотря на грубые и неуместные затеи обрусительных дельцов, несмотря на гласные и негласные доносы и чёрные краски их писцов, слава Богу, добрые отношения народов не поколеблены. В русском народе нет недоброжелательности, враждебности, обидчивости к «татарину» и, обратно, у последнего нет никаких дурных чувств или помыслов в отношении «руса» ... Отцы миссионеры и их пиджачные единомышленники могут не одобрять такое добродушие, мирное сожительство, но это неопровержимый и яркий факт. Это действительность, вытекающая из общей печали, общего горя и общей нужды русской и мусульманской массы.

Их свела в одно общая великая равнина – родина, простирающаяся от подножий Алтая и Памира и до болот Балтийского моря; их породнило общее горе от неумения жить ... Сравните эпосы и народные думы, русские и тюрко-татарские и вы увидите, что на разных языках эти два народа излагают одно и то же горе, одни и те же жалобы и печали. И это совершенно понятно, ибо оба богатыря из века в век преследовались одной и той же гидрой о трёх головах в виде тягот, неправды и невежества. Так было в прошлом. А в будущем эти народы пойдут, ибо должны идти, рука об руку, чтобы обрести одинаково им нужные свет, правду и сносную жизнь. Пора одному выбраться из тёмной сакли, другому из закопчённой курной избы.

Не разделяйте, не отделяйте, не выделяйте, если желаете сплотить, скрепить»... («П-Т», 1905 г. № 29).

В этом году Гаспринский неоднократно укажет на тщетность попыток убить пробуждение и развитие народов России: *«Да здравствует обновленная Россия, да здравствует свет, разлитый на все ее народности!»* – провозглашает он.

Таким образом, с революцией 1905 года закончился этап деятельности Гаспринского с программой, изложенной в «Русском мусульманстве». Основная задача – разбудить дремлющую массу мусульман к активной борьбе за свои права в союзе с русским народом была выполнена:

«А в будущем эти народы пойдут, ибо должны идти, рука об руку, чтобы обрести одинаково им нужные свет, правду и сносную жизнь».

Была реформирована школа мусульман, охватившая к этому периоду до 100.000 детей, созданы печать и литература. С того момента, как Гаспринский изложил программу и методы пробуждающихся масс российских мусульман, перед ним стала задача показать цель этой программы – что ожидает русских мусульман, Россию, человечество, идеалы, для которых он работал и работает.

К осуществлению этой задачи Гаспринский приступил с самого начала своей деятельности. Получив образование в России, изучив её социальную структуру, жизнь народных масс, Гаспринский двадцати лет уезжает во Францию, где изучает жизнь Запада. Официальное образование Гаспринского складывается из двух лет обучения в Бахчисарайском медресе и Симферопольской гимназии и двух лет обучения в военном лицее в Москве, который он покинул после конфликта с директором лицея, знаменитым Н. Катковым. В 1871 г. Гаспринский приехал в Париж, имея три рубля в кармане. Жил во Франции около четырёх лет, исполняя обязанности переводчика и секретаря. Основной целью пребывания во Франции являлось изучение революционно-демократической мысли, стремление познать направление общественного процесса. Результаты своих наблюдений он обобщает в работе, написанной в период пребывания во Франции и опубликованной позднее в Стамбуле, – «Критический взгляд на европейскую цивилизацию». В 1874 г. Гаспринский посещает Стамбул и затем возвращается в Россию.

В 1887 году в «Переводчике» под псевдонимом «Молла Аббас Франсеви» Гаспринский публикует «Френкистанские письма», в которых в художественной форме даёт подробное описание социальной и политической структуры государства, быт и нравы народов Европы, нищету, невежество и отсталость Востока. «Френкистанские письма», дав описание того высшего, чего достигло человечество, – европейской цивилизации, явились первой частью романа «Таинственная страна». Во второй части романа – «Страна спокойствия», опубликованной в «Переводчике» накануне революции (с 1903 по 1905 гг.), Гаспринский даёт развёрнутую картину общества будущего. Того общества, во имя которого он отдал силы, разум, жизнь. Роман публикуется на татарском и русском языках в «Переводчике», одновременно на арабском языке его публикует Каирская «Эль-Нил» и ведётся перевод на персидский язык.

Отдельным иллюстрированным изданием на татарском языке роман выходит в 1906 году в Бахчисарае. Произведения утопического социализма являются неизбежным продуктом развития общественной мысли на переходном этапе к более высокой форме общественных отношений вплоть до капиталистической. В России и на Западе уже были даны образцы домарксовского понимания истории в период складывания капиталистических отношений. Восток, в первую очередь российский, вступил в период бурного проникновения капитализма. Появление новой утопической системы в эпоху буржуазно-демократических революций именно в среде русских мусульман ещё раз подчеркивает, что они являются примером и пойдут во главе всего трудового Востока.

В романе Гаспринский наследует и развивает богатые традиции восточного утопизма, воплощённого в таких произведениях, как «Шах-наме» Фирдоуси, «Искандер-наме» Низами, «Книга мудрости Искандера» А. Джами, в воззрениях турецкого философа, вождя антифеодального народного движения в Турции, Бедреддина Симави и др. С первыми его сближает композиция романа, гуманистическая направленность, с последними – материалистическое атеистическое воззрение на природу над оболочкой пантеизма. Форма записок путешественника позволяла затронуть большой круг вопросов и, умело сочетая жанр художественной публицистики и политического памфлета с размышлениями внимательного наблюдателя и фантазией талантливого писателя и мыслителя, сделать повествование интересным, насыщенным и злободневным.

Структура государства «Спокойствия» (в пределах верных для утопической системы постановок) универсальна, поскольку так называемый восточный элемент и традиции не составляют его основу. Просветитель, гуманист и интернационалист Гаспринский *рассматривал мир как «великую мастерскую, творящую человеческий прогресс» – «чем дальше, тем больше будут связи и отношения народов будут сближаться, сплетаться, ибо изобретения и развитие знаний превратили обширный мир в единую страну человечества, в которой земли и народы представляются ныне не чем-либо особым и отдалённым, а частями одного целого и членами одной семьи».* («П-Т», 1892 г., № 12).

Дав подробное описание европейской цивилизации в первой части романа, во второй части Гаспринский даёт критику этой цивилизации. Принципы общества будущего развивают представители страны Рахата, с которыми встречается Молла Аббас – молодой шакирд Ташкентского медресе отправляется в путешествие, чтобы ознакомиться с жизнью Европы. Фантастическим образом попадает в страну Рахата (Спокойствия), которая расположена среди неприступных гор Испании в Гренаде. С главным экскурсоводом по «Таинственной стране» Шейх-Джелялом Аббас встречается в Париже:

«Париж – великолепный город Запада, – сосредоточие цивилизации, всемирный храм науки, источник бойкого, вольного слова...

Всё, что я видел в Европе, меня очень увлекало, я был в восхищении от цивилизации Запада и крайне сожалел об отсталости моих азиатских сородичей...

Старик улыбнулся, и заметил, что и ему так казалось на первых порах, ибо, продолжал он, внешняя, показная сторона европейской жизни блестяща, восхитительна...». («П-Т», 1903 г., № 46, «Таинственная страна», далее «Т.С.»).

Далее следует четкое определение классово-экономической сущности современной цивилизации и места Европы в историческом развитии человечества, исключая необходимость примитивного отнесения Гаспринского в «западники», «почвенники» и подобные категории:

«Весь блеск и шум Европы зиждется пока на колоссальном процессе индустрии и техники; во всём остальном человек Европы не очень далеко ушёл от людей древности и человека других частей света. Тем не менее, европейцы стоят ныне во главе человечества и внесли много хорошего в общее достояние поколения Адама и Евы. Но грядущее откроет людям иные, более широкие горизонты и лучшие формы жизни. Народы, стоящие позади Европы, должны учиться у европейцев и воспользоваться их опытом и ошибками, чтобы прогрессировать в лучшем направлении и создавать лучшие формы жизни и людских отношений, чем те, кои мы видим здесь». («П-Т», 1903 г., № 46, «Т.С.»).

Таким образом, будущее человеческого общества, – это не капиталистическая цивилизация, не господство капитала. Человечество воспримет лучшее от европейской цивилизации, создав иные формы социальных отношений. Чем порочен государственный строй государств Запада, почему он не может стать прообразом государства будущего?

«Сын мой, говорил шейх, степень достоинства цивилизации имеет одно мерило, – это сумма довольства и счастья, обеспечиваемых ею для наибольшего количества людей. Как позднейшая, цивилизация Европы много выше римской и греческой, но, увы, она столь же далека от своих истинных задач, как и её старшие сестры. Имея начало в цивилизациях Греции и Рима, европейская цивилизация влила в новые формы старую суть, и я не могу допустить, чтобы современный европеец, конечно относительно, был счастливее римлянина, хотя и обладает по-видимому большими ресурсами и удобствами жизни.

Великие успехи в сфере знаний, чудовищное развитие промышленности, о которых не мог мечтать ни один древний, дали возможность Европе казаться совершенно новой и отличной от других стран и времён, но... при этом соответственно не возросло людское счастье и людские слезы теперь так же горько льются, как в древности и, что хуже всего, и теперь люди так же мало способны и склонны осушать их. («П-Т», 1903 г., № 46, «Т.С.»).

Указывая на то, что капиталистическая цивилизация, как и предшествующие, основана на эксплуатации, ограблении и относительном обнищании народных масс; на громадное накопление и концентрацию капитала с одной стороны, нищету и бесправие с другой – как сущность капитализма, Гаспринский отвергает «цивилизацию Европы», буржуазные концепции мистико-религиозного гуманизма и свободы эксплуатации, равенства перед «всевышним». Государство и мораль будущего – это не есть буржуазное государство и мораль. История борьбы двух направлений в общественной мысли России 40-х – 60-х годов – «западников» и «славянофилов» позволяет лучше оценить широту мысли, глубину воззрений Гаспринского на природу и направление общественного прогресса, на вопросы освоения наследия материальной и духовной культуры отдельных народов и поколений. История показывает, что передовая общественная мысль русских мусульман восприняла и развивала традиции русской демократической мысли.

«Работа – обязанность человека. Прогресс – необходимость природы человека... Человек недолговечен, он нечто преходящее, но народ, человечество не умирает; оно будет, пока существует мир... Не должно соотносить свою работу с собственной краткой жизнью и потребностями, надо работать в пользу человечества, иначе оно будет падать, а без человечества немислимо человеческое существование отдельных людей. («П-Т», 1883 г., № 15, «Труд и Прогресс»).

Эти принципы, из которых исходил Гаспринский в своей деятельности, положены в основу государства будущего — «Дар уль Рахата».

«Всеобщий труд, всеобщее обучение легли в основание жизни этой маленькой страны».

«Тут все имели и труд, и хлеб, и отдых, украшенный научными и эстетическими развлечениями». («П-Т», 1904 г., № 71, «Т.С.»).

«В этой удивительной стране работают все не за страх, а по влечению совести, приравнивая работу к чистой молитве». («П-Т», 1904 г., № 97, «Т.С.»).

«В стране Дар уль Рахата ... не существует сословий. Здесь люди отличаются друг от друга лишь природождёнными дарованиями или суммой приобретённых знаний. Экономические условия жизни сложились так,

что чем более человек добродетелен, тем более имеет шансов получить блага жизни». («П-Т», 1904 г., № 90, «Т.С.»).

Перед нами развивается ясная картина социалистического общества, с его лозунгом от каждого по способностям, каждому – по труду, с его правом на труд, учёбу и отдых, безусловным гражданским равноправием и социальным страхованием. Перед нами развивается последовательная мысль, что творцом всех материальных благ, всей цивилизации является трудовой народ. В стране нет тюрем, – преступник (а таковой случается крайне редко) осуждён на одиночество среди шумной толпы. Только упорный труд на пользу всего общества может возродить его честь и права. В стране Рахата нельзя обезличить женщину, третиговать её как дорогую игрушку, – она человек, гражданка и хозяйка себя и своих прав.

«В отношениях полов не существует ни азиатского принуждения, ни европейской вольности и цинизма».

«Мужчины и женщины, в степени, соответствующей отличиям их природы, разграничены в две группы, дополняющих одна другую. Обе группы самостоятельны в правах и обязанностях, и совместная деятельность, сожителство и всё вытекающее из оных определяются свободным договором вольного с вольной». («П-Т», 1904 г., № 90, «Т.С.»).

За образами женских персонажей романа – старой Зехры, которая «высоко развила дело женского образования», была автором трактатов о нравственности и философии, открыла высшую женскую школу и институт учительниц, мы угадываем жену Гаспринского – Зехру-ханум, разделившую с ним груз тяжелейшего труда по изданию газеты, открывшей первой в России образцовый мектеб для девочек; в дочери Шейх-Джелыла Фериде – сестру Гаспринского Пембе-ханум – пионера в деле введения нового метода в женские мектебы, и дочь его Шефику – редактора первого журнала для женщин «Алем-и-нисван» («Женский мир»).

Проблеме раскрепощения женщины, которая по сей день перед Востоком стоит с прежней остротой, Гаспринский уделял огромное внимание. Вскрывающая *«крайне фальшивое»* положение женщины в современном обществе он писал в романе:

«Европейка ... материально несамостоятельна и, как таковая, имеет особый безнравственный кодекс законов и понятий об обязанностях ... Бухарская цивилизация (позвольте мне так выразиться) привела к гнуснейшему среднеазиатскому пороку, о котором и неудобно говорить; а английская цивилизация собрала на улицы и базары Лондона до ста тысяч профессиональных проституток». («П-Т», 1904 г., № 90, «Т.С.»).

Протест Гаспринского находил широкий отклик в массах, пробуждая самосознание мусульманской женщины. В ходе развернувшейся полемики о положении женщины Гаспринский смело разоблачал религиозно-государственное оформление её экономического и правового ограбления, сущность брака как узаконенной формы ограбления:

«Он бессовестно торгует браком, он грабит слабую связанную жертву, вся вина которой заключается в том, что она согласилась быть женой, помощником этого злодея!

По букве шариата, эту несчастную все терзают, ссылаясь на Божественный закон. Разве эта женщина не обижена и не унижена до положения бессловесного скота?!». («П-Т», 1903 г., № 36, «Где корень зла?»).

Указывая на тяжёлый подневольный характер труда женщины в современном обществе, разоблачая лживость расистских утверждений о мусульманке как о самке в общественном и паразите в социальном отношении, Гаспринский приходит к выводу, что *«труд мужской и женский должны быть разграничены, в интересах как самого труда, так и жизни ...*

Не будет ли целесообразней, чтобы в мировой мастерской, творящей человеческий прогресс, роль и труд мужчины и женщины были справедливо распределены, не насылая физических и моральных их особенностей и призваний». («П-Т», 1887 г., № 24, «Труд мусульманки»).

В государстве будущего женщине уделена преимущественная роль в воспитании, обучении и здравоохранении. Она наравне с мужчиной участвует в управлении государством. Противоречия внутри семьи и в обществе между женским и мужским трудом ликвидированы.

В стране Рахата *«люди от рождения до десятилетнего возраста воспитываются, от 10 до 18 лет учатся, от 18 до 45 лет работают и от 45 до конца дней своих освобождаются от всякой работы, посвящая своё время учёным, литературным занятиями, молитве, приличным удовольствиям и отдыху»*. («П-Т» 1904 г., № 36, «Т.С.»).

Особую роль уделяет государство воспитанию и образованию. В начальной школе детям прививается любовь к труду, даются необходимые практические знания. Школа учит человека мыслить, любить и уметь самостоятельно над книгой работать, знать и понимать жизнь. Школа помещается в красном здании, имеет специальное оборудование, кабинеты, библиотеку.

«Мальчики обучаются письму, чтению, вере, счёту, сельскому хозяйству в связи с начальной химией и физикой, а также ремёслам. Фермы и ремесленные классы сразу за деревней. Девочки кроме наук обучаются домашнему

хозяйству, рукоделиям и медицине, необходимой для будущей хозяйки и матери». («П-Т», 1904 г., № 97, «Т.С.»).

Высшая школа, – «*медресе или, вернее, дворец науки и знаний*», имеет три факультета: богословско-философский, физико-математический и социально-экономический. Когда Молла Аббас посетил Великое Медресе, мударрис богословского факультета читал лекцию о затворничестве и правах женщины, описать содержание которой Молла Аббас не решился.

В аудитории социально-экономических наук шла лекция о Европе. «*Европейская цивилизация быстро приближается к роковому кризису*», делает вывод мударрис. Смелость его суждений о путях развития человечества и в этом случае принуждает Моллу Аббаса сделать пропуск в своих записях.

Отсутствие эксплуатации и присвоения результатов чужого труда, высокая производительность свободного труда позволяют создать в государстве будущего общественные фонды по обеспечению периода обучения и содержания отработавших и нетрудоспособных граждан страны.

«... Все блага жизни будут исходить от вас самих и от вашего трудолюбия. Вы будете обязаны только себе, и будете пользоваться своими же благами», объясняют Аббасу, предлагая остаться в Рахате. («П-Т», 1904 г., № 17, «Т.С.»).

«Общество отведёт вам участок земли с готовой уже обставленной усадьбой, снабдит нужными орудиями и необходимой суммой того, что у вас называется деньгой. За это вы будете платить известную плату в общую казну и 2,5 % с вашего ежегодного прихода в кассу взаимопомощи».

Из этих взносов и составляются общественные фонды Рахата.

«Благодаря современным порядкам, идея взаимопомощи использована тут очень широко и весьма умело. Таковой общественный быт не мешает никому иметь у себя на руках также особый личный достаток. Это ещё более обеспечивает каждому «период отдохновения». («П-Т», 1904 г., № 98, «Т.С.»).

Вся страна покрыта густой сетью электрических железных дорог и телефонных линий. Край, некогда покрытый болотами с ядовитыми испарениями, умом и трудом человека преобразён в долину, поражающую своей красотой, плодородием полей и садов, плантаций винограда и роз, домами, утопающими в зелени и цветах, поражающими богатством архитектуры. Население страны «Спокойствия» достигло 300 тысяч человек, живущих в сорока ... обширных ... деревнях и городе «Счастье».

Граждане Рахата, пережившие ужас «варфоломеевской ночи» при гибели магрибской цивилизации, возродились в общество равенства, сча-

стья, высокой культуры. У них после гибели всего материального и культурного богатства есть будущее! Да ведь это его родной Крым, где люди задыхались от душной атмосферы царского деспотизма, когда народ вымирал от голода, эпидемий, когда кругом были скрыты несметные богатства. У него есть будущее!

Таким образом, в стране Рахата нет сословий, нет эксплуатации, её основу составляет всеобщий свободный, радостный труд, земля и орудия производства составляют собственность государства, которое берёт на себя обеспечение детства, старости, нетрудоспособности, просвещения, культуры и науки. Вместе с тем вознаграждение дифференцировано в соответствии с качеством и количеством труда. Характер труда двойственен. С одной стороны, это совместный труд по созданию хозяйства государства – закладка деревни, осушение болот и ирригации, единой системы строительства, прокладки дорог и пр., работа общественных служб. С другой стороны, не видно, чтобы труд в сельском хозяйстве был обобществлён, общественные земли и инвентарь используются по усадьбам.

Ни промышленного производства, ни рабочего класса не показано, хотя есть продукты этого производства, есть инженеры. Имеется рынок, символические деньги. Система ещё не доосмыслена, не закончена. Она утопична, прежде всего, тем, что переход к бесклассовому обществу показан как бесклассовый переход. Эта тема проведена торопливо и наивно. Она утопична, во-вторых, тем, что необобщённое мелкотоварное производство в конечном итоге приводит к развитию капитализма, накоплению, с одной стороны, разорению, с другой стороны. Выразитель и представитель интереса крестьянства, Гаспринский не смог понять, как того не поняли представители революционной демократии, места и роли пролетариата в строительстве нового общества. Отсюда же исходит утопическое, традиционное для утопистов создание Рахата.

«Проповедник или публицист, замалчивающий или льстящий – есть тот же преступник», – говорил Гаспринский. Он чутьём понимал утопизм, незавершенность своей системы и открыто писал об этом.

Однако он твёрдо знал – общество будущего существует.

«Допустимо, что я был болен, что страна Рахата – плод больной мысли... Действительно, рассказы мои о мусульманах Рахата могли возбудить лишь улыбки... Однако это досадно; да и самому мне не совсем ясно. Впрочем, я признаю, что удивительное моё путешествие совершилось фантастически». («П-Т», 1904 г., № 98, «Т.С.»).

В Рахате даже газета называется «Будущность», это общество развивается, и Гаспринский не мыслит его будущего без выхода за пределы неизвестности, за пределы утопии. Но к этому не готовы ещё ни Европа, ни Рахат.

Переход вне зависимости от его формы к этой первой стадии нового общества невозможен без решения актуальных задач, стоящих перед обществом.

«Таинственная страна» – это роман-памфлет, изобличающий пороки общества и решающий его проблемы, такие как вопросы о войне, мире и дружбе народов, о безземельных крестьянах и положении женщины, о школе, печати, профсоюзах, о долге писателя, о религии и морали.

«Судьба даёт тебе возможность сделаться великим учёным!» – сказал А. Вамбери 20-летнему Гаспринскому, посетившему его на пути в Париж. Однако Гаспринский, обладая феноменальной памятью, ясностью мышления и поэтическим даром, избрал не карьеру учёного или писателя, а путь публициста, общественного деятеля. Проблемы религии и истории занимали Гаспринского с точки зрения борьбы с расизмом, колонизаторской фальсификацией истории, невежеством и бесправием народа. В этой обстановке чтобы наиболее эффективно бороться с клерикализмом, нужно было опираться на противоречия в религиозной догматике, отражающие влияния и интересы различных социальных групп и слоёв. Такой метод являлся доступной и подерживаемой народом критикой религии.

На протяжении всего романа идёт полемика между Аббасом, выражающим взгляды верующего мужика и «просвещённого» муллы или европейца-цивилизатора, и «богословами» Рахата. Общество без классов и эксплуатации, гражданского равноправия это не есть общество вероотступников, более того «Рахат» основана на шариате...» – успокаивают Аббаса.

«Всё зависит от воли Аллаха, каждое утро, может произойти нечто такое, что нельзя предвидеть ещё вчера» – полемизирует Аббас.

«Да, мой сын, на всё воля Аллаха, нет воли и знания предвечнее Божьего. В это я верую так же, как и ты, но ты не знаешь того, что всё на свете совершается по определенным порядкам и вечным законам, а не так себе, как бы по капризу», – возражает Шейх Джелял. «Уже тысячи лет солнце появляется на востоке, чтобы уходить на запад, хотя, если угодно будет Аллаху ... он может несколько изменить его направление». («П-Т», 1904 г., № 37, «Т.С.»).

Объективным законам подчинена не только природа, но и общество.

«Как неодушевленный, так и одушевленный мир подчинены известным законам. Зная законы жизни, социальные и политические условия жизни, социальные и политические условия времени и места, можно предвидеть многое в жизни государства и народов». («П-Т», 1904 г., № 67, «Т.С.»).

Перед нами разворачивается прикрытая авторитетом Бога материалистическая концепция материального единства мира, развитие которого подчинено не зависящим от сознания людей, объективным законам природы и человеческого общества. Познав эти законы, человек может преобразовать природу, видеть далеко вперед:

«Знания – это нечто столь сильное, что благодаря им слабое существо человека делается повелителем и султаном света; при незначительной воле приневольивает природу; отделяет друг от друга части света, соединяет друг с другом моря». («П-Т», 1883 г., № 3, «Знание»).

«Таким образом, сын мой, благодаря широкому, точному знанию каждый из нас может видеть далеко вперед, может много предугадать, предсказать. Наше предсказание ограничивается степенью нашего сознания и понимания и нисколько не умаляет вседержительства Создателя». («П-Т», 1904 г., № 67, «Т.С.»).

Рассказывая о том, как были побеждены болота, болезни, оздоровлена вода, уничтожена сырость и т.п., Шейх Джелиал говорит:

«Аллах дал человеку, своему любимому творению, великую силу, при помощи которой он может господствовать над многим; создавать и уничтожать очень многое. Это ум... Но ум следует обогатить знаниями». («П-Т», 1904 г., № 15, «Т.С.»).

Итак, мир познаваем, хотя знания относительны, мир преобразуем в соответствии с объективными законами.

Аллах – это не что иное, как Природа, символ матери, символ вечности и единства мира, которым созданы и Книга Бытия, и Книга Откровений, дающие руководство в сфере материальной и духовной жизни.

Гаспринский считал, что религия, понимаемая как совокупность моральных норм, не может исчезнуть, но религия не призвана и не должна довлеть над социальной жизнью, стоять на пути прогресса. Мораль в обществе будущего соответствует его социальной структуре. Это – общество без эксплуатации, тюрем, насилия, болезней; общество высокой культуры, науки, свободы, совести, равноправия. Этим и определяется его мораль. Характеризуя взгляд своих соотечественников, Молла Аббас говорит: *«музыка и песнопение считается неприличием, не идущим к серьёзности мусульманина».*

«Конечно, – отвечают ему, – музыка, низведённая на степень службы раззулу и безобразию, должна осуждаться, но как средство для проявления чувств и сокровенных движений души человека не может не считаться почтенным искусством ..., разумная, вольная песня – это полови-

на молитвы. Она облагораживает человека, облегчает его душу. («П-Т», 1904 г., № 74, «Т.С.»).

Гаспринский напряжённо искал ответы на вопрос, в чём состоят коренные законы и природа общественного прогресса, без знания которых невозможно переустройство общества.

Во 2-й философской беседе «Вера и Разум», характеризую период кризиса общественной формации, Молла Аббас пишет:

«В этом втором периоде, как роковой признак его, у всех народов замечается рядом с упадком нравственности развитие показной ложной религиозности: «Всё от Бога», «так хочет Бог», оправдываются измельчавшие люди, делая Аллаха соучастником и покровителем всякого рода подлых и падших людшек. Вместо «работайте», «стройте правду», носится повсюду покорный безнадёжный клич «молитесь». Вместо людей века, чести и добра, плодятся тунеядцы, дервиши... без призвания и тому подобные элементы.» («П-Т», 1905 г., № 48).

Мир познаваем, находится в развитии, в постоянном циклическом движении, источником которого являются противоречия, заложенные в нём самом. *«Великий Халифат, ... совершив свой блестящий цикл, должен был прийти к упадку... Всё земное преходяще, всё людское в самом себе заключает отраву смерти и разрушения»*, – говорит Фериде Бану в своей «импровизации на темы истории».

Однако в вопросе о противоречиях, обуславливающих развитие общества, Гаспринский фактически отрывает их от общества и вносит в сознание человека. Идеалистичность такого подхода становится ещё яснее, когда Гаспринский пытается вернуться от индивидуума к обществу, ибо вольно или невольно получается, что хотя *«без общества невозможно человеческое существование отдельных людей»*, общество связано в силу, хотя и объективно существующего, субъективного фактора, при этом теряется роль труда, классовая сущность общества.

Идеалистична потому и трактовка Гаспринским морали, ибо согласно роману не мораль приходит в соответствие с обществом, а государство будущего строится по законам морали.

В 1-й беседе «Вера и Разум» Молла Аббас пишет:

«Человек – не совершенство, хотя и совершенствуется. Поэтому мы видим, что мысль, жизнь и деятельность людей подвержены постоянному поступательному движению вперёд. Раз человек несовершенен, то весьма естественно, что он подвержен ошибкам ... Но тот же самый человек носит в себе высокий нравственный корректив к исправлению,

ослаблению зла. Человек вообще совершает более добра, чем зла ... Не будь это так, не было бы общежития, не было бы прогресса. Нравственное чувство у людей тем более тонко, чем более они развиты. Поэтому мы и видим, что у наиболее просвещённых народов условия жизни и отношений лучше, легче и скорее совершенствуются. («П-Т», 1905 г., № 45, «Вера и Разум»).

Объективно-идеалистическая трактовка природы общественного прогресса, соотношения бытия и сознания, – философский источник заблуждений о характере и методах борьбы в переходный к новому обществу период, наступивший в России после 1905 г.

Источник совершенствования заключён в человеке. Его «нравственное чувство» и сознание корректирует общество и тем лучше, чем более человек, общество развиты. Нравственное чувство и самосознание, таким образом, определяют форму общественных отношений. Следовательно, для изменения социальной структуры общества нужно знание, высшее просвещение народа, ибо «темнота и невежество народных масс бесспорно служат главной причиной как единичных, так и массовых зол в обществе». («П-Т», 1905 г., № 18, «Важное ходатайство»).

С чего начать борьбу с единичным и массовым злом в обществе? Гаспринский отвечает:

«Пока народ не будет хорошо грамотным, пока он не начнёт мыслить и не пробудится в нём «самодетельность» все прочие меры не будут им использованы в должной степени. («П-Т», 1903 г., № 9).

Образование и воспитание – вот средство избавления от «тягот, неправды и невежества». В чём заключается «воспитание»? Гаспринский указывает, что в странах капитала «образование господствует над воспитанием, ум над сердцем, эгоизм над справедливостью». («П-Т», 1903 г., № 46, «Т.С.»).

Воспитание состоит в том, чтобы привить людям сознание того, *«что все люди, простые и благородные; чёрные и белые, рождаются, дышат и умирают одинаково».* («П-Т», 1903 г., № 8).

Гаспринский беспощадно разоблачает мораль буржуазного общества, продажность литературы и искусства, стремящиеся увести от реальной жизни в мир чепухи и бессмыслицы. Служение народу составляло смысл жизни Гаспринского, этого он требовал от литературы и публицистики. Новелла и художественный фельетон (этими жанрами Гаспринский владел в совершенстве) периода революции 1905 г. отражают напряжённый поиск, сомнения и борьбу Гаспринского. Рядом с новеллой «С того света» («П-Т», 1905 г., № 12), гневно обличающей ограбление народа, эксплуататоров, но заканчиваю-

шейся «прозрением» бога и призывом к богатым заботиться о народе, мы видим короткую аллегория «Дервиш» («П-Т», 1905 г., № 57), зло высмеивающую приниженность, покорность и смирение с нищетой и несправедливостью, проповедь самоотречения и «самосовершенствования». В новелле «Бесприютный» Гаспринский даёт сатирическую картину разложения буржуазной культуры. Здесь и ультрамодный писатель из молодых, чьи произведения, залитые кровью и закрытые густым туманом пустоты и слабоумия, раскупаются ещё сырыми, прямо из типографии. Здесь и художник, в голове которого нет места здравому смыслу, ибо всё занято статьями журнала «Мир Чепухи». В мастерской художника выставлена картина, где *«пейзаж представлял луг с багрово-красной травой, на котором паслось стадо синих коров. Тут же был пастух, – какой-то микроцефал с ногами страуса. Картину можно было перевертывать, и тогда пейзаж обращался в мариину»* («П-Т», 1905 г., № 55). Здравому смыслу не находится места ни у художника и литератора, ни в сфере капитала, ни в этом «Мире Чепухи» вообще.

Гаспринский замечает в жизни и создаёт в литературе Востока образ рождённого эпохой нового человека, который отдаёт всего себя служению народу. «Заранее прошу снисходительности к моим очеркам, хронике, назовите как угодно», предупреждает Гаспринский во вступлении к серии новелл «Восход», публикуемых под псевдонимом Къарт Агъай.

«Далее я должен сказать, что некоторые картины будут не достаточно рельефны. Так как повествование моё касается ещё не завершившихся явлений в жизни русских мусульман». («П-Т», 1905 г., № 92).

Герой первой новеллы говорит своей возлюбленной:

«Я не признаю за собой права на личное счастье. Я отдал себя на служение народу... Я во всём и навсегда отказался от личного счастья, говоря проще, от эгоизма, в пользу счастья общего, народного. Со временем, конечно, жестокие условия жизни смягчатся, но теперь мои силы, знания и сердце принадлежат не мне, а народу» («П-Т», 1905, № 92).

Пусть этот образ схематичен, не имеет конкретной программы, говорит, но ещё не действует. Но ведь он и не действовал ещё, он только нарождался, это Али Боданинский, Решид Медиев. Пройдёт немного времени, и он заговорит. (А. Боданинский – работник типографии «Терджимана», активный член кружка «франкмасонов». Впоследствии член Крымского советского правительства. Погиб при освобождении Крыма от интервентов в 1920 г. Решид Медиев – учитель из Карасувбазара. Активный участник всекрымских мусульманских собраний. По инициативе Гаспринского был избран депутатом от Таврической губернии в Думу, где выступал с революционными требованиями народа по земельному и другим вопросам.)

Гаспринский вводит нас в мир здоровых сил, напряжённой борьбы за светлое будущее. Его гуманизм заключается в воззрении на народ как на активную творческую созидательную силу.

«Не бойтесь великих задач и великих свершений, они подготавливают великие события и выковывают великих людей», – говорит он.

Его герой, застыв в изумлении перед шедевром магрибской цивилизации – Кардуанской мечетью в Испании, – видит в ней памятник красоте и величию народа: *«Строгая симметрия всех частей, красота и величие общего вида, воздушные арки, соединяющие колоннаду храма, непритворно и беспристрастно говорят нам о духе народа-строителя, духе великом, красивом и жизнерадостном».* («П-Т», 1903 г., № 47, «Т.С.»).

Не бойтесь великих задач и великих стремлений, учил Гаспринский, – они подготавливают великие события и выковывают великих людей.

Таким образом, к революции 1905 года Гаспринский в основных чертах выполнил программу «Русского мусульманства». Была проведена реформа школы. Созданы печать и книжное дело, воспитаны литературные силы русских мусульман, воспринимавшие традиции русской демократической школы.

Заложена основа профсоюзного движения. В частности, самим Гаспринским был создан профсоюз работников печатного дела Крыма (январь 1903 г.) Этот профсоюз являлся частью давней идеи Гаспринского создания всероссийского объединения работников печати и литературы: *«Нам кажется, что труженики печатного слова, составляя интеллигентную корпорацию, численностью не менее десяти тыс. человек, могли бы учредить свою пенсионную и вспомогательную кассу на началах взаимопомощи, не нуждаясь ни в каких благотворениях или чужих хлебах на старости лет»* («П-Т», 1892 г., № 40, «Касса тружеников слова»). Была организована теоретическая и практическая борьба с шовинистической школой миссионеров, закончившаяся победой прогрессивных концепций. Был дан образ государства будущего, замечались и получали освещение и обобщение всё новые явления жизни инородцев. Короче, была пробуждена дремавшая и апатичная мусульманская масса. Для Гаспринского наступает новый, исключительно сложный, полный поисков, находок и сомнений этап деятельности, в которой наметились две линии:

Первая – это деятельность на международной арене в направлениях революционной волны 1905 г.

Вторая – во внутренней политической жизни России.

Внешнеполитическая деятельность Гаспринского основана на воззрениях, заложенных ещё в «Русском мусульманстве». Изложив программу развития русских мусульман до уровня современной цивилизации, осуществление ко-

торой он неразрывно связал с раскрепощением всех народов России, исходя из исторически сложившегося евроазиатского характера России, Гаспринский писал:

«Я не пожертвовал бы ни одной капли чернил для этих заметок, если бы на минуту сомневался в блестящем будущем моего отечества и живущего в нём мусульманства. Я верю, что рано или поздно русское мусульманство, воспитанное Россией, станет во главе умственного развития и цивилизации остального мусульманства». («Р.М.», 1881 г.).

Пятнадцать лет спустя, отмечая огромный успех материалов «Переводчика» о России, Востоке и перспективах их развития, постоянно и дословно перепечатаваемых прессой зарубежного Востока, учитывая усиление экспансии империалистических держав Старого и Нового света, милитаризации, рост могущества Японии и симптомы пробуждения Китайской империи, Гаспринский систематизирует свои воззрения в программной работе «Русско-восточное соглашение».

Указывая на глубокие связи России и Востока, близость культуры, духовного склада и сходство социальных условий, на стремление империалистических держав изолировать Восток от влияния прогрессивного движения мысли России, изолировать Россию по восточным границам, Гаспринский видел необходимость коренного изменения русской политики на Востоке.

«Уже одна тревога в Европе каждый раз, когда возникает слух о русско-турецком сближении и союзе, показывает, какое важное значение он мог бы иметь, но значение его ещё более увеличивается, если поставить вопрос шире и, не ограничиваясь Турцией, подумать о сближении, о солидарности всего Востока с Россией». («Русско-восточное соглашение», с. 11, Бахчисарай, 1896 г.).

Центр тяжести деятельности Гаспринского после революции 1905 г. перемещается именно в направлении взаимоотношений России и Востока, что неразрывно привело к усилению борьбы с черносотенной политикой стравливания народов, за равноправие народов России.

В сфере политической борьбы за коренное переустройство социальной структуры общества в России в этот период Гаспринский не смог найти верных путей. Его мировоззрение сложилось в эпоху национально-освободительного движения. Для коренной ломки взглядов требовалось время. Конкретное воплощение философских идеалистических воззрений Гаспринского в ошибочные политические концепции наглядно демонстрируется полемикой Гаспринского с молодёжью – представителями социал-демократического течения в среде русских мусульман.

«Жаль, весьма жаль, – писали они – что когда-то ещё до 17 октября прогрессивный деятель среди татар, единственный наш путеводитель в 80-90-е годы отошёл куда-то вправо (вернее отстал) от молодого поколения, отчасти воспитанного на его же единственном историческом «Переводчике»... Отстал... Ну что же делать? Таков закон природы». (Газета «Русь», 07.03. 1907 г.).

Ответ Гаспринского, чуждого лицемерия, представляет собою исповедь, показывающую искренность и глубину заблуждений, его гуманизм и любовь к народу.

«Я не отошёл вправо и не «отстал» ... от основной кардинальной своей задачи... Я хлопотал лишь о просвещении масс и подготовке национального вопроса, не уклоняясь в сторону широких радужных, но, увы, расплывчатых, далёких горизонтов... И я вместе с молодёжью ощущаю «жажду» всеобщего счастья и не питаю дурных замыслов против «человечества», но я изголодался до смерти историческим и культурным голодом нашего народа, исстрадался его вековыми страданиями и унижениями, а потому не умею иначе думать, как только о нём.

По моим убеждениям, доминирующее значение принадлежит «интересам всего народа», а не интересам его частей или классов. Сначала просветим, укрепим, обеспечим бытие нашего народа; а классовыми его интересами можно заняться во вторую очередь». («П-Т», 1907 г., № 39, «Ответ Шакиру Эфенди»).

Объективные причины таких заблуждений Гаспринского заключаются в том, что революция 1905 г. потерпела поражение, не выполнив стоявших перед ней задач; в слабости пролетариата и незрелости буржуазии русских мусульман.

В годы столыпинской реакции демократические силы России были разгромлены, сметены. Партия большевиков надолго ушла в подполье. Даже такие видные представители передовой интеллигенции, как Луначарский, пролетарский писатель Горький растерялись, пришли к ошибочным выводам. Эта сложность исторического этапа и привела Гаспринского к непониманию и отрицанию неизбежности разрешения классовых противоречий в первую очередь. Признавая факт появления «татарского социализма» знаменательным, а раскол «законом естественным», Гаспринский считал эти явления несколько несвоевременными. Считая Маркса «ученым и мыслителем, волнующим умы всего образованного мира», не сумел принять марксизма, с которым к тому же был ещё и слабо знаком. Понимая, «что для обновления всего строя государства потребуются годы, может быть, долгие», а жизнь выдвигает вопросы неотложного свойства, «которые не обязаны выдвигать и

отрабатывать Пуришкевичи, Родичевы). («П-Т», 1907 г., № 38, «О мусульманской фракции»), Гаспринский писал:

«В сфере внутренней политики мы проводим и будем проводить идею дружной работы с русским народом... В сфере юридической и законодательной мы за неуклонное движение вперёд, но пока закон, признаваемый плохим, не отменён, мы предпочитаем его беззаконию». («П-Т», 1910 г., № 2).

Таким образом, отвергая путь вооруженной борьбы, Гаспринскому оставалось идти вперёд в рамках реформизма и буржуазного парламентаризма. Не случайно он вёл широкую кампанию по выбору в Государственную Думу достойных представителей от мусульманского населения, добиваясь ввода в программы Мусульманских съездов вопросов о земле и школах. Составленный им проект программы партии «Прогрессистов» показывает, что партия эта сведётся к мелкобуржуазной партии с элементами народничества, с задачами второстепенного характера с точки зрения реального переустройства государственного строя России.

Оказавшись не в состоянии понять сущность классовой расстановки сил переходного этапа и, потому оставшись в стороне от основного направления борьбы в России в этот период, Гаспринский, однако, ни на минуту не сомневался и не ошибался в том, что этот этап решает судьбу России, что общество социального равенства – неизбежно будет построено.

Ясно представляя огромное политическое значение происходящих в России событий, Гаспринский все силы направлял на правильное их освещение, выделяя то главное что должно было связывать Россию и Восток. Отвечая на многочисленные выступления в зарубежной и мусульманской прессе о шовинистическом разгуле в Столыпинской России, Гаспринский писал:

«Верно, что случаются обыски, запреты, аресты, подозрения в общевропейском жупеле, именуемом «панисламизмом», но это касается нас и, мы сами дадим на всё ответ».

Россия пережила бурные годы порыва, теперь переживает годы реакции. Эти явления очень крупные и исторические. Верится история России и российских народов. Да будет известно всем зарубежникам, что этим притеснениям более чем мы, татары, подвержен сам коренной русский народ. Мы не видели ничего дурного от этого народа и не желаем выделяться, обособляться от него. Вместе с ним мы достигнем всего, что нам нужно и что нам полезно. Вы скажете – а Пуришкевич, Марков и другие? ... Это мимолетные единицы; мы имеем дело и связи со стоимиллионной, спокойно-могущественной русской стихией, часть которой и часть крупную составляем мы». («П-Т», 1908 г., № 29).

Во многих статьях Гаспринский ясно показывает, что разжигание межнациональной розни, организация погромов, милитаризация и нагнетание военной истерии, являются отражением банкротства самодержавия во всех сферах внутренней и внешней политики, попыткой скрыть результаты этой политики, которая *«обошла Россию в миллиарды долга, а сердечного русского мужика всех исповеданий привела в полное истощение с хроническими голодовками»*. («П-Т», 1909 г., № 10, «Русский национальный союз»).

Вскрывая пагубное влияние на судьбу России политики правовой и гражданской дифференциации народов, Гаспринский выступал с резкой критикой национальной политики царизма, как не имеющей ничего общего ни с желаниями ни с интересами русского народа. По поводу возникновения черносотенного «Русского национального союза» он писал:

«Таким образом, нарождающийся союз имеет быть строго монархическим, узко националистическим и блокирующимся с правыми и октябристами только в подходящих для союза случаях. Мы не можем поздравить Россию с этой новой партией... «Россия для русских» – перефразировка: египетские и китайские националисты давно уже объявили «Египет для египтян», «Китай для китайцев», но объявили этот девиз против чужого, иностранного хозяйничанья в родной стране. Против кого думают выступать русские националисты с Урусовым во главе? ... К чему искусственно насаждать чуждый русскому народу национальный шовинизм, народу, который силён и симпатичен всем инородцам именно своей терпимостью, уживчивостью и политической честностью». («П-Т», 1911 г., № 31).

«Не забывайте, господа, что счастье русского народа не может заключаться в несчастье других народов, живущих вместе с ним ... Берите пример с русского народа, который отлично уживается с восточными людьми и не копируйте национал-шовинистов Бранденбурга, Будапешта или Афин. Не создавайте «вопросов там, где нужно только честно разрабатывать взаимное доверие, взаимную помощь и взаимные задачи». («П-Т», 1911 г., № 16, «По поводу одной телеграммы»).

Гаспринский бичевал самовлюбленную пошлость обывателя от политики, с готовностью усваивавшего создаваемую царизмом атмосферу третирования инородцев, подозрение и недоверие к народам Востока. Россия – это родина русских мусульман не менее чем она есть родина русских, говорил Гаспринский.

«Нужна очень большая доля тенденциозности или нежелания вникать в сущность дела, чтобы видеть в жизни мусульман что-либо предвзято-сепаратное. Они живут так, как научила их многовековая история. Мусульман часто попрекают в отсталости и отчуждении от русского языка и

науки ... Позвольте поставить смелый вопрос – кто тут виноват? Что сделано и когда для врачевания этого недуга? Действительно ли мусульмане «отстали» сравнительно со всей серой массой российского населения? ... Само «просвещение» (в смысле всенародного) дело в России новое, едва считающее за собой 25 лет более или менее правильной постановки. Мы находим лишь несвоевременным упрекать в отсталости мусульманской аул, когда и русская деревня ещё не учится по-русски, а тем более делать из этого заключение о сепаратной тенденции». («П-Т», 1892 г., № 43).

Гаспринский не только смело ставит вопрос, но и показывает, что мусульмане вынуждены по милости царизма пользоваться лишь религиозными учебниками. Причём многовековой давности, что всё сделано, чтобы убить в мусульманах живую мысль и любое движение к свету, привести их к вымиранию и деградации.

Подлинный гуманизм, страстная мечта видеть свою великую родину свободной, видеть расцвет всех её народов диктовали Гаспринскому его пламенные статьи в защиту народа, ломая его же «теорию» вторичности социальных интересов.

Он постоянно выступал с гневным разоблачением разграбления киргизских земель и башкирских лесов, о вакуфах Туркестанского края и Закавказья, постоянно подчеркивал, что русский народ тоже находится под тяжелым экономическим, политическим и духовным гнѐтом.

«За что должен погибнуть 5-6-миллионный киргизский народ? Чем он прогневал Бога, Царей и людей. Какое преступление тяготеет над ним? Какое поучение и назидание даст человечеству гибель этого племени?» – спрашивал Гаспринский у передовой части русского общества. В многочисленных статьях он вскрывал хищническую интенсивность капитализации земель Киргизии, которая приводит к тому, что «водопой киргизов стеснены, сенокосы уменьшены, скотоводство сокращается, обнищание киргиза увеличивается и слухи об откочевании в Китай растут... Откочевать! Это легко сказать. Куда денет Китай миллионы наших киргизов, когда сами китайцы вынуждены заселять Монголию и Маньчжурию ... Итак, киргизскому народу предстоит не культура, не просвещение, даже не обрусение, а трагическое вымирание, вслед за ногайским народом приднепровских степей! ... Не говорю я, чтобы не пускали в степи русских поселенцев; о них не менее следует заботиться, но забота эта не должна даже косвенно вести к вымиранию целой народности ... Бюрократическая Россия очень плохо управлялась со своими культурно-хозяйственными задачами ... Неужели русское представительство, цвет России ХХ века будет глухо к стону и агонии народности, не сделавшей России и русским ни малейшего зла?».

Указывая на то, что первоочередной задачей является приведение киргизов к оседлому образу жизни и ограждению их прав от капиталистско-скотоводов, учитывая огромный международный политический резонанс всех внутренних мероприятий России, Гаспринский заключает: *«но необходимо, устраивая безземельного русского, поддерживать и кочевого киргиза. Иначе пятимиллионный труп ляжет черным пятном на истории культуры России, возбуждая ужас всех народов Азии от Берингова пролива до берегов Средиземного моря»*. («П-Т», 1908 г., № 78, «Гибель целого народа»).

Касаясь армяно-азербайджанских погромов, Гаспринский подчеркивал, что как в случае еврейских, – их организаторами являются эксплуататоры, – буржуазия, наживающая капитал на гибели сотен людей, отвлекая их внимание от истинных виновников бедственного положения.

После революции Гаспринский уделяет особое внимание судьбе Хивинского и Бухарского ханств, формально не входивших в состав России, на деле являвшихся её колониальными владениями. Работа К.Е. Бендрикова «Очерки истории образования Туркестанского края», Москва, 1961 г.) показывает интенсивную борьбу Гаспринского за реорганизацию школы Туркестана и Бухары. Эта деятельность имела успех вопреки тайному и явному противодействию царской администрации, тревоге и явному неудовольствию охранки.

«Реакционное духовенство Бухары давало новометодной школе такую политическую оценку: «она противна духу шариата». В первый год ученики начинают читать газеты, на второй год потребуют свободы и на третий год свергнут его величество с престола, заключат его в тюрьму». (К.Е. Бендриков, «Очерки истории образования Туркестанского края», Москва, 1961).

Характеризуя политику царизма в отношении вассальных ханств как политику планомерного выкачивания сырья и поддержания средневековых «цивилизаций» и порядков и, с другой стороны, обоснование неизбежности этой участи Бухары и Хивы фанатизмом и панисламизмом бухарцев, Гаспринский в редакционной статье, «Куда мы ведём Бухару» ставил перед общественным мнением вопрос: куда идёт Россия?

«По договору, заключённому между Россией и разбитым ею Эмир Музаффаром, Бухара, сохранив внутреннюю самостоятельность, была признана как нечто существующее ... Эти ханства (Хива и Бухара – Ю.О.) являются своеобразно «привилегированными» областями России. Фактически эта привилегия состоит из двух пунктов: первая – иметь во главе сиятельного мусульманина и вторая – строго избегая всего вредного для русскопод-

данного, делать всё, что угодно или ничего не делать, во имя шариата и адата...

При таком положении нам странно читать статьи и брошюры патристически-просветительского пошиба, негодующие на невозможное управление ханствами, на шариат, фанатизм и всё прочее. Просвещённым людям хорошо известно, что бухарские правители – люди невежественные сверху донизу, что бухарцы буквально рабы своей «священной и благородной» родины, что веками народ сдавлен, развращён тиранами и самодурами всех степеней и названий... С тех пор, как могучий голос России наводит трепет на всю Среднюю Азию, с тех пор, как мы объявили свою азиатскую миссию цивилизаторской, если не вся, то огромная доля всякой ответственности должна быть перенесена из глиняной Бухары в глиняный Ташкент (в резиденцию генерал-губернатора – Ю.О.) и блестящий Петербург ... Русское Политическое Агентство в Бухаре пребывает не в качестве почётного зрителя ... Оно следит и за каракульками и за выюками хлопка, тем более оно обязано следить, чтобы не вымирили от малярии целые деревни бухарцев...».

С глубоким сарказмом Гаспринский заключает:

«Согласитесь великодушно, что за сорок лет дружбы и покровительства цивилизованного царства – одна жалкая начальная школа в Бухаре, две или три аптеки с амбулаториями во всей стране очень и очень немного ... Мы, однако, не смеем забывать этого безропотного, трезвого, вечно трудящегося ... бухарца ... Так позвольте мне поставить вопрос – куда мы ведём Бухару? Позвольте мне, наконец, питать надежду, что просвещение, общественное мнение русского народа в недалёком будущем обратит своё гуманное внимание и на Русский Восток». («П-Т», 1908 г., № 29, «Куда мы ведём Бухару?»).

Гаспринский неустанно разъяснял и подтверждал свои выводы изложением мнения прессы Востока и мнения ведущих деятелей младотурецкой революции, что отношение Востока к России находится в прямой зависимости и внутреннего и внешнего политического курса России в отношении мусульман. Разоблачая шовинистическую политику царизма, прогнившее бюрократическое управление, которое привело к обнищанию народов России, вымиранию и деградации инородцев, Гаспринский указывает, что внешняя политика царизма, политика жандарма на Востоке совершенно не отвечает интересам России и русского народа.

«На Востоке к русскому человеку, к русскому народу нет вражды, неприязни и недоверия, но, увы, этого нельзя сказать про официальную Россию. Не говоря о том, что никогда русский голос не раздавался против

внешних эксплуататоров Востока, он иногда поддерживал ханов, шахов и султанов, игнорируя всегда народ, виновный без вины».

Откровенно и вполне понятно указывает Гаспринский, что царизм отдал турецкую и персидскую революцию на расправу своим палачам, султану Абдул Хамиду и персидскому шаху:

«В печальный период Гамидовщины ... турецкий народ был предоставлен самому себе и милосердию своей бессердечной бюрократии ... Когда разорённые, доведённые до отчаяния персы спасались от своих палачей и угнетателей под защиту посольств и консульств Англии, Франции, Турции и Германии, они не решались переступить порога представителей России. Чем бы ни объяснять это явление, оно, несомненно, оставило глубокий след в воззрениях и политике мусульманских племён». («П-Т», 1910 г., № 48, «Мусульманская политика России»).

Разрабатывая принципы «русско-восточного соглашения», Гаспринский исходил из реальных изменений и тенденций общественной жизни Востока и России. Он тотчас заметил и приветствовал появление оппозиционных организаций и органов Османской империи как явление, знаменующее собой зарождение освободительного движения:

«Известно, что в Лондоне издаётся либерально-оппозиционная газета «Свет Востока», а в Париже турецкая «Звезда». Недавно в Женеве возникло второе турецкое издание – «Дело».

Хотя все эти издания художочные, почти без читателя, но, тем не менее, являясь продуктом текущей жизни и условий Востока, они достаточно характерны.

Они, думая, указывают на начало брожения Восточной мысли, которая, не находя исхода и выхода в стенах полной цензуры благонравия и любопытства, вспыхивает на далёком чуждом Западе, чтобы, хотя издали, отражательно светить Востоку». («П-Т», 1910 г., № 13, «Из жизни Востока»).

Сообщая в 1903 году о возникновении «первой» чисто турецкой национальной газеты «Тюрк» (редактор и издатель Мустафа Кемаль, сын Намык Кемалья) – органа младотурок, Гаспринский приветствовал провозглашённую газетой линию отказа от бесполезных попыток водрузить флаг османизма и общего отечества над центробежными стремлениями нетурецких народов империи. Именно в эти годы Гаспринский пишет серию блестящих статей, вскрывающих сущность и место панисламизма в современной жизни Востока. Он разоблачает демагогическую, колонизаторскую, провокационную сущность знаменитой речи Вильгельма II:

«Востоку нужны не покровительство и охрана того или иного императора, не политические комбинации и эквилибристика, а честное, спешное домашнее дело». («П-Т», 1905 г., № 92, «Император Вильгельм II и Ислам»).

«Зная свою страну, зная Восток по его легальной и нелегальной публицистике, мы считали своим долгом заявить, что панисламизм, как понятие и стремление к объединению всех мусульман под одной халифской властью – миф ... Является прямым абсурдом допускать возможность объединения мусульманских народов различных сект, цветов, языков, разбросанных от Марокко до Малайского архипелага». («П-Т», 1904 г., № 78, «Панисламизм»).

Однако Гаспринский тут же приводит слова «Тюрка», дающие основание предполагать, что при известных условиях националистическая позиция «Тюрка» может переродиться в шовинистическую («Тюрк», отвергая панисламизм, допускал на примере славян справедливость стремления к государственному объединению из соображений географических, этнографических, литературных). В том же 1904 году Гаспринский покажет, что «Тюрк» боится революции в России, её влияния на национально-освободительное движение народов Турецкой империи. («П-Т», 1904 г., № 100, «Чего боится «Тюрк»»). Безусловно, признавая право нации на самоопределение, т.е. право определить свою экономическую, социальную и культурную жизнь, Гаспринский ещё в 1904 г. сумел правильно понять сущность, а потому справедливость и естественность национально-освободительного движения на Балканах народов Турецкой и Австро-Венгерской империй, правильно указать, что эта справедливая борьба осложняется вплетением интересов, чуждых крестьянам, народам этих стран.

Уместно в этой связи остановиться на трактовке Гаспринским вопроса о войне. Касаясь тенденции развития межгосударственных и международных отношений, Гаспринский писал, что «нужды и интересы разных стран и народов столь сблизились и перепутались, что всякое, более или менее значительное явление экономического и политического характера, где бы оно ни случилось, отдаётся, так или иначе, во всех уголках мира ... Интересы и дела народов столь перепутаны, что выстрел на берегах Рейна, Вислы или Дуная повторится громовым эхом до берегов Инда, Амура и островов Великого Океана». («П-Т», 1892 г., № 42).

Гаспринский видел три категории сил, чьи интересы сталкивались в этом вопросе. Отмечая, что прогресс капиталистической системы «принял главным образом материальный характер», указывая на неравномерность развития империалистических держав и стремление молодых, крепнущих хищников к перерасделу колониальных владений, он писал:

«Всеми ими ворочает, заставляет бегать, суетиться, хитрить, надуть друг друга, дружить и враждовать, а то драться или воевать, – напор широким морем разлившейся богатой жизни, натиск беспредельно нарастающей культурно-производительной силы». («П-Т», 1903 г., № 41, «Вечно неизменная истина»).

Гаспринский показывает постепенное назревание мирового конфликта. Ещё в 1883 году предсказав стремительное развитие Японии, в 1903 году он писал: *«высунувшись из сонной жизни Дальнего Востока, это государство, после первых же шагов, поставивших внутреннюю жизнь страны на культурно-производительную ногу в современном духе, сразу стало в наступательное положение передовых государств Европы. Главные заботы и стремления его направились к обзаведению новыми местами для выхода размножающегося населения и обеспечению путей для сбыта развивающегося производства своей страны. Это весьма естественно заставило Японию стать на положение военного государства, и вот она, быстро увеличивая свои сухопутные и морские силы, облизывается, глядя на весьма лакомый для неё кусочек – Корею». («П-Т», 1903 г., № 42, «Вечно неизменная истина»).*

Гаспринский обращает особое внимание на «воинственную горячку забирающей жадности» янки, их растущий интерес в делах Ближнего и особенно Дальнего Востока, рисует панораму империалистического разбоя в период русско-японской войны.

«Как только русско-японские переговоры приняли серьёзный, тревожный характер, англичане двинули в Тибет торговую миссию, сопровождаемую войсками и пушками; и как только на Дальнем Востоке громко заговорили пушки, мирно торговая миссия англичан в Тибете преобразовалась в военную экспедицию, имеющую целью поставить английского резидента в Лхасе. В то же время успешно закончились переговоры об англо-французском соглашении к колониальным делам. Англия получила одобрение Франции на египетское сидение, а Франция получила британское благословение на осуществление своих задач в Марокко. Таким образом, грохот орудий у Порт-Артура решил судьбу всего африканского материка и обширной водной площади Средиземного и Красного морей». («П-Т», 1904 г., № 41, «Западная привычка»).

Однако уже тогда Гаспринский видел силы и средства обуздания агрессоров и предотвращения войн, возможность и необходимость борьбы за мир.

«Так как теперь государства представляют собой почти поголовно вооруженный народ, а новейшие изобретения вооружили его страшнейшими орудиями, то размеры и последствия будущих войн внушают ужас очень

многим задумывающимся людям. Поэтому среди учёных людей, государственных и политических деятелей и депутатов народных собраний появились люди, думающие и говорящие о необходимости разоружения и решения международных дел и споров не войной, а международным, третейским судом... Трудно сказать, когда осуществится такая благая идея, но верно одно, что идея разрешения международных споров не войной, а правом, делает заметные успехи». («П-Т», 1904, № 15, «Друзья Мира»).

Тем, кто разжигает в стране шовинистическую военную истерию и призывает к военным авантюрам, Гаспринский предлагает своими глазами посмотреть кровь, которую они кличут, на гибель мирного населения, на варварское уничтожение человека.

Он с негодованием разоблачает *«балаганищину в политике», «буржуазный патриотизм», «проституцию пера», «наглость и бессердечие продажных писак»,* стравливающих народы. Признавая справедливыми войны, направленные против иностранного хозяйничанья, Гаспринский видит силу, способную активно воздействовать на ход истории. Выступая с требованием права нации на самоопределение, Гаспринский ясно понимал, что времена *мелких* экономических формаций миновали. Признавая справедливой борьбу за национальное самоопределение народов Балкан, он видел серьёзную опасность простой смены турецкой на европейскую колонизацию. Признавая необходимым раскрепощение народов России, он не мыслил их судьбу вне исторически сложившейся родины. Ко времени подъёма национально-освободительного движения на Востоке относится переосмысленное определение сущности джихада как национально-освободительной войны, которое теперь находится на вооружении прогрессивных сил на Востоке. Касаясь происков Англии, пытавшейся склонить Афганистан и мусульман Туркестана к «священной войне» против России, Гаспринский писал:

«Никакие шпионы, никакие враги русского государства не собьют с пути разума, верности и чести подвластных России мусульман, даже вновь поступивших и принятых в подданство ... Священная война, война за веру может возникнуть только в том случае, если противник явно, несомненно, предпринял враждебные, насильственные действия против мусульманской веры, с очевидным намерением уничтожить мусульман или мусульманство. Всякая другая война есть война «светская», иначе политическая, в коей мусульманин обязан принимать настолько участия, насколько к тому его обязывает священный долг защищать своего государя и родину. Глубоко заблуждаются те, кои думают, что, призвав мусульман к священной войне, так-таки и подымут их, как бессмысленное стадо животных ... Если кто-либо призвал бы русских мусульман к священной войне против своих же соотечественников русских, то мы смело можем сказать, что народ удивился бы не

нахальству дерзкого, но его крайней глупости и близорукости). («П-Т», 1887, № 14, «Джихад»).

Агрессивная война есть ограбление слабого сильным. Главным средством самозащиты, по мнению Гаспринского, может служить знание, спешное освоение вершин современной цивилизации, – горе тому, кто в этот горячий век желает «блаженствовать» в средневековой спячке.

Когда разразилась русско-японская война, Гаспринский показал, что причина поражений России заключается в никудышной организации хозяйства, народного образования, общей отсталости России. Он организовал огромный цикл статей «Япония и японцы по Элизе Реклю», и объяснял:

«Не Япония бьёт нас: нас бьют сто десять тысяч её деревенских учителей (против наших 50 тыс.), её тысячи газет и журналов, которые ведь тоже школы, её превосходно налаженные высшие училища и колледжи). («П-Т», 1904 г., № 66).

Никому ничто не мешает достичь уровня передовых народов. Проблема перенаселения тоже не угрожает человечеству. Раз население растёт, а земля остаётся в том же количестве, надо сделать вывод, – говорит Гаспринский, – что должно расти качество и интенсивность способов обработки земли и говорить о перенаселенности по крайней мере очень рано. На сообщение о способе производства муки из соломы Гаспринский резонно замечает, что развитие науки дело хорошее, но пусть народ все-таки имеет натуральный хлеб, ибо «солома – нужна для животных». («П-Т», 1892 г., № 11).

Когда разгорелись Балканские войны, Гаспринский безошибочно определил, что задачи национального самоопределения народов Балкан отеснены далеко на задний план, и войны эти решают в первую очередь интересы империалистических держав и балканских монархий в бывших землях Турецкой империи:

«Сейчас, наблюдая уже не освободительную, а омерзительную войну балканцев и стоя перед возможными осложнениями, которые она может вызвать, мы считаем нужным повторить сказанное раньше: стремление балканских народностей освободиться от турецкой власти мы рассматривали с точки зрения права и естественности: каждая народность имеет право на самостоятельность ... После первых побед бывших союзников мы увидели, что под «освобождением» кроется «ограбление и истребление» мирного турецкого населения». («П-Т», 1913 г., № 158, «Бахчисарай 17 июля»).

Призывая к коренному изменению политики России на Востоке, характеризуя политику Западных держав, расстановку сил на политической карте, Гаспринский в своей предсмертной статье, посвященной организованному в Стамбуле Турецко-Русскому обществу, резюмирует:

«1. Турция не конкурент России. Она не опасна ей.

2. Систематические, идейные войны России против Турции разбили это царство, создали балканские государства и дали возможность Европе захватить Египет, Тунис, остров Кипр, Триполи, Босно-Герцеговину, Албанию, Суэцкий канал, Персидский залив»...

3. Последняя Турецко-Балканская война, кажется, завершила восточную миссию России: Балканский п-в свободен, полумесяц снят. Азиатская Турция целиком, до границ Закавказья, попала в цепкие руки Европы, Африканская Турция поглощена окончательно...

4. Было время, когда англо-французы шли войной на Россию в защиту Турции и её владений в Европе. Тогда германцы были если не за нас, то не были против нас: русская сила была нужна им про запас.

5. Теперь картина другая: англо-французы против турок и за нас, а германцы против нас. Европейские «союзники и друзья» обошлись Турции в половину их царства... Само собой, Россия несравнима с Турцией, но 15 млрд. западных денег, влитых в Россию, тяжелый русско-германский торговый договор, всё более растущие англо-французские и бельгийские предприятия в пределах России обязывают к чуткости, ибо всем этим мы обязываемся и всё это нас обязывает...

6. Защищая свои морские и сухопутные пути в Азию, всегда расчётливая Европа – германская или франко-британская – травила попеременно то турок, то русских, стоявших между Европой и Азией. Под Карсом, под Севастополем, Плевной и Адрианополем лились потоки крови на погибель туркам, во славу русских и на пользу европейцев разных наименований, друзей турецких и русских, смотря на надобности». («П-Т», 1914 г., № 61, «Турецко-Русское общество»).

Выдающийся общественный деятель, гуманист и просветитель в обстановке приближающейся мировой войны, милитаристской пропаганды, черносотенного разгула смело поднял голос против подготовки войны. Демократические задачи, стоящие перед народами Балкан, не должны решаться войной. Турецкий и славянский крестьянин – братья, а не враги. Их объединяет извечная нужда, притеснения и высокие душевные качества. Гаспринский разоблачает «вершащих историю», что сеют вражду между тюркскими и славянскими народами. Россия на громадном протяжении граничит с Востоком, и ей нужно коренным образом перестроить свою политику на Востоке, ибо от этого зависит её будущее. Политика не должна строиться на расовых симпа-

тиях и антипатиях, а исходить из реальной действительности, следует учитывать политику «международных мурз и беев» – стран Запада, предвидеть развитие стран Востока:

«Россия непосредственно примыкает к Востоку и граничит с ним на протяжении тысяч вёрст. По культуре своей она к нему ближе других народов. Поэтому я думаю, что она могла бы стать к мусульманским народам в более близкие и сердечные отношения... Я думаю ещё, что это нужно и полезно для России. Это я считаю полезным и на сегодня, и ещё более для будущего...». («П-Т», 1912, № 31, «Изнанка македонского вопроса»).

Жизненно важного для России вопроса о проливах нельзя и невозможно решить военным путём. Равноправие, содружество народов и демократизация жизни – в этом заключается трезвая реалистичная политика. Не питая никаких симпатий к Турецкой политике на Балканах, Гаспринский выступил против блока империалистических государств и его оценка Балканских войн близка к классовому анализу, верно отражает историческую картину. Событиям на Балканах Ленин дал такую оценку:

«Готовится к войне... Россия и Австрия. Наглеет Италия в своей политике грабежа турецких земель... Все стоят за «реформы» и даже за «свободу» славян. А на деле Россия хочет урвать кусок Турции в Азии и захватить Босфор, Австрия точит зубы на Солоники; Италия на Албанию, Англия на Аравию, Германия на Анатолию». (В.И. Ленин, с.с. т. 22, с. 135, «Ко всем гражданам России», 1912 г.).

Разоблачая происки империалистического блока с Россией во главе, Ленин писал:

«Против дипломатических комедий, за выяснение народу правды, за разоблачение международной антипролетарской реакции... нет ничего реакционнее, как заботы... русских черносотенцев... о «братьях славянах». Эти «заботы» прикрывают самые подлые интриги, какими издавна прославил себя Россия на Балканах...»

«Долой всякую колониальную политику, долой всю политику вмешательства и капиталистической борьбы за чужую землю, за чуждое население, за новые привилегии, за новые рынки, проливы и т.п.». (В.И. Ленин, т. 17, с. 231 «События на Балканах и в Персии»).

С этой точки зрения позиция демократа Гаспринского, российского просветителя Востока, заслуживает особого внимания и одобрения:

«Мы понимаем естественность, а потому законность национальных стремлений балканских народностей. Понимаем также трагическую судьбу турецкого народа, этакого невольного воина, который столь добродушен и честен в обыденной жизни. Мы с искренним почтением относимся к рыцарским чувствам русского народа, питаемым к родственным балканским народам... Но есть ещё нечто более близкое и более дорогое для нас, это Россия, окружённая сотнями миллионов разных народов и племён, вооружённых и вооружающихся... Довольно берлинских конгрессов и маклеров! Балканы для балканцев и турок... Побольше солидарности и здравого смысла; подальше от европейцев и поближе к балканским народам». («П-Т», 1912 г., № 27).

Активно проводя кампанию содействия Международному Красному Кресту, Гаспринский в числе передовых людей России выступал против зверского обращения с ранеными, против кампании разжигания звериных страстей, поднятой реакционной частью прессы, усматривавшей «панисламизм» в помощи раненым турецким солдатам:

«Вы, жалкие шашлычники, со всеми вашими ничтожными князьями, беями, мурзами и интеллигентами, не знаете ещё того, что раненому турку можно и должно дать помощь!.. Почему вы думаете, что раненый, стонущий, умирающий турецкий солдат, жертва своего долга и дурной политики, лишён права на помощь? О жалкие политиканы, о жалкие людишки! Этого мало: ссылаясь на господ Дорошкевичей и Сытинских молодцев, проявивших атавизм дикости и зверства – вы клеветеете на русских. Не позволяют, мол, жертвовать в пользу раненых турок. Кто такой Дорошкевич? Бойкий фельетонист. Но, слава Богу, он не Россия, не русское общество...». («П-Т» 1912 г., № 21, «Законна ли помощь?»).

Ещё в «Русском мусульманстве» Гаспринский высказал мысль, что отсталость Востока объясняется не характером религии и трудностью алфавита, а какими-то более глубокими социальными причинами и призывал учёный мир изучить и вскрыть корни этой отсталости. Одной из главных причин сам Гаспринский считал религиозное мракобесие, тиранию, бесправие народа и полное его ограбление, жажду наживы и продажность литературы. А вторичным явлением, – результат совокупности «органических болезней в социальном быту мусульманских народностей» он считал невежество, неграмотность и забитость народных масс, о чём особенно хорошо сказал в памфлете «Горе Востока», венчая им «Таинственную Страну».

Горе пришло, когда Мат-Мулла, «знаменитейший богослов и учёный», «спаситель правоверия от ереси и вольнодумства... доказал, что изучение

мусульманами греческой философии и опытных наук ведёт к ослаблению и упадку веры... Благодаря могучему влиянию и своеобразной, но сильной эрудиции Мат-Муллы был положен предел любознательности и научному движению мусульман». Мат-Мулла ещё объявил правителей святыми. «Мало-помалу народ погрузился в невежество, перестал видеть и понимать. Правители, окрылённые «семью святостями», стали творить всяческие безобразия и расхищать народную казну».

Совместно с Мат-Муллой творил Шат-Мулла – «Венец поэтов», воспевавший покорность и невежество. «Народу, достаточно оупевшему от невежества, запуганному кнутом и жестокою уздою, учение Шат-Муллы пришлось по душе: не видя плодов от своего труда, он возложил всё надежды на судьбу и терпеливо ждал, что когда-нибудь взойдёт же солнце! Этот писатель-поэт совершил и другое великое дело: он звучными стихами воспел ханских жеребцов и получил по пять динаров за каждую строчку оды. Слава поэта и золотой дождь ошеломили всех писцов. Все очинили новые камыши и начали строчить хвалебные оды, обгоняя друг друга, как борзые на охоте. Прошло немного времени, и Восток застонал от фолиантов лжи и лести». («П-Т», 1905 г., № 9-11, «Горе Востока»).

Ограниченность социального мировоззрения Гаспринского и вынужденная недоконченность его мысли не мешают видеть мысль этого памфлета, народ должен пользоваться продуктами своего труда, быть освобождён от оков тирании, клерикализма и невежества.

Предвидя близкое пробуждение всего Востока после 1905 года, Гаспринский находил, что наступило время поставить на повестку дня вопрос о путях его развития, объединить усилия прогрессивных сил вокруг назревших проблем.

В конце сентября 1907 года Гаспринский направляется в Каир с идеей организации мусульманского Конгресса. Телеграфные агентства мира разнесли весть об этой идее ещё до его приезда в Каир, где Гаспринский устроил пресс-конференцию перед учеными, общественностью и представителями печати арабских и европейских стран, где говорил:

- а) Об умственном движении российских мусульман.
- б) О всеобщем обучении и его стоимости.
- в) О всеобщей отсталости мусульманских племён под всеми широтами и формами управления.

«Указав на очевидное существование какой-то органической болезни в социальном быту мусульманских народностей, я высказал, что исследование таковой и изыскание средств оздоровления было бы хорошо сделать собранию или конгрессу учёных людей современного Востока, собравшись на него в Каире». («П-Т», 1908 г., № 67, «По поводу мусульманского конгресса»).

На пресс-конференции было образовано бюро для разработки программы и созыва конгресса, которое в 1908 году выполнило свою задачу. Находясь в Каире, Гаспринский организует издание арабской газеты «Аль Нахда» для изложения целей и программы конгресса, которая *«касалась исключительно сферы культуры и социологии, но откуда была решительно исключена политика»*.

Как и следовало ожидать, попытка «решительно исключить политику» при всём желании была вещью неосуществимой и, вокруг идеи конгресса сразу закипели политические страсти разных сортов.

Половинчатость революции 1908 года в Турции, отражала непоследовательность младотурков, весьма зыбкую границу между тюркизмом и пантюркизмом. Желая использовать конгресс как трибуну для навязывания своих шовинистических планов, младотурецкие деятели выдвинули предложение провести конгресс в Константинополе.

С другой стороны, европейские державы старались использовать идею конгресса как доказательство опасности, якобы угрожающей народам Балкан, и под этим предлогом провести давно задуманный ими план расчленения Турции.

Отстаивая свою идею конгресса, Гаспринский писал:

«Конгресс, если он соберётся, должен собраться в Каире... Я не вижу никакого резона переносить место конгресса в Константинополь, относясь с уважением к объявленной конституции и к величию Константинополя, я не вижу оснований предпочесть его Каиру, который... опередил Стамбул в делах свободы... Собираясь в Каире, конгресс возбудит наименее опасений и сомнений, ибо всякое, даже чисто умственное, культурное движение на Востоке, бросает на Западе в пот и жар». («П-Т», 1908 г., № 67, «По поводу мусульманского конгресса»).

Естественно, что нестабильность и осложнение закончившейся фактически поражением Турецкой революции, не могли способствовать созыву конгресса. Ближе к Балканским войнам резко усилилась подготовка общественного мнения к разделу Турецкой империи. Разоблачая грубо сфабрикованную «Новым временем» заграничную, явно провокационную телеграмму о якобы готовящемся «подпольном панисламистском конгрессе» в Мекке, Гаспринский писал:

«Не конспирация, но мусульманский конгресс должен был состояться в 1909 г. в Египте, состояться не тайно, а у всех на виду. Турецкая и персидская революции и последующие осложнения помешали осуществлению этого собрания. В своё же время он, однако, состоится. Второй же мусульман-

ский конгресс, вероятно, соберётся в каком-либо европейском центре с участием европейских ориенталистов. Но это не тот конгресс, о котором сообщает провокаторская телеграмма, имея в виду воздействие на общественное мнение в пользу триполитанского захвата». («П-Т», 1912 г., № 28, «Дело Ислама»).

Мусульманский конгресс не состоялся при жизни Гаспринского. Несмотря на то, что международные конгрессы не способны решать таких коренных проблем, как оздоровление всего социального строя, несмотря на то, что тому или иному конгрессу может быть навязана воля реакционных сил, такие форумы демократических научных и общественных сил отдельных континентов и всего мира являются эффективным средством борьбы за мир, демократию, против колониализма, служат сплочению прогрессивных сил.

Постоянная борьба за мир, дружбу между народами, за выход всех народов из-под гнёта тирании и невежества принесли Гаспринскому мировую известность.

Прогрессивные деятели приветствовали идею созыва мусульманского конгресса с программой Гаспринского:

«Высказанная И. Гаспринским мысль о созыве международного мусульманского конгресса нашла себе восторженный отклик на страницах «Revue du Monde Musulman» (XII, 1910 г., р. 154), редактору журнала этот конгресс представлялся таким могучим средством для мирного единения народов, что он требовал для инициатора этой мысли Нобелевской премии Мира. М. Гартман («Der islamische Orient», III, р. 235), отдавая справедливость «тщательно и умно разработанному плану Гаспринского», относится отрицательно только к тем изменениям, которые были внесены в этот план в Константинополе». («Мир Ислама», вып. XI, 1912 г., ст. В.В. Бартольда.).

Естественно, позиции Гаспринского в Балканском вопросе, разоблачение им политики империалистических держав исключали возможность присуждения ему Нобелевской премии Мира.

Таким образом, центр деятельности Гаспринского после разгрома революции 1905 г. в России смещается в сторону решения в масштабе Востока задач национально-освободительного движения, буржуазно-демократической революции, в сторону борьбы за мир. Коренными условиями возрождения Востока являются освобождение от опеки «международных мушкетёров» – империалистических акул, от гнёта клерикализма, оздоровление социального быта, т.е. освобождение от феодализма, всеобщее просвещение народа и творческое освоение опыта, накопленного человечеством. Ускорение этого процесса возможно путём сближения Востока с Россией на основе демокра-

тизма, равноправия народов. Касаясь политики России на Востоке, Гаспринский указывал, что *«казённая, официальная, бюрократическая, рабовладельческая Россия»* глубоко враждебна и ненавистна, но русский народ глубоко симпатичен своими душевными качествами, естественным интернационализмом и сходством судьбы с трудовым Востоком.

Выступая за соединение тюркских народов, Гаспринский не имел под этим в виду объединения государственного *«племён и сект разных цветов, верований и происхождений»*, не ставил условием этого единения изоляцию и антагонизм тюркской расы с окружающим миром. Выдвинув после 1905 года лозунг *«Единство в замыслах, языке и работе»*, Гаспринский имел в виду отвечающее интересам народов общее происхождение языка, культуры, истории, объединение, которое не задевало интересов других народов. Такое единение, облегчая рациональную постановку изучения истории, языка, культуры, искусства этих народов, их богатства, различия и близости, дают возможность ускорить развитие по пути общего сближения всех народов, усилить взаимное проникновение прогрессивных идей и течений. Такое единение несколько не противоречит понятиям патриотизм, верность родине, не преследует дурных замыслов против человечества. Общее мнение об этом направлении в мусульманском мире удачно обобщил А. Вамбери, охарактеризовав Гаспринского как идеолога *«культурно-пантюркистского направления»*. Это направление вызвано самой жизнью, а в сфере политической оно отражает объединение для борьбы с иностранным хозяйничаньем, отсталостью и по-прежнему находится на вооружении национально-освободительного движения, возрождения Востока.

В своей деятельности Гаспринский руководствовался насущными требованиями жизни, исходя из ясного понимания, что именно народ является движущей силой истории. Гуманизм, интернационализм, горячая вера в прекрасное будущее народа, в могущество и бессмертие народного духа, во всепобеждающую силу знаний и правды – являлись отличительными особенностями просветителя Востока, патриота обновляющейся России Исмаила Гаспринского.

«Но велика: сила знания, сила правды и могучий человеческий дух. Погибая тут, они возрождаются там; потушенные сегодня, они возгораются с новой силой завтра».

1966, Серпухов

О романе Исмаил бека Гаспринского «Сто лет спустя. 2000 год»

В июне 1981 г. исполнилось сто лет со дня опубликования работы Исмаил бека Гаспринского «Русское мусульманство» (Симферополь 1881 г.), наметившей контуры и основные направления грандиозной программы преодоления отсталости восточных народов России.

Само появление такой личности как Гаспринский, обобщившего задачи возрождения угнетённых царизмом в России и империализмом народов Востока на рубеже двух веков – глубоко закономерно. Общий кризис допотопной системы самодержавия во всех сферах predetermined пробуждение окраин и последующее соединение национально-освободительного движения с социал-демократическим движением центра, распространение революционных процессов на весь Восток.

В плане выполнения этой программы первоначально и в основном Гаспринский сконцентрировался на реформе мусульманской школы, консолидации буржуазно-демократических сил вокруг задач культурного, умственного возрождения тюрко-мусульманских народов России.

«В 1883 году просвещённый и передовой педагог мурза (дворянин) Исмаил Гаспринский (1851-1914), получивший воспитание в Москве, Париже (1871-1874) и в Константинополе (1874-1875) основал на двух языках в Бахчисарае русско-татарскую газету «Терджиман» («Переводчик»), которая систематически в течение многих лет стала пропагандировать новые методы в школьном преподавании и новые идеи мусульманской жизни. Газета приобрела общетюркское значение, проникая далеко за пределы Российской империи (даже в Индию). В России же, пока не настала революция 1905 года, «Терджиман» более 20 лет был единственной (или почти единственной) мусульманской газетой, с огромным влиянием на всех тюрков; и потому, например, казанские татары включают Исмаила Гаспринского, как великое имя, в собственную историю литературы». (Акад. А.Е. Крымский – Тюркские литераторы. Энцикл. справ. «Гранат» изд. 7 т. 41 с. 371).

Уже через 10-15 лет на горизонте программы, обрисованной в «Русском мусульманстве», проявились новые вершины. Становилось ясно и в работе «Русско-восточное соглашение» (Бахчисарай, 1896 г.) было показано, что задачи «умственного возрождения», объявленные Гаспринским, не являются чем-то вроде «идеи фикс» провинциального учителя, ориентируют по пути, социального и политического возрождения самой России, которая пойдёт (по мысли Гаспринского) во главе народов Востока.

Постановка Гаспринским национально-колониального вопроса и вытекающих отсюда вопросов языка, религии, морали, оценки политических течений и символов, как в общеметодологическом плане, так и в конкретно-историческом применении к проблеме Россия - Восток (и уже: Россия - рус-

ские мусульмане, Россия - Турция и Иран) отвечает самым строгим требованиям революционной стратегии и на современном этапе.

Однако, одна только яркая, саркастическая критика капиталистической цивилизации и её внутренних и внешних (к колониальным странам) проявлений, поиски и находки путей освобождения от пут колониализма, отстаивание принципа самоопределения наций, наконец, общие суждения о «прекрасном будущем», о добре и справедливости, тем не менее, ещё не могут дать полного, исчерпывающего и достоверного ответа о сущности и реальном содержании той цивилизации, во имя которой работает и куда ведёт тот или иной деятель. Это прекрасно понимал Гаспринский.

Тем временем сложные социальные процессы капитализации восточной деревни, сопряжённые с усилением обезземеливания в результате самодержавной политики разграбления земель и лесов (Башкирия, Кавказ, Крым) всё теснее связывали, объединяли в единый поток национально-освободительное движение на окраинах с революционным движением.

В этой связи выдвижение идеала общественно-политического устройства для деятеля, представляющего угнетённый, поднимающийся на борьбу Восток, составляло исключительно важную и ответственную задачу, поскольку это определяло те силы, которые будут консолидироваться не только вокруг тактических задач или ввиду конъюнктурных соображений, но и с ясным сознанием исторических перспектив.

Знание этого идеала позволяет с большей степенью научной достоверности оценить не только субъективное назначение тех или иных шагов и лозунгов, которые связаны с этим деятелем, и понять, какие силы могли консолидироваться вокруг него на всех этапах деятельности, по мере приближения этого идеала.

Уже на раннем этапе своей деятельности Гаспринский пытается изложить общие черты справедливого государственного устройства в форме публицистического романа.

Общественно-политический идеал Гаспринского не родился в готовом виде и не заимствован. Он формировался через мечты о справедливом государственном устройстве, цивилизации, плоды которой доступны одинаково всем в государстве и всем странам. Он прошёл через стадию утопии – замкнутого мирка, построенного по образу крестьянской общины на основе канонических «всеобщих» идеалов добра и справедливости, нравственных и этических ценностей, выработанных и сконцентрированных в религии. Он впитал в себя яркую, образную, исторически достоверную и утверждающую концепцию национально-колониального вопроса, идею мира и дружбы между народами, всеобщего разоружения.

Этот идеал, зародился в бытность «хождения по свету» – трёхлетнего пребывания в Париже, только пережившем героическую эпопею Парижской Коммуны, в Париже, где пересекались пути и функционировали центры рус-

ской, турецкой, польской, балканской и европейских эмиграций и социалистических течений. Этот идеал формировался в ходе обширной политической деятельности среди тюркотатар России, ожесточённой борьбы с миссионерством, в ходе общения с передовыми умами России, Турции и других стран Европы и Азии.

Он (идеал) апробировался в ходе организации и проведения Гаспринским таких общественно-политических мероприятий, как:

- планировавшийся им созыв Всемирного мусульманского антиимпериалистического Конгресса (Каир, 1910 г.);
- идеи создания Всероссийского профсоюза работников литературы и печати и учреждения профсоюза печатников Крыма (1903 г.);
- созыв и проведение двух всекрымских крестьянских съездов с более чем 700 делегатов (1903 г.).

Он опробован в процессе титанического труда по реорганизации мусульманской школы, вырвавшей школу из рук клерикалов и реализовавшей идею, что школьное дело, обучение должно находиться в руках народа.

Тот факт, что это гигантское мероприятие, идеологом и руководителем которого являлся Гаспринский, охватившее тюркотатарские народы России, а также отчасти в Турции, Индии, Китае, было проведено в гнетущих условиях царизма, преодолев сопротивление Министерства просвещения через победу в открытой войне, объявленной миссионерами, преодолев ожесточённый саботаж клерикалов –

этот факт даёт нам ключ к пониманию объективных корней «утопичности» Гаспринского, а точнее – его глубокой веры во всемогущество идей, – передовых идей, знания, положительного примера. Гаспринский, может это звучит парадоксально, имел право и на такую иллюзию.

Но вместе с тем переоценивать «иллюзорность» Гаспринского, потешаться над его «простодушной утопичностью» – это значит, проявлять, по меньшей мере, неосторожность, объясняемую невежеством или недобросовестностью. Дело в том, что на поверку некоторые «иллюзии» оказываются неизбежной данью цензуре (нельзя забывать, что Гаспринский пользовался исключительно легальной прессой, используя её, впрочем, более успешно, чем иные могли бы воспользоваться нелегальной).

Объём и уровень других заблуждений уменьшался с развитием событий.

Ярким примером роста Гаспринского от утопии к науке служит разбираемый в настоящих набросках идеал общественно-политического устройства в его развитии. Первый утопический роман Исмаил бека Гаспринского – «Страна спокойствия» («Дар уль Рахат») начал появляться на страницах «Переводчика» уже в 1883 г. за псевдонимом Молла Аббас Франсеви (европеец Молла Аббас). Тогда было напечатано несколько глав романа. Однако только через 20 лет Гаспринский вернулся к нему снова. Роман распадается на две части. Первая часть посвящена критике западной цивилизации, поднимаю-

шаяся порой до вершин политической сатиры. Западная цивилизация – империалистическая, хищническая в своих внутренних и внешних проявлениях. Вторая часть – изложение идеи справедливого устройства, уместившегося в рамках сельскохозяйственной общины – деревни, внутренняя гармония в которой поддерживается на основе «общечеловеческих» норм морали и других добродетелей, которые в основном можно вывести из Корана.

Роман «Сто лет спустя. 2000 год» был опубликован и в «Терджимане» в 1906 г., и прошёл почти незаметно. Второй роман хронологически как бы наслаивается на первый. Складывается впечатление, что с первым романом Исмаил бек запоздал на два десятилетия – печатал роман давно законченный и оставшийся не опубликованным под давлением обстановки. Напротив, второй роман Гаспринский еле успел опубликовать до наступления столыпинской реакции, уже на ниспадающей волне первой русской революции. Именно условия революции привели к формированию и открытому изложению *социально-политического идеала*, пересмотру ряда принципиальных вопросов мировоззренческого плана. Насколько большое значение придавал этой работе Исмаил бек, свидетельствует тот факт, что в романе он полностью «пожертвовал» главной темой всей жизни – проблемой развития народов Востока на пути социального возрождения и прогресса. Только в одном месте романа он с горечью упоминает: *«Во всех странах в этот период (последняя четверть XVIII в. – Ю.О.) наблюдалось бурное развитие промышленности, сельского хозяйства, бурный рост экономики. Однако в мусульманских странах ничего подобного не было, наши мусульмане находились в глубоком океане мрака и самой тёмной депрессии. Причин такого положения никто из числа мусульман не понимал и не мог понять вследствие отсутствия изучения науки и понимания природы общественных отношений»* («Терджиман», № 104, 12.12. 1905 г.). (Здесь и далее, где не оговорено, цитируется роман «Сто лет спустя. 2000 год»). Ясно, что увлекись Гаспринский этой проблемой, он вряд ли выбрался бы к основному замыслу.

Переходя к общему, первому и пробному анализу романа, мы хотим подчеркнуть черновой характер наших набросков, в которых изложены лишь первичные результаты общего знакомства с романом «Сто лет спустя. 2000 год». Учитывая особую атмосферу, которая по традиции установилась вокруг имени Гаспринского как бы по эстафете Казанской духовной семинарии, мы вынуждены прибегнуть к обширному цитированию, – настолько выводы, следующие из элементарного знакомства с творчеством Исмаил бека Гаспринского, контрастируют с ярлыками, которые принято повторять при упоминании его имени.

Роман «Сто лет спустя. 2000 год» публиковался в более чем двадцати номерах «Терджимана» с 05.12. 1905 г. по август 1906 г.

Главный герой романа – Жюльен Вест, уроженец Бостона из привилегированного класса господ, от имени которого и ведётся повествование, родил-

ся в 1857 году. Сначала мы застаём его в 20 летнем возрасте, собирающимся жениться на некоей Эдит Барлет. Это радостное событие постоянно откладывается ввиду затяжки со строительством особняка, соответствующего общественному положению молодых. Строительство срывается вследствие забастовки рабочих. В результате этих волнений герой, успевший поведать о себе первые сведения и дать контурные оценки нравов капиталистического общества и аллегорическое изображение его в виде телеги, влекомой по ухабам и бездорожью народом, подобно ватаге бурлаков, – впадает в летаргический сон в конце второй главы романа.

В начале третьей главы герой пробуждается уже летом 2000 года, то есть через 113 лет. В предыдущем романе – «Страна спокойствия», описание уложено в две самостоятельные части – описание и критику капитализма, и описание страны будущего. Это закономерно вытекало из того, что предполагаемое общество будущего в этом романе строилось через полный разрыв с предшествовавшей историей на базе выхолощенных добродетелей.

В романе «Сто лет спустя. 2000 год» ведётся, вложенный в уста мосье Веста (вест по-английски - запад) и его двойника в будущем – доктора Лайта (лайт - свет), непрерывный диалог-диспут, непрерывная цепь сопоставлений и анализа общества прошлого и будущего, производства по-старому и новому (т.е. капиталистическому, монополистическому и коммунистическому) методу – двух фаз исторического прогресса, разделённых революцией.

Новый и старый «методы» производства различаются по Гаспринскому характером собственности на средства производства, а именно – уничтожением частной собственности на средства производства и вытекающим отсюда устранением товарообмена, денежного обращения, купли-продажи, рынка, наёмного труда, эксплуатации человека человеком и всех мерзостей капиталистической цивилизации, наконец, отмирание государства в функции полицейской и военной, орудия эксплуатации.

«Новый метод» производства, таким образом, не сочиняется, не проектируется и не подстраивается к абстрактным нормам, канонам и добродетелям религиозного или спасительного происхождения. Напротив, все этические, поведенческие, общественные нормы и новые законы общества выводятся как неизбежное научное следствие из основного принципа нового метода, причём сам этот основной принцип является необходимым результатом развития производительных сил, всей предшествовавшей истории человечества:

«Этот вопрос не был решён непосредственно человечеством, а решился сам по себе.

Бурное развитие промышленности, сельского хозяйства, и во всех областях науки и техники было результатом «старого метода», – говорит д-р Лайт, двойник г-на Веста в будущем. («Т» № 38, 14.04. 1906 г.).

«Концентрация и слияние промышленного и торгового капитала, в конечном счёте, ещё больше ухудшает положение трудового класса, увеличивает нищету народа и усиливает нравственные страдания, а труд человека превращает в труд животного. Надо отметить, что у этого способа производства есть положительная сторона и противостоять этой прогрессивной стороне невозможно.

Объединение в единое целое систем промышленности, торговли и всех других видов производства создало предпосылки для производства такой массы товаров, которая способна удовлетворить всё население» («Т» № 41, 21.04 1906 г.)

Гаспринский указывает, что вывод о неизбежности краха капиталистического строя, его исторической обречённости сделала наука XIX столетия. А это означает, что передовая общественно-политическая мысль Востока в лице таких её выдающихся представителей как Гаспринский, при жизни получившего титул «дедушки тюркской нации», приняла, поняла и творчески осмыслила основные принципы и главные ценности научного социализма:

«XX век подтвердил высказывания учёных конца XIX века... сейчас все эти объединения перешли в руки государства, народ стал хозяином своего положения ..., выражаясь ещё понятнее, государство отняло управление промышленностью и торговлей из рук отдельных богатых людей». («Т» № 43, 26.04. 1906 г.)

И, наконец, «Со дня, передачи бразды правления государству, частная собственность не осталась в руках у частных владельцев. То есть эксплуататоров не стало. Поэтому нет причины для вражды между трудящимися, когда каждый трудится наравне со всеми, и государством... частная собственность всех лиц перешла в руки государства.

Кто не хочет работать, тому нет дороги к полнокровной жизни, в нашем обществе не трудиться – равносильно самоубийству». («Т» № 45, 01.05. 1906 г.)

Нет, недаром правоверные муллы в Бухаре, по свидетельству К.Е. Бендрикова («Очерки по истории народного образования в Туркестане», М., 1960 г.), сопротивляясь реформе старометодной школы, говорили: сегодня они издадут газету, завтра откроют новометодную школу, а послезавтра схватят батюшку царя и посадят его в тюрьму! Как это так, частную собственность, власть и привилегии отдать народу?!

Итак, господин Вест, молодой человек из знатной и богатой фамилии готовящийся вступить в счастливый брак с Эдит Барлет, – тоже представительницей элиты буржуазной Америки, засыпает в своём подземном убежище, в котором он, страдающий явными признаками вырождения (следствие чего –

летаргический сон), трусливо прячется от громовых залпов, громящих Парижскую коммуну, в обстановке тяжёлого кризиса семидесятых годов (на это есть намёки и ссылки в романе), в неудобной обстановке забастовок и волнений пролетариата и, наконец, просыпается уже в комнате своего двойника доктора Лайта, гражданина новой Америки, новой трудовой Америки – государства «народных депутатов».

Доктор Лайт излечивает Веста. XIX и XX век, век капитала, производства по старому и век социализма, производства по новому методу, новая и старая мораль встречаются лицом к лицу, чтобы подвести итог историческому спору между трудом и капиталом.

Ширма фантастического, утопического романа. Действие, унесённое на сто с лишним лет вперёд и на «безопасное» расстояние – за океан на другой континент, использовано Гаспринским для того, чтобы:

поставить на обсуждение Востока (и не только Востока) кардинальный вопрос момента: кто кого?

вынести приговор частной собственности; классу капиталистов; эксплуатации; морали стяжательства, сверхприбыли, войн, империалистического разбоя;

утвердить принцип и идеалы научного социализма.

Суровая реальность – залпы орудий, громящих декабрьское восстание, военно-полевые суды, поражение революции, наступление реакции, естественно, накладывают отпечаток, который вынуждает классифицировать роман как утопический. В чём же утопичность романа, приводящая к обществу будущего, на основе исходных принципов и диалектики развития, полностью согласующихся в общих чертах с таковыми же научного социализма?

Цитированное выше положение романа, что «новый метод не был решён непосредственно человечеством, а решился сам по себе» содержит две посылки. Безусловно, истинное суждение об объективных закономерностях социальных процессов, зависимости их от воли и желания людей и общества в целом. И вторая – косвенно следующий вывод, возможного предложения о мирном, бесконфликтном течении революции, «естественном» переходе власти и кошелька из рук капиталистов в руки «народных депутатов». Вообще говоря, мыслимый ход дела, но с большей степенью вероятности в тех условиях – утопический, упрощённый:

«В создавшемся положении делом каждого было освободиться от старых представлений во всех отраслях жизни, в результате чего люди во всех государствах стали образованными, и был достигнут прогресс в развитии всех отраслей жизни». («Т» № 38, 04.04. 1906 г.).

Так-то оно так, однако, сперва приходится брать власть, а потом уже «образовывать», ибо при обратном порядке вещей процесс может оказаться не ограниченным определённым промежутком времени.

«Когда у всего населения Америки точки зрения совпали, в тот период американские промышленность и торговля находились ещё в руках нескольких частных объединений и компаний.

Когда наступило время, народные депутаты Америки пришли к единому мнению, что пришёл час взять управление всей страной в руки народа: «Пусть трудовой народ управляет всей страной. Такое управление самое выгодное, правильное и самое дешёвое».

Правильность высказанной идеи каждый понял без всяких возражений, и было принято такое всенародное решение. На основании решения всего народа все объединения и компании были ликвидированы и переданы в руки трудового народа, т.е. государства». («Т» № 44, 28.04. 1906 г.).

Итак, у капиталистов, всякого рода собственников никто не спросил, хотят ли они отдать собственность и предприятия. Народ решил и ликвидировал и стал собственником и хозяином. И. Гаспринский пришёл к этому не потому, что это модно, не по соображениям, симпатий и антипатий, а потому, что такой социальный строй – самый рациональный, то есть не ведёт к расточительству сил, средств и ресурсов. Не отрицание революции, не теория вращающегося капитализма в социализм, и не проекты революции или её суррогата. Гаспринский просто опускает вопрос из рассмотрения. Самое главное – ясное сознание исторической обречённости капитализма, необходимости революционной ликвидации отживших форм, основанных на эксплуатации. Глубокая вера в то, что строгое научное знание, доведённое до сознания миллионов, создаёт необходимые условия для революционной смены формации.

В решающем ударе на идее, знании, заключена определённая утопичность, и этот упор характерен для мировоззрения и деятельности Гаспринского и для этого есть как объективные причины, так и субъективные, неизбежно сложившиеся в силу обстоятельств.

В условиях подавляющей массы крестьянского Востока, представителем которого был Гаспринский, было *«нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков».* (В.И.Л. псс, т. 39, с. 3..).

Конечно, когда В.И. Ленин пришёл к этой мысли, представляющей собой образец творческого примирения революционной теории к анализу действительности,

– Гаспринский с блеском завершил реализацию программы, осмысленной на десятилетия вперёд: выполнение задач буржуазно-демократического этапа революции – преодоление средневековых остатков и борьба с империалистической стратегией на консервацию этих остатков в колониях.

В этой борьбе формировался Гаспринский как политический и общественный деятель. Его исходная позиция просветителя Востока пронизана иде-

ей и может быть выражена словами Маркса: *«невежество, демоническая сила и мы опасаемся, что оно послужит причиной ещё многих трагедий»*. («Маркс, Энгельс», т.1, с. 112).

Естественно, абсолютизация этой идеи ведёт к идеализму, – уже в силу того,

что власть имущие не только стремятся консервировать невежество масс, ещё к тому же обладают:

- всеми средствами политического, экономического, идеологического давления и террора,

- огромной массой учёных холопов для насаждения самого дикого невежества, самого подлого средневековья и доисторического варварства у людей,

- обширными средствами подкупа, политического шантажа и шельмования,

- наконец, как решающий довод политического бессилия и обречённости – тюрьмами и каторгами.

Так что чисто умозрительно, позиция просветительства вне рамок конкретных задач эпохи, сужает, ограничивает возможности и не лишена черт утопичности.

Следует учитывать и власть мелкобуржуазных иллюзий, господствовавших в теории и практике не только буржуазно-демократических, но и социалистического движения и, прежде всего в среде интеллигенции. А это не могло не оказывать косвенного влияния на лидеров формирующегося национально-освободительного движения окраин.

Эти две объективные стороны мы привели с тем, что для Гаспринского на той стадии, т.е. в период поражения первой русской революции, найти ответ о форме и путях социалистической революции была очень трудной задачей теоретического плана. И потому в тот период такая задача и не могла стоять перед ним, поскольку его сферой и местом не были ни пролетарские массы России, ни кабинет теоретика.

Далее. Как следует из романа, Исмаил бек полагал (что соответствовало тогдашнему уровню научного социализма), что революция победит одновременно во всех странах «старого метода» - капитализма. А такой ход событий заведомо исключил бы значительную часть эксцессов контрреволюции, возможности для неё маневрировать и концентрировать силы, чтобы поворачивать вспять ход истории, как это имело место с Парижской коммуной, погибшей в кольце империалистической блокады, как и в случае Октябрьской революции.

Наконец, страницы легальной прессы вовсе не располагали к беседам о революции, причём революции социалистической, как о политическом акте. Ввиду этого, Гаспринский, суждения о «великой революции», сопряжённой с экспроприацией собственности, считающий «самодержавную форму правле-

ния безумием», – ведёт эти суждения под прикрытием ширмы научно-технического прогресса во всех сферах, что характерно для всех марксистских произведений того периода, предназначавшихся для легального опубликования в России.

И, тем не менее, при строгом подходе никакой научной натяжки Гаспринский не делает, решая судьбу класса эксплуататоров. Мы обращаем внимание именно на этот момент: на идею бесспорной смены власти капитала властью народа, как ключевой момент романа, всего мировоззрения Гаспринского:

«Что вы с ними сделали, с этими собственниками магазинов и банков? Может быть, вы их всех повесили? В наше время анархисты их хотели при первой возможности вешать или просто резать.

– Нет, наше цивилизованное общество не дошло до такого бесчеловечного образа жизни. Когда пришло время, и отпала необходимость содержать банкиров и владельцев магазинов, они без санкции со стороны общества исчезли. Наше цивилизованное общество к частным торговцам и банкирам отнеслось как к ненужным для общества». («Т». № 77, 14.07. 1906 г.).

При всей схематичности решения вопроса, Гаспринский отмечает постепенность исчезновения класса частных собственников, лишённых собственности, власти и привилегий. Это вполне соответствует не только принципу экспроприации, но тем или иным (неизбежным) формам использования научно-технического и хозяйственно-управленческого опыта как компромиссный способ, позволяющий свести классовую борьбу с буржуазией к мирным формам, чтобы «некоммунистическими руками строить коммунизм» (Ленин). Ибо, как писал Маркс, для рабочих и для рабочего класса иногда выгоднее «откупиться от всей этой банды, чем вести с ней вооружённую борьбу», а затем заставить её, «культурно – организованно перейти к социализму». (Ленин).

Итак, отметим, вопрос о тактике захвата власти Гаспринский освещает весьма схематично и туманно, что вполне понятно, как ввиду обстановки, так и ввиду того, что задачи романа лежат в другой плоскости, рассмотрим те условия, которые стимулировали мнимую переоценку Гаспринским действительности просвещения, возможностей научного знания, силу идей, примера.

В эзоповском языке романа, где в явной реминисценции на Чернышевского «проницательный читатель» предстаёт в ироническом образе «чтецов Корана» для капиталистического (социалистического) способов производства Гаспринский применяет термины «производство по старому (новому) методу».

В применении этой терминологии глубокий смысл, проявляется блестящая способность Гаспринского внешне безобидной и бесспорной формой отвлечь цензуру и при этом дать исчерпывающую, уничтожающую характе-

ристику империалистической политике и сущности царизма, противопоставить этому те принципы и цели, которые должны и будут присущи России будущего.

Так в произведении «Русское мусульманство» Гаспринский выделяет две «системы политики» в отношении иноплемённых народностей. Первая – «система ассимиляционной политики», которая «действовала в последнее двадцатилетие в Польше» («Русское мусульманство», с. 16).

И далее: *«Игнорируя... всякие симпатии в области политики и обращаясь только к целесообразности, полезности её, мы не находим необходимых оправданий для политики поглощения одной народности другою, политики русификационной в нашем отечестве»* (там же, с. 16-17).

Простым термином «другая система политики» Исмаил бек представляет систему новых отношений между народами, существующих, согласно роману в международном обществе будущего:

«Обращаясь к другой системе политики, протекающей из уважения к национальности и всестороннему равенству племён, населяющих государство, мы замечаем, что она, отлично служа делу государственного единства, в то же время способствует образованию, прогрессу и выработке лучших форм труда и жизни» (там же, с. 18).

Сопоставляя действительность этих двух «систем политики» (к высшему недовольству миссионеров и их хозяев) Гаспринский делает поразительно глубокое наблюдение, к которому впоследствии пришёл и Ленин в своих «Критических заметках».

«На основе всестороннего равенства и элементарной самобытности мирно и счастливо живут в государстве Соединённых Штатов немцы, французы и англичане, в Швейцарии – немцы, французы и итальянцы, которые в то же время готовы бы потопить друг друга на берегах По, Тибра и Рейна!»

И более: *«Несмотря на централизацию и многообразные ограничения, действующие в духе русификации в Польше, первая страна (Финляндия) несравненно больше русская, чем вторая и останется всегда таковой, никогда не представляя собой большого, слабого места отечественного организма»*, (там же, с. 19).

Попутно, коль скоро коснулись этого вопроса, заметим, что разработка Гаспринским национально-колониального вопроса является вершиной *доленинской, дооктябрьской* научной мысли.

Не смотря на то, что проблема политического устройства в обществе будущего затронута в романе «Сто лет спустя, 2000 год» как бы мимоходом,

сопоставляя возможные формы и приходя к государству «народных депутатов», Гаспринский от лица «Народа Америки» грядущего XX века называет самодержавие безумием, и правление крупных собственников столь же неприемлемой формой.

В той же ненавязчивой манере сопоставления нового и старого для того, чтобы вдребезги разбить старое, Гаспринским выработан вопрос и совершён кардинальный переворот в мусульманской школе обучения «новому методу» (по-арабски – «усул-и-джедид»). Отсюда, от имени нового метода обучения и пошло понятие «джадидизм». Только в России Гаспринский и его последователи открыли более тысячи новометодных школ. В противовес царским мёртворождённым русско-туземным школам, не выпустившим «ни одного татарчёлка со свидетельством на знание русской речи» («Русское мусульманство», с. 32), реорганизация школы с успехом одолела в жестокой схватке с духовенством. Это стало возможным благодаря тому, что на вооружение новому «методу» была поставлена газета «Герджиман», печатные учебники «Детский учитель», «Учитель и ученик», подорвавшие позиции духовенства, открыв народу доступ к знаниям. Ввиду этого течение джадидизма по своему месту в дооктябрьской истории далеко выходит за рамки «культурничества». Политический смысл джадидизма как течения наиболее верно, как нам кажется, был воспринят миссионерством в лице таких его представителей как Миропиев, Ильминский и Остроумов и маячащими за ними фигурами Победоносцева, Каткова, и III отделения, его теоретические послышки изложены Гаспринским в «Русском мусульманстве» и «Русско-восточном соглашении» и охватывает этап буржуазно-демократической революции. Поэтому нам кажется, ныне этот термин лишён не только исходного, но и вообще всякого смысла, когда в него пытаются аккумулировать признаки доброй дюжины статей политического словаря, что исторически неверно и научно несостоятельно. *«Плохое и нелепое установление слов удивительным образом осаждают разум».* (Ф. Бэкон, соч. т. 2, с. 19-29).

Успех выдающегося исторического мероприятия, реорганизации школы, проведённого под углом зрения «второго принципа политики» и в предвидении выдающейся роли России на Востоке, мероприятия, вокруг которых Гаспринский сумел поднять и сплотить передовые силы восточных окраин, в ряду которых блистают имена Н. Нариманова, Х. Хакимзаде, С. Айни, Р. Медиева, О. Акчокраклы, – успех этого мероприятия не мог не вселять в Гаспринского – талантливейшего организатора, вдохновенного агитатора, тонкого политика, уверенности в огромных возможностях политической агитации, основанной на строгом научном знании и понимании закономерностей исторического процесса. Как важнейший успех своей деятельности Гаспринский рассматривал огромную популярность статей «Переводчика» о России, дословно перепечатававшихся тюркоязычной прессой на Балканах, газетами

Кипра, Египта, Турции и других стран Востока. Большая часть тиража «Терджимана-Переводчика» выписывалась за рубеж.

Поражение революции 1905 года в России вызвало разброд и шатания, раскол и пораженческие настроения во всех политических партиях и течениях, и этого нельзя забывать при анализе джадидизма, не составившего исключения. Однако программа Гаспринского охватила весь Восток, а революционное движение, начавшееся в России, после поражения революции 1905 года, перекинулась в Персию, Турцию, что и предвидел Гаспринский в «Русском мусульманстве». Примером развития взглядов И. Гаспринского в этот период может служить вопрос о нации. Если в открытой полемике с молодыми деятелями татар социал-демократического толка Гаспринский отстаивает примат общенациональных задач для колоний России перед классовыми, то в романе он прямо указывает, что эксплуататоры и эксплуатируемые – это две нации в одной. Попытка оценить перспективы капитализма, самодержавия, осмыслить структуру и природу общества будущего и изложение этого на страницах международной печати, каковым и является «Терджиман» – такова личная динамика родоначальника джадидизма Исмаил бека Гаспринского.

Рассмотрим более подробно государство будущего, контуры которого рисует роман «Сто лет спустя. 2000 год», *«Вы мне тогда рассказывали, – спрашивает г. Вест у своей проекции, что в этот период (то есть за время летаргического сна – Ю.О.) произошла революция, ... никогда в истории человеческого общества за сто лет, как свидетельствует история, не встречалось таких перемен... В чём же состоят и как выражаются эти существенные изменения в жизни общества? Самый важный вопрос: как решён спор между трудом и капиталом? Эта проблема в конце XIX века, стояла перед всеми государствами планеты... она стала всеобщим вопросом и всеобщим бедствием»* («Т». № 38, 14.04. 1906 г.).

И снова Гаспринский даёт две альтернативные тенденции, на этот раз в сфере науки: *«В конце XIX века, некоторые высокообразованные учёные изучали процесс развития общества, искали пути ликвидации эксплуатации человека человеком при сохранении развития общества по пути прогресса»* («Т» № 42, 24.04. 1906 г.).

«Некоторые теоретики дошли до того, что объявили, что попытка решения этого вопроса может привести к гибели мировой цивилизации, всего, что создано упорным трудом» («Т» № 38, 14.04. 1906 г.).

Решая эту альтернативу, Гаспринский выводит предпосылки, которые с неумолимостью «великого экономического закона» приводят к смене экономических формаций «старого» и «нового» методов, а отсюда и государственного аппарата и всей надстройки: *«Человечество того периода стояло перед широким кругом неразрешимых проблем, преодолеть который в состоянии только революция»* («Т» № 9, 03.02. 1906 г.).

Идея революционного переустройства капитализма варьируется на протяжении всего романа, и постепенно обогащается такими признаками, как экспроприация собственности, замена старого государственного устройства принципиально – новым. Продолжая, таким образом, осмысливание истории цивилизации, начатое в романе «Дар уль Рахат» («Страна Спокойствия»), где он показал принципиальное сходство всех досоциалистических цивилизаций как основанных на эксплуатации человека человеком и ограблении колоний, Гаспринский указывает в новом романе, что «великая революция» разделяет два принципиально разных общественно-политических строя, коренным образом меняя сущность цивилизации.

Не всякая революция ведёт к принципиальному изменению природы государства и общества. Если не будет устранено коренное противоречие – между трудом и капиталом, то: *«Человеческое общество с доисторических времён не расстается с болезнями и страхом»* («Т». № 9, 03.02. 1906 г.).

«... Вместо всеобщего развития общества вновь появится старый страх... после революции для достижения цели человечеству, то есть для достижения всеобщего развития придётся пройти тот же путь, как в прежнем обществе... о таком ходе событий свидетельствует пример социальных революций в прошлом» («Т» № 9, 03.02. 1906 г.).

Это принципиальное различие наступает ввиду уничтожения эксплуатации человека человеком, найма и продажи рабочей силы, что само по себе является следствием ликвидации частной собственности на средства производства. Это – цель революции, её содержание, хотя саму революцию Гаспринский не описывает, отделяваясь туманными фразами и намёками. Эти коренные различия порождают две разные по природе социальные сущности:

«В условиях капитализма, в условиях «старого метода», результатом которого было «бурное развитие промышленности, сельского хозяйства и во всех отраслях науки и техники» («Т» № 38, 14.04. 1906 г.), *и который создал предпосылки для производства такой массы товаров, чтобы удовлетворить всё население»; одновременно, «прогресс во всех отраслях жизни создаёт почву для дальнейшего увеличения эксплуатации трудящихся, их положение становится безвыходным, помимо своей воли они становятся пленниками капитала, т.е. капиталистов»* («Т» № 42, 24.04. 1906 г.).

«В XIX веке – веке капитализма – многие трудящиеся оставались безработными, безработица была бичом капитализма. В то же время многие люди ничего не делали и не желали трудиться. Они всеми способами стремились жить за счёт народа» («Т» № 45, 01.05. 1906 г.).

Такова природа капиталистической цивилизации, неразрушимые противоречия которой ведут к тому, что: «... наступит всеобщая великая революция и тогда человеческое общество достигнет своей высшей степени развития. Сегодняшние «товарищество» и «общность» в тот период (период капитализма – Ю.О.) не могли бы существовать. Население нашего века излишки от расходов направляет для улучшения жизни и жизненных условий своего народа. Каждый современный человек в городе, деревне и посёлках живёт в домах со всеми удобствами, дома принадлежат государству» («Т» № 25, 13.03. 1906.).

В романе Гаспринский фактически сформулировал, дал яркую, образную характеристику, и противопоставил основные экономические законы двух противоборствующих систем, существовавшей тогда капиталистической и существовавшей в научных теориях и программах революционных партий – социалистической, которую Гаспринский рисует именно, как международную систему общественно-политического устройства.

Диалогами Веста-Лайта Исмаил бек преподносит краткий курс в известной мере вольного изложения истории первичного накопления, становление и развитие капитала, его концентрации и опутывание монополиями всех сфер жизни. Политические характеристики более завуалированы литературными приёмами, эзоповской формой подачи материала. Здесь очень много повторов, разговор непрерывно возвращается к ранее затронутым темам, хронология отдельных этапов смещена, что создаёт обстановку вольной беседы и избавляет роман от аналогии с научным трактатом и проповедью.

«В доисторический период цивилизации каждый человек в одиночку занимался производством и торговлей. Постепенно в городах и деревнях появились мелкие кустари, умножилось кустарное производство, возникали отдельные отрасли производства. С этого периода отдельные ловкачи постепенно приобретали богатство, по отношению к трудящимся они составляли небольшой процент». («Т» № 41, 21.04. 1906 г.).

В другом месте по этому поводу, характеризуя социальную принадлежность и историю рода Вестов, Гаспринский пишет:

«Начальный капитал был небольшим. Это богатство увеличивало несколько поколений, хотя сами они не работали. Это похоже на то, как если бы не топить в печи дрова, но получать необходимое тепло».

«Такое явление объяснялось хитростью того времени. Секрет обогащения состоял в том, что человек все тяготы жизни относил на ближних, которые работали не покладая рук, один он пользовался плодами их труда».

Люди труда, т.е. ваши предки, существовали в мире несправедливости, не понимая этого, и не могли критиковать. Имущие проворачивали свои дела

так остроумно, что если разбирать подробно, то мы далеко уйдём от основного вопроса» («Т» № 101, 05.12. 1906).

Но, продолжим прерванное изложение краткого экскурса романа истории капиталистического производства:

«Трудящиеся ещё работали по силе и потребности для удовлетворения жизненно необходимых нужд. Стали появляться господа из числа трудовых людей, умевших приспособиться к любым условиям. Они всеми правдами и неправдами стали накапливать капитал.

В это время каста господ только начала складываться, но первое время они ещё работали наравне со всеми и были хорошо знакомы с положением трудового люда. Эти первые народившиеся господа сначала ещё ценили труд трудящихся, и потому резкого антагонизма между этими двумя группами не было, и жили они относительно мирно.

С течением времени мелкое кустарное производство поглощалось умельцами, переходило в руки отдельных господ. В процессе этого поглощения часть ремесленников переходило в число трудового люда, и тоже происходило в сфере торговли».

«В конце концов, трудящиеся превратились в работающие машины».

«С развитием промышленности резко увеличился капитал отдельных капиталистов. В дальнейшем промышленный и торговый капитал стали сливаться, в результате чего эксплуатация ещё больше усилилась, и трудящиеся массы смотрели на капиталистов как на смертельного классового врага».

«Не смотря на стоны и страдания трудящихся, эксплуатация их со стороны новых капиталистов всё усиливалась. Во всех странах крупный капитал поглощал мелкие торговые и производственные единицы, создавая крупные торговые и промышленные объединения. В конце XIX века в наших Соединённых Штатах все железные дороги перешли в руки одной крупной компании. Торговля промышленными товарами – в руки одной или нескольких торговых объединений. Эти крупные торговые объединения самостоятельно определяли цены товаров, эксплуатируя трудящихся без помех и конкуренции». («Т» № 41, 02.04. 1906 г.).

«Ежедневно мелкие торговцы разорялись, их торговые точки поглощались объединениями, ... некоторые из мелких торговцев быстро поняли своё положение – безнадёжности конкуренции с крупными объединениями и свои деньги вкладывали в эти объединения и этим самым продолжали участвовать в торговле.

Большинство из них понимало, что происходит и, принимая участие в торговле с крупными объединениями, постепенно перешли в разряд рабочих, как все, продающие свой труд».

«Слияние крупных торговых объединений в одно единое объединение – это, в конечном итоге, экономический закон, который имеет большое и глу-

бокое значение. Для проявления этого нового закона были глубокие причины и своеобразное свойство настоящей общественной тайны».

И наконец, что уже цитировалось, – *«Объединение в единое целое системы промышленности, торговли и всех видов производства создало предпосылки для производства такой массы товаров, которая способна удовлетворить всё население»* («Т» № 41, 21.04. 1906 г.).

В своём экскурсе в историю Гаспринский очерчивает пути развития капиталистического способа и, начиная от кустарного производства через стадии концентрации, слияние промышленного, торгового и финансового капитала, всех сфер производства, создание огромного паразитического коррумпированного аппарата, сосущего кровь из народа, полиции, армии, то есть к государству с высшей степенью монополизации с господством промышленно-финансовой олигархии.

Это развитие он квалифицирует как великий неотвратимый экономический закон. Столь же неотвратимо он рисует ликвидацию этого строя, исчерпывающего свою роль в истории и готовящего предпосылки для идущего ему на смену более эффективного и более справедливого строя. Гаспринский не ошибся, назвав XX век, веком «производства по новому способу». Гаспринский поднялся до понимания того, что империализм до предела развивает обобществление производства и вступает в неразрешимое, в рамках способа, противоречие с частным характером присвоения, опирающимся на частную собственность на средства производства. Ликвидация частной собственности вот единый путь разрешения противоречия и неотвратимая реальность, ожидающая империализм.

Однако если бы Гаспринский не видел второй стороны процесса концентрации и огосударствления капитала, а именно – усиление ограбления и эксплуатации трудящихся, непримиримости их борьбы с капиталом, то превратилась бы в утопию основная идея романа – возможность построения нового общества. Это непримиримое противоборство с развитием капитализма доходит до кульминационной точки:

«Трудящиеся знали, что будущность их темна и безнадежна».

«Люди нашей эпохи жизнь общества уподобляли кораблю, который ждёт неминуемое крушение» («Т» № 40, 19.04. 1906 г.).

В диалогах и монологах Веста-Лайта и от автора параллельно с рассказом об истории развития общества, его производительных сил и классовой поляризации раскрывается в той же популярной, конечно облегчённой форме эскиза развития классовой борьбы с момента выделения касты господ, когда «они жили относительно мирно». Наконец,

«Трудящиеся превратились в работающие машины. Далее терпеть такое положение было нельзя и стал вопрос: «что дальше делать?» Первоначально трудящиеся объединялись в небольшие группы и стали противоборствовать капиталу и добиваться с его стороны небольших уступок. Такие общества возникали во всех странах капитала».

«Трудящиеся после множества забастовок поняли, что сопротивление против таких объединений невозможно и бесполезно» («Т» № 42, 24.04. 1906 г.).

«Ликвидация объединений промышленности и торговли улучшило бы духовное и моральное состояние трудящихся масс. В этом случае, в отличие от положения рабочего в объединении, каждый рабочий работал бы в домашних условиях и мастерских как раньше. Но это было бы шагом назад во всеобщем развитии человеческого общества. Во-первых, теперь ликвидировать эти объединения просто невозможно. Во-вторых, благодаря существованию таких мощных объединений резко увеличился объём товаров широкого потребления и всех видов товаров» (Там же).

В порядке отступления следует отметить, что было бы опрометчивым, как это на первый взгляд может возникнуть искушение, обвинить Гаспринского в наивном представлении о монополиях, как о носителях прогресса. Достаточно сослаться на исследование в «Терджимане» вопроса о табачной монополии в Крыму. Прекрасно известно ему и то, что монополии и главный монополист – капиталистическое государство ведаёт производством не только табака и товаров широкого потребления, но и смертоносным товаром войны. Так в одной из статей о русско-японской войне: «Стоимость войны», Гаспринский, оценивая одну из причин надвигающейся катастрофы – трудности транспортировки войск и снаряжений, указал, что стоимость прокладки железной дороги равняется стоимости нескольких дней войны.

Сам приём – герой проспал весь переходный период и его глазам предстаёт общество будущего – объясняет главный замысел, цель романа. Ретроспективный взгляд позволяет оценивать это новое общество как неизбежный качественно новый этап в непрерывной истории человечества.

«В тот период, - вспоминает Вест 1870-е годы, проснувшись через 113 лет, - обострились противоречия между трудовым народом и господами, между трудом и капиталом». («Т» № 8, 01.02. 1906 г.).

«К требованиям трудящихся относились такие, как большее вознаграждение за дневной труд при сокращении продолжительности рабочего дня, улучшение жилищных условий, повышение квалификации путём организации обучения. Эти требования являлись абсолютно законными и естественными. Однако условия той эпохи, общественное богатство не позволяли удовлетворить эти требования». (Там же).

«Разные общества создавались, чтобы противостоять угнетению со стороны эксплуататоров и торговцев. Чтобы наши претензии признавались со стороны эксплуататоров, приходилось объединяться в профсоюзы. Каждый союз действовал в отдельности, а потом все вместе, – другого выхода у трудящихся не было» («Т» № 40, 19.04.1906)

Любопытное замечание, которое как бы случайно обрушивает автор:

«Сторонники рабочего класса сами признавали эти требования невозможными, утопическими» («Т» № 8, 01.02. 1906 г.) и далее: *«В конечном счёте, результаты рабочих волнений свелись только лишь к перечисленным требованиям. В этот период трудящиеся ещё не нашли путей как добиться этих справедливых требований»* (там же). В другом месте Гаспринский проясняет ещё далее: *«Трудящиеся всё могли бы делать самостоятельно, сила в их руках, но у них нет руководства»* («Т» № 9, 03.02. 1906 г.).

Итак, отдельные экономические требования, тред-юнионизм делает иллюзорными надежды пролетариата, стремление добиться достойных человека существования условий жизни. Без ясного понимания природы общественных отношений, пути и средства, без руководителя добиться этих целей невозможно. Среди неясных намёков и расплывчатых упоминаний Гаспринским «авторов, пишущих по этому вопросу», о «теоретических философах», «сторонниках рабочего класса», об «анархистах», о «вождях и руководителях», вдруг проскальзывает фраза г. Веста об эпохе «большого кризиса» 70-х годов: *«В этот период сторонники рабочего класса показали свою искренность и волю и подтвердили данные ими народу высокие клятвы»* («Т» № 8, 1906 г.). Весьма прозрачный намёк на героев Парижской коммуны. Однако, от наших догадок, от счастливых, хотя и постепенных превращений (*«все поняли, что для современной жизни старый метод развития не подходит»*), перейдём к анализу собственно нового общества, обсуждаемого Вестом-Лайтом.

«За исторические эти сто лет на нашем свете в развитии общества произошли такие изменения, на которые прежде потребовалось бы не сто, а тысячи лет» («Т» № 25, 13.03. 1906 г.).

Прежде всего, бросается в глаза, что новое общество, в описываемом романе состоянии, появилось не само по себе, не в результате коллективного договора, а через переходный период. Но при этом, и данное общество не является в полной мере совершенным, а находится в стадии роста и совершенствования.

«Хотя большинство не представляло, к каким результатам приведёт современный метод развития, но все вместе решили взяться за новый» (там же). Политик победил просветителя, реализм – утопию. Значит – революцию можно совершать, не дожидаясь пока народ будет обучен грамоте. Несомненно, 1905-1906 гг. были переломными для выдающегося деятеля Востока Исмаил бека Гаспринского и этот перелом означал отход от иллюзий и утопий, поворот в сторону научного социализма.

«При новом методе прошёл определённый промежуточный этап, в течение которого каждый мог сопоставить... освободиться от старых представлений во всех отраслях жизни» («Т» № 38, 14.04. 1906 г.).

«Все эти исторические события произошли в результате кропотливого труда и траты большой энергии, стали явлениями естественными» («Т» № 45, 01.05. 1906 г.).

На протяжении романа Гаспринский шаг за шагом перечисляет, ссылается или описывает несколько доктрин относительно перспектив развития общества, такие как тезис божественного происхождения частной собственности и классового господства имущих, «теорию» убывающего плодородия почвы и т.д.

Отбрасывая эти теории как не состоятельные, Гаспринский утверждает возможность научного предсказания путей развития общества и, видит этот путь в ликвидации «божественного» права собственности.

Именно эта, строго проведённая логика романа связывает воедино разбросанные, внешне не связанные и непонятные в адресации ссылки на теоретиков, сторонников рабочего класса, меньшинство, народных депутатов и др.

«История прошедших веков доказала, что частная собственность порождает несправедливость, и на её основе происходит обман. Обманом предприимчивые люди наживают состояния и таким образом власть имущие создают эксплуатацию человека человеком.

Поощрение частной собственности и торговли наносит ущерб не только ближним и друзьям, но и государству. Страна и общество не смогут подняться до высшей степени цивилизации и высших ступеней развития во всех отраслях, если они допустят внутри страны куплю-продажу» («Т» № 78, 17.07. 1906 г.).

Поистине нужно хорошо знать и научно исследовать механику рынка, торговли и психологию лавочника, даже прикрывающегося лоском цивилизации и социальной демагогией, чтобы придти к такому радикальному и бескомпромиссному приговору купле-продаже.

Насколько нам известно, в той же плоскости, вопрос этот был затронут на экономической дискуссии и сформулирован в труде И. Сталина «Экономиче-

ские проблемы Социализма в СССР» (1952 г.). Это не утопия. Это большая сила научного мышления.

Первоначально осознание этих истин Гаспринский вкладывает в сознание меньшинства. Далее:

«Когда народ дошёл до осознания необходимости создать человечески счастливое государство (то есть «когда низы не хотят жить по старому» Ю.О.), он постепенно брал в свои руки свою будущую независимость от частных предпринимателей, придя к единодушному мнению, что все богатства страны будут в руках государства» («Т» № 43, 26.04. 1906г.). Или: «Все богатства будут сосредоточены в руках государства или, как мы понимаем, – в руках народа» (там же).

Конечно, можно предположить, что здесь в скрытом виде заключено предположение Гаспринского о постепенном проведении экспроприации. Но мы можем только гадать, во-вторых, в переходный период многоукладный характер экономики – скорее закон, чем исключение и поэтому опустим, как говорил Марк Твен, «опустим занавес милосердия над этой сценой».

Принцип государственного устройства общества будущего проясняется ещё больше из лёгкого экскурса в историю д-ра Лайта:

«Из истории известно, что населением и страной Америки долгие годы управляла Британская Корона. Народ Америки, после долгой борьбы за освобождение, в конце XIX века приобрёл политическую независимость. Только в начале XX века народы Америки открыли глаза, приобрели кроме политической и экономическую независимость.

Как известно из истории, с древних времён народом управлял один человек, называемый царём, королём, или падишахом. Самодержавное управление страной народ Америки счёл рискованным безумием, а так же понял, что нельзя доверять управление страной нескольким богатым гражданам» («Т» № 43, 26.04. 1906 г.).

Если с политической независимостью всё ясно, то очевидно, «экономическую» независимость народ Америки в XX веке отвоевал не у Британской Короны, а у второй американской нации – «нации» имущих. Во всей полноте вырисовывается и социально-политический идеал государственного устройства «культурника» (джадида) Гаспринского: не монархия, не буржуазная республика, не власть капитала, а народ, народное государство, правление народа через народных депутатов:

«Все объединения и компании были ликвидированы и переданы в руки трудового народа, то есть государства» («Т» № 44, 28.04. 1906 г.).

«В настоящее время государство – это есть народ, а народ есть государство. Сейчас эти два понятия сплетены в единое целое» (там же). Это выглядело бы плакатно, если бы не относилось к той стадии государства, которая описана Гаспринским – к стадии отмирания государства.

«Не сравнивайте эти два века между собой! Если в настоящее отдать бразды правления промышленностью и торговлей в руки тогдашних служащих, то было равносильно тому, что пустить дело на ветер. В XIX веке служащие творили бесчинства, т.е. занимались взяточничеством, стараясь создавать хаос. В настоящее время отдать бразды правления в руки таким людям было бы, по меньшей мере, безумием.

Наши депутаты и служащие ведут всю политику страны и государства, они понятия не имеют о взяточничестве. Для них это слово – только историческое прошлое» (там же).

Этот вопрос – вопрос о власти, о сущности государства в эпохе социализма Гаспринский рассматривает под различными ракурсами, блестяще развивая идею народного государства и, естественно переходя к её различным аспектам с поразительной интуицией и чёткостью, давая решение проблемных вопросов:

«По вашему разъяснению я понял, что народ принял на себя функции капиталистов. Как теперь решается вопрос с рабочими, т.е. с трудящимися, которые в своё время объявляли забастовки, сопротивлялись всем мероприятиям капиталистов? ... Сейчас функции капиталистов взяло на себя государство. Теперь трудящиеся разве не сопротивляются мероприятиям государства?»

Хотя вы и сказали, что государство, или же народ, стали на место прежних капиталистов, простой переменной имён местами этот трудный вопрос решить нельзя?» – вопрошает Вест.

Д-р Лайт: *«В данном случае Вы не совсем верно мыслите. Со дня передачи бразды правления государству, частная собственность не осталась в руках у частных владельцев. То есть эксплуататоров не стало, поэтому нет почвы для вражды между трудящимися, когда каждый трудится наравне со всеми, и государством. Поэтому этот вопрос снят с повестки дня»* («Т» № 45, 01.05. 1906 г.).

С переходом управления государством в руки народа окончательно ликвидировано ранее существовавшее противоречие между трудом и капиталом. Народ стал хозяином государства: *«... каждый стал членом народного общества и хозяином этого общества»* (там же).

Гаспринский анализирует главные признаки и особенности нового общества, принципы распределения, функционирования госаппарата, морали, вос-

питания, науки, социально-бытовые условия. Отмена принципа частной собственности обусловило справедливый, общественный характер распределения, весь продукт идёт на удовлетворение потребностей всего общества без привилегий и ущемлений, причём большая часть потребностей возмещается из общественных фондов потребления. Народное государство – плановое:

«С наступлением нового года подсчитываются государственные доходы и расходы... По данным плановых органов государству известно о наличии всех товаров в конце истекшего года, а так же о том, сколько их будет произведено в предстоящем году» («Т» № 77, 14.07. 1906 г.).

Блестяще разработан вопрос о характере труда и производственных отношений неизбежно вытекающих из новых отношений собственности.

«У нас сейчас не вынуждают людей идти на работу. Они трудятся в тех отраслях и местах, где они могут принести большие пользы для общества, а продолжительность рабочего дня не регламентируется» («Т» № 45, 01.05. 1906 г.).

«Труд для каждого члена общества стал необходимым», – говорит Лайт, однако Гаспринский не лакирует картинку:

«Да, – уточняет д-р Лайт, – сейчас труд всё ещё принуждение, но уже в большей степени является необходимостью» (там же). И далее: *«Труд входит в обязанность каждого человека... кто не хочет работать, тому нет дороги к полноценной жизни. В нашем обществе не трудиться равносильно самоубийству»* (там же).

Итак, труд – необходимость, но, в большей степени потребность. Кто не работает, тот не ест – таков принцип нового строя. Однако работа, потребность её определяется не угрозой голода или смерти, не запасами желудка:

«От каждого работника требуется, чтобы он относился к труду как к личной потребности и выполнял работу с желанием. От каждого труженика требуется, чтобы он своими руками выполнял только полезную для народа работу» («Т» № 80, 21.07. 1906.).

Побудительным мотивом работы не является не только голод и страх, но и корыстные цели наживы: *«Работа – обязанность человека»* («Т» № 81, 24.07. 1906 г.).

На основании глубокого анализа Гаспринский делает исключительно важный и глубокий вывод, понимание которого и в наши дни порой подменяются филантропическими сентенциями:

«Сознание людей быстро освоилось с тем, что право на труд является необходимостью» («Т» № 45, 01.05. 1906 г.).

Новая социальная система, общество, где упразднена частная собственность – нуждается в праве на труд, а не «дарит» это право своим гражданам.

«В наше время было принято, что на фабриках и заводах работали дети и подростки и старики. Мы не заставляем работать молодёжь. Ей даётся возможность учиться сперва в средних, а потом в высших учебных заведениях или в специальных профшколах, откуда по получении специальности она идёт работать.

Молодёжь работать идёт лишь тогда, когда входит в расцвет сил, а уходит гораздо раньше, чем в ваше время. Старость обеспечивается государством» («Т» № 45, 01.05. 1906 г.).

В государстве будущего Гаспринский перечисляет большой круг социальных нужд и программ, обеспечиваемых из общественных фондов:

«Государство берёт на себя обеспечение будущего детей. До исполнения совершеннолетия с учётом роста населения все работы о содержании детей государство берёт на себя, и потому родителям нет необходимости беспокоиться о будущем своих детей. Дети кроме среднего образования получают за счёт государства и специальность» («Т» № 77, 14.07. 1906 г.).

Характеризуя принцип распределения в более широком плане, Гаспринский пишет: *«Вест: «На чём основано и по какому принципу распределение?». Лайт: «Требование и право на годовую потребность каждого гражданина основаны на том, что он – «человек» и гражданин своей страны. По этой причине каждый гражданин имеет право требовать свой годовой пай, ибо все они – дети нашего народа» («Т» № 79, 19.07. 1906 г.).*

Как же тогда понять, что труд ещё не полностью стал свободным? В какой мере, и по какой причине? Ответ естественно прост:

«Ряд специальностей не пользуются популярностью, поэтому молодёжь идёт на них не охотно. В этих случаях государство вынуждено регулировать и предусматривать ряд мер».

«У нас сейчас так называемых «чёрных работ» нет. И именно потому, что: во-вторых, благодаря развитию науки и техники трудоёмкие процессы механизуются. На такие работы тогда число желающих увеличивается. Если и это мероприятие не помогает, то применяют меры поощрения».

«Есть ещё такое положение: молодые рабочие в течение трёх лет не имеют права отказываться от порученной им работы. В эти три года ра-

бочий обязан выполнять любую работу, которую ему предлагают. Надо отметить, что на практике это редко случается» («Т» № 47, 05.05. 1906 г.).

«В период обязательной работы, после получения специальности на работу устраивают в первую очередь тех, кто имеет хорошие характеристики от ВУЗа».

«Высококвалифицированных молодых специалистов направляют на работы в те районы страны, где есть спрос»

«Если юноша по достижении 21 года не приобрёл никакой специальности, его ещё раз направляют в школу, но уже обучают его по той специальности, в которой нуждается государство» (там же).

Итак, сфера труда, где государство ещё вынуждено регламентировать и регулировать приток рабочей силы при помощи организации, политических или законодательных мер весьма узка и необходимость в этом возникает, в частности, ввиду недостаточного развития техники, технологии в той или иной отрасли, или относительной отсталости или особых условий того или иного экономического района.

Взгляды на принудительный труд – прямой в виде тюрем или косвенный, Гаспринский – великий труженик и мудрый гуманист, развил ещё в истории общества «Страны Спокойствия». Высокий уровень техники и технологии, строгое равенство перед принципом «кто не работает, тот не ест», справедливое распределение, атмосфера искренности товарищества, здоровые социально-бытовые условия и т.д. – всё это обусловило новое отношение к труду.

«В современных фабриках и заводах, – говорит Лайт, – совершенно исчезли фабрично-заводские трубы. Современные наука и техника для достижения высоких температур нашли принципиально новые методы» («Т» № 29, 22.03. 1906 г.).

Что ж, недаром А. Вамбери пророчил 20-летнему Гаспринскому будущность великого учёного.

«В наше время работать по найму было принуждением, ... сейчас продолжительность рабочего дня резко сократилась. Для работы созданы самые лучшие условия, чистые заводские цеха, инструменты высшего качества, станки - универсальные. Работа и жизнь рабочих вошла как радостное проведение времени и как необходимость, стала потребностью людей» («Т» № 47, 05.05. 1906 г.).

«Что же, вы считаете, что, – возражает д-р Лайт, – и люди, у которых завтрашний день обеспечен, больше ни о чём не думают? По вашему разумению у людей, кроме заботы обеспечить себя и семью предметами питания и одежды, более потребностей нет? А куда вы дели жажду, присущую человечеству?» («Т» № 81, 24.07. 1906 г.).

В условиях, когда производство и распределение обобществлены, власть сосредоточена в руках государства, а трудящиеся объединены в мощное единое профсоюзное объединение, Гаспринский видит ряд моментов, чреватых угрозой стабильности нового общества.

1. Опасность того, что государство выступит как капиталист и посягнёт на права и свободу трудового народа, Гаспринский снимает это потенциальное опасение тем, что частная собственность ликвидирована, средства производства обобществлены, а перед обязанностью трудиться, и перед принципом распределения все равны.

2. Опасность разгула анархии, забастовочного саботажа и дезорганизации хозяйства страны

Эти вопросы неотделимы от определения сферы государственных интересов регулирования, так и принципов новой общественной морали и психологии. Вопрос о характере государства очерчен немногими, но выразительными штрихами. Как показано выше, государство социализма не может быть ни самодержавием, ни осуществлением господства олигархии.

Во-вторых, существенно разгружен и уменьшен огромный паразитический аппарат, доставшийся по наследству:

«Как Вы говорите, – замечает г-н Вест, –..., все служащие теперь работают в госаппарате (те, что раньше работали у капиталистов, – Ю.О.), иначе говоря, сидят на шее народа и государства. Очевидно, сейчас государственные расходы увеличились? В моё время государство содержало аппарат для двух целей. Во-первых, для соблюдения внутренних порядков, и обеспечения спокойствия внутри страны, во-вторых, для защиты от нападения внешних врагов» («Т» № 44, 28.04. 1906 г.).

В ответ д-р Лайт рисует такую картину:

«Сейчас государственные расходы идут на образование, медицинскую помощь населению. Будущность народа нашей страны обеспечена, а народные нужды справедливо удовлетворяются без исключения и привилегий. Вдумайтесь глубоко, д-р Вест, и Вы поймёте, что служащих в ваше время было гораздо больше чем сейчас. Сейчас в них нет такой нужды. В настоящее время отпала необходимость взимания налогов для увеличения доходов, для увеличения мощи государства» (там же).

Отпадание необходимости увеличивать карательную мощь государства, обусловлено изменением самой природы государства будущего. Идёт формирование нового типа государственного служащего:

«В нашем обществе государственные и административные должности доверяют только таким людям, которые в процессе труда раскрыли свой талант и умение ориентироваться в любой обстановке, хорошо трудиться,

что достигается только в результате большого упорства, затраты сил, и умелого труда» («Т» № 81, 24.07. 1906 г.).

Но общество будущего Гаспринский рассматривает как истинную цивилизацию при условии, что оно не является островком в море насилия и зла, процветающего вопреки страданиям миллионов населения планеты. В этом смысле «Сто лет спустя. 2000 год» является огромным шагом вперёд в сравнении с романом «Страна Спокойствия», где отшельниками, вне связи с человечеством живёт дружная и радостная община.

Перенесение нового порядка на все континенты и страны мира – это не следствие утопичности, даже не отражение заблуждений насчёт неравномерного развития империализма (если таковое у Гаспринского имеется). Это результат очень «практического» и научного понимания невозможности полнокровного развития общественного прогресса в условиях гонки вооружений и невозможности складывания подлинно коммунистической морали, когда на планете не уничтожены бесправие, голод, болезни.

«Ради Бога! – восклицает Лайт, – не говорите такие вещи! Кто враг? Как Вы можете считать потенциальным врагом Францию, Англию или же Германию? А может быть, Вы считаете врагами трудовой народ или, наконец, часто повторявшиеся ранее голод, или, наконец, холод? В Ваше время народы отдельных стран мира были врагами друг другу; по особым причинам, вызывавших противоречия, воевали друг против друга даже в тех случаях, когда возникшие споры можно было решить при встрече друг с другом. В итоге бесцельных неразумных войн гибли тысячами, десятками и сотнями тысяч ни в чём неповинных людей.

В наше время войн между государствами не существует, ибо наши государства войск не содержат, и потому нет государственных расходов на войско и войну. Сейчас государственные расходы идут на образование, медицинскую помощь населению» («Т» № 44, 28.04. 1906 г.).

Идея всеобщего мира, всеобщего разоружения, страстное обличение войны, международного разбоя составляет важнейшую черту мировоззрения и политической деятельности Гаспринского. В этой связи приходят на ум выдающиеся строки обращения к армянскому народу по случаю 1500-летия армянской письменности («Привет тебе, трудолюбивый армянский народ ...»!), разоблачение «погромщиков кабинетных» – организаторов еврейских погромов, блестящие эссе об Индии – «Индия – жемчужина Британской Короны».

Глубоко закономерным было выдвижение рядом организаций Франции и Индии кандидатуры Исмаил бека Гаспринского на присуждение ему Нобелевской Премии Мира. И столь же глубоко закономерно, что Гаспринский не

значится в числе лауреатов Нобелевской премии, где в том же 1910 году таким лауреатом был назван президент США Вильсон.

Вопросу внутренней политики, социальной стабильности государства будущего уделено много места, в романе:

«В наше время рабочим оплачивали лишь часть их вложенного труда, остальная часть шла в карман хозяина, и на этой почве возникал конфликт рабочих и капиталистов, часто заканчивавшийся забастовками рабочих.

Сейчас у вас средства производства принадлежат только государству. Поэтому, очевидно, трудящиеся легко добиваются повышения заработной платы, объявляя забастовки?» («Т» № 47, 05.05. 1906 г.).

Далее Вест продолжает: *«... при таком способе производства в наше время производство не просуществовало бы и дня». Доктор, смеясь, на мои вопросы, продолжил: «... правильно, в первый вечер по получении зарплаты объявили бы забастовку. Действия против государства дезорганизовали бы весь государственный механизм, – не так ли?*

– Если ежедневно будут продолжаться смуты, как от этих смут избавиться? ... Как же нашли способ удовлетворить нужды трудящихся? Или изменился характер современных рабочих? Или может быть в ваше время рабочие, прежде всего, думают о выгоде других больше, чем о своей пользе? – Вами были высказаны гипотезы совершенно невозможные, г-н Вест!» («Т» № 61, 07.06. 1906 г.),

«Сейчас трудящиеся в едином союзе с государством, продолжает мысль Лайт – и потому такого конфликта не возникает, и нет необходимости. Государство защищает интересы трудящихся масс страны» («Т» № 47, 05.05. 1906 г.).

В этой связи Гаспринский развивает не только вопросы принципиального характера о распределении в духе основного экономического закона социализма, но и показывает развитие под влиянием новых социальных условий общественной нормы и морали, нравственности и этики нового типа. Совокупность общественных отношений на базе научно-понятного способа производства и законов экономического развития, высокий уровень техники и технологии – исключают, по мысли Гаспринского, возникновение антагонистических социальных конфликтов, антисоциального поведения, посягательство государства на права и свободы народа. Поскольку такие эксцессы являются «совершенно немислимыми» гипотезами в государстве народных депутатов, то из прерогатив государства единственно исчезают карательные функции, а стало быть, и соответствующий аппарат и расходы.

Одно из принципиальных отличий романа «Сто лет спустя. 2000 год» от «Страны Спокойствия», свидетельствующее о качественных сдвигах в мировоззрении Гаспринского, состоит во взгляде на мораль уже не с позиций веч-

ных и неизменных понятий добра и добродетели, которые, якобы, накоплены религией и пригодны для любой эпохи.

«Мне было трудно поверить, – говорит г-н Вест, – что в течение одного века народы смогли совершить небывалое развитие и, соответственно – за один век изменить характер и мышление человека. Это произошло именно потому, что у современного человека изменились условия жизни и условия материальной и духовной обеспеченности. Изменения материальных и духовных условий привело к изменению морали» («Т» №44, 28.04. 1906 г.).

Многовековой философский спор просветителей: добр от природы человек или злот? – просветитель Востока Исмаил бек Гаспринский, решает так: *«У людей того времени, – оценивает Лайт - человек будущего, – была плохая нравственность, но она была такова не от природы человека, а вследствие условий жизни» («Т» № 45, 01.05. 1906 г.).*

«В ваше время условия жизни просто принуждали человеческое общество к закону «человек человеку враг»... законы общественной жизни приводили к хищническим правилам. Дьявольский закон гласил: «твоя нужда – это моя польза» («Т» № 79, 1906. г.).

Точнее: *«Если рассмотреть вопрос (отношение к труду – Ю.О.) с точки зрения морали, – то наша мораль по сравнению с моралью буржуазного прошлого века так же изменилась: она направлена против эксплуатации и против угнетения человека человеком» («Т» № 80, 21.07. 1906 г.).*

В данном случае Вест и Лайт дискутируют вопрос: почему мораль нового общества является: «от каждого по способностям», в то же время как вторая часть формулы, характеризующая распределение, звучала «каждому по потребности».

«Вопрос о морали и нравственности нельзя уподоблять материальному вопросу, особенно измерив их величину. Это было бы не вполне логично. При распределении продукта между трудящимися в наше время нельзя исходить лишь из конечных результатов труда работающего. Прежде всего, необходимо принимать во внимание отношение к труду».

«В наше время тот, кто не хочет работать с полной отдачей, получает достойное наказание. Однако люди, которые работают с полной отдачей сил и способностей, не требуют себе дополнительного вознаграждения. В наше время работать по силе и способностям – считается выполнять свой гражданский долг перед страной и народом» («Т» № 80, 21.07. 1906 г.).

Вест возражает: *«Мне кажется, что среди трудящихся, людей с такими высокими идеями и моралью, не очень много. Обыкновенные обыватели, а их очень много, если их не поощряют материальным вознаграждением, не ста-*

нут работать со всей отдачей, то есть, опираясь на свою лопату или другой инструмент, в конечном счёте, уснут».

Лайт: «Что же, Вы считаете, что люди, у которых, завтрашний день обеспечен, больше ни о чём не думают? По вашему разумению у людей кроме заботы обеспечения себя и семью предметами питания и одежды более потребностей нет? А куда вы дели жажду, присущую человечеству? Разве люди вашего века не имели других идей и морали? ... Когда наступают моменты, что солдату необходимо пожертвовать жизнью за родину, ведь этого солдата не одаряют золотом, хотя он этого и заслуживает, так как это его долг. Наоборот, – солдатам внушают понятия о патриотизме, любви к родине, нации, солдат призывают к героизму и ненависти к врагам, ибо они идут отстаивать свободу».

«Число людей с такими принципами сегодня гораздо больше, чем в ваше время. И такой благородный труд (с полной отдачей – Ю.О.) открывает путь для ещё большего поднятия престижа к высоким должностям. В нашем обществе таких людей не единицы, а большинство» («Т» № 81, 24.07. 1906 г.).

В чём же видит Гаспринский гарантию от эрозии этой морали, от деструкции этого сложного и стройного механизма, от перерождения и вырождения, пусть под покровом лощёных фраз и «крылатых» лозунгов? Самой постановкой этого вопроса и поиском ответа на него Гаспринский на многие десятилетия поднялся над временем.

«Законы нашего государства запрещают вести торговлю именно потому, что между частными лицами не может быть справедливого обмена товарами. История прошедших веков доказала, что частная торговля и частная собственность порождают несправедливость... эксплуатацию человека человеком».

«Вдумайтесь – продолжает д-р Лайт, – всё богатство, создаваемое народом, т.е. различные предметы потребления и производства находятся в руках государства. В этих условиях нет никакой необходимости в частной торговле..., деньги и торговля имеют место только тогда, когда в стране господствует частная собственность на средства производства».

И, наконец, что уже цитировалось: «Страна и общество не смогут подняться до высшей степени цивилизации и высших ступеней развития, во всех отраслях, если они допускают внутри страны куплю-продажу» («Т» № 77, 14.07. 1906 г.).

Шаг за шагом Гаспринский исследует идею социалистической формации, охватывающую, как можно понять из романа, по крайней мере, ведущие – капиталистические страны на стадии перехода от развитого социализма к

коммунизму (так выглядит модель Гаспринского в современной терминологии).

Именно для этой стадии и для таких исходных посылок с большим научным предвидением Гаспринский выдвигает идею отмирания государства в его карательной и военно-стратегической функции. И, как главнейший признак перехода к высшей стадии – к коммунистическому обществу, он указывает на отмирание товарно-денежных отношений с вытеснением их продуктообменом, распределением продуктов и потреблением из общественных фондов. Разработка этих вопросов теории, практически вставших на повестку дня социалистического общества полвека спустя, в ходе известной дискуссии по экономическим проблемам социализма привела к тем же выводам, к которым приходит в своём романе «Сто лет спустя. 2000 год» Исмаил бек Гаспринский:

«В наше время понятие о купле-продаже отпало. Распределение товаров между людьми происходит другими путями. Денежное отношение так же отпало. По этой причине банки и банковские учреждения ликвидированы...» («Т» № 7, 14.07. 1906 г.).

Конечно, Гаспринский не может сколько-нибудь приблизительно описать процесс, приводящий к ликвидации денежных отношений, – это специальный вопрос, далеко выходящий за рамки, поставленные перед романом. Точно так же мы можем рассматривать и предлагаемый механизм продуктообмена, точнее распределения продукта как идею самораспределения, а не как рецепт:

«С наступлением нового года подсчитываются государственные доходы и расходы. Превышение над расходами, ранее называвшееся прибылью, распределяется теперь между членами поровну. По данным плановых органов государству известно о наличии всех товаров на конец истекшего года и то, сколько их будет произведено в предстоящем году. После учёта всех товаров... всем жителям страны выдаются специальные книжки... Полученная Вами книжка напоминает, сколько Вы сможете потреблять в течение наступающего года и, – более ничего» (там же).

На сомнения Веста: разве распределение государством доли каждого гражданина общества не является годовой заработной платой, роман обращает внимание на такие особенности этого распределения, что право на годовую долю принадлежит всем без исключения и в равной мере. Что в случае нехватки продукта того или иного вида, режим его распределения ужесточается для всего общества в целом. Единственным условием, определяющим ценность человека, является его отношение к труду, т.е. уровень его сознатель-

ности. По этим причинам доля совокупного общественного продукта, получаемая каждым гражданином страны из общественных фондов распределения по труду, не является заработной платой, следовательно, работа на предприятии – не является продажей рабочей силы. Это, в свою очередь, обуславливает новое – коммунистическое общество (в нашей сегодняшней терминологии), отношение к труду и тот факт, что труд является свободным.

«При распределении продукта между отдельными людьми разницы у нас не существует. Большая результативность труда (одного работника по отношению к другому – Ю.О.) – это моральное превосходство. Результат труда – материальный продукт. Между моральным превосходством и материальным продуктом нельзя провести строгих связей и соотношений» («Т» № 80, 21.07. 1906 г.).

Таким образом, в романе «Сто лет спустя. 2000 год» Исмаил бека Гаспринского представлен идеал общественно-политического устройства, который подтверждает выдающееся место Гаспринского в передовой общественно-политической мысли Востока в эпоху национально-освободительного движения и социалистической революции. На рубеже между революциями 1905 и 1917 гг. в мировоззрении Гаспринского осуществился перелом в сторону научного социализма, ясное осознание исторической обречённости империализма и необходимости революционного переустройства общества. Модель нового общества, предоставленная, точнее выведенная из главной предпосылки – уничтожения института частной собственности, несмотря на некоторые погрешности, заблуждения частного характера – является логическим, закономерным и органическим завершением всего мировоззрения и общественно-политической деятельности Гаспринского и тех сил, представителем которых он являлся и которые затем пришли в социалистическую революцию и социализм.

Фергана,
апрель-июль, 1981 г.,

ИСМАИЛ-БЕЙ ГАСПРИНСКИЙ и социалистические доктрины

В течение нескольких дней в Симферополе под эгидой ЮНЕСКО проходила международная научная конференция «Исмаил Гаспринский – выдаю-

щийся крымскотатарский просветитель и гуманист». Она была посвящена 140-летию учёного.

На празднование юбилея собрались учёные из Турции, Советского Союза. На конференции выступила внучка Исмаил-бея Гаспринского профессор Стамбульского университета Инджи-ханум Эртем. В областном центре был открыт памятный знак выдающемуся сыну крымскотатарского народа и мемориальная доска на здании бывшей гимназии, в которой он учился.

Возможность такой постановки связана с тем, что у Гаспринского имеется статья «Мезхебе иштиракийюн» («Социалистическое учение»), помещённая в «Терджимане» за 1906 год №№ 72-76. Сквозной эта тема проходит через всё наследие просветителя, начиная от неопубликованного в России «Беспристрастного взгляда на европейскую цивилизацию» (Стамбул, 1885 г.) через публицистику и кончая двумя романами аналитического характера «Дар уль Рахат» («Страна спокойствия», 1885-1906) и («Сто лет спустя. 2000 год», 1906 г.).

Необходимость такой постановки вопроса помимо причин гносеологического характера диктуется тем, что упомянутая статья стала объектом яростных нападок, полного отрицания и изъятия из исторического наследия всего творчества и деятельности Гаспринского (например, докторская диссертация Р. Нафигова) как «контрреволюционного», романы были отнесены в разряд «реакционного романтизма» (И. Брагинский. 1965 г.). Последствия этого «крестового похода» оказались много более роковыми, чем доносы Ильминского и Остроумова Святому Синоду и III отделению и сопоставимы с итогами теоретизирований Презента вокруг генетики.

Диссертации указанного рода примечательны тем, что их авторы в лучшем случае вычитали из более ранних работ одну-две оборванные цитаты из Гаспринского, которые вне контекста действительно могут звучать одиозно. Помимо того, что даже всю работу «Мезхебе иштиракийюн» невозможно оценить адекватно в отрыве от остальных работ, как и вне исторической конкретики: ведь социализм, как более или менее законченное научное представление оформился много позднее того момента, когда Исмаил бей бросил на него свой беспристрастный взгляд. Статьей «Социалистическое учение» Гаспринский как бы приглашает погрузиться в творческое исследование перспектив социалистического развития стран европейского уровня («Сто лет спустя...») и стран, далеко не дошедших до этого уровня «Дар уль Рахат».

Таким образом, «Мезхебе иштиракийюн» – это отнюдь не трактат, а своего рода эссе, постановка вопроса на размышление перед собой и обществом, честный, исполненный великой тревоги вопрос, всю глубину которого начинаем осмысливать мы только сегодня. По сути дела – это почти интуитивное

предвидение, упрощенное до ясной схемы и обнажённое до страшных глубин.

Сегодня нам, пережившим ряд реализованных моделей, оправданно или ложно, условно или по недомыслию относимых к социалистическим, представилась возможность сказать, что мысли Гаспринского предвосхитили именно те формы социализма, реальная поступь которых пошла в противоположную сторону от величественных лозунгов, поднятых еще на стадии утопии.

И в свете этих реалий тяжкие поношения в адрес Гаспринского, оперировавшие одиозными в отрыве от исторического контекста выражениями, выглядят позорными операциями псевдосоциалистических сил, – чем меньше социализма, тем поношения более тяжкие. Утопический, вульгарный, научный, «национальный», «реальный» и прочие виды доктрин социализма, пребывавшие в эпоху Гаспринского (во всяком случае, в массовом сознании) в виде некоторого «маточного рассола» в научном доктринальном багаже ниспровергателей Гаспринского (вспомним сетования Л. Климовича, что Гаспринского относили «даже к революционерам»), сознательно рассматривались как некий волшебный сплав, позволяющий только молитвенное преклонение.

Какими же предстают в статье Гаспринского раннесоциалистические концепции?

«Социализм не признает ни религии, ни расы, ни нации, ни языка, уважая только братство по труду. Их правило и цель «Пролетарии всех стран соединяйтесь!».

«Партии «социалистов» и социал-демократов для привлечения на свою сторону обнародовали свои убеждения и программу... Действительно, на первый взгляд, лозунги этого учения выглядят весьма хорошими: равенство, правосудие, милосердие, справедливость и много других».

«Пока существуют причины, вызвавшие на арену это учение, оно будет существовать». («Терджиман», 1906 г., № 75).

«Социализм-революция» дают клятву на борьбу и кровопролитие». «Каждый человек в мире имеет право на пропитание и покой. Цивилизация и жизнь должны быть направлены к этому. Однако для этого нет необходимости нарушать порядок мира, ибо получим ещё большие сложности. Каждому человеку надо дать работу, землю и спокойствие, но без того, чтобы забрать у одного и передать другому путем конфискации и грабежа». («Терджиман», 1906 г., № 76).

«Делегаты рабочих и крестьян в Национальном собрании России предлагают конфискацию имущества помещиков и буржуазии». («Терджиман», 1906 г., № 75).

«Разум, сила разных людей не равны, а потому наследование не должно быть запрещено... каждый старается для будущего детей накопить жизненно необходимое... Сейчас говорят, что наследство будет распределено между всеми. Какое же это равенство? Какая это справедливость?.. Страна и общество, и человечество окажутся на казарменном положении и будут в смущении приглашены на общее кушанье, со смущением будут наслаждаться, развлекаться, со смущением беря себе по одной женщине, идя к отдыху... Молодцы, социалисты! Вы заложите хорошую цивилизацию и хорошую жизнь!» («Беспристрастный взгляд на европейскую цивилизацию», 1885 г.).

Бесспорно, здесь Гаспринский не избежал некоторой вульгаризации, хотя почерпнул из работ некоторых утопистов, но какая из самых правозверных социалистических партий избежала рокового смешения высоких идеалов с тяжёлым духом казармы? Почему пошла именно таким путём реальная судьба идеальной теории? И почему все без исключения великие просветители споткнулись именно на неверии в идеальность теории? Ратоборцы за всеислие знания «слепо» цеплялись за спасительность морали, не вытекавшей, по их мнению, из знаний?

Ответ на этот вопрос не может быть однозначным, но несколько из коренных причин этого явления раскрыл Гаспринский.

Указав на высокий уровень развития капиталистических отношений и связанных с этим антагонистических противоречий в Европе и европейской России, и напротив – зачаточность таких отношений и противоречий в среде русского мусульманства, Гаспринский приравнивал к галлюцинациям попытки кроить по единой мерке социальные рецепты спасения этих двух миров, ничуть не сомневаясь в необходимости радикальных преобразований в них. Он являлся величайшим реформатором в одном из них – России, и ратоборцем русско-восточного соглашения. И как бы ни был соблазнитель тезис о возможности (и благости) для отсталых народов прийти в социализм, минуя предшествующие исторические формации, не то что капитализм, а для некоторых и развитой феодализм, практическая реализация этого тезиса опосредована очень многими факторами. Перескочить ступеньки возможно только при наличии очень мощного экономического партнёра при его глубокой, искренней заинтересованности к такому самопожертвованию, но отнюдь не в поглощении своего протеже или превращении его в перманентный источник сырья, дешёвой рабочей силы и рынок сбыта. Предыстория взаимоотношения партнеров весьма стойка, а «конюшня родительского дома, – как констатировал Герцен, – воспитывает сильнее, чем французские грамматики».

Два социальных мира, сформулированных в двух аналитических романах, это не только и не столько путь общественного развития от сельской общины к индустриальному обществу, сколько простейшая модель многоукладной

экономики. Исполненный огромной силы призыв Гаспринского к единению народов России и её обновлению и вся жизнь его, положенная на алтарь этой идеи, доказывает, что именно такого рода многоукладную модель он видел на пути к будущему своего Отечества. Нельзя сказать, что социалистическая теория не нашла этой модели, но погром на наследие Гаспринского начался именно тогда, когда начался разгром этого достижения теоретической мысли в социалистической практике.

Но даже если бы такого поворота не планировалось сознательно, идеальная теория оставалась бы утопией с неизбежным торжеством казарменного социализма, если не выполняется в общественной практике ещё одно условие, которое видели все подлинники революционеры и по которому били все контрреволюционеры. Гениальная фраза Маркса о роковой силе невежества, которое ещё не раз скажет своё слово в истории, даёт ответ об этом: *«Необходимо нравственное величие, чтобы открыть эти пути. Эй, друзья! С Японии надо брать пример: японцы не так, как мы, поодиночке. Они учились в Европе сотнями и сотнями, они оканчивали американские университеты...»* («Терджиман», 1906, № 76).

Нельзя не отметить драматического, но глубоко закономерного противоречия, пронизывающего эту статью, как никакую другую работу Гаспринского, и обясняющуюся, на наш взгляд, относительной примитивностью и механистичностью социалистической теории в его эпоху. Наряду с «мещанскими» сакраментальными репликами об ужасах и превратностях, которыми он, социализм чреват: *«Тридцатилетние войны, Великие французские революции, эпопеи Гога и Магога – игрушки в сравнении с ужасами и превратностями социализма»*, – мы видим классический анализ, приводящий к выводу о тупиковом характере развития цивилизации. Выход из тупика Гаспринский видел в радикальном перевороте сущности цивилизации. В романе «Сто лет спустя. 2000 год» он говорит даже о великой революции, которая, однако, свершится не через кровь и страдания.

Все существовавшие цивилизации, несмотря на то, что они основывались на разных уровнях проникновения человеческого разума в природу вещей, технической мысли и совершенстве орудий труда, Гаспринский считал принципиально идентичными. Все цивилизации, начиная от Урарту, кончая современной ему Европой, – несправедливы, основаны на эксплуатации. Это общества, где изобилие, роскошь, науки, удобства и права находятся на одном полюсе, где меньшинство, а на другом – голод и несправедливость. Это цивилизации, где на одном полюсе – государства-господа, а на другом – государства-рабы.

«В эпоху греческой и затем римской цивилизации для прогресса одного города весь народ находился в плену, лишенный многих человеческих прав» («Терджиман», 1906 г., № 68).

«Вероломство иных парламентов являлось бедствием мира и исходило от имени покровителей мира!» («Терджиман», 1906 г., № 70).

«Европейская форма жизни и методы недостойны цивилизации, покояются на гнилой основе, и в Европе это хорошо известно» (там же).

Гаспринский приходит к очевидному, казалось бы, но гениальному выводу, что нельзя построить цивилизацию в отдельно взятом городе. Устарел ли этот взгляд? Как кажется, он ещё более актуален сегодня. Разве «опиумные войны» против Китая, блокирование величественного замысла и титанических усилий Гаспринского по созыву первого всемирного Мусульманского конгресса по деколонизации не находят аналогов в современной истории? Разве иные размышления о природе прогресса не усматривают угрозу цивилизации в лице социального переустройства стран третьего мира? Нельзя строить цивилизацию, попросту нет её в схеме элоев и морлоков в одной стране, нет её и при делении стран и континентов по системе морлоков и элоев, – эта концепция Гаспринского является, на наш взгляд, фундаментальным принципом человеческого прогресса в частности.

Следующий аспект, провидение которого выдвигает Исмаил бея в разряд выдающихся умов цивилизации. Забвение этого принципа объясняет, как нам кажется, те роковые лакуны, которые испытали наше теоретическое доктринерство и экономическая практика. Гаспринский пишет:

«Что движет человечеством? По-моему, личная заинтересованность, прибыль и – более ничего... История Урарту и Бельгийского Союза основана на труде. Побудительный мотив труда, основа взаимодействия населения – едины. Это – польза и ещё раз польза. Каждый ищет материальную и моральную выгоду. На этом основано нравственное воспитание и избирательное право. Почему явился на свет? Почему живёшь, учишься, каковы желания? Живу для себя, хочу пользу, ищу выгоду. Польза превыше всего». («Терджиман», 1906 г., № 72).

Не случаен этот лапидарный гобсековский слог у величайшего бесребреника, отдавшего всего себя служению человеческому счастью. Гаспринский здесь формулирует важнейший постулат, без которого социологическая модель превращается в выхоленную и реакционную утопию. Отрыв практики от главного условия жизнеспособности любого хозяйственного механизма – вот от чего предупреждает «социалистическое учение» Исмаила Гаспралы. Подлинный источник благ, развития и самовоспроизводства хозяйственного механизма догматические начётчики подменяли выхоленной схемой перераспределения чужого труда, делающего труд невыгодным и почти ненужным.

Для исследователя, вникающего в сущность, а не подгоняющего факты под трафарет, стало бы ясно, что в данной работе Гаспринского поднимается ряд проблемных вопросов социальной теории задолго до того, как о них спо-

ткнулась социалистическая практика, вызвавшая к жизни, например, новую экономическую политику, и обозначает пределы действенности тех или иных социальных рецептов (таких как безвозмездный труд на благо общества, величие и благородство которого он сам не раз утверждал). А обозначение пределов действенности теории является её развитием, ибо кладёт начало отсчёта новому этапу познания. Идеи равноправия и справедливости, поставленные на реальную основу, выявляют механизм функционирования общества.

«Масштаб цивилизации – польза всего народа». («Терджиман», 1906 г., № 70). Принцип неделимости цивилизации по вертикали и горизонтали решительно отвергает право кровавого фактора революции – таков масштаб гуманиста, без которого теория становится мелка.

Цивилизация и рабство – несовместимы. Но *«все невежды – суть рабы от природы».* Отсюда понимание невежества как рокового фактора в истории, предопределяющего движение вспять. Революционер не может не быть просветителем. Просветитель не может быть реакционером. Такова роль Гаспринского в истории Востока и мировой цивилизации.

В контексте разбираемой статьи и всего творчества Гаспринского неизменно идёт сопоставление (и противопоставление) идеалов социализма и религии.

«Идеями социализма пронизаны миллионы города и деревни..., они не гаснут, наоборот, с каждым днём всё более выдвигаются на арену» («Терджиман», 1906 г., № 70).

Многие из этих ценностей Гаспринский усматривает и в канонах религии. В рамках настоящей работы можно констатировать, что, решая проблему социализма и религии, Гаспринский подвергал трезвой оценке идеальные догмы реальной практики. Любое социальное учение, если его оторвать от реалий жизни, обращается в религию и порождает утопии и демонов. Любые идеалы, призванные прикрыть идущую с ними вразрез практику, теряют свою духовность. Эта мысль также пронизывает упомянутые работы И. Гаспринского.

Таков общий концептуальный анализ статьи «Мезхебе иштракийюн» – этого исключительно насыщенного мыслями, идеями и сомнениями взгляда в будущее.

28.02. 1991 г.,
Симферополь

О Евразийских представлениях в концепции ИСМАИЛА ГАСПРИНСКОГО

национально-колониального вопроса

(Доклад на II съезде ДДР)

По-видимому, мало кем оспаривается положение, что развитие общества подчинено объективным законам, действующим помимо нашего сознания. И, тем не менее, мы нередко впадаем в крайности, которые относят к экономическому детерминизму или вульгарному социологизму. Это объясняется сравнительной инерционностью системы. Подлинные плоды социального эксперимента адекватного или волюнтаристского деяния крупных размеров проявляются нередко через такой промежуток времени, который много продолжительнее жизни поколения или, во всяком случае, когда они в сознании людей уже не воспринимаются в связи с возмущающим воздействием, не коррелированы, и потому не служат в качестве уроков истории.

Картина усложняется тем, что на развитие общества оказывают воздействие одновременно значительное число факторов – политических (внутренних или внешних), экономических (последствия предшествовавших воздействий), природно-климатических, стихийных и пр.

Поэтому управление общественными процессами представляет собой задачу высшего порядка сложности, требующую фундаментальных знаний истории экономики, искусства управления, определённой отрешенности от конъюнктуры и одновременно – умения филигранно учитывать эту конъюнктуру.

Именно ввиду этой сложности, а также в силу того, что власть сама по себе может являться источником обогащения (личного и корпоративного), стремление к которому легко маскируется претензиями раз и навсегда осчастливить человечество, государство, нацию, класс, в государственной или общественно-политической практике господствует в основном известный принцип примата политики над экономикой, а тем паче над такими тонкими материями как культура, право, наука и подобные институты надстройки.

Непостижимость заурядному уму сложнейшей взаимосвязи общественно-исторического процесса приводит его к искушению разрубать «гордые улы», строить доступные простейшему анализу умозрительные модели, пренебрегая, а то и устраняя всё то, что не вписывается в принятую схему. Это нередко, несмотря даже на значительные «запасы прочности» и устойчивости общественного организма, такое «моделирование» может оборачиваться крупной геополитической, социальной катастрофой.

Такие катастрофы, сметая построения незадачливых политиков и сбрасывая их с искусственных постаментов, возвращают историю к той исходной точке, в которой нормальный исторический процесс был прерван невежест-

венным экспериментаторством, и подтверждают, что развитие общества подчинено объективным законам. И это нисколько не отвергает предположения, что развитие общественного процесса может быть ускорено целенаправленным воздействием, разрушительные последствия социальных конфликтов могут быть предотвращены или значительно ослаблены.

Наиболее близко и адекватно к решению этой задачи подошли просветители. Высокомерное и невежественное третигование просветительского подхода к преобразованию общества, как якобы «узко культурнического», имело место во все времена и эпохи, но особенно грешили этим адепты вульгарно-социологического метода. Главная «вина» просветителей традиционно усматривалась в том, что они де из-за «узости» взгляда, «не разобрались» в величии того или иного диктатора, той или иной революции и отвергали «очистительную миссию» войн, интернирований, реквизиций и вообще всякого насилия над личностью или народом в целом.

Просветитель – это нечто иное, чем учитель.

«Я вовсе не думаю, что школа – панацея от всех наших бед и зол, особенно я не думаю этого о народной школе. Бесчисленные школы имеются в Корее и Бухаре, и простой народ в этих странах почти поголовно грамотен. Плохая школа и глупая литература, пожалуй, составляют худшее из невежеств. Просвещает народ не какое-нибудь, а только высшее и притом общечеловеческое просвещение», – писал Исмаил Гаспринский в «Терджимане» № 66 в 1906 году.

Указывая на роковую обречённость антивосточной политики России, Гаспринский пояснял, что с разгромом Турции прекращает существовать «восточный вопрос», он превращается в «русский вопрос». В рамках этого «русского вопроса» Россия встретится в подорванном с её помощью Востоке с германским капиталом и технологиями, в конкуренции с которыми она обречена на поражение. Гаспринский находит русскую политику «петербургского периода недостаточно русской». Он поясняет:

«Если вопрос этот пока не «русский»..., то он, во всяком случае славяно-русский, требующий для своего разрешения нового Петра и новых походов, но не под Азов» («Мусульманская политика России», «Терджиман», 1910 год).

«... Для успешного преследования тут своих задач необходимо обладать кроме военной ещё и высокой культурной силой».

«... В 1900 году она (Россия) была культурно более отставшей от западных народов, чем сто лет назад в 1800 году».

«... Без ускоренного, так сказать, форсированного подъёма общей культуры и образованности, без подъёма и развития частной и общественной самодеятельности, чем дальше, тем труднее придется России», (там же).

Феномен России как огромного государства, соединяющего в себе сотни народов, две крупные основные конфессии и десятки верований и сект, несколько экономических укладов, стал объектом пристального изучения Гаспринским, заложившим для этого изучения мощный теоретический и политологический фундамент – глубокое знание из первоисточников славянофильских и западнических воззрений России, философские представления Толстого и Тургенева, социалистические представления Горького. (Со всеми ними: с Катковым, Толстым, Тургеневым и Горьким он был связан личной дружбой). В основу этого анализа был положен мощный пласт русской культуры, выражающий менталитет русского народа. Не по одним книгам Гаспринскому была известна история становления социалистической доктрины и главные ипостаси спектра национально-освободительного движения народов Европы и Азии: в парижском котле эмиграции в момент эпопеи Парижской Коммуны Гаспринский тесно сошёлся с главными представителями современной ему общественно-политической мысли Турции и Персии, Афганистана и Каира, Австро-Венгрии и Польши. Его призыв к просвещению базировался на инициированном им широком движении ренессанса мусульманской школы на просторах от Бахчисарая до Кульджи, и от Казани до Лахора – движении джадидизма, поднявшего пласты интеллигенции от простого школьного учителя до выдающихся улемов, поэтов и писателей.

Его первая работа «Русское мусульманство», написанная в тридцать лет (1881 г. Бахчисарай), представляла собой сформировавшуюся доктрину национально-колониального вопроса. Гаспринский с потрясающей силой вскрывает обречённость и безысходность того феномена, который впоследствии Хосе Марти удивительно точно охарактеризовал как «опустошающая цивилизация», обычно известная под скучноватым термином «колониализм». Вторую сторону всех существовавших на земле цивилизаций Гаспринский охарактеризовал впервые в написанном в последней четверти XIX столетия утопическом романе «Дар уль Рахат» («Страна спокойствия») – несправедливый, обирающий характер цивилизации.

«Величие цивилизации определяется теми благами, которые она несёт для всего народа», – скажет он позже, в выдающемся труде «Социалистическое учение».

Основная идея «Русского мусульманства» состоит в том, что только равноправие составляющих Россию народов может обеспечить будущее этой страны. *«Время мелких экономических и политических формаций прошло, – говорит он, указывая на естественность и непреложность тесного единства*

народов Отечества, обусловленную историческими, культурными, геополитическими факторами.

Гаспринский выделяет два метода в национальной политике царизма, определяя один, как «польский», а другой как «финский» методы. Он указывает на роковые последствия, которыми чреват «польский» метод. «Финский» же, лишённый одурачивающей унификации и бессмысленной полицейщины первого, гарантирует, что Финляндия никогда не станет большим органом отечественного организма.

«На основе всестороннего равенства и племенной самобытности мирно и счастливо живут в государстве Соединённых Штатов немцы, французы и англичане, в Швейцарии – немцы, французы и итальянцы, которые в то же время готовы бы потопить друг друга на берегах По, Тибра и Рейна... Остаётся возможность единения, сближения нравственного на почве равенства, свободы, науки и образования»... «Я верую, что рано или поздно русское мусульманство, воспитанное Россией, станет во главе умственного развития и цивилизации всего мусульманства».

Таким образом, путь на котором Россию может ожидать будущее, это не путь мелких экономических и политических формаций, не путь финляндизации, при всех его преимуществах. И это тем более не путь расчленения и удушения «по-польски». Это новый путь, описанный в «Русском мусульманстве». При этом Гаспринский имеет в виду все и каждый (а не только народы «восточного пояса» колонизации России). Упор на русских мусульман сделан им по необходимости поставить вопрос выживания России между Западом и «монгольским миром» ввиду альтернативы её политики в отношении примыкающего к России Востока.

Путь «финляндизации» (уже в нашем современном понимании термина) Гаспринский раскрывает в работе «Мусульманская политика России». Это путь полного экономического и политического подчинения Западу, это удел превращения в вечную колониальную окраину.

Процитированный выше намёк на переход «восточного вопроса» на этом пути в не просто «русский» а скорее «русско-славянский» в этой работе раскрывается на примере расчленения Польши с благословения и с участием Петербурга, которое Гаспринский считает роковой стратегической ошибкой и предупреждает от аналогичных ошибок на Востоке, который он рассматривает как важнейшего исторического союзника России.

«Я называю раздел Польши ошибкой не в силу сентиментальных соображений, а по реальным результатам этого события». «Московская Русь имела счёты с Польшей ..., но это было делом... двух славянских царств и наро-

дов. *Совсем не то раздел славянской земли между славянской империей и немецкими государствами*».

Тончайшие наблюдения И. Гаспринского насчёт балканских проблем, подавления Россией венгерской революции как бы предвосхищают проблемы, которые сегодня встали ввиду распада Союза. Это проблема «единения, сближения нравственного на почве равенства, свободы, науки и образования». («Русское мусульманство»).

Установление в России режима равноправия и свободы, возрождения угнетённых и деградированных народов, ставит следующим этапом «Русско-восточное соглашение» (1896 г.), то есть вопрос о приоритете восточной политики России. Вопрос о евразийском единстве предстаёт не как вопрос политической риторики и конъюнктурного политиканства, а как имманентная проблема цивилизации.

Сформировавшееся четыре десятилетия спустя и ещё затем полвека доминировавшее **наблюдение о функциях** России на Востоке и в Европе как жандарма является усечённым, а потому в историческом плане уводящим от адекватного понимания сущности происходившего и происходящего развернутого наблюдения Гаспринского о том, что эта роль культивирована клубом западных держав, что она **не является имманентной интересам России**. Эта роль, которую Россия стала играть на этапе её «петербургского периода», бесспорно губительно отразившаяся на Востоке, являлась роковой для самой России. В особо извращённой форме она была возрождена в 1940-х годах карательными ударами по народам Кавказа, Крыма, Поволжья и Дальнего Востока, продолжена в нелепом противостоянии с Китаем, затем в афганской авантюре.

«Для борьбы с горцами и подчинения себе игрушечных ханств, Россия не нуждалась в содействии или нейтралитете Германии. С одной стороны даже ревнивая Англия встревожилась, тогда, когда русский солдат показался у берегов Амударьи, перед Афганистаном и на высотах Памира. На Ближнем Востоке же Россия «для себя» почти ничего не приобрела. Скажу боле: Россия, побеждая, проигрывала. Не угодно ли моим русским читателям сравнить Кучук-Кайнарджийский трактат 1774 года с Берлинским 1878 года. Тут вы увидите, господа, что Россия намного дальше от проливов, чем то было сто лет назад..., потратила на это слишком много сил, нужных ей самой для внутреннего возрождения и развития своей культуры. Затем позвольте мне сомневаться в том, что созданные русской кровью балканские политические единицы были и будут всегда на стороне России». («Мусульманская политика России»).

Нелишне выразить подобные сомнения насчёт политических единиц и в других частях света. Создание после 60-х годов «стального пояса» вокруг Китая, иллюзорного в военно-стратегическом отношении, во многом предопределившего подрыв основных фондов страны, можно также отнести к феномену «не вполне русской политики», роковым образом последовавшей стратегической задаче «расширить и углубить трещину, намечающуюся в отношениях между Китаем и СССР», сформулированную за океаном.

Бесспорно лицемерная идеологизация, прикрывавшая холопскую по сути дела философию жандарма, лежавшую в основе геостратегического выбора последнего столетия, сделала импотентной аналитическую мысль внешней политики государства. Показательно, что для защиты этой «философии» сталинская историография объявила и заклеила представления И. Гаспринского как «монархические» и на доказательство этого были брошены ведущие академические силы, брошенные затем на обоснование тотального геноцида в Крыму с превращением его в басни «стратегии» катастрофы.

Ключевой момент этой стратегии – размалывание народов Кавказа и Крыма, сталкивания их в безвыходном противостоянии. Именно таким же представляется главный замысел «битвы в пустыне», только на этот раз наша страна выполняла сузубо сателлитную, хотя и немаловажную роль. Тут не помогут ссылки на природу садамовского режима, ибо тогда пришлось бы действительно пристальнее всмотреться в его природу и прийти к далеко не утешительному выводу о том же феномене (лицемерных!) стереотипах и действительных проблемах постколониального региона.

«Не говоря о том, что никогда русский голос не раздавался против внешних эксплуататоров Востока, он иногда поддерживал ханов, шахов и султанов, игнорируя всегда народ, виновный без вины..., чем бы ни объяснять это явление, оно, несомненно, оставляет глубокий след в воззрениях и психике мусульманских племён». («Мусульманская политика России»).

И далее, касаясь последствий обращения кайзера Вильгельма к Востоку:

«Обращение Востока к покровительству Запада – явление не новое. Генерал Бонапарт, в конце XVIII века, заняв Египет, объявился первым покровителем Востока против Англии и России. Позже в роли покровителей побывали Меттерних, Пальмерстон, Наполеон III и Виконсфилд. Ныне очередь императора Вильгельма. Восток, по крайней мере, сейчас, прекрасно знает истинную цену всех этих покровителей с Запада, он знает, что опекуны всегда дорого обходятся сиротам, но что делать – они бывают необходимы. До сих пор к покровительству Запада прибегал официальный, дипломатиче-

ский Восток, ныне к нему обращается и народ, освободившийся от пут старого режима и вступивший на путь самостоятельности. Это обстоятельство выгодно отличает «покровительство» императора Вильгельма от других, предшествовавших покровительств. Иметь за собой не только правителей, но и народы не лишено серьёзного преимущества, которое будет расти вместе с развитием дальнейшего самосознания этих народов» (там же).

К несчастью, операция в Пригородном районе Владикавказа (не правда ли, знаменательное переименование города, не ускользнувшее от внимания народов Кавказа) как высшее проявление идеи идущей кавказской «войны», рискует сделать необратимой потерю авторитета России. Тем более что как по команде метод «этнических чисток» на уровне подвижников «народной дипломатии» был возведён в величайшее достижение цивилизации! Причём это отмечено на Украине – в Крыму.

Таким образом, дробление государства под эгидой абсолютно естественной и закономерной идеи самоопределения народов (пока что только великих) нисколько не изменило выморочной стратегии «восточного вопроса», а вместе с ней и перехода этого вопроса в «славяно-русский».

Крейсера, входившие на рейд Севастополя в Крымскую войну 1853-56 годов как союзники соседней Турции, решали стратегическую задачу Запада придать российско-восточному «соглашению» характер постоянной конфронтации и взаимного ослабления. Ныне эту роль призвано играть проникновение турецкого капитала, который будет обеспечивать, несомненно, баланс выморочных экономик и обустройствающихся вокруг этих экономик выморочных политических суверенитетов бывшего целого. Выморочных, но вместе с тем крепких настолько, чтобы побудить искус оставить шанс для отстаивания интересов, которые, по Козыреву, имеет Россия в этих политических единицах методами, далёкими от экономики и культуры.

Извращённость, противоестественность и потому обречённость противостояния «княжеств» в пределах евразийского пространства, патологически воспроизводящих внутри себя все те обыкновения, которые привели к невозможности их нормального свободного существования в рамках Союза. – Таково предвидение Гаспринским самоубийственности не вполне русской и не вполне славянской *стратегии* «петербургского периода» в нашей истории, продолжающейся по сей день, прошнуровываемая челночными визитами гроссмейстеров из Вашингтона и Берлина.

Жёсткое осуждение Гаспринским «польского метода» национальной политики, признание им неперспективным и «финского метода» несмотря на его относительную либерализацию, осуждение обирающе-душеуспокаивающей политики в Туркестане,

признание им единственно равенства, самодеятельности, свободы для всех народов как в рамках России, так и «русско-восточного соглашения»,

не оставляют сомнения, что евразийские представления И. Гаспринского не являются ни спекулятивной политической доктриной, ни абстрактно-догматической конструкцией, а потому не противоречат и не находятся в противоречии с национально-государственным суверенитетом Украины или Татарстана или, скажем, Белоруссии.

Но, усматривая в удушающем унитаризме путь к культурному и экономическому одичанию, деградации и развалу России, эти представления с неизбежной научной адекватностью позволяют предвидеть катастрофу идеи насаждения унитарного общества, которая (идея) совершенно определённо закладывается в основополагающие юридические документы, конструирующие, как кому-то хочется, Украину. Полагать, что битыми историей козырями можно всё же выиграть, сменив только стол, да ещё забыв большую часть колоды на столе поражения, простительно разве только гоголевскому Селифану.

Об одном специфическом аспекте евразийской концепции.

Ход полемики по поводу приоритета прав человека и права нации на самоопределение только для непосвящённых составляет загадку ввиду порой парадоксального, казалось бы, изменения на противоположные мнения иных её участников. Когда западная Европа решила в целом проблемы границ на континенте, здесь же на континенте для неё на первый план выдвинулась проблема защиты прав личности. Но, одновременно с этим, взор цивилизованного Человека обратился на иные континенты, на золото инков и пряности Индии, и тут же, перед лицом беспомощного дикаря идея превосходства прав белого Человека на землю, достоиние и жизнь народа-дикаря и права цивилизованного народа на селище и жизнь человека дикаря для всего цивилизованного люда и света были бесспорны и непререкаемы.

Другое дело, когда алчный взгляд Человека Старого света обращался по соседству на плохо лежащее добро. Тут надо было изыскивать некие исторические права. Тут сообразительная память выискивала из летописей и из устного творчества (или скоренько стряпала имитацию) свидетельств неоспоримости присутствия, где желалось своего этноса или его родовых колен. Тут право нации моментально торжествовало над правом человека (своей нации, не своего человека). Тут, как в коммунальной квартире, жертве агрессии и аннексии или отказывалось в праве быть признанной народом (крымские татары – это, дескать, и вообще не народ, а шайка разбойников, паразитов и фанатиков и т.п.). Или совершался переход в более тонкие материи расового порядка, – славяне – это-де низшая раса, тогда как германцы – раса господ и т.д. Тот же поворот мысли наблюдался в противостоянии на р. Иордан, теми же проблемами занимался институт Дальнего Востока в памятные моменты острова Даманского. Не надо быть провидцем, чтобы полагать возникнове-

ние оппонирующего института на правом берегу Амура. Все эти же стереотипы, но уже одновременно сошлись в Крыму и вокруг Крыма. Когда речь идёт – чей Крым – русский или украинский – на передний план выходит право нации, вопросы первородства, превосходства в коварстве (соперника) подлости и т.п. Когда же доходит очередь (по нужде) вспомнить о татарах, – тут соперники на редкость единодушны, тут уже институтом не обойтись. Тут создаются Академии, доказать, что татары – не народ, а позор всей Вселенной, что именно Крым был пристанищем божественного Ковчега, откуда и есть пошли на земле люди русские или украинские, судя по Академии, – откуда есть пошло её финансирование. Но и права человека тут не забыты, и они тут на первом месте и в приоритете хотя бы «по принципу подавляющего преобладания». Это даже более надёжная пристяжная: хоть все татары в Крым вернись, а в голосовании руками, глотками и бюллетенями, как и нажатием кнопок, право человека победит безоговорочно. Потому в таких случаях радители этого удивительного кулачного права не переводятся.

Так противоречит ли принцип прав человека («droits de l'homme»), или, по Гаспринскому, принципу евразийства и находится ли последнее в противоречии с правом нации и государств? В свете изложенного очевидно, что евразийству, как концепции прогресса цивилизации противоречит только вероломная спекуляция на обоих ипостасях самовоспроизводства цивилизации, приводящая к попранию прав человека и общества, общества и человека дикарями, дорвавшимися до правленческого корыта:

«Не касаясь естественности и законности стремления балканских народностей, я хочу сказать, что русская пресса и русская политическая мысль должны рассматривать эти стремления не через болгаро-греческие очки, а с точки зрения русских интересов прежде всего... и ... при доброжелательности к христианам не будут забывать и живущих вместе с ними мусульман, возвышая свой мощный правдивый голос в их защиту, в защиту «человека», истребляемого, например, на острове Крите фанатиками эллинизма». («Россия и мусульманский мир»).

Где же тот объективный критерий, тот естественноисторический демпфер, который может затормозить бешеную скачку вектора соотношения прав личности и нации, нации и имперских поползновений, коль скоро демпфер гуманизма, политического реализма и мудрости оказывается всё время просто слабым язычком свечи в руках мудреца, задуваемой искусно вызываемой вахханалией зверства, охватывающего одураленные массы?

Представляется, что в своё время этот критерий был с достаточной научной адекватностью найден в том указании, что в основных чертах формирование наций сложилось в период капитализма. И действительно: индустриальные методы полиграфии обусловили мощное развитие литературных язы-

ков. Единый рынок помог сделать весьма прозрачными мелкопоместные «границы, торговые пути», потребности индустриального производства и капитализация деревни привели к мощным циркуляциям населения, растапливая диалектные, родоплеменные различия.

Этот объективный критерий в рассматриваемой модели (сфера развития достаточно развитых капиталистических отношений) позволил отсеять исторические экскурсы при обосновании территориальных притязаний (по крайней мере, ослабить их весомость в глазах цивилизованного мира) какой-то временной вехой,

далее которой апологеты агрессии и аннексии, идут ли они по следам готтов, как контора А. Розенберга, или по следам князя Бравлина, как контора А. Югова, П. Надинского или ковыляющего их стезей А. Миграяна,

в глазах цивилизованного мира вполне достойно и скорее могут занять место на скамье Международного Трибунала по типу Нюрнбергского, нежели претендовать на роль Моисея, выводящего народ Израиля на место под Солнцем.

Бесспорно, один этот критерий не достаточен в зоне действия неокOLONиализма, коварно расчленившего Африку или Ближний Восток на некие лоскуты, он один несостоятелен для решения всех проблем на Кавказе. Но он подсказывает необходимость разумного, цивилизованного поиска, интегрирующего, синтезирующего конкретные, измеримые реалии с историческими фактами, аргументами и легендами.

* * *

Имя и авторитет Исмаила Гаспринского, на Востоке стяжавшего славу «дедушки тюркской нации», а на западе – великого гуманиста и просветителя и выдвинутого одновременно общественностью Индии и Франции на Нобелевскую премию Мира и поныне глубоко почитаемого просвещённым Востоком, должны побудить передовое общественное мнение, агонизирующее на развалинах СНГ, обратить своё растерянное внимание на его представления о мире.

декабрь 1992 г.
Симферополь

Славяно-восточные отношения в представлении ИСМАИЛА ГАСПРИНСКОГО

В своей предсмертной статье, посвящённой созданию в Стамбуле «Турецко-Русского общества», Гаспринский писал:

«1. Турция не конкурент России. Она не опасна ей.

2. Систематические идейные войны России против Турции разбили это царство, создали балканские государства и дали возможность Европе захватить Египет, Тунис, остров Кипр, Триполи, Босно-Герцеговину, Албанию, Суэцкий канал, Персидский залив...

3. Последняя турецко-балканская война, кажется, завершила восточную миссию России: Балканский полуостров свободен, полумесяц снят. Азиатская Турция целиком, до границ Закавказья попала в цепкие руки Европы. Африканская Турция поглощена окончательно». («Терджиман», 1914 г., № 67., «Турецко-Русское общество»).

Тема Турции, как непосредственного соседа и ключевого государства на Ближнем Востоке, проходит через всю общественно-политическую деятельность Гаспринского, воплощая всю суть «восточного вопроса». Однако это внимание просветителя далеко от той примитивной апологетики, которая систематически недобро и недальновидно культивировалась в сознании общества самодержавием и тоталитаризмом как купели пантюркизма и панисламизма.

Сразу после поражения первой русской революции, предвидя движение революционной волны на Восток, Гаспринский выдвигает идею и проводит большую организационную работу по созыву первого всемирного мусульманского Конгресса. Программа Конгресса была определена им следующим образом:

«а) Об умственном движении российских мусульман.

б) О всеобщем обучении и его стоимости.

в) О всеобщей отсталости мусульманских племён под всеми широтами и формами управления». («Терджиман», 1908 г., № 67., «По поводу мусульманского Конгресса»).

Местом проведения был определён Каир, куда И. Гаспринский в конце сентября 1907 года прибыл вместе с известным деятелем Юсуфом Акчурой.

И весьма примечательной была его реакция на активные попытки младотурецких кругов оказать политическое давление, подключаясь к инициативе:

«... Конгресс, если он соберётся, должен собраться в Каире. ... Я не вижу никакого резона переносить место Конгресса в Константинополь: относясь с уважением к объявленной конституции и к величию Константинополя, я не вижу оснований предпочесть его Каиру, который ... опередил Стамбул в благах свободы». («Герджиман», 1908 г., № 67., «По поводу мусульманского Конгресса»).

При этом Гаспринский не преминул заметить, что *«Собираясь в Каире, Конгресс возбудит наименее опасений и сомнений, ибо всякое, даже чисто умственное, культурное движение на Востоке, бросает на Западе в пот и жар»* (там же).

Подобно тому, как в геополитических представлениях Гаспринского Турция символизирует собой проблему Востока, не допуская даже намёка на забвение или небрежение правами и интересами других народов и государств, точно так же обстоит дело и на другом полюсе, когда Гаспринский говорит о России:

«Мы понимаем естественность, а потому законность национальных стремлений балканских народностей. Понимаем также трагическую судьбу турецкого народа, такового невольного вечного воина, который столь добродушен и честен в обыденной жизни. Мы с искренним почтением относимся к рыцарским чувствам русского народа, питаемым к родственным балканским народам ... но есть ещё нечто более близкое и более дорогое для нас: это Россия, окружённая сотнями миллионов разных народов и племён, вооружённых и вооружающихся ... довольно берлинских конгрессов и маклеров! Балканы для балканцев и турок..., побольше солидарности и здравого смысла; подальше от европейцев, поближе к балканским народам». («Герджиман», 1912 г., № 27).

Модель цивилизации, разрабатывавшаяся в этом регионе планеты Гаспринским, может быть охарактеризована как евразийская, причём она выгодно отличается от бесчисленных претенциозных, по большей части кликушеских современных упражнений на сей счёт, и потому должна быть, и может быть системно представлена читателю.

По-видимому, мало кем оспаривается положение, что развитие общества подчинено объективным, действующим помимо вашего сознания законам.

Но это не избавляет от крайностей экономического детерминизма или вульгарного социологизма.

Ибо подлинные плоды социальных экспериментов, адекватных или волюнтаристских деяний крупных размеров, как правило, проявляются через такой промежуток времени, который много продолжительней жизни поколения. Во всяком случае, как правило, в сознании общества эти плоды уже не увязываются вообще или коррелированы не в соответствии с возмущающим воздействием, а потому не служат в качестве уроков истории. Тем более что на общество одновременно оказывают воздействие значительное число факторов: внутри- и внешнеполитических, экономических (последствия предшествовавших событий), стихийных и закономерных природно-климатических уклонений.

Поэтому управление общественными процессами представляет собой задачу высшего порядка сложности, требующую фундаментальных знаний в сфере истории экономики, искусства управления, умения в определённой мере отрешаться от конъюнктуры и одновременно – филигранного учёта её. Но власть — это не только управление. Она сама по себе может быть использована как источник личного и корпоративного обогащения и наживы, амбиций. А стремление к этому райскому источнику легко можно маскировать претензиями: раз и навсегда осчастливить человечество, государство, нацию, класс, и потому в общественно-политической практике нередко превалирует принцип примата политики над экономикой, а тем более над такими тонкими «материями», как наука, право, культура, религия. Непостижимость заурядному уму сложнейших взаимосвязей общественно-исторического процесса приводит к искушению разрубать «гордые узлы» силою власти, выстраивать лапидарные умозрительные модели, пренебрегая или отсекая то, что существует в реальности, но не вписывается в схему. Несмотря на значительные запасы прочности и устойчивости общественного организма, такое «моделирование» может окончиться крупной социальной или геополитической катастрофой.

Сметая построения незадачливых политиков и сбрасывая их с пьедестала, такие катастрофы возвращают общество к точке, в которой нормальный исторический процесс был прерван невежественным экспериментаторством, то есть подтверждают, что развитие общества подчинено объективным законам и горе тому народу, который вовремя не распознает и не отставит авантюризма!

Проблема ускорения общественных процессов как раз и состоит в том, чтобы локализовать разрушительные последствия сознательной, но невеже-

ственной деятельности человека – политического или хозяйственного руководителя или массы в режимах подобных «ажитоажному спросу».

Наиболее близко к решению этой задачи подошли просветители, хотя во все времена и эпохи их высокомерно третировали как «узких культурников», дескать, не понимавших ничего в политике, а потому столь же ограниченных в уровне и возможностях, как арифметика в сравнении с алгеброй. Особенно преуспевали в развенчании «узости» просветителей адепты вульгарно-социологического метода, отстаивавших «революционизирующую» миссию войн, реквизиций, интернирований и вообще всякого насилия над личностью или народами.

Однако просветитель – это не просто учитель:

«Я вовсе не думаю, что школа – панацея от всех наших бед и зол, особенно я не думаю этого о народной школе. Бесчисленные школы имеются в Корее и Бухаре, и простой народ в этих странах почти поголовно грамотен. Плохая школа и глупая литература, пожалуй, составляют худшее из невежеств. Просвещает народ не какое-нибудь, а только высшее и притом общечеловеческое просвещение», – писал Исмаил Гаспринский, осмысливая итоги поражения России в войне с Японией». («Терджиман», 1905, №6).

Интересно проследить, как филигранно развивается эта мысль в исключительно глубоком политическом эссе Гаспринского «Мусульманская политика России» (1910 г.), которое можно поставить в один ряд с такими его фундаментальными трудами, как «Русское мусульманство» и «Социалистическое учение».

Гаспринский указывает на роковую обречённость антивосточной политики России: *«с разгромом Турции «восточный вопрос» прекращает существование и превращается в «русский вопрос»,* в рамках которого Россия встретится на подорванном с её помощью Востоке с германским капиталом и технологиями. В конкуренции с которыми она обречена на поражение. Он находит «русскую политику петербургского периода недостаточно русской». И поясняет:

«Если вопрос этот пока не «русский ...», то он, во всяком случае, славяно-русский, требующий для своего разрешения нового Петра и новых походов, но не под Азов ...», для успешного преследования тут своих задач необходимо обладать кроме военной ещё и высокой культурной силой». («Терджиман», 1910 г. №№ 45-48, 52; 1911 г. №3, «Мусульманская политика России»).

И далее, характеризуя Россию – объект «русского вопроса»:

«В 1900 году она была культурно более отставшей от западных народов, чем сто лет назад в 1800 году ..., без ускоренного, так сказать, форсированного подъема общей культуры и образованности России, без подъёма и развития частной и общественной собственности, чем дальше, тем труднее придётся России».

Феномен России, как огромного государства, соединяющего в себе сотни народов, две крупные основные конфессии и десятки верований и сект, несколько экономических укладов, стал объектом пристального изучения просветителя. Это изучение опиралось на мощный теоретико-исторический фундамент – почерпнутое из первоисточников глубокое знание славянофильских и западнических представлений в России, современных ему экономических, философских доктрин Запада, России и Востока, на личное знакомство и контакты с их политическими эмиграциями и приверженцами ортодоксальных взглядов. В этом ряду такие личности русской истории, как Катков, Тургенев, Толстой и Горький, в сфере просвещения – Ушинский и Ильминский. В парижском котле эмиграции в момент героической эпопеи Коммуны Гаспринский тесно сошёлся с главными представителями общественно-политической мысли и практики Турции, Персии, Египта и Афганистана, Австро-Венгрии и Польши. Его призыв к высшему просвещению Востока базировался на инициированном им широком движении ренессанса мусульманской школы и мысли на просторах от Бахчисарая до Кульджи и от Казани до Лахора, – движении джадидизма, поднявшего пласты интеллигенции от простого школьного учителя до выдающихся улемов, поэтов и писателей. Объективная политическая практика вызвала к жизни личность масштаба Леонардо да Винчи, получившей в итоге своей деятельности славу «дедушки тюркской нации».

Его первая крупная работа «Русское мусульманство», написанная в тридцать лет (1881 г., Бахчисарай) выдвигала развёрнутую доктрину национально-колониального вопроса. Вместе с более ранней, запрещённой царской цензурой и практически не известной отечественным исследователям работой «Беспристрастный взгляд на европейскую цивилизацию» (Стамбул, 1875 г.), она с потрясающей силой вскрывает обреченность и безысходность феномена, много лет спустя, охарактеризованного Хосе Марти исключительно точным термином «опустошающая цивилизация», на обыденном политическом лексиконе скучновато звучащем как «колониализм».

Вторую характерную черту всех без исключения земных цивилизаций Гаспринский раскрыл практически во всех своих фундаментальных произведе-

дениях и статьях, – обирающий характер, изобилие и процветание у меньшинства за счёт ограбления и деградации большинства:

«Величие цивилизации, – говорит он в эссе «Социалистическое учение», – определяется теми благами, которые она несёт для всего народа». («Русское мусульманство», 1881 г., Бахчисарай).

Основная идея «Русского мусульманства» состоит в том, что только равноправие составляющих Россию народов при всеобщем распространении высших знаний и соблюдении прав человека («droits de l'homme») может обеспечить будущее этой страны.

«Время мелких экономических и политических формаций прошло», – говорит Гаспринский, указывая на непреложность и естественность тесного единства народов Отечества, обусловленную совокупностью исторических, геополитических, культурных и других факторов. Он выделяет в национальной политике царизма два метода, определяя один как «польский метод», а другой как «финский». Поразительны не только та глубина, с которой Гаспринский буквально препарирует в легальной печати столь болезненную для любого тоталитарного режима проблему, но и та величайшая бережность, тот конструктивизм и гуманизм, и в итоге следуют самые нелюбимые выводы, которые при всём желании невозможно было бы квалифицировать как бунт против государства.

Гаспринский указывает на роковые последствия для судьбы самого государства «польского» метода национальной политики насилия и провокаций. «Финский» метод, лишённый одуряющей унификации и бессмысленной полицейщины первого, много прагматичней уже тем, замечает Гаспринский, что Финляндия никогда не станет большим очагом отечественного организма. Просветительский подход отнюдь не рассматривает жизнь в отрыве от её реалий, как утверждают клеймители «культурничества»:

«Объединение, скрепление народностей страны есть необходимое условие государственности. Различие языка, происхождения и верований не должны служить тут помехой». («Русское мусульманство», 1881 г., Бахчисарай).

Путь, на котором Россию может ожидать будущее, – это не путь «финляндизации», при всех его положительных чертах. И тем более не кроваво-усмирительский «польский метод». Но это и не путь мелких экономических и политических формаций. Это – новый путь, сформулированный Гаспринским

в «Русском мусульманстве». Общие принципы национальной политики здесь сформулированы на примере тюрко-мусульманских народов России, ибо, по мнению Гаспринского, счастливое будущее России может быть обеспечено при решении проблемы её выживания и в масштабах планетарной модели, а русское мусульманство, позволяя навести «мост» на Восток, как раз и позволит решить эту геополитическую задачу.

Путь «финляндизации», уже в современном смысле этого термина, который ожидает наше Отечество после перехода «восточного вопроса» в «русский вопрос», – это путь полного экономического и политического подчинения Западу, превращения в резервуар хищнической эксплуатации природных и человеческих ресурсов, превращения в колониальную окраину. Предупреждением об этой грозящей катастрофе и пути её устранения явилась работа «Россия и мусульманская политика России», опубликованная Гаспринским в виде цикла статей в «Терджимане» в 1910 году.

Смысл предупреждения о возникновении «славяно-русского вопроса» проявляется на примере расчленения славянской Польши, – действия, когда Запад таскает каштаны руками Петербурга. Раздел Польши Гаспринский рассматривает как роковую стратегическую ошибку. Повторение таких просчётов предопределило бы, по мысли Гаспринского, внутреннюю катастрофу России, а если эта политика будет принята в отношении народов российского Востока, катастрофа будет усугублена полной самоизоляцией и на международной арене:

«Я называю раздел Польши ошибкой не в силу сентиментальных соображений, а по реальным результатам этого события». «Московская Русь имела счёты с Польшей..., но это было делом... двух славянских царств и народов. Совсем не то раздел славянской земли между славянской империей и немецкими государствами». («Терджиман», 1910 г. №№ 45-48, 52; 1911 г. №3, «Мусульманская политика России»).

Тончайшие наблюдения Исмаила Гаспринского насчёт балканских проблем и подавления Россией венгерской революции 1848 года, персидской – в начале века как бы предвосхищают проблемы, которые сегодня встали в связи с развалом Союза, – закономерным итогом торжества прямого и скрытого «польского метода» национальной политики. Это проблемы *«единения, сближения нравственного на почве равенства, свободы, науки и образования»*. («Русское мусульманство», 1881 г., Бахчисарай).

Гаспринский остро чувствовал надвигающиеся перемены. Старый мир рушился. Будучи глубочайшим патриотом Отечества, Исмаил бей верил в

лучшее будущее России и живущего в нём мусульманства на пути установления режима равноправия и свободы, и потому уже в 1896 году формулирует непреложную задачу следующего этапа: «Русско-восточное соглашение», – проблему приоритета восточной политики России. В этом труде вопрос о евразийском единстве предстаёт не как предмет политической риторики и конъюнктурного политиканства, а как имманентная проблема цивилизации.

Сложившееся четыре десятилетия спустя и затем доминировавшее наблюдение о функции России в Европе и на Востоке как жандарма односторонне и усечено, а потому в историческом плане может стать причиной крупных стратегических просчётов. Такую функцию ей стремится и поныне навязать клуб западных держав, она не диктуется имманентными интересами России и исторически проигрышна. Но нельзя закрывать глаза, и Гаспринский неизменно указывает на то, что подобную роль (отнюдь не цивилизующую) Россия стала играть в «петербургский период» своей политики, губительно сказавшейся на судьбах Востока и самой России. Этот период продлился много за имперскую историю самого Петербурга в виде карательных ударов по народам в стратегических регионах (Приморье, Кавказ, Поволжье, Крым), в виде ущербного противостояния с Китаем, затем в Афганской авантюре. Такую политику России Гаспринский считает «не вполне русской».

«Для борьбы с горцами и подчинения себе игрушечных ханств Россия не нуждалась в содействии или нейтралитете Германии. С одной стороны даже ревнивая Англия встревожилась тогда, когда русский солдат показался у берегов Амударьи, перед Афганистаном и на высотах Памира. На Ближнем Востоке же Россия «для себя» почти ничего не приобрела. Скажу более: Россия, побеждая, проигрывала. Не угодно ли моим русским читателям сравнить Кучук-Кайнарджийский трактат 1774 года с Берлинским 1878 года? Тут вы увидите, господа, что Россия намного дальше от проливов, чем-то было сто лет назад..., потратила на это слишком много сил, нужных ей самой для внутреннего возрождения и развития своей культуры. Затем позвольте мне сомневаться в том, что созданные русской кровью балканские политические единицы были и будут всегда на стороне России». («Терджиман», 1910 г. №№ 45-48, 52; 1911 г. №3, «Мусульманская политика России»).

Небезосновательны подобные сомнения насчёт политических единиц, возникающих как следствия подобной политики и в других частях света.

Создание в итоге конфронтации 1960^x годов, «стального вала» вокруг Китая, фиктивного в военно-стратегическом отношении и во многом предопределившего подрыв основных фондов страны;

и нынешнюю экономическую катастрофу, – также можно отнести к феномену «не вполне русской политики», роковым образом последовавшему стратегической установке: «расширить и углубить трещину, наметившуюся в отношениях между СССР и Китаем», сформулированной за океаном.

Несомненно, лицемерная идеологизация, прикрывавшая лакейскую по сути дела философию жандарма, лежавшую в основе геостратегического выбора последнего столетия, сделала безжизненной и бесплодной аналитическую мысль внешней (да и внутренней) политики государства. Показательно, что для защиты этой «философии» сталинская историография заклеила представления И. Гаспринского как «монархические» и на инсценировку этого бросила ведущие академические силы, брошенные затем на обоснование тотального геноцида в Крыму с превращением его в бастион этой философии.

Представляется, что ключевым моментом этой стратегии является столкновение между собой или перемалывание народов Востока под маркой «наказания» их за злочинные умыслы против цивилизации, демократии – будь то обвинения в жупелах пантюркизма и панисламизма, или в гегемонистских устремлениях. Вполне понятно, что разыгрывать такие баталии можно только в рамках «не вполне русской» глобальной политики:

«Не говоря о том, что никогда русский голос не раздавался против внешних эксплуататоров Востока, он иногда поддерживал ханов, шахов и султанов, игнорируя всегда народ, виновный без вины..., чем бы ни объяснять это явление, оно, несомненно, оставляет глубокий след в воззрениях и психике мусульманских племён». («Герджиман», 1910 г. №№ 45-48, 52; 1911 г. № 3, «Мусульманская политика России»).

Ближайшие последствия этого моментально ведут к перекоосу и дестабилизации мировой картины, однако они далеко не исчерпывают роковых потерь, издержек цивилизации:

«Обращение Востока к покровительству Запада, – комментирует Гаспринский, – резонанс от пресловутого обращения кайзера Вильгельма к Востоку, – явление не новое. Генерал Бонапарт в конце XVIII века, заняв Египет, объявился первым покровителем Востока против Англии и России. Позже в роли покровителя побывали Меттерних, Пальмерстон, Наполеон III

и Биконсфилд. Ныне очередь императора Вильгельма. Восток, по крайней мере, сейчас прекрасно знает истинную цену всех этих покровителей с Запада, он знает, что опекуны всегда дорого обходятся сиротам, но что делать – они бывают необходимы. До сих пор к покровительству Запада прибегал официальный, дипломатический Восток, ныне к нему обращается народ, освободившийся от пут старого режима и вступивший на путь самостоятельности. Это обстоятельство выгодно отличает «покровительство» императора Вильгельма от других, предшествовавших покровительств. Иметь за собой не только правителей, но и народы не лишено серьёзного преимущества, которое будет расти вместе с развитием дальнейшего самосознания этих народов» (там же).

В самосознании народов, бесспорно, не могут не откладываться, обернувшись в какой-то момент перехода политического количества в историческое качество – утрату авторитета России как трагическая эскалация Кавказской войны. Сохранение в осколках Союза стойких стереотипов политики «петербургского периода» непреложно доказывает справедливость процитированной выше мысли Гаспринского, что многонациональный и конфессиональный спектр государств не может и не должен препятствовать единой государственности, если национальная политика строится на основе признания свободы и равноправия народов:

«... право национальности, право иметь и блюсти свой исторический и культурный народный облик есть в наше просвещённое время такое же естественное, неотъемлемое право человека, как и все другие. Отнять у человека его национальность не меньшее насилие, чем отнять свободу совести или разрушить семью..., так и современные крепостники-политики признают святые узлы народности исключительным правом господствующего народа». (Гаспринский, 1905 г., № 22, «Иностранцы и Земский Собор»).

Разоблачение Гаспринским «польского метода» национальной политики, выступления в защиту национального равноправия и свободы практически каждого народа – узника самодержавия в пределах его досягаемости, говорит о том, что в сегодняшней ситуации он горячо приветствовал бы процесс раскрепощения народов, но с не меньшей страстностью отстаивал бы их единение. Евразийская концепция в его понятиях предполагает также учёт многоукладности экономики регионов, несовместима ни с имперским тоталитаризмом, ни с региональным унитаризмом, ведущим к развалу, одичанию и деградации.

Проблеме социального устройства общества, волновавшей Гаспринского как неотъемлемая часть проблемы сущности цивилизации, уделяется внимание практически во всех работах и публицистической деятельности просветителя. Впервые она поднята в его труде, изданном в Стамбуле в 1875 году в издательстве Айвазия «Беспристрастный взгляд на европейскую цивилизацию». Оценивая перспективы уравнительного распределения, Гаспринский пишет:

«Страна и общество, и человечество окажутся на казарменном положении». («Беспристрастный взгляд на европейскую цивилизацию» (тур.). Стамбул, изд-во. Айвазия, 1875 г.).

Сопоставительный анализ социальных укладов Запада и Востока представлен в романе «Дар уль Рахат» («Страна спокойствия»), который начал публиковаться в «Терджимане» отдельными главами ещё в 1887 году. В 1905-1906 годах Гаспринский публикует цикл статей «Мезхебе иштиракийюн» («Социалистическое учение»), в которых указывает на основные узвиемые положения социалистических доктринёров.

«Что движет человечеством? По-моему, личная заинтересованность, прибыль и – более ничего... Истории Урарту и Бельгийского Союза основаны на труде. Побудительный мотив труда, основа взаимодействия населения – едины. Это – польза и ещё раз польза. Каждый имеет материальную и моральную выгоду. На этом основано нравственное воспитание и избирательное право. Почему явился на свет? Почему живёшь, учишься, каковы желания? Живу для себя, хочу пользу, ищу выгоду. Польза превыше всего». («Терджиман», 1906 г., № 72, «Мезхебе иштиракийюн» («Социалистическое учение») № 69-76).

Величайший бесребреник, отдавший всего себя служению человечеству, сформулировал здесь важнейший постулат, пренебрегая которым социалистическая модель превращается в реакционную и опасную утопию, ведущую к стагнации производства, подменяемого перераспределением остатков и делающего сам труд излишним. *«Масштаб цивилизации – польза всего народа»*, – говорит он там же. («Терджиман», 1906 г., № 70. «Мезхебе иштиракийюн»).

Принцип неделимости цивилизации по вертикали и горизонтали решительно отвергает эксплуатацию человека человеком, кровавый фактор, как некий движущий принцип прогресса и колониализма:

«Вероломство иных парламентов являлось следствием мира и исходило от имени покровителей мира!» («Терджиман», 1906 г., № 70. «Мезхебе иштиракийюн»).

В этот период (1905-06 гг.) И. Гаспринский публикует в «Терджимане» утопический роман «Сто лет спустя. 2000 год», где моделирует государственное устройство на социалистических принципах, приурочивая его к Соединённым Штатам и другим западноевропейским государствам. Как и «Социалистическое учение», этот роман не был переведен на русский язык и практически не известен исследователям.

Имя и авторитет Исмаил бея Гаспринского, стяжавшего славу «дедушки тюркской нации», великого гуманиста, выдвинутого педагогической общественностью Индии и научными кругами Франции на Нобелевскую премию мира и поныне глубоко почитаемого просвещённым Востоком, должно побудить передовое общественное мнение, агонизирующее на развалинах страны, обратить своё растерянное внимание на его представления о мире:

«... длинный ряд веков жизнь и культура русского и тюркского народов взаимодействуют... несмотря на грубые неуместные затеи обрусительных дельцов..., слава богу, добрые отношения народов не поколеблены. В русском народе нет недоброжелательности, враждебности, обидчивости к «татарину» и обратно, у последнего нет никаких дурных чувств или помыслов в отношении «руса»..., отцы могут не одобрять такое добродушие, мирное сожительство, но это неопровержимый факт. Это действительность, вытекающая из общей печали, общего горя и общей нужды русской и мусульманской массы.

Их свело в одно общее великая равнина – родина, простирающаяся от подножия Алтая и Памира до болот Балтийского моря; их породнило общее горе от неумения жить, ... сравните эпосы и народные думы, русские и тюркотатарские, и вы увидите, что на разных языках эти два народа излагают одно и то же горе, одни и те же жалобы и печали. И это совершенно понятно, ибо оба богатыря из века в век преследовались одной и той же гидрой о трёх головах в виде тягот, неправды и невежества. Так было в прошлом. А в будущем эти народы пойдут, ибо должны идти рука об руку, чтобы обрести одинаково им нужные свет, правду и сносную жизнь. Пора одному выбраться из тёмной сакли, другому из закопчённой курной избы.

Не разделяйте, не отделяйте, не выделяйте, если желаете сплотить, скрепить». («Терджиман», 1905 г., № 29).

13.01. 1993 г., Симферополь

ДВА АСПЕКТА ЦИВИЛИЗАЦИИ

Долго и упорно нас отучали, а теперь и мы нередко пытаемся отучить друг друга от так называемого здравого смысла, предпочитая идеологическую зашоренность. Так проще объяснять и оправдывать несправедливое и нелепое. Во всех этих сменах монархического режима на большевистский и обратно, «русской идеи» на «гражданское общество», национальной идеи на религиозную и так далее в разных вариантах и сочетаниях проглядывает старый, как живой мир, на земле, метод приобретения благ через их присвоение, перераспределение или захват.

В этом, идущем ещё от доисторического прошлого человека «методе», преуспевает тот, кто-либо находится в численном большинстве, либо лучше вооружился: убийными орудиями, научно-техническими новшествами истребления или подавления противника, обладающего чем-либо, интригующим взор соседа: землёй, ископаемыми, мускульными ресурсами.

Постепенно цивилизация раскололась как бы на два лагеря: один из которых резко преуспел по части науки и технологий и создал себе хороший военный щит и меч, считая себя настоящей цивилизацией, а остальной мир – варварской цивилизацией, призванной служить резервным источником сырьевых и прочих ресурсов. Проблема состоит в том, как эффективнее мотивировать очередную перекачку из резервного «источника» в лагерь «настоящей цивилизации».

На самом деле – это самообман, центры такой цивилизации периодически гибнут, что наблюдалось со времён античной цивилизации. И, чтобы вернуться из этих отвлечённых рассуждений к сегодняшней реальности, выскажу мнение, что, бесспорно, приход каждой новой формации невозможен без определённой ломки уходящего мира. Однако если такая ломка превосходит по масштабам общественно-необходимые рамки или игнорирует исторические аспекты конкретной среды, можно не сомневаться, что она закладывает мину в фундамент возводимого сооружения.

Чтобы увязать этот исторический аспект с проблемами идущей, ныне тоже, к сожалению, как бы в расчёте на конец света, приватизации, процитирую почти вековой давности мысли, способные привнести элемент здравого смысла и целесообразности в наши сегодняшние тайные и явные планы:

«Держа высоко знамя правды и права, надо по возможности скорей решить вопросы о безземельных мусульманах в Крыму, о наделах и горных пастбищах в Закавказских губерниях, о земельном устройении горцев, о спорных вакуфах Туркестанского края, о башкирских лесах и киргизских степях (по терминологии тех лет имеется в виду Казахстан – Ю.О.). ... Киргизы добровольно отдались под покровительство и власть России со всеми своими

стадами и степями. Степи эти всегда принадлежали народу, и ханской собственности не составляли, за исключением кое-каких урочищ. С точки зрения исторической и бытовой киргизские степи представляют собой общественную, народную собственность. Право это испокон веков осуществлялось киргизами сообразно их кочевому, подвижному образу жизни. Земледелец осуществлял свое право и владение «распашкой», кочевник «выпасом». («Терджиман», 1905 г., № 33, «Высочайший указ», статья И. Гаспринского).

Мы процитировали этот отрывок для характеристики исходного состояния собственности во всех землях, добровольно или силой оружия присоединённых некогда к России. Надо сказать, что самодержцы как раз хорошо представляли себе последствия игнорирования исторического фактора и эффекта целесообразности всяческих ломок. И потому документально стремились оформить новый порядок весьма разумно, не игнорируя очевидного, прагматично понимая, что лучше «чёрный передел» проводить как бы волей слепого случая, методом свершившихся фактов. Во всяком случае, в Высочайшем манифесте о присоединении Крыма права и состояния покорённого народа гарантировались соблюдением «наравне с природными жителями» России.

Подтверждением этому взгляду «права», считавшегося непреложным, служит второй, предоставляемый вашему вниманию, документ – «Решение Всекрымского мусульманского собрания», опубликованного И. Гаспринским. Это собрание постановило:

«... домогаться, чтобы безземельные татары были поселены:

- а) на свободных вакуфных землях с умеренной арендной платой в пользу вакуфа (прибыль с вакуфов направлялась на нужды просвещения и религии – Ю.О.),*
- б) на свободных казённых землях и*
- в) на наделах частновладельческих земель на праве долгосрочного выкупа.*

Относительно «приписных» лесов горной части Крыма, земель и лесов вообще взятых в казну за выходом части населения за границу – хлопотать о возврате таковых во владение хозяев... и нуждающегося населения..., укрепив за обществами их общественную собственность». («Терджиман, 1905 г., № 37, «Крымско-мусульманское собрание»).

Ситуация, как видит читатель, очень похожа на современную (правда, частновладельческих земель формально и по сути ещё нет, так что решение задачи облегчается. Тогда вскоре революция решила поставленный вопрос именно в рамках его постановки, восстановив справедливость. Идею этой справедливости Гаспринский выразил так:

«Необходимо, прежде всего, чтобы «право собственности» общество стояло так же незыблемо, как право частного лица..., любой башкирец или киргиз, владея тысячью десятин земли, по закону – неприкосновенный собственник. Аналогично – сто башкир или киргиз вместе должны иметь такое же право на сто тысяч десятин общинной земли».

В 1944 году крымскотатарский народ был лишён всего личного и общенационального достояния, ограбленный до последней корки хлеба и тряпки выброшен за тысячи километров. В 1989 году государство, от имени которого и силами которого это было сделано, признало преступными и противоправными совершённые акции и провозгласило курс на восстановление справедливости.

При всей половинчатости этот процесс политической и социальной реабилитации идёт. Чтобы он действительно завершился нормально и не привёл к неизбежности последующих чёрных переделов, конфликтам и расколам в обществе, надо сегодня откровенно и честно сказать и понять основные возникающие, а точнее – искусственно создаваемые проблемы, рассмотрим основные из них.

Во-первых, это вопрос о земле. Совершенно ясно, что необходимо определить массивы земель для компактного расселения в местах исторического проживания. Здесь и в принципе не возникло бы никаких принципиальных затруднений – такие свободные массивы повсеместно, даже на ЮБК и даже в городах, подвергшихся планомерной политике заселения в 40-е – 80-е годы, имеются. Только силы, стремящиеся отяготить процесс реабилитации, искусственно тормозят процесс, рассчитывая на скорую приватизацию земли и расхватывание её различными корпорациями (в том числе и иностранными). Из этого расчёта может удалиться только ставка на дестабилизацию, но остановить возвращение не дано. Следовательно, если мы сегодня не желаем нашим ближайшим преемникам очередной «перестройки», надо выполнить неоднократно объявленные намерения о выделении массивов земель на весь объём возможного возвращения и пресечь зуд беспредела у тех хозяйственников и администраторов, которые стремятся осуществлять дискриминацию крымских татар в процессах дисперсного предоставления участков, квартир и рабочих мест.

Во-вторых, это вопрос о приватизации. Всем известно, что она идет фактически. Повсеместно наблюдается одна и та же картина: крымские татары оказываются за бортом. То они не выработали положенных в данном хозяйстве лет, то по иным причинам. В итоге крымским татарам останется доля наемных рабочих на госпредприятиях и батраков на разных частных и кооперативных заведениях. Между тем такой же удел ожидает все те слои крымского населения, которые и ранее занимали низшие ступеньки имущественной лестницы. Достаточно оглянуться в историческое прошлое, чтобы по-

нять: закладывается новый «чёрный передел». Нужно ли нам вечно заниматься самоистязанием? Я думаю, в этом нет необходимости, и потому сегодня нужно сделать все правильно и разумно.

И третий вопрос. Ночью 18 мая 1944 года крымских татар изгнали из примерно 80 тысяч домов в деревнях и городах и из 15 тысяч квартир. С квартирами вопрос ясен: крымские татары не должны дискриминироваться ни при поступлении на госпредприятия, ни при получении жилья. Далее: из 80 тысяч личных домов сегодня в наличии осталось порядка 30 тысяч. Около 500 деревень в горно-предгорной зоне и на ЮБК стоят в запустении. Все эти дома представляют собой довольно обветшалый жилищный фонд и они, как правило, заселены индивидуальными жильцами на правах личной собственности или как квартироръёмщики исполкомов. Мечта вернуться в отчий дом, в родовое гнездо – это понятная, святая и справедливая заветная мечта каждого нормального человека, и она вынашивается в умах и сердцах тысяч конкретных крымских татар. Нет, они не собираются никого выгонять на улицу, они сами такую мысль считают дикой и провокационной. Но когда программа организованного возвращения не без умысла торпедирована, когда звучат неумные и недобрые речи об «отсутствии возможностей», идея реализовать свое законное право на принадлежащий тебе кров не может не находить себе питательную почву. Между тем вопрос можно и нужно решить разумно, честно, без истерик и взаимного недоброжелательства и подозрений, что изначально и предлагает НДКТ.

Решение напрашивается следующим образом. Сначала нужно выяснить примерный объем предстоящего мероприятия. Ведь отдельные крымские татары из тех, дома которых сохранились, уже построили своё жильё заново и предъявлять иска не собираются. Затем необходимо разработать программу строительства соответствующего количества жилплощади для нынешних жильцов этих домов. Частью этой программы должна стать программа возрождения заброшенных татарских деревень (где проблема существенно проще). Далее необходимо наработать пакет правовых документов, точнее, сам порядок решения вопроса проведения этого непростого мероприятия. Каждый конкретный вопрос будет решаться через суд, и не исключено, что обе стороны полюбовно решат большую часть проблем: где нужно построить альтернативный дом, кто в него вселится – гражданин, живущий в старом татарском доме, или вернувшийся хозяин решит, что ему сподручнее получить новое жильё в соответствии с изменившимся семейным положением и составом, представлениями о комфорте и воспоминаниями детства. Проведение мероприятия должно быть возложено на соответствующую комиссию Совмина с отделениями в исполкомах, с привлечением специалистов прокуратуры, суда и арбитража. Это будет «по закону и совести».

14.03. 1993 г., Симферополь

Приложение

Переписка Ю. ОСМАНОВА

ЗДРАВСТВУЙТЕ, БАСЫР АКЪАЙ!

Как Ваше здоровье, как успехи в работе? У меня всё нормально. Отдыхаю. Читаю «Ислам» Климовича. Написано весьма некрасиво, бледно и скучно. Отсутствует логичность, убежденность и беспристрастность.

Гаспринским пока не занимаюсь. Ещё многое нужно обдумать, прочитать. Нужны отзывы о нём современников – М.Ф. Ахундова, Н. Нариманова. По такому важному вопросу нужно выступать серьезно, чтобы не дать противнику после этого раскрыть рта.

02.08. 1965 г.

БАСЫР АКЪАЙ!

Я всю дорогу обдумывал наш последний разговор. Сложившееся настроение и выводы были подтверждены полученным мною по приезду письмом от халифа. Он ещё не ознакомился с очерком, но мои беседы с ним, некоторое знакомство с цитатным материалом позволили ему вчерне, схематично, но дать потрясающе точную оценку Гаспринского, к которой мы отчасти подошли в очерке. Приведу некоторые выдержки из письма (я сообщал о беседе в редакции): «...нужно помнить, как бы века не сменялись веками, какие бы гигантские шаги мы ни делали вперёд, тенденция направить острие удара против того, кто деятелен, остаётся постоянной печальной действительностью».

Отсюда, если против вашей небольшой статьи направляют оружие, если над ней и над её авторами сгущаются тучи, уже можно сказать «ура» и гордиться. Значит вами уже сделано столько, что нельзя не заметить, тем более нельзя остаться равнодушным».

Несмотря на репрессии и преследования, мы сегодня ближе к цели, чем вчера. Я уверен, вопрос о судьбе нашего народа решится в ближайшее время».

О Гаспринском.

Наследие Гаспринского должно изучаться и оцениваться без отрыва от социально-экономических и духовных условностей той эпохи. Его огромный успех и популярность определяются не джадидизмом, а главным образом его глубоким пониманием сущности противоречий между колониальным мусульманским Востоком и Западом – империалистическим и колонизаторским. Сущность богатства его наследия – это способность подняться над сво-

ей эпохой, ясно ориентировать весь мусульманский Восток на союз с Россией. И тот, кто хочет игнорировать это, тот, по существу, завуалировав свои истинные замыслы понятиями науки вне политики завитушками объективизма буржуазной идеологии (натурализмом – Ю.О.), пытается отнять у мусульман Востока их подлинного Гаспринского, призывавшего весь Восток к науке, к прогрессу, к демократии в союзе с Россией.

Басыр Гафарович! Народ с жадностью читает о Гаспринском. И с этой стороны мы с вами принесли большую пользу. И я думаю, этот народ не позволит расправиться с Гаспринским, ни с его скромными интерпретаторами. Наша задача – дать достойную отповедь на конференции. Вы берёте джадидизм (лучше называть просветительство). Я – общую тенденцию в оценке. Просмотрите те статьи, о которых мы говорили, особенно №№ 75-76 (1906) «Мезхебе иштиракийюн». Наше поведение на конференции должно отразить тот неоспоримый факт, что народ наш в священном гневе к врагам партии и государства не сломлен и победит.

Юра.
14 ноября 1966г.

Авторам очерка о наследии И. Гаспринского

Само появление очерка на правах рукописи, сам факт первого почина, давно назревшего дела, уже является большим успехом. Хотя трудно сказать какова будет судьба очерка в океане «китов» науки, однако ясно, противники как остервеневшие шакалы будут выть на всякий лад со всех позиций, беря на вооружение всё что возможно и то, что вовсе невозможно. Несомненно одно, авторы «грядущих сражений» против И. Гаспринского, не будут руководствоваться научной истиной.

Успех очерка предопределён тем, что в нём правильно поставлены центральные проблемы в многогранной деятельности И. Гаспринского.

Нам простым людям, не знакомыми с Гаспринским, в очерке раскрывается целая эпоха (пусть это бегло, пусть это недостаточно ярко, но главное верно), в которой вырисовывается титанический труд великого просветителя, выдающегося учителя, его теоретические взгляды, умозаключения, решающее и определяющее значение его нового метода преподавания и на этой основе реорганизации старой школы, создание широкой сети новых школ.

В очерке ясно видна огромная роль Гаспринского как *просветителя* угнетённого колониального мусульманского Востока. Его цель – *просветить* народы, вооружить их печатным словом, поднять их к науке, прогрессу и демократии, т.е. подготовить народы к грядущему будущему. По истине, нужно быть, завершённым невеждой или открытым врагом научного познания истории, чтобы в такой благородной деятельности прогресса усмотреть реакционность и антинародность.

Действительность Гаспринского совпала с эпохой, когда история поставила перед мусульманским Востоком проблему – освободиться от оков западного империализма, от русификаторской политики царского самодержавия, от деспотической тирании ислама и на путях просвещения, на плечах науки в союзе с могучим русским народом двинуться вперёд по пути демократии к великим свершениям грядущего будущего. За такую благородную поистине грандиозную работу взялся И. Гаспринский. Очерк для нас раскрывает только край завесы, за которой покоится прекрасное сокровище мудрости, гуманизма, титанического труда, блестящие прозорливые идеи педагога, литератора, журналиста и мыслителя своей эпохи, своей среды. Следует подчеркнуть особую актуальность в современном моменте как можно шире раскрыть многогранную деятельность Гаспринского – сеятеля науки, мудрости и просвещения народам.

У невежества арсенал оружия – это невежество, фальсификация и грубая звериная сила. Поэтому понятно бесчинство и глумление шовинистических молодчиков в Бахчисарае, разрушивших мавзолей Гаспринского в азарте бешеной ненависти к великому представителю просвещения мусульманского Востока. Что касается нафиговых и батыевых, остаётся сожалеть, ибо учёные мужи, действуя именем науки, не особенно бережно относятся к научной и исторической истине, теряют грани между научным исследованием и исторической достоверностью с одной стороны, фальсификацией истины с другой.

К сожалению, есть ещё похлеще и более могучие силы невежества имя которым шовинизм. Шовинизм – это ползучее реакционное наследие прошлого составляет питательную среду, на которой во всех сферах науки и пропаганды растут, откармливаются и усиленно работают враждебные социалистическому строю элементы в масках представителя науки, литературы, искусства и пр.

Успех очерка и борьба за его печатание будет определяться тем, что цель его и его авторов благородна – исследовать и раскрыть деятельность человека, посвятившего себя просвещению мусульманского Востока, освобождению его от невежества, призыву и духовной подготовке дружбы и единения мусульманского Востока с прекрасным и, несомненно, передовым русским народом на почве духовной, на почве науки и демократии. Следует ожидать, что противники научной и исторической истины смогут выбрать некоторые факты и цитаты, в отрыве от той исторической действительности, успешно ими оперировать, умело использовать конъюнктурные условия современного момента, когда много желающих похоронить не только истину о делах и об идеалах И. Гаспринского, но и весь крымскотатарский народ с его языком и культурой.

Когда захвачен родной край, уничтожены все школы нашего народа, ликвидирована основа существования родного языка крымских татар, защитить передовые идеи, а также бессмертные дела великого просветителя Востока является делом исключительно тяжёлым, но абсолютно актуальным.

Во-первых, следовало бы со всей чёткостью и научно-исторической достоверностью разграничить (отличить):

«усул-и джедид» - новый метод Гаспринского, как научное и организационное средство (как новый путь) для ускорения подъёма грамотности и просвещения народов мусульманского Востока,

от социального течения Джадидизма, суть которого – использовать науку и просвещение до поры до времени, быть необходимым средством и для буржуазии, но оправдывает ли это забитость, отсталость и невежество народных масс?

Кому неизвестно, что именно безграмотность, забитость, непросвещённость и невежество народа является испытанным оружием эксплуататорских классов для осуществления своих интересов по подавлению и эксплуатации народных масс? Итак, следует лучше раскрыть историческую истину: «усул-и джедид» у И. Гаспринского – есть средство для просвещения мусульманского Востока для единения его с русским народом, а Джадидизм – есть социальное течение-стремление нарождающейся буржуазии использовать как саму борьбу за **просвещение**, так и пробуждающиеся в результате просвещения народы для своих классовых интересов. Отсюда необходимость раскрытия того исторического водораздела между двумя противоположными течениями – необходимо раскрыть роль и историческое место каждого.

Во-вторых, философские воззрения не могут остаться вне поля зрения, когда речь идёт о многогранной деятельности И. Гаспринского.

Несомненно, философские воззрения И. Гаспринского должны составить предмет особого исследования. Бесспорно, роман И. Гаспринского «Таинственная страна» – страна «Спокойствия» не может не содержать материал, раскрывающий идеалы и взгляды Гаспринского не как панисламиста и пантюркиста (что рьяно хотят приписывать ему), а как мыслителя и гуманиста, как просветителя и учёного, зовущего народы к единению.

Понятно, утопический социализм в классической марксистской литературе получил научную критику и занял своё историческое место. Более того, для эпохи И. Гаспринского, на фоне назревших революционных событий в России, философские воззрения утопического социализма являются слишком запоздалым цветком, не гармонирующим с исторической эпохой России.

Но главное, в данном случае, в том, что идеи социализма, идеи справедливого общества совместимы но не с панисламом и не с пантюркизмом и не со стремлением услужить империалистической самодержавной России или Запада, а закономерно сочетается с благородными деяниями Гаспринского как великого просветителя, мыслителя и гуманиста.

Османов Бекир Османович,
09.12. 1965 г.

**АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ**

№ 303-040 16 декабря 1965 года Москва, В-36, 1-я Черемушкинская, 19.

Уважаемые т.т. ОСМАНОВ и ГАФАРОВ!

Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС поручил Институту истории АН СССР дать ответ на ваш очерк творчества Гаспринского. Свой очерк Вы построили на критических замечаниях по статье Батыева С.Г. «Татарский джадидизм и его эволюция», опубликованной в третьей книге журнала «История СССР» за 1964 г. и по книге Нафигова Р.И. «Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли 1895-1917 гг.», опубликованной в Казани в 1964 году. Вы заявляете, что поставленный т. Батыевым вопрос получил в его статье правильное освещение, а основного вопроса, которому посвящена книга т. Нафигова, Вы касаться не будете. Вы обратили своё внимание лишь на оценку, данную в книге Нафигова Исмаилу Гаспринскому – «просветителю, педагогу, публицисту, организатору печатного дела русских мусульман, создателю основ крымскотатарского языка, пропагандисту дружбы народов, пропагандисту русского духа, русского народного характера среди народов Востока».

С помощью подобранных цитат из произведений Гаспринского Вы пытаетесь обосновать данную Вами характеристику деятельности Гаспринского. И это Вам вполне удалось. Но Вы, однако, проявили односторонний подход и совсем не показали политического и классового лица И. Гаспринского в его творчестве. Больше того, Вы избегаете политической характеристики И. Гаспринского, обходите молчанием важный период его деятельности в 1903-1914 гг., с которым связана его большая работа в качестве члена президиума партии «Иттифак» (была избрана на III съезде в 1906 г.), которая во многом следовала программе кадетской партии. Вместе с другими руководителями «Иттифак» И. Гаспринский фактически направлял работу мусульманской фракции Государственной Думы.

Вы усиленно подчеркиваете, что главным в творчестве Гаспринского было просветительство (с.32), вера в победу разума и просвещения (с.36).

Вы показываете, как Гаспринский много и решительно выступал по вопросам просвещения и культуры, рисуете его пропагандистом сближения татар с Россией, борцом против татарского застоя и клерикализма, рекомендовавшим благотворительность как средство борьбы с экономическими трудностями (с.27). В то же время Вы считаете, что Гаспринский не смог подняться до понимания классовости борьбы человека, не понимал вопроса о национализации собственности и земли (с.36-37).

Всё это Вы пытаетесь объяснить основной ошибкой в мировоззрении Гаспринского (вера в победу «чистого просвещения»). Но Вы тут же утверждаете, что борьба Гаспринского с политикой царизма была революционной для своего времени (с.16). А между тем даже департамент полиции не очень верил в эту революционность. Начальник севастопольского охранного отделения так определил политическое лицо И. Гаспринского: «... По своим политическим убеждениям разделяет программу партии Союза 17 октября; политическая деятельность его в 1905 и 1906 гг. ни в чём особенно резко не проявилась...».

Уделив главное внимание просветительству Гаспринского, Вы, в сущности не сделали серьёзной попытки разобраться в социальных проблемах творчества Гаспринского, не подвергли анализу его понимание классов, классовой борьбы и её роли в общественной жизни. А ведь только проделав эту работу, Вы смогли бы вскрыть заблуждения и ошибки Гаспринского «в творческих вопросах народного и национального движения» (с.36). Вы словно забыли, что Гаспринский – современник революции 1905 г. и событий в Крыму; он – непосредственный участник подъёма буржуазно-национального движения на окраинах России, и его мировоззрение более сложное, чем это Вам представляется. Нельзя забывать, что Гаспринский проявлял живой интерес как к панисламизму, так и к пантюркизму, оставаясь в то же время лояльным по отношению к царизму.

В своих симпатиях к царизму Гаспринский отражал прежде всего интересы и политическую линию крупной татарской буржуазии и мурзачества, которые не плохо чувствовали себя под крылышком царизма, и потому не стремились к реализации идей панисламизма об объединении всех исповедующих ислам в единое исламское государство под эгидой турецкого султана-халифа или к осуществлению планов пантюркистов, требовавших объединения всех тюркоязычных народов вокруг всё той же султанской Трущии. Известно, что пантюркисты широко использовали просветительскую деятельность Гаспринского в своих политических целях, особенно после 1917 г. Этот момент, равно как и отношение к Гаспринскому буржуазных националистов из партии «Милли-фирка», необходимо учитывать при анализе творческого наследия Исмаила Гаспринского.

Старший научный сотрудник
Института Истории АН СССР
Доктор исторических наук

Н.А. СМИРНОВ.

ИНСТИТУТУ ИСТОРИИ СССР

Копия **ОТДЕЛ АГИТАЦИИ И ПРОПАГАНДЫ ЦК КПСС**

Уважаемый товарищ СМИРНОВ!

Мы получили Вашу рецензию на наш очерк «Исмаил Гаспринский», написанную Вами по поручению ЦК КПСС и ознакомились с ней. В своей рецензии Вы уклонились от анализа очерка и от самой постановки вопроса о Гаспринском. В своей рецензии Вы попросту отписались теми же положениями, которые были подвергнуты критике в нашем очерке. Ваши обвинения очерка в неполноте охвата вопроса беспредметны, ибо очерк не ставил и не может ставить вопрос во всей полноте, а даёт только его постановку. Поэтому мы считаем, что ответа ЦК КПСС по существу не получено и будем ждать этот ответ. Несомненно и то, что работа над Гаспринским нужна и будет продолжаться.

С уважением
Османов Ю.
Гафаров Б.

Дубна,
Ж. Кюри, 13,
Османову Ю.Б.

Москва 12,
Ново-Кузьминская,
дом № 4, корп.2, кв. 13
Гафарову Б.Г.

КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.И. УЛЬЯНОВА - ЛЕНИНА

№ 2582 26 июля 1966 г.

Московская область, город Серпухов
п/о Протвино, ул. Победы, д. № 8, кв.61.
ОСМАНОВУ Ю.Б.
ГАФАРОВУ Б.Г.

Уважаемые товарищи Османов и Гафаров!

Ваша рукопись очерка о Гаспринском, присланная редакционно-издательскому совету Казанского Государственного университета с просьбой его опубликования нами рассмотрена.

Просим нас извинить за задержку с ответом, но вопрос требовал тщательного изучения.

С вашей трактовкой творчества И. Гаспринского мы не можем согласиться. Конечно, по Гаспринскому могут быть дискуссии, споры, обсуждения, ибо сам Гаспринский и его деятельность в разные периоды были довольно противоречивыми.

Представляется, что Вашей главной ошибкой является то, что Вами рассмотрен лишь ранний период деятельности Гаспринского, Вы его оцениваете лишь в рамках новометодных школ и естественно приходите к ложному выводу: ставите знак равенства между Гаспринским и просветительством.

Конечно, было бы необъективным отрицать какую-то положительную роль Гаспринского в создании новометодных школ, идя навстречу растущей торговой буржуазии среди мусульман, хотя вопросы реформы образования среди мусульман Гаспринский рассматривал с позиции единения мусульман на основе пантюркистской идеологии. Совершенно естественно логика борьбы, особенно в период обострения классовых противоречий в царской России, привела его в лагерь партии «Иттифак», одним из создателей и лидером которой он оставался всю свою жизнь. Вы почему-то обходите эти вопросы, обходите главное, основное – классовые оценки, тем более в тот период, когда в России назревала революция, рабочий класс имел свою партию. Разумеется, такой подход не только не справедливый, но принципиально неправильный.

В ряде работ, опубликованных за последнее время, в частности в статье И.С. Брагинского (журнал «История СССР», № 6, 1965 г.), в письме к Вам доктора исторических наук Н.А. Смирнова все эти вопросы довольно объективно и правильно разъяснены. Вы их обвиняете в шовинизме, в шарлатанстве, по адресу этих уважаемых учёных высказываете много несправедливых обвинений, в слишком грубом тоне (а ведь тон делает музыку) отстаиваете свои взгляды.

В научных спорах нужна не ругань, а объективное исследование фактов, доводов, аргументов, их оценка с классовых позиций.

Вот почему мы не можем согласиться с вашей оценкой творчества Гаспринского и не можем удовлетворить просьбу об издании Вашего очерка о нём, в том варианте, который вы представили Казанскому Университету.

Ректор Университета
профессор

М. НУЖИН

В октябре 1965 года в Отдел Агитации и пропаганды ЦК был направлен очерк «Исмаил Гаспринский» (очерк и сопроводительное письмо прилагаются). На очерк была получена рецензия доктора исторических наук т. Смирнова (Институт истории АН СССР), написанная по поручению Отдела Агит. Проп. ЦК. В связи с этой рецензией и как дальнейшее изучение вопроса в ЦК был направлен второй очерк «К оценке творчества И. Гаспринского» (рецензия и очерк прилагаются).

Учитывая, что основным лозунгом, под которым ведётся фальсификация личности и творчества И. Гаспринского, является обвинение его в панисламизме, пантюркизме, джадидизме и монархизме, на базе обширного фактического материала мною написан новый очерк «Просветитель Востока И. Гаспринский и реакционные доктрины и течения» (прилагается).

Три данных очерка, хотя ещё и не освещают всех сторон мировоззрения Гаспринского (не ставших предметом внимания и полемики за всю историю вопроса о Гаспринском), но уже со всей очевидностью показывают цену и смысл «современной» «критики» Гаспринского.

Поразительная организованность, последовательность (если так можно сказать о фальсификации), единый трафарет (впрочем, явно дореволюционного раскроя) в беззастенчивой фальсификации личности и творчества просветителя Востока говорят о том, что бытующая трактовка этого вопроса не есть продукт научного исследования или результат недостаточной проработки или научного заблуждения, а это есть планомерный шовинистический погром под соусом научной терминологии, преподносимый советскому народу как марксистская наука.

В данных условиях поручить Смирнову (или другому) дать оценку Гаспринскому, значит ставить его перед альтернативой дать или не дать бой на свой страх и риск шовинизму в науке, это заведомо идти по пути запутывания вопроса.

То, что т. Смирнов свою рецензию (стыдно даже подумать, что такой ненаучный документ мог выйти из Института истории АН СССР) осмелился назвать не рецензией, а ответом по поручению ЦК КПСС, заставляет с ещё большей тревогой спросить: где потеряны партийная, научная, гражданская честь Смирновых, где партийный контроль над состоянием исторической науки?

Кто и что выигрывает от ликвидации имени просветителя Востока И. Гаспринского, чьё имя заблещет от этого сильнее?

Вопрос о просветителе Востока И. Гапринском, о просветительстве на Востоке и об освещении истории Востока в советской исторической и философской науке поставлен жизнью, и жизнь требует решения. Направляя данные материалы в ЦК КПСС, я уверен, что рано или поздно эти вопросы найдут свой ответ в решениях партии.

Ю. ОСМАНОВ
Серпухов, Протвино,
ул. Победы, 8, кв. 61

Люциану Ипполитовичу Климовичу

Уважаемый товарищ Климович!

Полагаю, Вас не удивит поставленный в этом письме вопрос о Гаспринском. Его деятельность протекала в России, народы которой объединяет СССР. Изучение и критический анализ исторического культурного и материального наследия народов нашей Родины – долг советского гражданина. Закономерная тенденция этого процесса познания такова, что чем дальше уходит прошлое, тем яснее видно проходящее, конъюнктурное, несообразное с объективным историческим процессом в истории и её интерпретации, тем всё меньше объективных условий для того, чтобы случайное и субъективное продолжало довлеть над исторически-неоспоримым, объективным.

Интересуясь просветительством, историей утопического социализма, демократического и революционного движения в среде русских мусульман, – неотъемлемой части общероссийского освободительного движения, естественно, сталкиваясь с именем и трудами Гаспринского, а также с литературой, где даётся оценка его роли и места в своей эпохе.

Беглый анализ хронологии и основных выводов этих оценок позволяет сделать вывод, что к 30-м – 40-м годам в литературе (исключая миссионерскую) сложилась тенденция полностью отказаться от наследия Гаспринского, постулировать его как контрреволюционное. Результатом этой тенденции явилась схема, своего рода терминологический словарь, который следует применять к Гаспринскому. Самое главное – в отношении этого вопроса был создан абсолютный вакуум мысли, специфически организованное принуждение пользоваться только этой схемой.

Среди работ того времени, решавших эту задачу, следует отметить Ваши и особенно «Ислам в царской России» (1936). Из большинства работ (вплоть до самых последних) других авторов её выделяет хорошая ориентация в публицистике Гаспринского и предшествовавшей критике.

Самое главное, аналогично критике Гаспринского в трудах воспитанников Ильминского, Ваша работа всю силу удара концентрирует именно на ключевых положениях Гаспринского, именно на программной работе «Русское мусульманство». Ваша критика направлена также против редакционной статьи Гаспринского из серии 1906-1914 гг. – «Куда мы ведём Бухару?», которая в годы реакции фактически недвусмысленно ставит гораздо более общий и важный вопрос: «Куда идёт Россия?».

Изучение программной работы «Русское мусульманство» (1881) и её логического исторического заключения «Докладной записки уполномоченных крымских мусульман» (1905), публицистики и деятельности Гаспринского в этот период; программной работы «Русско-восточное соглашение» (1896) и разработки Гаспринским «Велико-восточного вопроса» в 1906-1914 гг. о перспективах взаимоотношений (в историческом плане) народов России, Ближ-

него, Среднего и Дальнего Востока показывает, что Ваша работа сознательно направлена против *всего наследия* Гаспринского, *в целом и в частностях*, против постановки и обобщения им кардинальных вопросов, выдвинутых эпохой.

Протестуя против того, что о Гаспринском «до сих пор ещё пишут как о прогрессисте и чуть ли не о революционере»,

Ваша работа выступает

против требования Гаспринского о равноправии народов России, и в частности признания за языками инородцев прав гражданства в школе и литературе;

против его трактовки взаимоотношений инородцев России и русского народа, народов России и Востока,

против внедрения Гаспринским метода русского педагога Ушинского в школах русских мусульман и ряде школ Китая, Индии и Персии – как антинародного действия;

обвиняет Гаспринского как монархиста, пантюркиста, панисламиста и, наконец, рьяного антисемита;

подводит итог, что всё, написанное его пером, пропитано гнусностью.

Если обратиться к аргументации этих положений Вашей работы, то создаётся впечатление, что (за малыми исключениями) она сводится к экзальтированному, взвинченному тону; построена на крайне недобросовестном резюмировании, нередко прямом извращении логического смысла цитируемого материала, не говоря о контексте.

А такие обвинения, как «антисемитизм» Гаспринского и «гнусность» всего написанного им, безусловно, оставляют впечатление явной озлобленной и непонятной клеветы. Всё это удивляет, так как Вы (об этом свидетельствуют Ваши же работы) блестяще владеете методом научного объективного анализа, умеете негодовать на то, что ещё не изжиты «заушательство», шельмование и прочие приёмы, по Вашему же мнению не допустимые в науке и научной критике. Сомнения в весомости аргументации Вашей работы увеличиваются и после ознакомления с редкими, но имеющимися работами последнего времени (не говоря о работах русских и зарубежных учёных) такими, как, например, «Очерки истории народного образования в Туркестане» К.Е. Бендрикова (1960), выводы которой, сделанные на обширном фактическом материале, касающемся только истории Туркестана, даже непосвящённому читателю позволяют судить о значении и масштабах деятельности Гаспринского. В весомости аргументации Вашей работы, обоснованности созданного вакуума научной мысли даёт основания для сомнений и глубокое уважение, которым сейчас пользуется имя Гаспринского в среде педагогов и вообще грамотной интеллигенции Кавказа и Средней Азии.

Резюмируя сказанное выше, следует задать вопрос:

Считаете ли Вы положения, выдвинутые Вами в вопросе о Гаспринском справедливыми?

Аргументацию их – убедительной, безупречной, научной?

Считаете ли Вы допустимым и далее отбрасывать наследие Гаспринского?

Или же прошедшее тридцатилетие и особенно события последних десяти лет несколько изменили Ваши взгляды, в частности и по этому вопросу?

Анализ причин и характера заблуждений в познании, в науке, при всей своей важности, в конечном итоге не может подменить или дозвезть над самим познанием. Самым убедительным и действенным средством и целью любой созидательной критики (в том числе самокритики) является практический переход на верные позиции.

С уважением Ю. Османов

29 января 1967 г.

г. Серпухов, Протвино

ул. Победы 8, кв. 61

Уважаемая Светлана Филипповна!

Направляю обещанный очерк по творчеству Гаспринского. Надеюсь, что это нечто близкое тому, что нужно для сборника.

Подготовка сборника «Основы» подвигается. Мне не ясен вопрос механизма распространения в Москве и какая часть тиража туда потребует, как централизованно направить его в библиотеки и институты? Подскажите, если можете.

Как академик Рыбаков отреагировал «На смерть Индиры»? Возможно ли какое движение в этом направлении? Большой привет Ник. Г.

Ю. Османов

13.01. 1993.

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ СЕКТОР ТУРЦИИ Н.Г. КИРЕЕВУ

Уважаемый Николай Гаврилович!

Когда в конце 40-х годов закладывались представления и методы Национального движения крымских татар, определялись преступления 40-х годов, перспективы и союзники, наше внимание обратилось на наследие Исмаила Гаспринского. Изучение этого наследия началось с 60-х годов. Оно со всей

очевидностью показало, что изъятие Гаспринского из общественно-политического обихода было призвано реализовать известное положение о демонической роли невежества в истории.

Мы считаем, что наследие И. Гаспринского должно быть возвращено в научный и интеллектуальный обиход. Сделать это надо грамотно и радикально, ибо Гаспринский явился в историю Востока личностью масштаба Леонардо да Винчи в истории обновления Европы. В этой связи предлагается издать сборник его фундаментальных произведений под условным названием «И. Гаспринский. Основы», куда включить:

1. Русское мусульманство (1881 г., Бахчисарай)
2. Русско-восточное соглашение (1896 г., Бахчисарай)
3. Социалистическое учение (1905-1906 гг., Бахчисарай)
4. Россия и мусульманский мир (1910 г., Бахчисарай)
5. Дар уль Рахат (Страна спокойствия. Роман. 1985 г., Бахчисарай)

Возможно включение ещё одного утопического романа «Сто лет спустя. 2000 год» в переводе на русский язык (1905-1906 гг., Бахчисарай) и работы 70-х годов «Беспристрастный взгляд на европейскую цивилизацию», изданную в Стамбуле.

Сборник предлагается сопроводить предисловием составителей, научным комментарием и примечаниями. Основная работа по сбору и обработке материалов, их оценке и комментариям завершена. Составители кандидат филологических наук Керимов Исмаил Асанович и Османов Юрий Бекирович. Мы полагаем издать сборник методом фотонабора. Ориентировочный объём – 350 страниц, тиражом 10-15 тысяч экземпляров. Круг читателей – научная общественность, педагоги, студенчество. Рукопись может быть готовой в марте 1993 года.

Просим высказать своё суждение по этому вопросу.

Ю. Османов

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН СЕКТОР ТУРЦИИ

Ознакомившись с проектом издания Сборника шести работ Исмаила Гаспринского, подготовленного И.А. Керимовым и Ю.Б. Османовым, Сектор Турции Института востоковедения Российской Академии Наук горячо поддерживает как подбор работ, так и саму идею такого издания. Исмаил Гаспринский – выдающийся крымскотатарский мыслитель, активный деятель татарского просветительства, философ и политик, разрабатывавший проблему исторических судеб и перспектив развития российского мусульманства, мусульманско-христианских связей, тюркской общности народов. Это был

высокообразованный и мудрый человек, с мыслями которого полезно ознакомиться современному татарскому, российскому и украинскому читателю. Издание сборника его работ будет первым (и, надеемся, не последним) шагом в деле действительной реабилитации Исмаила Гаспринского, забвение и ложь вокруг имени которого сыграли вредную роль в деле взаимного просвещения российского и крымскотатарского народов.

Сектор Турции Института востоковедения РАН готов сотрудничать с крымскотатарской интеллигенцией и продолжать те давние традиции культурных связей, которые были насильственно прерваны в период сталинщины и в последовавшие затем годы.

Заведующий Сектором Турции
Института востоковедения РАН
доктор экономических наук

Г. Киреев

Старший научный сотрудник Сектора Турции

С.Ф. Орешкова

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПАРТИИ
ПРИ ЦК КП УзССР
ДИРЕКТОРУ**

Направляя Вам на ознакомление и отзыв материалы о творчестве просветителя Востока Исмаила ГАСПРИНСКОГО (1851-1914), я твёрдо уверен, что научное познание истории, интересы марксистской науки, научной достоверности, ответственности и долга перед народом являются смыслом жизни и деятельности подлинного учёного, советского учёного.

Я надеюсь, что посылаемые материалы будут переданы сотрудникам Вашего Института, компетентным в вопросах просветительства и вообще прогрессивного, демократического движения на Востоке и, в частности, в среде инородцев России, с тем, чтобы они могли:

1. Ознакомиться с предлагаемыми (и другими необходимыми) материалами и вынести авторитетное научное суждение о просветителе Востока Исмаиле Гаспринском.
2. Выступить в научном мире с изложением своей точки зрения по этому вопросу.
3. Дать оценку трём предлагаемым очеркам как с точки зрения постановки вопроса вообще, так и трактовки отдельных положений.

Критика всех недочётов и ошибок (в т.ч. и методического характера) будет принята с благодарностью, учтена и поможет мне в дальнейшей работе.

С уважением

Ю. Османов

«Русско-восточное соглашение» – злая ирония современности

Александр Беннигсон, глубокий исследователь творчества великого просветителя Востока Исмаил бея Гаспринского, завершил своё предисловие к изданной в 1985 г. в Англии работе И. Гаспринского «Русское мусульманство» столетней давности скептической сентенцией,

что призыв «дедушки тюркской нации» к «русско-восточному соглашению» звучит злой иронией в свете той судьбы, которая постигла это соглашение.

Действительно: под нож сталинских репрессий равным образом ушли и ярые противники нового режима и пламенные революционеры, старая генерация интеллигентов, объединившая духовные силы возрождения народов Востока, и новая генерация, консолидировавшаяся вокруг идей интернационала, – весь цвет нации. Поруганию, вакханалии лжи и шельмованию подверглось и наследие самого Гаспринского. Камень, установленный на его могиле всеми этими выдающимися представителями народов Востока, был разбит ломами. Экспонаты дома-музея были разграблены, а в музее размещена свинарня. Сам народ, давший миру Гаспринского, в числе группы народов, ранее покорённых и колонизованных самодержавием, был выселен из родных краёв, помещён в спецпоселения особого режима комендантского надзора. Около половины состава высланных народов в течение полутора лет погибло.

Конечно, мощный анализ социалистического учения, проведённый Гаспринским в 1905-1906 годах, где он показал роковые просчёты этой доктрины (что сегодня убедительно подтвердилось), сыграли определённую роль в кампании шельмования. Однако сегодня, когда программа восстановления национальной целостности и равноправия, принятая и утверждённая **Постановлением № 845-1 Верховного Совета СССР «О выводах и предложениях комиссии по проблемам крымскотатарского народа» в ноябре 1989 г.** торпедирована, и судьба крымскотатарского народа снова поставлена на карту, нельзя не озадачиться мрачной сентенцией А. Беннигсона.

Преступность замысла искоренения инородцев, изощрённая лживость положенной в его основание версии о ненадёжности, измене и принципиальной враждебности Отечеству нерусских народов – сегодня становятся всё более очевидной и не могут быть, по-видимому, спасены вновь участвовавшими подстрекательскими публикациями такого рода. Развал старого Союза в общественном сознании вполне определённо связывается именно с имперским характером политики последних десятилетий, яркими проявлениями которого и стали депортации народов и десятилетия их удержания насылке.

Бесспорно, величайшей заслугой перед родиной наших депутатов I Съезда было осознание недопустимости сохранения замысла и итогов преступлений геноцида 40^х годов не только с точки зрения общих представлений о праве и морали, но и с точки зрения перспектив развития страны.

Однако в процессе реализации императивов Деклараций о восстановлении в правах репрессированных народов, о восстановлении Крымской АССР как гаранта возрождения крымскотатарского народа и закона России по репрессированным народам,

проявился не только откровенный саботаж, но и стремление увести от сущности проблемы, подменить её решение вторым изданием, только под новым теоретическим обличьем, в новых государственно-правовых структурах замысел 1940^х годов и, наконец, конституировать его и итоги преступлений. Урок развала Союза не пошёл впрок, значит, если радикально не изменить положения, станет на очередь дробление России, Украины, Грузии.

В методах это сказалось в попытках навязать модель «культурно-национальной автономии», – «экстерриториальную ассоциацию на правах автономии». В качестве механизма внедрения этой спекулятивной модели обмана была избрана тактика созыва так называемых «съездов народа». В условиях крайней разбросанности и расплывчатости репрессированных народов, отстранённости их от средств массовой информации и коммуникации,

огромные возможности и опыт административно-командной системы позволяли формировать нужный состав «съездов», манипулировать его решениями, создавать им имидж и формировать миниатюрные аналоги административно-командных структур партийного типа, противопоставленных сложившимся в десятилетия борьбы механизмам народного волеизъявления – Национальному движению. Там, где это успешно удалось, – очень быстро завершилось катастрофически для судьбы репрессированного народа.

С другой стороны для инсценировки несогласия русского народа с восстановлением равноправия репрессированных и агонизирующих народов был использован тот же арсенал приёмов, когда нужно было преступно инсценировать от имени великих народов санкций геноцида. Только этот арсенал был пополнен идеей проведения референдумов для прямого или косвенного торпедирования процесса восстановления государственности аннексированных народов. При всём уважении к форме прямого волеизъявления следует заметить, референдумом правомерно решать применение той или иной правовой меры, но отнюдь не вопрос о применимости, приемлемости и целесообразности уважения и исполнения международно-правовых норм и гарантий. Попытка через референдум, т.е. голосованием одного народа отменить или не допустить восстановления прав и состояний другого народа не просто не правомерна, но просто преступна. Тем более что достигаются такие цели путём обмана, произвольного толкования хитроумно составленной формулы референдума.

Очевидно игра с догмой культурно-национальной автономии продолжалась бы неопределённо долго, если бы по иронии истории не возникла ситуация при которой её приходится применить и к русскоязычному населению на территории других республик, например – в Прибалтике. Тут сразу же выявилась фиктивность такого способа гарантирования прав меньшинства и резонно была сформулирована модель «моста», связывающая диаспору с компактным материнским

ядром нации на её национальной территории, т.е. модель, в принципе замышлявшаяся в схеме национально-государственного устройства в начале века.

Ну, а в Крыму государственно-правовая система была с помощью сталинского и послесталинского лжевластия сметена, а юрисдикция Украины установлена была внеправовым и в определённой мере фиктивным путём и сама носит скорее формальный характер, изначально отягощённый сговором и умыслом максимально затруднить устранение последствий преступного выселения и ликвидации национальной государственности крымскотатарского народа. Поэтому появилось искушение и благоприятная конъюнктура вообще учредить особую «недогматическую» экспериментальную республику, безо всякого «моста» объявив её государственностью пришлых этносов. Для чего и был, задним числом конечно, после принятия Верховным Советом СССР нормативного акта о восстановлении национальной целостности и государственности крымскотатарского народа, создан «оргкомитет по статусу Крыма».

Конечно, ожесточённые попытки помешать восстановлению равноправия крымскотатарского народа имели место и в процессе работы Комиссии Совета Национальностей ВС СССР по проблемам крымскотатарского народа и уже появилась формулировка: «определить статус Крыма: интернациональная». Однако категорическая позиция представителей Национального движения: или восстановление довоенного статуса, или отсутствие решения была принята Верховным Советом СССР как единственно верная.

Тем не менее, проектом Конституции, выработанным в Верховном Совете Крымской АССР, устроено в отличие от всех конституций бывших автономий и суверенных республик понятие коренного народа и даже упоминание его имени, а история государственности начата с произвольной даты с 20 января 1991 года. Что подтверждает не только антиисторическую природу этой структуры, но и её искусственный, т.е. фиктивный характер, – «республики для всех», конституирующей акцию 1944 года.

Имеет особенность и ситуация в высших кругах в Киеве. 12.02. 1991. года парламентом Украины принят закон о восстановлении Крымской АССР, юридически вполне корректный, замыкающий проблему как на историю, на юридический прецедент, так и на источник права – решение Верховного Совета СССР. Комментарий руководителя Украины Л. Кравчука недвусмысленно говорил о восстановлении статуса 1921-1945 гг. Как известно этот статус определял четыре специфических фактора, обуславливающих само существование Крымской АССР.

1. Целостность национальной территории и национальную целостность крымскотатарского народа на ней.
2. Решение земельного вопроса: принятым на Учредительном Съезде Крымской АССР Декрет о Земле определял первоочередное наделение коренного народа землёй, так что обезземеленный на 80 % царизмом крымскотатарский крестьянин получил землю, и при выселении 85 % нации, т.е. всё крестьянство ею владело.

3. Единый литературный язык получил статус государственного (наряду с русским).
4. И, наконец, четвёртый фактор – 36 процентная квота в Верховном Совете КрАССР депутатов крымских татар как возможность предотвратить составления квалифицированного большинства при принятии дискриминационных решений и эффективный фактор для влияния на правовую ситуацию в республике.

Вместе с тем в высших же кругах Украины сразу после принятия Закона от 12.02. 1991 г. появилась стойкая тенденция покровительства грубому дискриминационному правотворчеству в Симферополе, безответственного толкования этого закона как якобы оформляющего «территориальную автономию», что вообще не имеет никакого юридического смысла.

В этом несколько причин: антиисторичность представления о «территориальной автономии» даёт Киеву в любой момент потенциальную возможность ни в грош с ней ни посчитаться. Сколько угодно долго возможно тянуть с восстановлением справедливости в отношении крымскотатарского народа, срывать разработку программы организованного возвращения, покровительствовать отстранению крымскотатарского народа от структур власти и в первую очередь от депутатского корпуса. Киев даже принял Постановление, допускающий крымских татар в парламент Крыма не иначе путём кооптации через марионеточные «культурные общества» на манер назначения на роль первых любовников в варьете, а избрание в парламент Украины не предусматривающее вообще. Не может в этом не проявляться и скрытое признание и правовой необеспеченности юрисдикции Украины в Крыму.

Ещё с 1988 года НДКТ обращало внимание руководства СССР, России и особенно Украины на фиктивный, противоправный характер сговора 1954 года и необходимость дезавуирования и отмены этих акций независимо от того как будет решён вопрос о юрисдикции. Если руководство действительно озабочено укреплением государственного суверенитета Украины как правового феномена, следует оформить юрисдикцию в Крыму посредством справедливого конституционно-договорного механизма, следовательно, непосредственно увязать его с восстановлением равноправия крымскотатарского народа, обсудив весь круг проблем через Консультативный Совет, включающий полномочные круги России, представителей Национального движения крымских татар и союзного (тогда) уровня.

Предложения эти неизменно игнорировались на всех трёх уровнях, хотя НДКТ предупреждало, что это только отягощает проблему Крыма и неизбежно приведёт к конфронтации, что и не замедлило выявиться, как только начался дельёж наследства бывшего Союза. Статус «территориальной автономии», т.е. территории якобы без коренного населения неизменно порождает, возбуждает имперские стереотипы и аппетиты, причём никогда нельзя достоверно исключить возможность появления самых неожиданных и непредсказуемых претендентов,

ибо в таком деле регулятором является только сила, исторический авантюризм и вероломство.

Поэтому нельзя не приветствовать и можно порицать только как непростительно позднюю инициативу российского парламента обнародовать секретные документы сговора 1954 года и предложение Украинскому парламенту всесторонне обсудить проблему. Однако если и на этот раз крымскотатарский народ окажется за бортом переговоров и, его интересы будут попирааться или произвольно толковаться, – проблема очередной раз упрётся в непроходимый тупик.

Республики, отказавшиеся от Союза, являются его правопреемниками не только при разделе флота и железных дорог, авуаров банков и алмазного фонда, золота партии, и её здравниц, задолженностей Союзу стран третьего мира и привилегий в них. Они – правопреемники и по долгам крымскотатарскому народу, тем более по святым долгам.

В связи с обсуждением крымской проблемы найдёт своё решение и проблема конституирования Крымской ССР. В официальном проекте этот вопрос поставлен с ног на голову и вылился в уродливую фиктивную конструкцию «крымского государства», в немислимую с точки зрения права, чести и морали установку, что государство «воздерживается от продолжения поощрения политики, направленной на конкретное изменение пропорций населения в районах, населённых нацменьшинствами». А поскольку здесь неявно и в противовес международно-правовым понятиям именно коренной народ крымских татар занесён в категорию «нацменьшинства» чудовищный смысл этой установки однозначно определяет смысл притязания на статус «государства», которое не начинало и не поощряло возвращения крымских татар, а только противодействовало и стесняло его. Это ставит задачу прекращения полномочий не признающего правовых норм Крымсовета, а при формировании нового депутатского корпуса обеспечить крымскотатарскому народу принцип всеобщего равного и прямого избирательного права, возложив задачу восстановления государственности на Оргбюро по Крымской АССР и восстановив в качестве основы для разработки Конституцию 1921-45 гг.

февраль 1992 г.

«ЗЕЛЁНАЯ КНИГА» МУАММАРА КАДДАФИ

Серьёзное политическое движение не может существовать без глубокого теоретического изучения прошлого и окружающего мира, без создания собственной теоретической и идеологической системы представлений. Эпоха освобождения народов породила такие имена, как Хосе Марти, Мартин Лютер Кинг, Гамаль Абдель Насер, Индира Ганди и другие, за которыми представлены опыт масштабных и героических эпох, прозрения будущего, а иногда и роковых заблуждений. Без осмысления их, учёта уроков истории любое общественно политическое течение будет слепым и зайдёт в тупик.

Ещё одно имя – Муаммар Каддафи. Эпоха застоя создавала кумиров и идолов, отношение к которым следовало строить так, как их подавала система. «Зелёная книга» позволяет составить впечатление о воззрениях Каддафи. При этом нелишне упомянуть про исключительное долголетие его как политического лидера, осуществляющий удивительный социально-политический эксперимент «государства масс» в регионе, раздираемого государственными переворотами, междоусобицами, объекте молниеносных карательных экспедиций.

Свои представления Каддафи называет «третьей мировой теорией», полагая основанный на ней ливийский эксперимент «альтернативой капиталистическому материализму и коммунистическому атеизму». Обратимся к книге, три части которой вышли в 1976-1979 годах. Много времени прошло, прежде чем мы можем познакомиться с книгой. А жаль: многих наших горе и мнимых экспериментаторов такое знакомство могло бы удержать от «идей», находящихся на грани шарлатанства и провокации. Забегая вперёд, надо сказать, что и не зная никогда опыта ливийской революции, тот же опыт можно было почерпнуть, ознакомившись с более доступными работами своего соотечественника Исмаила Гаспринского, с принципом построения широкой внутренней инициативы своего народа.

Каддафи считает свою теорию законченной и универсальной, как некогда Гегель свою систему философии. «Все существующие в мире политические системы являются порождением борьбы за власть», – говорит он, справедливо считая их «диктатурой в фальшивом обличье демократии». Парламенты стали узаконенным барьером, мешающим народу осуществлять свою власть». «Парламентское представительство – обман», – утверждает Каддафи, оно «является демагогической системой... , ибо голоса можно покупать и подтасовывать». «Самые жестокие диктатуры, которые когда-либо знал мир, существовали в условиях парламентских режимов».

Тщательный анализ даёт Каддафи партиям. «Партия – это современная диктатура. Партийная система есть выхолащивание демократии». «Цель образования партии – создание орудия правления народом, теми, кто стоит вне партии, при помощи партии, ибо партия зиждется на деспотическом авторитарном принципе подчинения народа партии». «Теория, призванная оправдать диктатуру партии, является основанием для оправдания любой диктатуры». «Количество партий не меняет существа дела. Более того, чем больше

партий, тем острее между ними борьба за власть, что сводит на нет все завоевания народа».

Каддафи убедительно показывает, что поскольку вопрос о власти является неизменным условием программы любой партии, он, по сути, и остаётся единственным, чем не поступается ни одна партия и что является итогом их конкурентной борьбы.

«...Несмотря на атмосферу политической активности, создаваемой борьбой партий в условиях многопартийной системы, эта борьба... оказывает разрушительное воздействие на политические, социальные и экономические стороны жизни общества... приводит к победе нового орудия правления... к поражению народа, то есть к поражению демократии. Кроме того, партии продажны и могут быть подкуплены как изнутри, так и извне».

Кажется, всё сказанное Каддафи давно известно, но ведь никто ранее и не помышлял об изменении этой порочной практики. И разве не является характерным фактом, что вопреки ожесточённой полемике вокруг проблемы трансформации Национального движения в партию или организацию, раскол его на организации и партии закладывал основы и методы борьбы крымскотатарского народа. Многие предупреждали, что переход к структурам организации или партии – это путь к расколу народа, внедрению в его борьбу провокаторов, это объект манипулирования имперскими службами. Факт, что такой раскол удалось внести именно на том этапе, когда возвращение народа стало реальностью, реальностью, которая непосредственно подвела народ к вопросу о власти. Раскол Движения, организованный спецслужбами, позволил им перевести вопрос о власти из плоскости вопроса о власти народа в плоскость вопроса о власти над народом, которую они собираются вручить тем партиям и организациям, которые готовы за свою власть над народом пожертвовать интересами возвращения народа в Крым. Тут и подкуп изнутри и извне тех, кто потом будет излагать, и превращать в коррумпированную хунту организацию или партию. Чем меньше народ, тем драматичнее оказывается тот прообраз, который административно-командная система навязывает этому народу в самом начале пути долгожданного его освобождения!

Раздел о парламентах и партиях Каддафи заключает мощным приговором: «Парламент (по-ливийски это звучит «меджлис»), создаваемый победившей партией... является властью, данной партии над народом... которая, как предполагается, представляет интересы своего народа, представляется врагом партии или нескольких партий, стоящих в оппозиции, и её – или их – сторонников в народе. Оппозиция не является органом контроля народа..., она лишь ожидает момент, чтобы занять место... у кормила власти. Таким образом, контроль находится в руках партии, стоящей у власти, а власть – в руках партии, осуществляющей контроль». «Партия представляет часть народа, между тем как суверенитет народа неделим».

Воззрение Каддафи на классы соответствует лучшим гуманистическим традициям восточной мысли, одним из ближайших предшественников которой в данном случае является Исмаил-бей Гаспринский: «С точки зрения истинной демократии нельзя оправдать класс, подавляющий ради своих инте-

ресов остальные классы, равно как... партию, подавляющую... остальные партии, племя... другие племена, клан... остальные кланы... Подобные действия... не отвечают интересам общества в целом». «Партия, создаваемая определённым классом, постепенно подменяет собой этот класс, а в дальнейшем – класс, противостоящий её собственному классу. Став преемником общества, класс наследует присущие ему черты». Каддафи показывает порочный замкнутый круг, приводящий к расщеплению самого класса: «Класс, который отчуждает собственность другого класса и овладевает ею, чтобы удержать власть в своих руках, обнаруживает, что эта собственность оказывает на него такое же воздействие, какое она ранее оказывала на общество в целом». К аналогичным выводам пришёл семь десятилетий ранее И. Гаспринский в своём выдающем исследовании «Социалистической доктрины».

Касаясь методов политического волеизъявления народа, Каддафи замечает: «Референдум – фальсификация демократии... (они) были придуманы для того, чтобы завуалировать несостоятельность неудачных усилий решить проблему демократии». Орудие правления должно быть таким, чтобы оно «являло бы собой весь народ в целом, а не «представительство» от его имени». Каддафи такую модель создаёт. Сущность её Каддафи выражает тезисом, что демократия – это не «контроль народа над правительством, «а народный самоконтроль»».

В основе модели – повсеместные «народные конгрессы», избирающие «административные народные комитеты», заменяющие собой государственную администрацию». Обобщённые выводы формируются на Всеобщем народном конгрессе. В политической сфере эта модель в бывшем СССР реализована в Национальном движении крымских татар. Схема функционирования модели такова: Всеобщий народный конгресс не является форумом отдельных членов, как-то имеет место в парламентах, а является форумом народных конгрессов и народных комитетов». Конечно, реальное функционирование модели много сложнее, наполнено сильно действующими обратными связями и, конечно, никоим образом не подавляет самобытности личности представителя. Но главная идея – отсутствие политической чиновничьей иерархии – роднит модель третьей мировой теории и практики Национального движения крымских татар.

Симферополь,
31.03. 1992 г.

Из «диссидентов» в жандармы. От «демократии» – к суперфашизму.

Непреложная иерархичность организации любого общества (как и самой организации живой природы в общество) приводят к извечной диалектической борьбе двух начал – централистского, тоталитарного и анархического, справедливо усматривающего в тоталитаризме, рано или поздно принимающему формы государственной власти со всеми сопутствующими институтами, нечто подобное бетонному колпаку, рано или поздно начинающему калечить, а затем неизбежно и задушить развитие. Со своей стороны государственное начало рассматривает любое отклонение от «системы» как опасный и дерзкий бунт, который неминуемо парализует функционирование всех общественных связей и процессов жизнеобеспечения, возвратив общество к исходному растительно-животному состоянию.

Кульминация схватки двух начал приходится и составляет суть всех социально-политических взрывов или попыток чисто политического переустройства, нередко выступающего под флагом религиозной реформации, культурной революции или более узких по сфере охвата реформ школы, элементов политической системы.

Непреложная иерархичность организации общества объясняет и обуславливает тот факт, что сами модели общественной пирамиды становятся всё более утончёнными, теоретически всё более отработанными, а механизм их защиты всё более изощрённым и располагающим более квалифицированным и могучим аппаратом профессиональных кадров, давно сложившихся в неистребимый, непопоялемый, вездесущий живучий и прекрасно мимикрирующий класс «номенклатуры» «партократов», «роялистов», «фундаменталистов», «ортодоксов», «консерваторов», «унитаристов» и т.п., с явной иерархией, в высших слоях, которых всё же преобладают «геронтократы». Развивать, совершенствовать и обогащать теорию, оснащать арсеналы защитного механизма пирамидальной модели общественного устройства помогают и противоборствующие теоретики и практики второго начала, поскольку их подвижничество сводится или к сочинению новой формы пирамиды, или к перетряхиванию кадрового состава и вставлению шарниров в окостеневшие узлы реформируемого скелета.

В самых радикальных революциях дело сводилось, в сущности, к тому, что пирамиду власти валили на другую грань. Вершина оказывалась теперь внизу, с хрустом и грохотом ломались все внутренние структуры и внешние связи. Головка, не понимавшая или же маниакально не желавшая смириться с происшедшим, обезглавливалась на гильотине или пристреливалась в подвалах. Начинался бурный процесс, напоминающий пир в джунглях, переобуст-

ройства на верхних этажах новых постояльцев. Удержаться там можно только при наличии целого ряда качеств. Нередко те качества, которые неприменимы в стабильном существовании – государственный размах мышления, высокий профессионализм, приобретённый или наследственный авторитет, не гарантировали и не решали почти ничего без коварства, содействия неких посторонних или якобы посторонних революции сил. Наиболее радикальные трансформации пирамиды приводили к существенному усложнению как раз те средние и нижние слои её механизма, предполагая незыблемым само существование государственного аппарата (хотя бы его мотивация концентрировалась на внешнеполитических функциях) с его неизбежными функциями – аппаратом принуждения и правовой регламентацией всего и вся.

Каждая революция, а по сути дела, перевал пирамиды на бок, неизбежно сопровождается тотальной разрухой, тем более тяжкой, чем более радужные перспективы с нею связывают её идеологи. Чем более ненавистным становится окостеневший аппарат (постепенно перекачивающий в класс охранников своей незыблемости свои лучшие кадры и уже существующий сам для себя), тем менее теоретики переворота способны предвидеть, а тем более программировать процессы после выстрела стартового пистолета, после которого начинается захват царских покоев, парламентских рычагов и кормушек спецраспределителей благ.

Зато охранные механизмы пирамиды власти в тиши своих тайных кабинетов и аналитических центров исследований, не спеша, успевают просчитать и филигранно отработать стратегию перехода этого механизма сквозь и транзитом до нового устойчивого состояния.

Если зарождающийся якобинский процесс, желает он этого или не желает, вынужден всё более широко и открыто ставить, а нередко рекламировать свои, хотя бы ближайшие планы и представления о новом, с его точки зрения принципиально ином и уникально чудотворном устройстве, выдавать свои методы, кадры, союзников и сроки, то охранные структуры вовсе в этом не нуждаются, не заинтересованы и обладают широчайшим простором для манёвра, в том числе и для того, чтобы разыгрывать классические фарсы «заговоров» и «переворотов» и их стремительное подавление «восстаний» и «пугчей», подавление которых, как на потешных играх Петра, расписано как по нотам и под покровом подавления – проведение ещё более масштабных, ещё более ошибочных путей реформации или контрреформации, в зависимости от замысла.

Тут вряд ли уместно тратить время на перечисление примеров. Сошлёмся только на филигранный по замыслу и технике проведения приём затягивания Савенкова на наживку мифической партии «ЛД», оставивший в дураках многие разведки, не говоря о самой савенковской.

Бесспорно, для переворота пирамиды, потрясения всех основ отнюдь не достаточно одного политического авантюризма. Полагать так, было бы рав-

носило отрицанию объективного характера и неизбежности радикальных изменений в надстройке. Но если бы устойчивость пирамиды была обусловлена исключительно внутренними факторами, а процесс замыкался бы в её гранях, любые статус-кво были бы долгожителями. Настолько устойчивыми, как олицетворяющие их пирамиды египетских фараонов. Не случайно любой новый режим стремится, особенно на начальных этапах, оградить себя «железным занавесом». Однако современный мир давно уже не представляет такого режима благоприятствования. Более того, складывающийся мировой механизм парадоксальным образом сам тяготеет к формированию в сходных пирамидальных конструкциях, столь же мало оставляющих степеней свободы субъектам международного права, подмятым в основании пирамиды, как субъекты правоотношений в основе фараоновской пирамиды. Процесс этот далёк от завершения. Попытка обустроить «новый мировой порядок», предпринятая странами фашистского блока полвека назад, втянула в свою орбиту практически весь мир. Сегодня мы переживаем фактически третий мировой передел. И хотя эта третья мировая война на основных своих фронтах задействовала не военную технику, а гораздо более цивилизованные средства экономической стратегии, последствия их будут более опустошительными и драматическими, как в экономике, так и в надстроечных структурах.

Не учитывая всех этих особенностей и обстоятельств при анализе того, что произошло при развале Союза и каковы дальнейшие перспективы развала и судьбы тех новых пирамид, которые спешно пытаются возводить на его обломках, невозможно ни реально прогнозировать, ни понять картины происходящей драмы, ни разглядеть и опознать фигуры в её мизансценах. Равным счётом затруднительно было бы идентифицировать смысл предлагаемых в избытке проектов и их авторов.

При всей непреложности и внешней стихийности возникновения, подтверждаемым тотальным охватом народа в момент кульминации, национальное движение крымских татар, как широкая внутренняя инициатива народа представляет собой изначально тщательно и глубоко продуманную стратегию борьбы в самонастраивающемся режиме, увязываемой с направлением всего общесоюзного и общемирового процесса. Оно ведь и само вызвано к жизни процессами, выражающими суть и направление развития имперской модели внутри пирамиды, суть и направления её геостратегических планов.

Первый глобальный анализ случившегося, цели борьбы, её арсеналы, союзников и методы были изложены в проблемном, общенациональном по охвату и доведению через все структуры власти Обращении (декабрь 1964 г.). Тщательному анализу агонизирующая система – её доктринальные представления, преступные методы тотального террора во всех сферах политической и общественной жизни подвергалась во всей последующей практике НДКТ. Этапными документами стали «Обращение, требование, непреклонная воля крымскотатарского народа» (декабрь 1975 г., и в связи с 60-летием СССР).

Из них с неизбежным научным следствием видна не только непреложность решения крымскотатарского вопроса, но и неотвратимость развала тоталитарной модели, построенной в оболочке «социалистического лагеря», а сам крымский эксперимент, длящийся с 1944 года, охарактеризован как иницирующее III мировую войну звено, квалифицирован расклад сил в этом «глобальном эксперименте неошовинизма»

Процесс, предсказанный в этих документах, струнулся в 1987 году и стал объектом пристального внимания НДКТ. Поскольку в нём с «роковой» неизбежностью получали реализацию, казалось бы, совершенно невинные и случайные, но расшифрованные и взятые на заметку Национальным движением доктринальные положения имперских сил четвертьвековой давности, появилась возможность, нанося стремительные удары, влиять на ход событий.

Вопросы, обсуждаемые ниже, затронуты в большинстве документов последних лет. Отметим лишь «Игра ва-банк» (касательно «посильных размышлений» об обустройстве России). «О разблокировании крымской проблемы» и «Меморандум» к руководствам стран СНГ. Поэтому появление двух разных публикаций в разных газетах и разделённых большим временным промежутком мы сочли глубоко закономерным.

04.06.92 г. в «Известиях» помещена статья «Сила против насилия» бывшего диссидента, а ныне своего человека на развалинах Союза – Владимира Войновича. По сути дела в ней развёрнут в манифест как бы брошенный вскользь, как бы малозначительный и не заслуживающего никакого внимания четверть века назад пассаж А. Сахарова, его рецепт спасения цивилизации.

Собственно говоря, тогда наше «общество» и внимать-то не умело, просто проглатывало «голоса» как манну с неба, а квалификацию «Размышлений о природе прогресса и цивилизации» как апологетики расизму, данную Гэсом Холлом, вряд ли могли бы уловить или воспринять в шквале проклятий и брани по адресу самого именитого диссидента, чей гений чуть раньше дал этому монстру-государству его главный козырь – термоядерное оружие. И вот сегодня Андрей Дмитриевич имеет шанс возродиться из пепла в трактате своего ученика, проектирующего по завету учителя новейший вариант пирамиды мирового правопорядка.

Чуть ранее – 21 мая «Независимая газета» поместила эссе Звиада Гамсахурдиа «Человечество перед дилеммой», датируемое апрелем 1977 года. Не имеет значения, подкорректировал ли эксдиссидент, экс-президент Грузии текст своей молодости, тем более что он согласен и на культурно-исторический подход к ней читателя. И не имеет для нас значения: свои мысли развивает Звиад-77 (и рекламирует «Независимая»-92) или своих спонсоров. Главное, может быть, несколько утрируя, они так и считают, что у человечества два варианта: отдать предпочтение идее, упорядочивающей общест-

во в пирамиду или же – путь «абсолютизации животных потребностей», – анархическое непризнание предустановленной свыше (божественной) идеи, путь, на который толкнул массу «марксизм». Напротив, «сегодняшние великие люди» сразу и безоговорочно приняли вариант подчинения высшей идее и «так называемое диссидентское движение идёт по стопам этих великих людей» (к которым относится и сам Звиад-77). Служению пирамиде должны быть подчинены не только помыслы «великих» внутри Союза, но и всего мира. И Звиад Гамсахурдиа возводит в ранг гениев, пророков и святых так же и миссионеров XX века, обращающих на путь божественной идеи нецивилизованные народы. Одновременно он порицает таких мыслителей, как Толстой, поддавшихся соблазну признавать и материальные, личностные интересы.

Теоретик диссидентства формирует в итоге формулу судьбы, которая должна быть избрана «личностью и народами»: «самоотречение ради идеалов, игнорирование комфорта и благосостояния, жертва и самопожертвование ради истины». Иначе – путь апатии и деградации. Надо понимать, истину подскажут гении и пророки, которые станут на вершине новой пирамиды.

Конечно, не обошлось без рецепта, как отличить настоящего диссидента от вымышленного. (Вообще говоря, идеи диссидентов с 60-х годов – сплошной рецептурный справочник политической алхимии, путеводителем по которому должна являться вера в величие и гениальность его пророков).

Рецепт описан столь красочно, что вряд ли останется незамеченным и отвергнутым: «настоящие пророки это те и только те, кто «выбирает путь хождения по мукам, самопожертвования, неравную борьбу с чудовищем, вооружённым стальными когтями тюрем и психбольниц». Власть противопоставляет им широкую когорту штатных критиков недостатков режима. И Звиад совершенно справедливо и точно пишет, что «создаётся иллюзия «демократического общества», где настоящие диссиденты представлены как лишённые чувства реальности отщепенцы и «демагоги», «вредители и подонки», а агенты КГБ представляют «истинную интеллигенцию».

Да, именно так выглядит надводная часть айсберга. И именно сейчас, когда господствует синдром гласности и хотя бы механической куклы демократичности эта «истинная интеллигенция» (татарская, русская, грузинская и любая иная) колоннами ринулась к рычагам «демократической» власти, истошно вопя о муках своего двусмысленного положения в годы насилия и о своём праве спасти сегодня народ, спасти по рецептам, которые сформулировали истинные диссиденты прошлого.

Да, так выглядит надводная часть айсберга. И точность, и яркость её изображения, исполненная Звиадом как раз и помогает забыть о подводной. А именно там, в зоне, скрытой от прямого видения воротами тюрем и психбольниц, как раз и пеклись, среди прочих, такие рецепты, которые затем, в эпоху перестройки и гласности должны быть впитаны «мыслящим общест-

вом», как губкой именно потому, что они стопроцентно истинные, ибо выдвинуты страдальцами и мучениками, корчившимися в терновом венце тюрем и психбольниц. Разве не мученик Звиад внушал грузинскому народу «самоотречение ради идеалов, игнорирование комфорта и благополучия»? И народ это воспринял. Ведомые великими мучениками (если воспользоваться здесь образным слогом Маяковского) «и с песнею на смерть ринулись люди»? Разве не Звиад воспел цивилизующую роль по отношению к «дикарям»? И с сознанием своей исторической роли двинулись колонны на Цхинвал.

Но если бы не было рецептов, как загнать в структуру пирамиды весь мировой правопорядок, то вся эта «подводная» деятельность просто не имела бы ни смысла, ни успеха. Тут нужны не только звиады, которым от первых же картин в мире подземелья стало дурно и даже в весьма засекреченном для постороннего взгляда сонме диссидентов он сразу стал меченым. Тут нужны и стопроцентно диссидентские, перестроечные и демократические трибуны и рупоры. И методы подводной части айсберга позволяют их создать даже в пределах нашего отечества. А уж что говорить, если рецепт прозвучал через западные голоса, или опубликован в зарубежной прессе. Тут уж точно – истина со знаком качества, как мясная туша с чернильной печатью. Тут уж никакого вкуса и никакой тухлятины, была бы печать, да чернила погуще. Долгое время ссылка на высказывания Ленина играла в глазах нашего массового читателя и слушателя такую же магическую роль, как эта чернильная клякса. ***Только почему-то никто ни сослался на его замечание, что половина европейской печати закуплена царизмом. И естественно, что имидж независимой эта половина создавала себе, яростно нося царизм.***

Но вернёмся к мировым рецептам Звиада:

«Противопоставление демократии и тоталитаризма абсолютно – это противопоставление Запада и Востока, принципов европейского гуманизма и турано-монгольского варварства и азиатской тирании». «Тоталитаризму и диктатуре нужно противопоставить справедливый, построенный на демократических принципах строй нового типа».

В чём же дело, чем Западная пирамида плоха? (С «турано-монгольской» всё ясно, её судьба пророками уже предрешена, как «угроза цивилизации она не заслуживает пощады и «диссидентский» рецепт выписан через Сахарова в 1968 году). Секрет прост. Она плоха не сама по себе, а тем, что «демократический строй западного типа только усиливает тоталитаризм и подрывает сам себя», так как «военная экономика Советского Союза питается финансами и технологией Запада».

«Демократия сама подкармливает того монстра, который должен окончательно поглотить её». Существует ленинский тезис: «капитализм сам продаст нам верёвку для своего же повешения». И поэтому следуют альтруисту Картеру и «безвольному, западному обществу» советы, которыми тогда действи-

тельно усыпаны тогдашние воззвания диссидентов, исполненные доверительности и страсти, чем письма к собственным вождям.

Эти советы и остережения и тогда могли вызвать слёзы умиления разве у старушек. Доверчивый, безвольный альтруистический Запад сбывал исключительно третьесортную позавчерашнюю технологию за первоклассный газ и лес. Причём эта технология очень скоро шла на металлолом либо из-за отсутствия запчастей, либо по неумению и нерадению пользователей, а нередко вообще никогда не была смонтирована. Военная экономика Союза действительно потребляла в шесть раз большую долю валового национального продукта, чем в самой милитаризованной стране западного блока. Но безвольный и альтруистический Запад нисколько не боялся ещё сильнее подхлестывать этого монстра, превращающего свою страну в Верхнюю Вольту, только с ядерными боеголовками. Дело в том, что большая часть оружия, производящаяся в этой бешеной гонке, оружием могла являться в Цхинвале, Приднестровье и Карабахе, на Даманском, для окружения Китая стальным панцирем и для сбывания его в Египет и Ирак, для того, чтобы Ирак и Иран бомбили друг друга, для крушения глиняных дувалов в Афганистане. Наконец, на тот случай, когда диссиденты Грузии будут колбасить друг друга из гаубиц с расстояния нескольких десятков метров. Но это «оружие» превращается в груды металлолома против современного оружия (которое «для себя» Союз тоже производил), что прекрасно продемонстрировала шестидневная война на Синае и «бойня в пустыне» против арабов. Безвольный Запад привёл тогда большого друга арабов М. Горбачёва благословить эту бойню с таким же альтруизмом, как Ельцин поставил генсека М. Горбачёва на трибуну читать приговор своей любимой партии. Только если с партией всё более или менее ясно (так же как с М. Горбачёвым), то вероломная операция «цивилизаторов» против арабского мира очень попахивает Мюнхеном-39, пактом Молотов-Риббентроп или финской кампанией. Так что диссиденты (такие как Звиад, конечно) мылили отнюдь не ту верёвку, которой опасались. На то и существуют высококвалифицированные службы, охраняющие покой и незыблемость пирамид. В подземелье чересчур темно, так что не мудрено и принять Джимми Картера «за воспитателя», Звиада – за пророка и гения, Войновича – за совесть человечества.

Пока не поздно он советует учредить на планете новый мировой порядок, конкретизируя схему мирового правительства, выдвинутую в 1968 году в «Размышлениях о природе прогресса и цивилизации». Своё амплуа В. Войнович сформулировал весьма простодушно: благословив все главные карательные экспедиции США за последнее время и призывая взять их за эталон при новой системе «спасения цивилизации», эксдиссидент, а ныне преуспевающий идеолог, заменивший сусловских долдонов, простодушно признаётся: «между употребляющим оружие бандитом и полицейским есть большая

разница». Поскольку себя и свою команду он бандитами (упаси боже!) не считает и не признаёт, то полицейским быть обязан.

«Людьми, мыслящими масштабно (ну те, о которых вещал Звиад), выдвинута идея глобальной защиты всего мира..., от всех насильников, больших и малых». И тут, поясняет наш Полицейский, не надо быть «чувствительными» к общественному мнению, ибо «оно, может быть, не менее глупым, чем мнение одного глупого человека». Надо заметить, что, как и наш Звиад, побывавший отведённую ему долю времени Полицейским, Полицейский В. Войнович, тоже эксдиссидент всего лишь резиновая игрушка-свистулька в руках людей мыслящих «масштабно». Где сидят такие люди в стране, в которой обществу мыслить не полагалось и его мнение всегда считалось не менее глупым, чем мнение одного человека, если это мнение не подсказано с партийной трибуны, указывать вряд ли стоит.

И вот нам, неразумным, объявляют, что, собравшись как Сталин и Орджоникидзе где-то в пещере, люди, мыслящие масштабно, постановили: *«установить новый мировой порядок, новые правила и законы цивилизованного поведения, обязательные для всех людей, групп, партий, народов и государств».*

Конечно, не вполне понятно, зачем же тогда нужны партии, народы и государства, если для всех людей будет распisan регламент их поведения. Пример Камбоджи при кхмерах (красных) подтверждает: тогда кроме колючей проволоки и мотыги для разбивания черепов ничего уже не надо. Но не так прост, не лыком шит, Войнович! Он знает, – не поймут без разъяснений и конкретизирует: *«Должны быть разработаны общие для всего мира чёткие законы провозглашения и определения суверенитета, государственного языка, гражданства, территориальной принадлежности, границ и прочих понятий, которые всяк толкует по своему, которые вызывают столько конфликтов и войн».*

Постойте, ведь и это уже было! Робеспьер сочинил новую религию и нового декретного Бога, которому все должны поклоняться. Правда, пришлось на полную мощность задействовать гильотину, под которую и сам, бедолага, в конце концов, угодил. Большевики – одну единую партию и единый способ, как все должны мыслить и действовать, Сталин – колхозы, научив всех, как и когда пахать. Хрущёв – норму, как писать голых женщин. Лысенко – как доить коров. Теперь составят правила, как распределить всю землю. Да разве не этим занимался Гитлер и его пособники, учившие уму-разуму Абиссинию, Польшу, Чехословакию, Прибалтику, разве не этим занимались на Кавказе, в Туркестане Сталин с подручными? Разве не новый порядок определения национальной территории, гражданства, языка разработали Берия, Серов, Кобулов для 18 народов, направив их в спецпоселения на «социалистическое перевоспитание»?

Быть не может, наверное, Войнович и его хозяева придумали что-то более оригинальное, чем отместить историю человечества, международное право, сложившееся на опыте десятков веков мировой истории? Нет, Войновичи не решились сразу «закрыть историю», как щедринский самодур Америку:

«Я не говорю, что ООН надо распустить. Пусть она остаётся такой, какой она есть. Но наряду с ней должно быть создано сообщество цивилизованных государств.... Кто будет определять степень цивилизованности? А вот сами цивилизованные страны пусть и определяют»

Просто и гениально! Ты меня уважаешь – мы с тобой уважаемые люди! Гитлер уважал Муссолини и, они сами определили, кто цивилизованные страны, а кто – нет, кого – в концлагерь, ежедневно докладывать о себе: «Я – грязный еврей Ромен Роллан», а кого в отцы народа – Виши и Петэна, где должны пройти границы рейхскомиссариата, куда выслать крымскотатарский народ, и на каком государственном языке, назвать Крым и Симферополь («Готтенланд» и «Готтенбург») с территориальной принадлежностью их тирольским немцам. И где расстрелять пленных французских и английских лётчиков после Дюнкерка – на пляже Алушты.

«К цивилизованным (это очевидно) относятся страны Европейского содружества, США, Канада, Япония, Австралия и ещё некоторые... эти государства, будучи наиболее сильными, имеют моральное право и возможность и должны взять на себя обязанность по установлению на Земле нового порядка».

Ну, тут и индюку понятно. Морально то, что по силам и возможностям. В гитлеровском рейхе бытовала песенка: *«Самые сильные звери кушают самые сладкие плоды».* Технологию власти на Земле Войновичи определяют лаконично: *«Цивилизованные страны, как взрослые люди по отношению к детям и лицам с ограниченной дееспособностью (ну, здесь прямо по писаниям Альфреда Розенберга и его делящего мир ведомства) должны взять полноту ответственности за общее поведение всех людей на земле. «Должны, да и только! Для введения в жизнь правил цивилизованного поведения и наблюдения за их соблюдением нужен международный суд».* (Петер Вайс в переводе Льва Гинзбурга, большого знатока фашистской психологии, это изобразил так: *«Для избавления населения от предателей, подстрекателей и приятелей подстрекателей»* в буффонаде *«Как гражданин Мокинпотт от своих бед избавился»*). Далее всё просто: *«посылаются войска быстрого реагирования, все стороны конфликта разоружаются, виновные в убийствах людей привлекаются к ответственности, как убийцы. Кем бы они ни были: генералами, премьер-министрами или президентами».* В 1937 году так и делали: *«посылали войска быстрого реагирования».* Лаврентий Берия, Особое Совещание объявляло какого-нибудь Вели Ибраимова или Султан Галиева, или Вавилова убийцей, бандой убийц, даже заставляли их самих в этом признаваться и каяться, невзирая на то – премьеры они или президенты, академики, или поэты.

Объявляли по закону и науке целые народы скопищем разбойников, варваров и предателей. Так же поступали конкистадоры в Америке, ку-клуб-клан в США.

Завершая характеристику международного всепланетарного ку-клуб-клана на страницах «Известий», видимо сильно истосковавшиеся по своему шефу, главе дипломатии канонерок А. Громько Полицейский из бывших диссидентов (ни на йоту не прегрешивший против истины своей юности) пишет:

«На такой территории по решению международного суда и на ограниченный срок может быть введено особое правление, вид опекуинства». Благо эксперимент уже проведён, и модель отработана на примере территории Крыма: «татарщина» изведена под корень, в ограниченный срок заполнили территорию «иной, более благородною породой», дело цивилизации восторжествовало. Такой же порядок установлен в Поволжье и Грузии.

«Разумеется, установление такого порядка потребовало от человечества больших затрат, но всё же гораздо меньше чем те, которые всё ещё идут на программу СОИ, на производство ракет...». Бесспорно, спецпоселения для депортированных вкупе с комбинацией затрат на колонизацию Крыма и на разграбление его богатства – всё это в представлении войновичей самый прибыльный, самый дешёвый вид присвоения и умиротворения. Так мыслили все отцы казарменного социализма от комбедовцев 20-х, до коллективизаторов 30-х, цивилизаторов 40-х в Европе, социализаторов 70-х в Камбодже. Только все эти почины и эксперименты все-таки носили локальный характер. Поэтому аналитические центры, прогнозировавшие варианты повышения устойчивости пирамидок и пирамид сочли необходимым и должным и далее не допускающим оттяжки провести эксперимент «на натуре», во всемирном масштабе. В эссе, получившем нобелевскую премию мира, идея цивилизации, разработанная в 1968 году прямо так и предусматривала, что СССР и США сократят производство своих ядерных ракет и другой убойной техники ровно на столько, чтобы можно было, объединившись против менее сильных государств, не имеющих возможностей и желания диктовать другим свои порядки, остановить там всякое стремление к социальному совершенствованию, поставив их на довольствование от щедрот великих, но и установив за ними опеку. Прямо указывались при этом – Индия, Китай, Афро-Азиатский мир. Уже почти доведя страну (и весь «соцлагерь») «до коммунизма», её хозяева раболепно запросили (через «диссидентов») пощады, вероломно указывая взамен на эту милость «безвольному Западу» на кого они готовы совместно наброситься. Провалившись в кубинской авантюре с ракетами, «освоив» целину, встав в противостояние с Китаем, вернувшись к испытанным методам тоталитаризма, водрузив на трон манекен в мундире и сразу получив подавление пражской весны, пирамида поняла, что равновесие

не восстановить, если не объединить эту падающую пирамиду, если её не интегрировать в более мощный и глобальный блок.

Но доброжелательный и альтруистический Запад не спешил. Впереди ещё ждал «десант», затем новые убойные средства и системы, парализующий экономику Афганистана, который должен был доконать и экономику и политическую систему, и общественную мораль, и окончиться полным крахом Союза.

Именно в этот момент и раздаётся с политической панели новый вопль, предлагающий, Христа ради, осколки страны в мировые жандармы, ещё не в бандиты, но уже в полицейские. Через кого, как не через бывшего диссидента это лучше сделать?! И чьими руками, как не руками козырного диссидента, все струны смутной души и судьбы которого находились во власти музыкантов и настройщиков, можно было повести Грузию под откос, через братоубийственную войну к восстановлению устойчивости старой пирамиды на новых руинах? Да и нуждается ли альтруистический Запад в новых криках «Караул, грабят!» и рецептах диссидентов по тушению пожара и поимке злоумышленников цивилизации, если Запад и не выпускал из рук этой клавиатуры и может только посчитать нужным, или посчитать не нужным разыграть любую партию с любой ноты – в кредит или в порядке благотворительности? Или клич «Держи вора!» рассчитан на внутреннее потребление? Войнович поясняет: Карабах, Приднестровье, Крым. Да ещё Белфаст и Югославию. Что до Белфаста, то войновичей в этот калашный ряд и близко не допустят, дураков нет. А вот Югославию, это точно: таким же макарон войновичи хотят пригласить делить и Крым:

«Если смотреть правде в глаза, то надо признать, что спор между Россией и Украиной из-за Крыма и Черноморского флота самими заинтересованными сторонами не разрешим, каждая сторона может представить тысячи доводов в свою пользу, и каждая будет права. Спор не разрешим и, безумцы с двух сторон надеются решить его с применением боевой мощи ЧФ».

Не знаем, где растут глаза у войновичей, но правду они хотят смотреть не с того конца. Если каждая из «сторон» права, отстаивая свою «пользу» и этот спор не разрешим, то ведь и новые участники спора найдут Крым полезным и для себя. Они тоже могут представить тысячу доводов в свою пользу и тоже «будут правы».

Действительно, спор сторон, заинтересованных в щедротах чужой земли, аннексированной у третьей стороны, которая по средствам тягчайшей акции геноцида-депортации и уничтожения в спецпоселениях, принудительной ассимиляции и перманентного тотального ограбления выведена из-за стола переговоров – такой спор хищников неразрешим иначе, чем в кровавой схватке. Так его можно разрешить только до следующего передела, когда

проигравший претендент на даровой кусок поднимется с колен и ударит сильнее неудачливого конкурента.

В Крымском вопросе, как и в любом ином, должны вступать в силу общие для всего мира чёткие понятия незыблемости очагов человеческой цивилизации, источников языка, культуры, традиции, то есть их носителей. Очаг живёт, пока сохраняется компактность основного, материнского ядра, разрушение которого ведёт к деградации и затуханию источника.

Вот это ядро нации и является единственной заинтересованной стороной, потому что нигде более на планете он не существует. Это не означает пренебрежения жизнью, правами меньшинств и отдельных граждан иных этносов. Это нисколько не умаляет задач сохранения, сопряженных с этой территорией каких-то транзитных путей мировой цивилизации, связей и проблем.

Но как можно пренебречь жизнью маленького, но существующего волей истории народа, вовсе игнорировать его и предпочесть кардинальному принципу цивилизации обустройство спора Украины и России вокруг груды железа, начиненного смертоносным и опасным для всего мира грузом? Как можно философии жизни предпочесть философию суперфашизма, увязав с Крымом притязания Москвы и Киева на превращение Крыма в стратегический плацдарм, дачу для элиты их имперских пирамид или как объект выкачивания налогов? Ведь этот спор ни как не может быть отнесён к спору демократов и патентованных диссидентских декламаций о цивилизации – разве борьба за демократию и борьба за мандат на управление территорией и за фискальное право – это одно и то же? Разве забота о судьбе русской диаспоры в Крыму (если Крым признавать входящим в Украину), даже закрыв глаза на то, как эта диаспора в Крыму очутилась, совместима с игнорированием того факта, что крымскотатарский народ гибнет рассеянный в изгнании? Только признание необходимости полностью и, безусловно, восстановить национальную целостность, права и состояния крымскотатарского народа, бережно и в духе давно и универсально отработанных международным сообществом механизмов защиты прав обеспечить равноправие всех меньшинств и каждого гражданина независимо от его национальности даёт ключ к радикальному и абсолютному решению конфликта. И для этого не только не нужно, но и абсолютно не уместно и противоправно подключать Германию в качестве арбитра, напомнив, как министр колоний Линдеквист в 1914 году и фашистские стратеги в 40-х годах планировали очистить Крым от татар, заселить тирольскими немцами и германизировать, а Всемирный немецкий экологический союз и сегодня планирует превратить Крым в Готию, в место королевских охот единого Германо-Украинского Королевства?

Очень любопытны нарекания войновичей по адресу ООН: *«в ней большинство принадлежит режимам, для которых насилие есть главное условие собственного существования».*

Действительно, то время, когда ООН была организацией, главным условием которого было обустройство над миром двух сверхдержав, прошло. Прошло время, когда можно было расчлнить надвое Германию, Корею, Вьетнам, Йемен, безнаказанно вламываться в Гватемалу. Уже бойня в пустыне более заслуга предательства Горбачёва и его команды, нежели расстановки сил в ООН.

И вот, когда стало ясным, что монополии двух супердержав приходит конец (не в последнюю очередь в преддверии краха одной из них), появилась как политическая концепция, высказанная ещё Каутским «идея мирового Правительства». Когда крах стал свершившимся фактом и, манипулировать миром не удастся с такой простотой и непреложностью, через двойного агента предлагается создать узкий круг хозяев мира, оснащенный силами быстрого реагирования, мировой жандармерии.

Идеи Войновича-92 – это забытое прошлое. В 1945 году идеологом советизированного фашизма Петром Павленко в эссе «Прага-Берлин-Вена» и в романе «Счастье» они были уже высказаны устами символического героя слависта Божидара Войновича. «Сожрать с костями Вену», уничтожить Австрию – «инородный массив в славянском теле», «прибить щит на вратах Цареграда», «стереть с лица земли Париж», захватить у Турции проливы и прилегающие к Грузии и Армении земли, подмять под себя Адриатику, учредив Крым форпостом такого «нового порядка». Войнович-45 – это божий дар от войны и предназначен для полумирового господства. Войнович-92 – это посол мирового господства, цель – владеть всем миром. Божий дар Войнович, как восходящая звезда мифологичен и героичен. Владимир Войнович реален и дегероизирован и более подходит на завершающую карьеру старого сутенёра.

Вырождение диссидентства в имперскую прислугу – непреложный феномен пирамидальной модели власти, вошедшей в неразрешимое противоречие с цивилизацией. Такие последние из могикан, как Елена Боннэр, Ю. Власов, отказывающиеся «резать последний огурец» во всеобщем похмелье имперской «цивилизации», выглядят некими белыми воронами среди ставших президентами, покрытыми французским лаком послами, председателями ничего не делающих Комитетов, вальяжных интервьюеров, советчиков и просто прихлебателей новых господ положения, – бывших мучеников идеи. Этот феномен был ещё на заре века отслезен гениальным Караджале в образе молодого «бунтаря» студента и вождя студентов Кориолана, скоро ставшем начальником румынской тайной полиции. наших отечественных Кориоланов можно было бы назвать котятками маэстро полицейской интриги Андропова. По аналогии с известными «тигрятами Керенского». Те хоть просто стали бандитами, избежав карьеры полицейских.

Коварство выбора диссидентов-мучеников для политической провокации – внедрения полицейских идей в общественное сознание в России основано

на одной нашей особенности отечественной психологии – любовь к юродивым, пьяницам, мученикам, шутам и скоморохам. По этой причине при пересчёте вариантов на послесталинское правление выбор пал на Хрущёва, а после него на Брежнева. Первый всегда в народе считался шутом и такую роль при Сталине и играл. Так что голосование по трибуне ООН ботинком – это не признак скотского воспитания, а напротив экстаз политического самоотречения и тонкой политической интуиции балаганного актёра в роли народного царя, про которого сразу запели песенку: «Хрущёв играет на баяне, а Брежнев пляшет гопака. Всю Россию проиграли два весёлых дурака». Помирать так с музыкой. Второй обыгрывал «монументальность», рядился в маршальские костюмы, увешивался побрякушками, целовался, играл бровями, в «малую Землю» и «Возрождение», короче всё доводил до абсурда и тошнотворной карикатуры и, соответствующие службы и режиссёры тщательно следили за соблюдением этой церемонии маскарада. Горбачёв неуловимо соединял в себе искусство обоих.

Перерождение диссидента Войновича является трагическим следствием, что диссидентство в силу своей малочисленности и рассеянности по стране, не могло сложиться ни в организацию или в партию, ни, тем более, в движение. В силу практически «штучного» характера оно даже внутри себя самое осталось по существу вне критики, живого обсуждения. Практически никакой обратной связи с народом, тем более что публикации, если они были, то на Западе, за кордоном, причём, нередко к моменту публикации автор уже был упрятан за решётку. Отчаянно конспирируя (по иронии судьбы большей частью сами с собой), целиком находясь в заложниках режима «окон» на границе и режима контроля агентурой спецслужб заграничными органами информации (и внутри них) диссидент обречён был потерять реальное представление об окружающем мире, витая в иллюзорной схеме, а ля Савенков. За взаимными горячими клятвами, возвышенными идеалами, величайшими мучениями и подвижничеством сразу же начиналась густая чернильная тьма, скрывавшая реальность, – скрывавшая мощную систему полицейского сыска, вербовки, провокаций.

Чуть лучше обстояло дело, пожалуй, на Украине, где диссидентское движение сосредотачивалось вокруг национальной идеи и потому имело несравненно более глубокие корни во всех слоях общества. И всё же, несмотря на много большую демократичность и сплочённость диссидентства в признании национальной проблематики (любой, кто выступал против системы – был не мил) именно в структуре диссидентства андроповская кузница ковала кадры для диверсионной работы в будущих «народных фронтах», «интердвижениях» и пр. Классическим примером явилась Грузия, где была задумана, а потом безукоризненно проведена операция, предвосхищённая в фильмах «Берега» («Дата Туташхия»), хотя вместо благородного абрека был соватан грузинам также апробированный политической практикой империи некий ана-

лог и гибрид Шаин-Гирея и Хафизулло Амина. А когда Грузия окажется в развалинах и на грани гражданской войны – восстановить там пирамиду со старой головкой и загнать джинна свободолюбия обратно в бутылку.

Создать для «националов» пустоцветных кумиров, которым потом будут отданы на глумление и одурачивание, нерусские народы, позволял тот факт, что диссидентство ушло от серьёзной разработки теории национального вопроса, по сути дела упустив важнейший для Союза аспект проблемы демократии. Кроме, пожалуй, А. Костерина и Писарева, встречавшихся с этой проблемой в прошлой своей политической практике. Признание национальной проблематики шло не дальше личных симпатий или антипатий, а единственным теоретическим яйцом, высиженным в этой связи – благопристойной уверенности, что признание гражданских свобод решает всю проблему – вывод, который преспокойно вошёл и в подготовленную предсмертную программу КПСС.

Национальное движение крымских татар, формировалось на принципиально иных, чем диссидентское, организационных принципах. Прежде всего – это была (и остаётся) широкой всенародной инициативой, основанной на полнейшей гласности при выработке любых своих концепций, представлений и конкретных инициатив, которые с первых мгновений становились объектом столкновений мнений, интеллектов, взаимной критики, обсуждения по всей географии расселения и по всему социальному срезу народа, объектом ожесточённых атак идеологии системы в партийных и карательных кабинетах. Природа и происхождение той или иной политической позиции вычислялась не просто аналитически, но в совокупности всех жизненных реалий её носителей. Скрыть, слукавить, мистифицировать в народе, особенно в тех условиях, когда система ещё не могла прибегнуть к тотальному механическому переворошению людей между местами поселений, было практически не возможно.

Открытое для критики, восприятия новых идей, чутко следящее за политической трибуной современности, внимательно изучающее прошлый и текущий политический опыт национально-освободительной борьбы и демократических идей, напряженно анализирующее тенденции исторического процесса, НДКТ с первых шагов, хорошо зная повадки спецслужб, отсекло попытки политического менторства и организационного вмешательства, с чьей бы стороны они бы не исходили. Первоначально это весьма нервно было воспринято в диссидентских кругах, буквально ошеломленных размахом мощной и стройной системой инициативных групп, махалинских собраний, городских, областных, республиканских и всесоюзных встреч, системой представительства, общенациональных обращений и информации-отчётов о работе НДКТ, системы, опереться на которую, конечно, было соблазнительно, опереться организационно. Однако в итоге нескольких откровенных об-

менов мнений, диссидентские круги в Москве, а затем и в Киеве отказались от искушения редактировать наши документы, диктовать: о чём, как и кому писать, какие инициативы предпринимать национальному движению, ограничив своё опеку над несколькими лицами, втянутыми в их орбиту. Вместе с тем и интерпретация крымской проблемы на Западе, куда естественно, НДКТ не имело и по сей день не имеет выхода, интерпретация там самого движения попало именно в руки диссидентов и всего процесса их трансформации от костериных, до войновичей. В итоге такой интерпретации вышла (и не могла не выйти) старая знакомая – пирамида, – героическая личность а-ля Гамсахурдиа с несколькими нукерами на фоне безликой, но выполняющей указания героя и пророка толпы. Когда приспичит – героя заменят другим, толпу помнут танками, но пирамида останется.

Полемика вокруг «Зелёной книги»

31 марта в № 5 «Арекета» (информационный вестник НДКТ) под рубрикой «Политические аналогии» опубликована рецензия на «Зелёную книгу» Муаммара Каддафи. В рецензии дан анализ политической части «третьей мировой теории» и указывается, что доктринальная часть модели политической власти народа, а не власти от имени народа, «модели Каддафи», характерной отсутствием политической чиновничьей иерархии удивительно близко подходит к модели, реализованной в феномене национального движения крымских татар. Одновременно указывалось, что в модели Каддафи ясно прослеживаются те же мотивы, которые были выработаны великим просветителем Востока Исмаил-беем Гаспринским. Сам Исмаил бей выработал некоторые критерии устойчивой социально-политической конструкции на основе анализа о разительной стойкости мусульманской общины в самых неблагоприятных условиях окружения. Попутно заметим, что представления Гаспринского по этому предмету воплощены в настолько монументальную систему, что их анализ не может быть уложен в рамки настоящего эссе. Эта система включает в себя два политических трактата («Русское мусульманство» и «Русско-восточное соглашение», – 1881 и 1894 г.г. соответственно), два романа по проблемам совершенного социально-политического устройства («Дар ур Рахат» и «Сто лет спустя. 2000 год», написанные с разрывом в четверть века), цикл «Социалистическое учение» и группа полемических статей, которые можно обобщить под рубрикой «Россия и мусульманский мир».

Фатальная предрешённость всех исследований, в которых авторы пытались оценить феномен Гаспринского в обсуждаемой проблеме объясняется существенным несоответствием масштабов исследуемой системы и модели, которую в состоянии построить исследователь, выработавший критерии исследования.

Эти пояснения нужны были для того, чтобы, во-первых, не могло возникнуть заблуждений на счёт глубоких исторических корней, теоретических представлений НДКТ как внутренней объективной инициативы народа. Во-вторых, – что теоретическая оценка оказавшейся в поле зрения НДКТ «третьей мировой теории» позволила сделать вывод о независимом появлении на другом континенте идентичных представлений, которые, при сопоставлении в рамках пока чисто формального анализа их в интерпретации самого М. Каддафи, наводит на мысль об определённой закономерности совпадения. При этом «Арекет» указывает, что теоретическая схема, отклоняющая пирамидальный, чиновничье-иерархический принцип формирования и реализации инициатив – это одно, а «реальное функционирование модели много сложнее, наполнено сильно действующими обратными связями». И что именно весь полувековой опыт и итоги деятельности НДКТ заставляют со всей серьёзностью отнестись к анализу явлений, скрытых под оболочкой «Зелёной книги».

Этот совершенно случайный факт (то, что в поле зрения попала и была прорецензирована «Зелёная книга») видимо, вызвал лёгкий переполох. 02 мая 1992 г. трибуна и рупор ОКНД «Авдет» поместила обстоятельную полемическую статью «Ливийский опыт. Идеалы и практика». Не имеет никакого значения фамилия формального автора ответа, даже если она такая же «говорящая», как скажем, «Овсов». Говорящим является то, какие службы подают теоретические установки через «Авдет» и проявленная ими нервозность.

В стиле этих служб статья наполнена советами и рецептами Национальному движению, вызывающие ассоциации с курочкой Рябой, получившей установку снести золотое яичко, но для этого непременно сесть в нужное лукошко:

«И если уж ориентироваться на зарубежный опыт, то для этого не нужно копать в сомнительных ливийских экспериментах, а вплотную изучать турецкий путь эволюции к динамичному процветающему обществу, с быстро-развивающейся экономикой и высоким потенциалом духовного возрождения нации».

Как ни курьёзна мысль, что НДКТ и вообще политические силы индустриального общества обратились бы к опыту обустройства ливийских бедуинов, предписание «Авдета» недвусмысленно указывает на существующее, предустановленное табу даже проявлению познавательного интереса к происходящему в этой зоне Магриба и делается это с категоричностью, сравнимой с квалификацией законодателем «заведомо ложных измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй».

Ну, Бог с ним, «ливийские эксперименты» объявлены заведомо сомнительными. Но ведь и турецкий путь стал возможен только на базе младотурецкой революции и в последующих, вплоть до геополитических комбинаций во II мировой войне отнюдь не революционных процессов. Ими тоже

интересоваться не рекомендовано. Да и турецкий путь эволюции окажется самомистификацией вне всей той глобальной системы противостояния двух блоков, которая характерна, кстати, многократно остановленным (не по внутренним закономерностям) Ираном на пути к демократичному, процветающему обществу, Египтом, Ираком, не говоря о Крыме и Кавказе.

Эта откровенная идеологическая цензура, идущая на фоне яростной травли, дискредитации и военно-карательного подавления ливийского эксперимента, «багдадского вора» силами быстрого реагирования элиты, претендующей на клуб цивилизаторов планеты, а потому присвоившей себе функции и прерогативы мировой жандармерии и держателя презумпции истины истории, с головой выдаёт своё происхождение, знаменует начавшееся широким фронтом наступление за решительный передел геостратегической карты планеты. Выиграть должен тот, кто, по закону джунглей, готов присоединиться к стае, набрасывающейся на то, что плохо лежит, зазевалось, не отмобиловало внутренних ресурсов, попало в ловушку интриги. Победить рассчитывает тот, кто успеет вовремя предать своего бывшего партнёра, как Каин Авеля и перейти туда, где пока ещё имеется перевес.

Статья в «Авдете» начинается трагедийным панегириком историческому опыту национального освобождения, облегчающему выбор стратегии, так что позволяет «создание теоретических конструкций, признанных объяснять происходящие перемены».

Получив такой рецепт предмета теоретического исследования и оценённую выше инструкцию – что следует (из происходящего и произошедшего) «объяснять» и переживать, а от чего приказано воздержаться, можно было бы избавить себя от необходимости читать все остальные параграфы высочайшего повеления. Это классический пример всей прошлой советской историографии: объяснять, пропагандировать и вдалбливать в неразумные головы великие предначертания партии, – Старой площади и Лубянки.

Вместе с тем, задачей подлинной историографии, действительно суверенных политических сил на основе анализа объективных закономерностей составить адекватную теоретическую модель, вооружившись которой можно действительно предотвратить многие издержки субъективного фактора в истории, слепой стихии самоуничтожения цивилизации, происходящего в силу синдрома: «Насмешка жизни над бессилием мысли».

Выступая через «Авдет» спецслужбы дают любопытную, но грешащую явной тенденциозностью и передёргиваниями, схему «ливийского опыта» (видимо по материалам какой-то закрытой диссертации или аналитической справки). Например, квалифицируя «Зелёную книгу»: «Каддафи не затрудняет себя анализом западной демократии». Да действительно, самого анализа Каддафи не приводит. Но такого анализа тем более не дают авторы окрика, которые ссылаются на «сложные связи, поддерживающие в состоянии равновесия и взаимного контроля систему разделения власти» в странах Запада.

Не знаем, где располагаются всевидящие глаза у спецслужб, но на данную проблему они глядят как соцреализм на обожаемого кривого царя.

Политическая стабильность в любом государстве обеспечивается за счёт двух факторов:

- ***внутреннего (сбалансированность производства и потребления) и***
- ***внешнего (эквивалентность цен на экспорт и импорт).***

Причём, доминирующим является внешний, ибо неэквивалентный обмен моментально дестабилизирует внутренний фактор.

Страны Востока, как Ливия в дореволюционный период, пока они не попадают в колониальную зависимость, особенно пока в их недрах не обнаружены: нефть, алмазы, уран и другое стратегическое сырьё, даже при крайне низком уровне производства и потребления – это довольно стабильные пирамиды. Они даже не лишены элемента плюрализма политической системы. Вот как её характеризует статья в «Авдете»: «Ливийское общество состояло из более сотни племён, в которых власть сосредотачивалась вокруг шейхов. Кроме того, влиятельное братство сенуситов...». Добавим: кроме того – королевский режим. В таких обществах система разделения и взаимного контроля властей намного сложнее, деликатней и оснащена не менее универсальным механизмом догм, ритуалов, предрассудков и политического маскарада для оглушения масс, чем на Западе.

Бесспорно при этом, чем ниже уровень производства и потребления, тем больше удельный вес в этом механизме стабилизации и взаимного контроля играет аппарат подавления, знаменитый «восточный деспотизм». Как правило, он зиждется на клановой структуре. Только повышение богатства общества – уровня производства и потребления, приводящее к усложнению социальной структуры общества способно значительно ослабить значение кланового фактора и приводит политический спектр к современному виду.

Но на чём зиждется высокий уровень производства и потребления «богатых», «европейски цивилизованных стран, как на неэквивалентном обмене, а, говоря откровенно – на нещадном ограблении таких стран, как Ливия, Иран, Ирак, да той же Саудовской Аравии, всё благосостояние которой основано на расхищении её сырьевых богатств доверчивым, безвольным, альтруистическим Западом с одной стороны, большим другом Африки – Советским Союзом – с другой? И разве всевидящие спецслужбы глядят на Запад любовным глазом соцреализма не потому, что туда за бесценно уплывают в неэквивалентном обмене сырьевые ресурсы раздолбанного Союза; начальники бывших политических департаментов которого, вдруг стали удивительно смахивать на ливийских шейхов, таскающих друг друга за бороды, за право скорее распродать, сбывать по дешёвке или «под просто так» иноземным инвеститорам? Потому, что если не распродавать себя, то не поддержанная Западом пирамида рухнет и придавит под обломками и сами, ставшие никчёмными, спецслужбы.

Что означает на несколько пунктов снизить цену за баррель нефти, или сбыть за нефтедоллары военную технику с атрофированным электронным управлением, или о вручении кода управления потенциальному противнику? Это означает взорвать политическую систему, экономику, задышающееся бывшее королевство и не оставить ему альтернативы – либо гибель, либо диктатура, сминающая «аристократические» институты разделения властей, ибо единственной властью иначе станет голод и саботаж.

«Новое мышление» внешней политики – непреложная составляющая «перестройки», которую «боевой отряд» совсем было собрался делать в 1973 году, но потом передумал (авось пронесёт). Непреложной частью «нового мышления» является такая трактовка цивилизации, которая для Советского Союза и в равной мере – для его правонаследующих обломков моральное право на роль бириновского «языка», приносящего в оговорённом случае зловещий пароль: «Слово и дело!».

В «соцлагере» это производилось от имени «общего интереса» (в отношении Венгрии, Чехословакии, Польши). Ещё ранее – в отношении то же от имени «общего интереса» приговорённых к распотрошению народов Крыма, Кавказа, Поволжья, Балтии и Приморья. В стадии «нового мышления» – для старта «битвы в пустыне». Кто следующий: Югославия, Белфаст (по Войновичу) или Крым?

Таким образом, страна, даже если она соответствует кондициям, которые в представлении имперских холуев имеет вполне уравновешенную систему разделения и контроля власти, в два счёта при определённых внешних условиях доходит до полного краха экономики и до полнейшего одичания и варваризации и сатрапизации политической жизни. Такова цена, истинная цена, самых распрекрасных, казалось бы, «аристократических» институтов цивилизованной демократии, как только эти институты теряют из-под ног почву – эффективно работающую экономику, нефтедоллары, или иностранные кредиты.

Именно на это ярко, пронизательно и безжалостно указал М. Каддафи в «Зелёной книге». Является ли это плодом собственного аналитического ума, или обобщением философской и политической мысли Востока, тщательно прорезинировавшей механику западной цивилизации (например, работа И. Гаспринского «Беспристрастный взгляд на европейскую цивилизацию» в последней четверти прошлого века), не имеет особого значения. Во всяком случае, карательные экспедиции против Ливии, яростная травля её «сомнительного эксперимента», теряющие от бешенства свой цивилизованный лоск, президентами и премьерами тысячекратно более могучих держав, призывы брызжащего слюной Войновича и злобный писк «Авдета» – говорят, где собака зарыта:

«Цель образования партии – создание орудия правления народом, ибо партия зиждется на деспотическом авторитарном принципе подчинения народа партии». (М. Каддафи).

Ну, хорошо, Каддафи – «парень с улицы», «самовлюблённый бандит». Но:

«Собственно партийной номенклатуры... никогда не существовало. Реальность жизни иная, единственный номенклатурный клан, контролировавший все институты власти – партийных, государственных, хозяйственных..., криминальное государство значительно устойчивей своей партийной надстройкой». (П. Вошанов).

«Теория, признанная оправдать диктатуру партии, является основанием для оправдания любой диктатуры». *«Партия, создаваемая определённым классом, постепенно подменяет собой этот класс, а в дальнейшем – класс, противостоящий её классу».* *«Класс, который отчуждает собственность чужого класса, и овладевает ею, чтобы удержать власть в своих руках, обнаруживает, что эта собственность оказывает на него такое же воздействие, какое она оказывала на общество в целом».* *«Количество партий не меняет существа дела. Более того, чем больше партий, тем острее между ними борьба за власть, что сводит на нет, завоевания народа».* (М. Каддафи).

Бывшие партийные «теоретики» здесь, конечно, завопят о подлоге, – дескать, НДКТ явно намекает на КПСС и СССР, тогда как чубарые (рябые – псевдоним спецслужб, статья в «Авдете» подписана «Эльведин Чубаров»), имели ввиду западные демократии. Нет, – шахтёрская забастовка, потрясшая Англию, санкции против Ольстера и агрессия против Мальвин с достаточной убедительностью показывают уязвимость механизма стабилизации и призрачность его демократичности. Если бы Британия в такие моменты была поставлена в сходные с Ливией международные условия, трудно было бы поручиться за исход.

Но ведь политические конституции каждой страны с роковой неизбежностью повторяют в себе менталитет всей истории её развития. Конюшно-родительского дома не так просто выветрить французскими грамматиками. Две испокон веков сатрапии – Россия и Китай, где кнут был главной идеей государственности от династии к династии, имманентно не располагали к диалектическому сдвигу в политическом самосознании даже верхушки авангардных политических сил, обладающей достаточным кругозором и интеллектом.

Рабский, царистский менталитет нашего общества весьма толково осветил один из певцов тоталитаризма в период застоя Ф. Нестеров («Связь времён») и его литературные спарринг-партнёры, такие черносотенцы, как В. Чивилихин, В. Пиккуль, В. Распутин и др. Не могла свить себе сколько-нибудь про-

сторного гнезда идея свободы и в большевистской партии. Достаточно сослаться на двух столпов идеологии насилия как Троцкий и Сталин. И вместе с тем в замысле, в формальном анализе большевистская схема не только имела необходимые институты демократического контроля над властью (впрочем, при самом зарождении выхолащивавшиеся в виду объективных обстоятельств, но ещё более под благовидными ссылками на оные). Но в неё были внесены такие диалектические сдвиги, как принцип равенства и самоопределения наций, в принципе подрывавший пирамиду мировой иерархии, один из фундаментальных способов незаконного присвоения и наживы.

Непомерно глобальный объект эксперимента, груз старых предрассудков и стереотипов внутри самой партии реформаторов, в которых, как только они дорвались до власти, сработал инстинкт сатрапа и насильника, непременно оживляемый, модулируемый в партийной схеме, как в резонаторе.

Правомерное перенесение марксовских разработок по вопросу о собственности в принципиально иную модель, – одного этого было вполне достаточно, чтобы запустить спонтанный механизм возрождения пирамиды тоталитаризма.

Аналитически это бесспорно просчитывалось с определенной долей вероятности даже заранее, что подтверждает гениальная работа Исмаил бея Гаспринского «Социалистические учения» («Герджиман», 1906 г., Бахчисарай), проистекала, во-первых, из совершенно определенного преобладания идеалистического фактора в материалистических штудиях большевиков. Но не меньшим идеалистическим кретинизмом является повальное «обличительство» большевиков в авантюризме, в злом умысле уничтожить Отечество и пр.

Вся эта орава «лучших» партийных теоретиков и функционеров, составляющая нынешний «демократический» костяк, оболванивающий народ этими воплями, не замечает того курьезного положения, что в совершенно сходной ситуации сама оказывается бессильной воплотить в жизнь вполне выполнимые, казалось бы, и самые благие и верные свои рецепты спасения катящегося под гору воза с горшками. В силу огромной инерциальности общественного сознания и одновременно почти безинерциальности направляемого эмоциями взрыва энергии масс, инерциальности процессов производства, движения ресурсов, финансов и товаров, в такие моменты истории изменить что-либо практически невозможно. Нужен гениальный мыслитель (это иногда случается), нужна гениальная система исполнителей на местах и во всех узловых точках (чего не бывает никогда). Поэтому в такие моменты самым «гениальным» оказывается диктатор с командой (партией, хунтой) нерассуждающих исполнителей. Или нужна принципиально иная система стабилизации.

Собственность, реквизируемая у имущих классов и сконцентрированная у обезличенного собственника-государства, как это чётко сформулировал

Кадафи, а особенно собственность, наворованная и тайно складированная партией, не могла в определенный момент не заговорить, заглушая партийные увещательные псалмы с трибун. И она заговорила, причём, её собственниками непреложно стали члены номенклатуры, нувориши из числа варившихся недавно в партийном, административном и государственном котлах. Старые политические институты «уравновешивания» и построенные по старым рецептам новые, подобны Гдляну и Иванову, уволенным из Прокуратуры или кастрированным быкам производителям. Циркулировать в сфере производства новая (получившая хозяина) собственность ещё не может, потому, что вся надстройка сформирована по иной схеме. Поэтому, – «С новыми гимнами, под новыми флагами новая номенклатура» и «подконтрольная ей экономика будет становиться всё более мафиозной» (П. Воцанов).

Для предотвращения катастрофы им остаётся уповать на то, что стабильная, многократно более мощная пирамида не взяла их на абордаж и построила, хотя бы на время распрядала некое подобие своё на развалинах Союза. Поэтому воровство, распродажа краденного и коррупция идёт внутри развалин, между развалинами и ещё больше уплывает за рубеж. Поэтому и появился манифест войновичей, почувствовавших палёное ещё треть века назад. Поэтому и занялись поиском «цивилизованных» и не достойных быть таковыми, кого можно отдать на растерзание среди своих и среди соседей, отсюда готовность записать в рейнджеры и жандармы «наших».

Развитие цивилизации немислимо без выработки подлинно планетарной теории, учитывающей весь прошлый, прожитый человечеством исторический опыт, бесспорно доказывающий, что количественная модернизация пирамидально-иерархической модели, перестановка и перегруппировка пирамид в схеме деления на принцев и париев цивилизации, идущая от начала счисления, бесперспективны.

Они попеременно берут за основу то монархический, то теократический принципы, то заменяют их скроенные по их образцу и подобию идеологические догматы, то геополитические выкладки, то расовые представления. Но в любом случае – это пирамида, цепочка пирамид, последовательность «новых Римов».

В основе «третьей мировой теории» Кадафи – в модель прямого народо-властия – «народного самоконтроля» положен, фактически, принцип движения.

Эта модель в известной нам истории наиболее полно сложилась и в исключительно трудных и свирепых условиях тоталитаризма наиболее длительный период существует и решает стоящие перед ним задачи именно в СССР, а с его развалом – в трудноопределяемом СНГ – это Национальное движение крымских татар. Она не сложилась ещё как модель государства, хотя первые шаги в этом направлении уже были сделаны – в СССР раздавить

этот эксперимент оказалось несравненно проще, чем цивилизованным принцам и принцессам расправиться с «сомнительным ливийским экспериментом». Поэтому, рассмотрим элементарное звено модели – НДКТ, которое, безусловно, смогло выявить все её коренные особенности, повторяем, пока только в одной сфере – политической борьбы. Находящиеся около полувека под огнём всех батарей имперской системы, это Движение отстояло уже свои позиции и в теоретических процессах и в самой политической практике тем, что оно выстояло. Модель новой организации политической борьбы в форме Движения строится вокруг бесспорных для охватываемых им политических сил (в данном случае – для крымскотатарского народа) целей, и задач. Эти задачи сформулированы в программном документе – Наказе народа. В конкретном случае – это всего четыре пункта, оформляющие программу восстановления национальной целостности, прав и состояний депортированного и расчленённого на высылке народа в пределах его национальной колыбели и в формах, обеспечивающих его самоопределение. Оно формулирует единственный (уставной) пункт Наказа, определяющий равенство каждого представителя и его полномочность только в случае признания и осуществления им первых четырёх пунктов Наказа. Оно осуществляет свои инициативы исключительно по принципу гласности и открытости, обязывая каждого представителя и любые их группы к подотчётности перед народом. Доверие народа является высшей и единственной формой его полномочий, представитель подотчётен только народу. Его деятельность: не ограничивается ничем, кроме пунктов Наказа и норм цивилизованного общества.

Движение формирует инициативные группы во всём объёме своего носителя (в данном примере – крымскотатарский народ), подотчётные народу. Поскольку у народа, как общности нет иной задачи, кроме сформулированной в Наказе (без её выполнения он погибнет как таковой), никакой иной цели у инициативных групп, подотчётных народу нет. Выработка идеи и формирование инициатив осуществляется встречей представителей.

Поскольку народ представлен всем спектром социальных, профессиональных интеллектуальных и половозрастных уровней, представители являются единомышленниками только в узком понимании слова, только в рамках цели, определённой Наказом. Следовательно, по любому обсуждаемому на встрече вопросу сталкивается весь наличный спектр политических мнений и интеллектов, жизненного опыта и любая инициатива, предложение обсуждается и отрабатывается до тех пор, пока не будет признана наиболее оптимальной с точки зрения цели... Решение считается принятым только тогда, если и пока не отведены сомнения в объективности и адекватности его. Встреча, таким образом, даёт самой себе задание и ставит сроки его выполнения, информируя всё Движение об этом. Наиболее важные масштабные задачи перед всем движением вырабатываются на республиканских (всесоюзных) встречах, организационным принципом которых является единствен-

ный – оглашение об их проведении и примерный круг вопросов, время и место. Ничьего разрешения или указания для проведения встречи не требуется, никаких ограничений административного порядка не существует, поскольку никто в Движении никакими административными полномочиями не обладает. Никаких авторитетов, кроме авторитета довода и доказательства не существует. Добровольными взносами народ финансирует только организационные расходы (оплата бумаги, проезда, почтовые, изредка минимальные суточные, изредка – помощь семьям репрессированных). Движение не собирает с народа дань или налога по образцу и подобию наёмников. Ибо это – внутренняя инициатива самого народа, который не осуществи он целей своего Наказа представителям – погибнет. Никого, кроме адвокатов на судебные политические процессы против него, Движение не нанимало. Ибо если народ не в состоянии самостоятельно вести свою политическую линию, то он не жизнеспособен. Движение не принимало никаких дотаций со стороны, ибо любые дотации, как и поводыри-Сусанины, чреватые политической зависимостью. Крым стоит чересчур дорого, он привлекает алчные взоры многих соискателей его богатств, которые не поспуяются на различные виды подкупа – от подачек и презентов какому-либо татарскому Чомбе или Музорева, Бабраку Кармалю или Гереку, как Колумб, не жалел бус, серёжек, зеркалец и прочего «гарбиша» папуасам, присоединяя их земли к Короне.

Исполнение Наказа в принципе не исчерпывает Движение. Принятие Парламентом страны, выработанных Движением принципов, Декларации о полном и безусловном восстановлении в правах депортированных народов, и конкретно по крымскотатарскому народу программы восстановления национальной целостности, равноправия и государственности, позволяло полагать, что по завершению переходного периода цели, изложенные в Наказе, будут выполнены. Существенный круг политических задач, стоявших перед движением – заставить криминальное государство осудить и отказаться от своего плана – «Крым – без крымскотатарского народа» – оказался выполненным. Оставалась (как казалось в 1989 году) только задача переходного периода. Политическая часть сводилась к правовому обеспечению процесса и восстановлению структур Крымской АССР, и делегирование в них представительного депутатского корпуса на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права. Движение, таким образом, оказывается исчерпывающим само себя, а его участники на общих основаниях и при наличии желания могли быть выдвинуты кандидатами в депутаты. Оставались ещё (точнее, возникали) проблемы возвращения и возрождения всех сфер и структур народа как общности.

Поэтому Национальное движение крымских татар выработало представления о «мозговом центре», и провело три встречи мозгового центра, организовав их работу по принципу движения (секции строителей, медицины, просвещения, экономики, сельского хозяйства, права). Идея сразу и активно бы-

ла воспринята, несмотря на то, что в силу полувековых тотальных репрессий именно специалисты высокой квалификации получали возможность становиться таковыми только при условии неучастия в движении. Были выработаны в рамках мозгового центра концепции восстановления национальной школы (проекты концепций), программы первоочередных мер по организованному возвращению, концепция развития в этой системе кадров крымских татар, наметки такого плана в сфере сельского хозяйства, концепция новой экономической модели в Крыму, проект концепция Конституции Крымской АССР.

Однако идея мозгового центра, первоначально с осторожным интересом встреченная властями, затем методами дезорганизации, провокации и подкупа была задушена и поставлена в чисто бюрократическом стиле тоталитарного режима. Поэтому, более или менее широкому обсуждению подвергались только концепция Конституции, программа первоочередных мер, концепция расселения, для обоснования которой НДКТ провело анкетирование около 80 тысяч респондентов. В ожесточённой, продолжающейся третий год борьбе за реализацию принципов этих концепций с концепциями системы конкурируют не столько и не только сами принципы, объёмные показатели и представления, сколько административно-командный, субъективистский стиль и система с Движением.

Принципиальная возможность сочетания исполнительных структур с Движением апробирована в работе Комитета, созданного при Крымоблисполкоме для реализации программы, изложенной в Выводах и предложениях комиссии Совета Национальностей, в работе НДКТ с партийными, государственными и законодательными структурами по всей иерархии.

Исторический опыт показывает, что даже при таком беспримерном несоответствии – неравенстве сил, как Национальное движение маленького народа и тоталитарная карательная система супердержавы, в случае правильно расставленных приоритетов, исторически верно сформулированной цели метод политической борьбы в форме движения, позволяет успешно продвигаться к поставленной цели, возрождаясь после репрессий, мощным взрывом возгораясь после спадов, решая проблему преемственности поколений, гибко меняя тактику сообразно обстоятельствам, формируя собственную идеологию через осмысление всего исторического опыта, прошлой и современной политической мысли, и, потому, не опасаясь и не имея проблем политического провокаторства, представлявшего собой всего лишь один из подлежащих оценке, расшифровке и учёту факторов и проявлений, противостоящих Движению сил.

В НДКТ период от зарождения до принятия Наказа и формулирования механизма деятельности занял порядка полутора десятка лет. В зависимости от среды он может быть и гораздо короче. Но было бы крайней наивностью полагать, что этот механизм может быть запущен сразу и сам по себе. Во-

первых, успех НДКТ был обусловлен тем, что крымскотатарский народ в чудовищных условиях распотрошения, расчленения и жесточайшего гнёта проявил себя, как действительно устойчивая историческая общность, обладающая огромной живучестью, стойкостью к лишениям. Во-вторых, тем, что в момент зарождения Движения он обладал подлинно золотой «элитой» обладающей всеми необходимыми качествами для выработки, формулирования принципов Движения и заложения основ, стойкостью, мужеством и преданностью народу, идеалам справедливости, демократии, бескорыстных и беззаветных.

Методы Движения, среда, в которой оно развернулось, предопределили тот факт, что НДКТ без труда распознавало блудливые рожки спецслужб там и тогда, когда вдруг возникал синдром вождизма, претензии на всякого рода административные, контрольные полномочия, свёртывания Движения в партию, или организацию, попытки провести своё мнение или инициативу ценой подлога, зажима критики, насилия. Открытое и строящее свои представления на базе всего доступного массива информации и идей, формирующее свои инициативы через аналитическую работу встреч, равно – пришла идея или информация извне, или родилась где-нибудь в самом Движении, НДКТ в принципе не допускает организационных контактов, которые обязывали бы его к некритическому восприятию какого бы то ни было, даже самого авторитетного мнения, или тем более команды или решения, а потому свободно от стереотипов подражания или марионеточности.

Просчитавшиеся с НДКТ спецслужбы, сначала не принимавшие его всерьёз, прекрасно учили этот промах на будущее для других народов и сред, как впрочем, и против НДКТ, сумев внедрить идею формирования организации и использовав здесь как классический подкуп, так и объективно изменившиеся обстоятельства – для некоторой части народа, вернувшейся в Крым, можно было сформировать иллюзию решения для них (или для себя) национального вопроса.

Временные успехи политической провокации – это, к сожалению, неизбежные издержки процесса. Они будут преодолены со временем, когда собранный «поштучно» контингент возвратившихся в какой-то момент вновь станет и осознает себя общностью.

Исключительно любопытен опыт сочетания исполнительной структуры – Комитета по организации возвращения с Движением, с инициативой народа. Комитет этот был создан по инициативе НДКТ, Всесоюзная (49-я по счёту) встреча представителей (первая состоялась летом 1965 года) в Симферополе с 610 участниками сформулировала принципы работы такого Комитета и условия работы в нём представителя народа, выработала соответствующий Наказ.

Положение о Комитете, составленное Облесполкомом, предельно урезало его полномочия. Однако, состав, сформированный представителями НДКТ,

выработав в ответ на Наказ движения Присягу работника Комитета, в течение полугода сумел увязать свою работу с инициативами Движения, координируя их «огонь по штабам». Он в полной мере использовал возможности Движения выходить на любые структуры власти, причём этим не нарушались (поскольку не могли быть нарушены) никакие соображения «субординации». Вся внутренняя кухня «волчьего логова», ранее остававшаяся скрытой печатью ложной секретности стала доступной народу. Неверно было бы думать, что эта борьба носила деструктивный характер. Напротив, именно в этот период удалось на всех уровнях системы снять наиболее нелепые стереотипы и предрассудки против народа и его Движения, сложившиеся диверсионной работой спецслужб, расистской пропагандой. Опыт показывает принципиальную возможность сочетания исполнительных (а потому иерархичных) структур с широкой общественной инициативой, меняющего качественно оба контрагентства: исполнительная структура под контролем масс вынуждена работать более эффективно, она непрерывно «подпитывается» широким кругом идей и разработок (иногда много более профессиональных, чем разработки конкретных исполнителей структуры); инициативы, разрабатываемые Движением в ставших более конкретными и предметными исходных условиях, делаются более конструктивными и предметными, теряя критиканство и «общие соображения», приводя к подлинной и лишенной всякой плакатности консолидации общества.

Имеет ли перспективы модель движения в стабильном режиме при решении всего комплекса проблем отрасли, сферы жизни, этноса, государства? Опыт НДКТ не даёт оснований отвергать это предположение. Во всяком случае, и прошлая история это подтверждает. В известной мере на принципе движения основаны некоторые сферы жизни (мусульманской) общины, так что не удивительно, что община и сегодня приковывает к себе внимание футурологов:

«Хотя, мусульмане и лишены высокой европейской культуры, как силы для самосохранения, но они в своей религии и проистекающем из неё своём общественном быте, имеют весьма крепкую почти непреодолимую силу сопротивления всяким чуждым влияниям во вред своей национальной индивидуальности ... изучите все функции любой мусульманской общины в наименьшей её единице, представляемой приходской общины. Всякая такая община представляет собой миниатюрное государство с прочной связью частей с целым и имеет свои законы, обычаи, общественные порядки, учреждения и традиции ...

Община эта имеет свои власти в лице старшин и всего прихода, не нуждающиеся в высшем признании, ибо авторитет этой власти – авторитет религиозно нравственный, её источник – Коран. Община эта имеет совершенно независимое духовенство, не нуждающееся ни в каких санкциях и

посвящениях. Всякий подготовленный мусульманин может быть ходжёй (учителем) муэдзином, имамом, ахуном и т. д. при согласии общины. Мусульманство, не имея и не признавая сословий, не имеет кастового духовенства... каждая мусульманская община имеет свою школу и мечеть, содержащаяся или общиной, или на завещанные на то капиталы и имущества ... несколько таких общин имеют одну соборную мечеть, несколько десятков их – одно медресе «высшую школу»». (Исмаил Гаспринский. «Русское мусульманство», Бахчисарай. 1881 г.).

Легко увидеть, что НДКТ в модели своего организационного начала повторяет на одном уровне модель мусульманской общины. Оно не нуждается ни в чём признании кроме признания своего народа. Высшее, не подлежащее ни чьему оспариванию или подтверждению, право этого народа на существование и равноправие – это и есть высшее полномочие, какое можно вообще иметь. Это «меджлису», «ОКНД» нужно признание Киева или Стамбула, номенклатуры РУХа или турецких политиканов и дарителей милостины – потому что у «меджлиса» и ОКНД, или КПСС интересы не совпадают или не вполне совпадают с интересами народа. Киев, Москва, номенклатура РУХа имеют обыкновение флиртовать с теми или иными организациями за своими кордонами, поскольку они совсем не хотят или хотят не совсем признавать интересы того или иного народа за своим кордоном, а потому и не признают за ними прав определять: кто представляет интересы этого народа и в каком случае представляет, а кто и в каком случае ими приторговывает. Представитель Движения не может иметь ранга, как мусульманство не признаёт сословий. Для Движения, для представителя, как и для общины, есть один единственный высший авторитет: истина, свод самых фундаментальных представлений, сообразуясь с которыми и со своей совестью он поступает. Община, движение – это, прежде всего – школа и высшая школа, передача традиций по наследству.

Следовательно, в Движении, если его мыслить, как универсальную форму устройства общества на уровне республики, государства или системы государства должно быть самым адекватным образом то, что претендует на высшую истину, высший авторитет, как в НДКТ сформулирован Наказ, а у мусульманства – Коран.

Мы здесь хотели бы отстранить ажиотаж святош так и обмороки прагматиков. Естественно, мы в данном случае не имеем в виду и не пропагандируем веру в трансцендентное и что-либо, не опосредованное знанием и опытом. Однако, помимо этого (трансцендентного и обязательств веры, страхи и поклонения ему), литературных и легендарных повествованиях о житие святых, любая религия состоит из обрядовых канонов, впитавших и стилизовавших весь предшествующий опыт и представления конкретного общества о таинстве рождения и смерти, модель поведения при не стандартных ситуациях. А

потому без всяких натяжек может быть принято и отнесено к разряду, безусловно, авторитетного источника. Аналогичным образом религия даёт, апробированное практикой сотен поколений более или менее близких этносов или соприкасавшихся сообществ, представление о добре и зле, принципах общественных (а стало быть, цивилизованных и гуманных) отношений, которые, уже после своего формирования, также как и сакральные каноны, проверены практикой новых социальных и политических укладов, и потому не без оснований считаются, своего рода гражданским кодексом многих сторон правоотношений в обществе по сей час.

Было бы лицемерием не заметить, что позднейшая общественная практика не внесла ни чего нового. И потому правовые режимы цивилизованных стран вполне терпимо и толерантно сочетают традиционное и современное.

Ещё большим лицемерием было бы отрицать, что историческая практика международных отношений не выработала аналогичных устоявшихся представлений и канонов, очерчивающих цивилизации во всех её сложившихся формах и моделях формирования и возникновения нового. Что человечество не может точно идентифицировать аннексию и агрессию, геноцид и вероломство? Что доктрина Войновичей не может однозначно квалифицирована как подстрекательство к агрессии, аннексии, геноциду и международному разбою попрания государственного и национального суверенитета, установления международного суперфашистского порядка, прикрываемого ссылкой на преступления против человечности и человечества, спровоцированные, поощрявшиеся и усугублявшиеся коварной политикой той же самой вероломной банды «цивилизаторов», которая теперь, призывая небо в свидетели и воля об отмщении поправленных прав человека, вознамерилась в очередной раз поставить мир на колени у порога «клуба цивилизованных». И которая, прямо по Оруэллу, использует своих заложников либо сначала в качестве мучеников, а затем – своих холуев и певцов, либо сначала, как холуев, а затем мучеников и жертв?

Разве приготовленному на растерзание, мировой жандармерии цивилизаторов, оговаривавшим себе право самим определять круг «рыцарей круглого Стола» и, на манер Гитлера, скорчивших маску дружелюбия России и Китаю (через войновичей) Афро-Азиатскому и Латиноамериканскому – Третьему миру, непонятно, почему на подходе цивилизации к манифесту суперфашизма, Движение неприсоединения оказалось свергнутым, И. Ганди, Р. Ганди, У. Пальме, З. Бхутто пали от рук палачей. Югославия, не присоединившаяся в центре Европы страна, – расчленена?

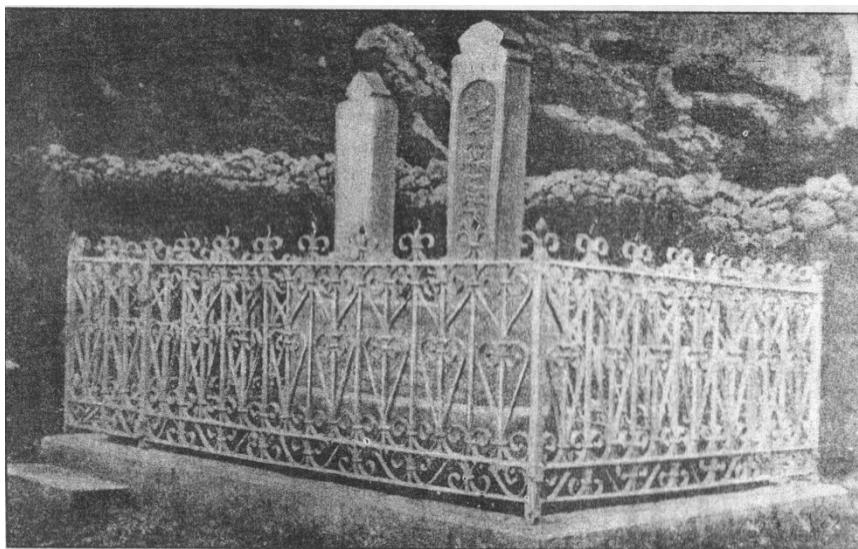
Мир придёт в равновесие не от сформирования международной жандармерии и заговора суперфашизма. Мир уже знает, что последовало за историческими предупреждениями Гитлера «наказать поджигателей войны», и очередной катастрофы мировой цивилизации не допустит. Бесспорно, манифест суперфашизма на фоне всех происходящих реалий заставит силы мира не-

медленно мобилизоваться и обсудить проблемы спасения цивилизации от сил, поднимающегося «нового порядка» по методу Движения, в круг участников которого сядут все страны, которые не готовят заговор против мира. Высшая цель в этом Движении предельно ясна и одинакова для всех. «Цивилизаторы» питают иллюзии, что прав тот, кто может в случае войны (или под предлогом устройства порядка за своими кордонами) решить свои внутренние проблемы по законам войны получением контрибуции или платой за свое наёмничество, или кто не знает каков порядок определения справедливых границ, национального суверенитета и пр., тот не заинтересован в равноправном участии субъектов вне круга цивилизаторов. Но истинные цели мирового сообщества, анализируя ситуацию, как раз и вычислит.

Если иерархическая модель цивилизации символизируется пирамидой, то модель Движения – сферой, в центре которой, сосредотачивается «мозговой центр», который, как ядро Земли питает периферию всем арсеналом периодической системы и находится с ней в непрерывной живой связи. Возможно ли окостенение такой модели? Да, вместе с прекращением самой жизни. Возможно ли перерождение Движения в пирамиду? Бесспорно, все живое чревато мутацией. Но пирамида способна только опрокидываться.

Симферополь,
июнь 1992 г.

Могилы Исмаил-бей Гаспринского на кладбище в Бахчисарае.

ЧЕГО СТОЯТ НОВЫЕ МИФЫ

Заметки с заседания ассоциации свободных историков

На очередном заседании ассоциации свободных историков с сообщением «КРЫМСКОТАТАРСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ» выступил кандидат исторических наук А. Зарубин, охарактеризовав стадию изученности вопроса как начальную и эмпирическую. В качестве исходного материала он назвал несколько довоенных работ (Елагина, Молчанова, Бочагова, Бунегина), а как разработку новой трактовки – газетные публикации, появившиеся в текущем году и принадлежащие ему и Мальгину, дипломную работу Э. Сейтбекирова и публицистическую статью Ю. Кандымова.

Действительно, указанные современные авторы решили по-новому взглянуть на историю «Милли фирка» (Национальной партии) и курултая 1917 года, подведя их под категорию национального движения, и таким способом продлевая в прошлое на четыре десятилетия Национальное движение крымских татар, возникшее в связи с депортацией (репрессией) народа в мае 1944 года.

Однако не случайно в ходе оживлённейшего обсуждения возник вопрос: **ЧЕМ, В ТАКОМ СЛУЧАЕ ОБЪЯСНИТЬ ТОТ ФАКТ, ЧТО ПЛЕЯДА ПОЛИТИКОВ ИЗ РУКОВОДСТВА «МИЛЛИ ФИРКА» НЕ ВОСПРИНЯЛА ЭСТАФЕТЫ И. ГАСПРИНСКОГО?**

Поставив этот вопрос, А. Зарубин резонно предположил, что для понимания происшедшего в политической жизни Крыма в начале века необходим сопоставительный анализ с хорошо изученными событиями в Туркестане, Поволжье.

Здесь хотелось бы заметить, что сопоставление истории революции и гражданской войны по разным регионам необходимо и полезно, тем более что и сами события, происходившие там, нередко были взаимосвязаны. Тем не менее, гораздо более полный и глубокий ответ мы получим от сопоставления исследуемого явления с гораздо близкородственным и, безусловно, нам ясным явлением – с тем, что происходит в Национальном движении крымских татар, возникшем в конце сороковых годов.

Имеются ли основания относить деятельность «Милли фирка», курултая, меджлиса, директории к категории национального движения?

Создание курултая и меджлиса и их партийной организации – «Милли фирка», как это абсолютно правильно заметил А. Зарубин, шло вразрез с линией Гаспринского, свёртывало движение, отрывало поистине блестящую

плеяду революционеров от народных масс, сковывало инициативу и разводило, незаметно сначала, но непреложно, по разным полюсам.

Высокоинтеллектуальные основатели «Милли фирка» – это люди, получившие политические знания и представления в иностранных университетах. Возможно, отсюда наличие в их программах элементов социалистических идей и демократических аксессуаров. Однако, отсюда и определённая идеалистичность представлений, стремление строить и подстраивать политическую борьбу и саму жизнь под совершенно чуждые теоретические схемы и модели явно импортного происхождения.

Исторический опыт крымскотатарского народа нёс в себе такой феномен, как ДВИЖЕНИЕ, зародившееся в последней четверти прошлого века и связанное с именем «великого главнокомандующего» – Исмаила Гаспринского – движение джадидизма.

Оно оформилось вокруг «усул-и-джадид» – «нового метода» преподавания в школе. Реформа старой архаичной мусульманской школы охватила в огромной исторической инициативе не только все пласты учителей, интеллигенции, семью (мать как первого учителя, детей – как её учеников). Джадидизм, как обновление и преодоление всего колониального наследия, включал и сам крымскотатарский народ, и весь тюрко-мусульманский «пояс» народов России, захлестнув затем Индию и Китай (мусульманские области). Реформа архаичной мусульманской школы (внешнее проявление движения «усул-и-джадид») означала глубокую реорганизацию, встряску и пробуждение всего общественно-политического уклада Востока, буквально, задавленного колониальным гнётом.

И. Гаспринский выдвинул ясную, принятую безоговорочно на огромном пространстве России, цель. Он и сплотившиеся вокруг этой цели единомышленники за два десятилетия титанической работы заложили свыше тысячи центров, инициативно генерировавших главные идеи и методы этого ренессанса. Новометодные школы подключали к движению на основе общности цели самые яркие личности, представлявшие самые разные социальные слои, которые никогда бы не могли сойтись в одной партии или организации.

Движение всегда имеет уставной принцип, резко выделяющийся на фоне принципа централизма, присущего партии или организации. В джадидском движении (как оно получило название в политических кругах и исторической литературе) этот уставной принцип был сформулирован Гаспринским в девизе: «Единство в замыслах, языке и работе».

Гаспринский последовательно расширял социальную базу движения: вслед за учителями, прогрессивной частью духовенства он поднял и подключил к движению женщину Востока, стал зачинателем профсоюзного движения (первый в России профсоюз работников печати был создан в Крыму в Бахчисарае) Он решительно выступил против абсолютизации социалистических устремлений. Признавая закономерность «рабочего вопроса», он указы-

вал на многоукладность российского общества. И вскрыл все самые драматические иллюзии и утопичность социалистической теории, указав, что на этапе, когда не решены общедемократические задачи и в обществе господствует невежество, абсолютизировать интересы и идеологию одного класса означает внести раскол и привести к катастрофе, «ужаснее чем, чем пришествие Гога и Магога».

Формирование инициатив, поиск путей движения Гаспринский всегда вёл через активность масс. Именно с этой целью им были созваны в Крыму одно за другим два крестьянских съезда, численностью до семисот делегатов от деревень Крыма. Весь этот широкомасштабный процесс шёл под флагом тесного единения с задачами и интересами русского и других народов России. В чём объясняется убедительный прогресс и решающие победы джадидского движения вопреки яростной обструкции реакционных сил, возглавлявшихся Святым Синодом и III отделением, и поддержанным духовенством.

Создание централизованных структур, таких как «Милли фирка», курултай, меджлис, разобщило движение джадидизма, консолидировавшее широкий спектр политических сил, разрушило дух демократизма и широкого энтузиазма, царивший при Гаспринском. Теперь все они: и правые, и левые, и центр, которых условно обозначим тремя фигурами – Джафер Сейдамет, Али Боданинский и Челебиджиан (утрачивая фактическую связь с реальной ситуацией, с народными массами и со своим активом и потому, вольно или невольно вынужденные уповать на своих более достоверных для них в такой ситуации идеологических союзников или партнёров вне народа, приобретённых то ли на академической скамье в «заморских» странах, то ли в ходе межпартийных текущих контактов), переставали доверять политическому опыту и чутью друг друга.

В качестве примера решающих тактических политических просчётов, совершённых этой блестящей плеядой интеллектуалов, можно было бы указать на их решение формировать национальные крымскотатарские воинские части. Это был роковой шаг, не только поставивший под нож их самих, но и позволивший залить кровью широкие массы крымскотатарского народа. Политический просчёт не мог быть компенсирован ни демократичностью программных обещаний «Милли фирка», ни искренней интернационалистичностью замысла, вкладывавшегося, по-видимому, Челебиджианом в лозунг «Крым – для крымцев».

Крайне сомнителен шаг деления воинских частей по национальному признаку вообще, даже если Крым мыслить как «остров Крым» (а может быть, тем более в политической автаркии Крыма). Просчёт состоит в том, что в силовом противоборстве побеждает тот, у кого численный перевес.

История Союза, в котором, формально, не было национальных формирований, национальный фактор в упомянутой схеме эксплуатировался систематически, когда для подавления народных волнений в восточных регионах

направляли части, рекрутированные в центре, «порядки» в России наводили силою частей, сформированных из жителей Средней Азии или Казахстана.

Некритическим культивированием опыта метрополии в колонии можно признать и отчуждение в руки государства вакуфных земель в Крыму. Все эти ошибки, кстати, показывают очень существенный изъян того явления, когда политический деятель формируется не просто, как говорил А. Герцен, «на французских грамматиках», но и вообще, в «прекрасном далеке» от родины. Он рискует не только где-то на духовном уровне «офранцузиться», но незаметно для себя попасть в сильную зависимость и от политических (да и только ли политических) структур благотворящей чужбины.

Подводя итог этим эмпирическим наблюдениям, кстати, прекрасно подтверждаемым сегодняшними реалиями в Национальном движении крымских татар,

хочу повторить абсолютную неправомочность относить эпопею «Милли фирка» и курултая к феномену Национального движения. Напротив, этот феномен является отходом от исторического опыта крымскотатарского народа, приведшим к катастрофическим последствиям.

Национальное движение крымских татар сформировалось вокруг совсем других задач, вокруг конкретной цели организованного возвращения, восстановления национальной целостности, прав и состояний крымскотатарского народа с середины 1940-х годов.

Бесспорно, его идеологи и зачинатели опирались именно на опыт работы джадидского движения на трезвый анализ мирового опыта,

решительно отклонив прокрустово ложе построения очередной ПИ-РАМИДЫ командно-административной политической структуры партии или организации.

К сходным выводам (по крайней мере, теоретически) пришла ливийская революция.

Независимо от того, как автору «третьей мировой теории» М. Каддафи эти выводы удалось воплотить в политической практике Ливии,

идентифицировать его с каким-либо из двух рассмотренных примеров организационно было таким же **нелепым произволом,**

как попытка подвести Национальное движение под крышу эксперимента героев и жертв «Милли фирка» и курултая периода революции в России.

Ю. ОСМАНОВ.

Крымская газета № 88 29 октября 1992 г.
Арекет № 9(36), 10(37) 29 ноября 1994 г.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

В конце апреля НДКТ предложило к обсуждению своё видение Концепции национальной политики, прав и отношений в Крыму. В среде крымских татар она была встречена довольно буднично, ибо является переложением в политических формулах и реалиях принципов, заложенных в Наказе народа. 52-я Генеральная (всеобщая) встреча представителей НДКТ, одоблив Концепцию, проработала вопросы её реализации. Идеологические шавки и попугаи из ОКНД-«Меджлиса», всегда остающиеся на коротком поводке спецслужб национал-большевизма и обрушивающиеся на все опорные принципы национального равноправия, осуществление которых может продвинуть в данный момент решение вопроса, относительно Концепции, разразились лишь тоскливым воем по тем временам, когда государство могло отгораживаться от проблем тюрьмами и психушками.

С развёрнутым анализом Концепции выступил в «Крымских известиях» историк А. Зарубин, оценив её, как один из самых серьёзных документов по национальному вопросу.

Откликнулся на документ (исх. № 18/с-41 от 07.06. 1993 г.) и Краснодарский край:

«В целом Концепция... достаточно обоснована с точки зрения исторической справедливости. Однако выводы, сделанные на основе анализа современного состояния национальных отношений не всегда обоснованы.

Так, если следовать логике рассуждений авторов Концепции об историческом процессе размещений народов-наций на территории страны (депортация, импортация, перманентная дисперсная миграция), приходишь к выводу, что прогресс цивилизации заключается в соприкосновении, обмене, и взаимовлиянии материнского ядра нации и её диаспор. Причём, по мнению самих авторов, процесс этот не требует правового регулирования.

В то же время в проекте Концепции одним из условий мира в Крыму ставится условие организованного возвращения и неделимости прав крымскотатарского народа на всей территории Крыма.

Не будет ли этот процесс тем самым процессом, механической миграции, усиливающий ассимиляцию народов?

Возникает вопрос и при рассмотрении сути Концепции. Главной своей задачей авторы ставят разработать модель выверенной в правовом отношении национальной политики в Крыму, направленной на сохранение мира. В этой связи указываются три субъекта правовых отношений: личность, народ, диаспора.

В данном пункте вызывает сомнение формулировка прав народа. Не совсем ясно значение термина «неделимость прав нации в границах её исторического формирования». Что подразумевается под этой территорией? Территория исторического формирования или территория компактного проживания современной нации? Не приведёт ли в таком случае это требование к перекройке границ?

И ещё один принцип Концепции недостаточно обоснован с нашей точки зрения. Это принцип насаждения модели «культурно-национальной автономии» как скрытого

метода «этнической чистки». Нам представляется неоправданным отрицание принципа культурно-национальной автономии содержащегося в Концепции.

Предложенный же квотный характер формирования может, как показывает опыт некоторых субъектов Российской Федерации усилить трения между представителями различных национальностей.

В то же время хотелось бы отметить общую положительную направленность Концепции. В современных условиях поддержание стабильности в регионах с проживанием различных диаспор – основная задача внутренней политики. Поиски наиболее приемлемого решения национальных проблем – залог будущего мира в регионе.

Краснодарский краевой Совет и администрация Края заинтересованы в сохранении национального мира в приграничных регионах, в том числе и в республике Крым Республики Украина. Мы готовы и в дальнейшем содействовать контактам в сфере межнациональных отношений.

К.Г. Дмитриев,
председатель комиссии по межнациональным
вопросам и межнациональным отношениям
краевого Совета народных депутатов,
М.В. Савва,
начальник управления по делам национальностей
и вопросам миграции администрации края.

Прежде всего, оценка Концепции дана на основе детальной проработки этого исключительно сложного и ёмкого документа и, что высказаны сомнения по самым сложным и не однозначным проблемам как теоретического, так и практического характера. Это вызывает не просто уважение и признательность за высокий профессионализм и добросовестность этого неформального отзыва, но позволяет и побуждает существенно углубить понимание этих проблем. И то, что у наших доброжелательных оппонентов возник ряд вопросов, обусловлено чрезвычайной ответственностью за те решения, которые следуют из любой теоретической предпосылки в ходе её политической практики. Постараемся ответить на них.

Требование неделимости прав нации в границах её исторического формирования станет понятным из примеров. Долгие годы немецкий народ был разделён границей и в дополнение к ней – железобетонной стеной, причём на два, по этой злой иронии судьбы, враждебных лагеря. Разделены были вьетнамский, корейский, йеменский и ряд других этносов. Все эти членения этнического организма приводят к нарушению единого правового, языкового, рыночного, хозяйственного и гуманитарного пространства, являются формой геноцида. Для крымских татар вынашивается «швейцарская» или «южноафриканская» модель: крымским татарам согласно этой модели представляется ограниченный местным самоуправлением объём прав в ряде районов Крыма (в «кантонах», «бантустанах», «зонах»). То есть, как народ, он лишается целого уровня прав. Разрабатывающий для крымскотатарского народа и легализующий через «меджлис», вознаграждаемый через него народными средствами московский «центр этнополитических исследований» Э. Паина

подобные схемы, утверждает, например, что сами крымские татары считают принадлежащими им исторически только четыре «зоны» на территории Крыма (бахчисарайскую, карасубазарскую, джанкойскую и сакскую). Между этими «зонами» разработана и предлагает расчленить крымских татар. Такие планы и объясняют «Красный рай», расположенный вне этих «зон», и нежелание руководства Украины принимать закона, гарантирующего восстановление национальной целостности и правосубъектности крымскотатарского народа, имперские круги не отбросили. А инструкции поверенного фонда Сороса Э. Паина обязательны для некоторых кругов в Киеве в не меньшей мере, чем для «меджлиса».

Неделимость прав нации в границах её исторического формирования для якутов, например, простирается на территории всей Якутии, хотя там можно выделить обширные территории без компактных массивов якутского населения (например, тундровые районы).

Несомненно, в процессе отработки на основе принципов Концепции реального механизма политических отношений, особой заботы потребуют регионы на стыке формирования двух смежных этносов, волей случая отнесённых к той или иной юрисдикции. Например, «Дикое поле», входящее ныне в состав Украины как её южные материковые области, северная часть Арабатской Стрелки, имеют непосредственное отношение к процессу формирования крымскотатарского народа, как и украинского народа. Но ведь это имеет место не вследствие той или иной формулировки в Концепции, а как историческая реальность предлагается Концепцией к правовому дружественному в интересах обеспечения прав личности регулированию. Сама причина, послужившая толчком к формированию Концепции – национальная политика, права и отношения на территории Крыма (не являющейся территорией национального формирования ни русской, ни украинской нации), как её не замалчивай, стала поводом для территориальных дебатов. И единственный путь, которым эти «дебаты» можно вывести из тупика «закона джунглей» – только согласовав некоторые общепризнанные принципы и метод. Это и попытались предложить мы в Концепции, которая «должна определять не только региональную нормативную и законодательную базу, но и учитывать при её нормировании конкретно-историческую и политико-правовую реальность, при посредстве которой охватываемый ею регион (в нашем случае – Крым) интегрирован в окружающем мире».

И чем квалифицированной, чем более всесторонней будет это учитываться, тем меньше будет обид, подозрений и несправедливости. Мы допускаем, что формулировка права народа-нации, данная в Концепции, не лишена недостатков. Но ведь действительно: игнорирование принципов равноправия, самоопределения, недопущения изгнания, вытеснения, истребления коренного населения, соблюдение деклараций по деколонизации, предотвращения геноцида посягает на права народа-нации. Поэтому в Концепции эти права описываются этими принципами.

Нам кажется, что наши расхождения в понимании доктрины культурно-национальной автономии не столь значительны, если учесть, что мы ведём речь о неприменимости этой модели, когда речь идёт **об ограничении её уровня прав народа-нации в целом** (для её компактного ядра на национальной территории). Наши оппоненты имеют в виду, по-видимому, случай определения прав диаспоры (региональным законодательством). И это верно, что учесть, что объём прав диаспоры, дополняется законодательством (договорами) межгосударственного уровня. Это возможно именно в том случае, если удастся задействовать механизмы, предлагаемые Концепцией.

Именно поэтому прогресс цивилизации по нашему представлению, заложенный в Концепции, определяется обеспечением условий нормального развития материнского ядра нации (самовоспроизводящего культуру), компактных диаспор и их полнокровных связей с материнским ядром (что обеспечивает активное взаимообогащение культур) и гарантиями прав и свобод личности независимо от национальности, что обеспечивает органичный, добровольный (и потому не требующий дополнительного правового урегулирования) межэтнический обмен, мирное и свободное сожительство людей.

Никаких противоречий с требованием организованного возвращения и неделимости прав крымскотатарского народа в этом нет. Организованное возвращение восстановит компактное ядро нации в Крыму, то есть снова пустит часы самовоспроизводства культуры крымскотатарского народа. Компактность ядра нации достигается не созданием бантустана, а как раз единством правового поля в границах Крыма.

Но в чём опасения наших оппонентов совершенно справедливы, так это то, что процесс «механической миграции», искусственно растянутый во времени, действительно ведёт к ускорению процесса (по сути дела насильственной) ассимиляции крымских татар, как в Крыму, так и на местах высылки, что подтверждается и статистически. На эту опасность НДКТ обращало внимание давно, в связи с тем, что всякого рода национал-предатели до 1987 года, а с 1987 года – «идеологи» ЦИГа с рвением доверенного «лица» киплингковского Шерхана вычёркивали из Наказа народа требование компактности, относящееся как к географии, так и к срокам. Дело, конечно, прошлое, но у нас прошлое повторяется с поразительной методичностью, особенно по части рвения доверенных шерханов.

ИРГ считает, что взыскательный и дружественный обмен мнениями, продемонстрированный А. Зарубиным, К. Дмитриевым и М. Саввой следует расширить (и приглашает к диалогу интеллектуальную элиту Крыма) и продолжить на высших уровнях в рамках Консультативного Совета.

И, наконец, о злополучном квотном механизме формирования парламента. Можно о нём безуспешно спорить до хрипоты, но он всё-таки является реальным механизмом. Чтобы вывести вопрос из теоретического тупика, мы предлагаем оппонентам этого варианта поработать любой более надёжный и приемлемый.

24 сентябрь 1993 г.

О «Концепции национальной политики, прав и отношений в Крыму»

Между неживой и живой природой, внутри сложной иерархии популяций растительного и животного мира существует сложная система взаимной зависимости и корреляций, определяющая динамику их развития, так, что вмешательство или изменение в одном из звеньев непременно влечёт за собой изменение во всей цепи.

Не свободно от этих закономерностей и человеческое общество как в сфере его взаимоотношений с окружающей природой, так и внутри себя самого. Отличие состоит только в том, что в животном мире мотивация поведения стаи или популяции определяется инстинктом, и прогнозирование последствий поведения ограничено ничтожным по сравнению с продолжительностью жизни поколения в популяции периодом и не является определяющим фактором в межпопуляционном равновесии.

Иначе обстоит в человеческом обществе. Здесь целенаправленное воздействие на окружающую среду, на ситуацию в самой популяции (рода, племени, нации) и в отношениях между ними могут повлечь и нередко приводят к последствиям, подлинный размер и итог которых нередко может быть выявлен только через промежуток времени намного превосходящий жизнь отдельной особи и даже нескольких поколений. В значительном числе случаев такое воздействие можно назвать разумным только в части сознательности воздействия, но не в понимании его последствий.

Подлинные плоды социальных экспериментов, адекватных или волюнтаристских деяний крупных размеров, как правило, появляются тогда, когда в сознании общества они не увязываются уже вообще, или коррелированы неадекватно возмущающему воздействию, а потому не служат в качестве уроков истории. Тем более, что на общество одновременно воздействует значительное количество внутри и внешнеполитических событий, катастроф или природно-климатических уклонений.

Поэтому управление общественными процессами представляет собой задачу высшего порядка сложности, требующей фундаментальных знаний во многих сферах, искусства отрешаться от конъюнктуры и одновременно филигранно учитывать её. К несчастью, власть это не только управление. Её можно превратить в источник личного и корпоративного обогащения. И потому в политической практике нередко превалирует принцип примата политики над экономикой, а тем более над явлениями более высокого порядка.

Непостижимость заурядному уму сложнейших взаимосвязей в природе, и в частности, в общественно-историческом процессе приводит к искушению разрубать «гордые узлы» силою власти, невежественно «упрощать» модели, отсекая всё то, что не вписывается в облюбованную схему. Не смотря на

значительные запасы прочности и устойчивости общественного организма, такое «моделирование» чревато крупной социальной или геополитической катастрофой. Сметая построения незадачливых политиков и сбрасывая их с пьедестала, такие катастрофы возвращают общество к исходной точке, в которой нормальный исторический процесс был прерван невежественным экспериментированием или преступным умыслом. Конечно, и преступление можно просчитать на много ходов вперёд, но никто не может просчитать, какие последствия принесут потомкам такие вроде бы не материальные факторы, как историческая память и общественная ущербная психология.

По-видимому, сегодня мы переживаем последствия целого ряда таких факторов преступного и невежественного вмешательства в природные и общественные процессы и задача живущих сейчас поколений расчистить эти «авгиевы конюшни» и не впасть в свою очередь в такие же иллюзии. Одной из таких сфер является национальная политика.

Мир взаимосвязан. Это единая географическая, ландшафтно-климатическая система. Независимо от политического строя, сущности и структуры производственных отношений, форм собственности,

человечество может развиваться только на базе и не без учёта фактического расположения на планете разрабатываемых и перспективных месторождений полезных ископаемых, мировых житниц и водно-климатических ресурсов, исторически складывавшихся рынков, торговых путей, транспортных артерий, международного разделения труда, центров и объектов цивилизации, а также уровня этих цивилизаций.

Великие переселения народов, развитие торгового капитала и его «великие географические открытия», другие закономерности и изломы мировой истории – привели к формированию устойчивых компактных в пределах территории формирования ядер народов-наций. Эти материнские компактные ядра являются источником непрерывного воспроизводства материальной и духовной культуры, языка и традиций, выступают как носители и конкретные феномены цивилизации.

Одновременно исторический процесс обусловил появление сложной мозаики тоже сравнительно компактных, но оторванных от материнского ядра фрагментов этих народов-наций, расположенных в иной этнической среде, нередко в других политико-государственных рамках. Через эти диаспоры, в прямой зависимости от их связности с материнским ядром идёт наиболее интенсивное двустороннее обогащение и обмен культур двух народов, обуславливая наиболее значимую компоненту их качественного роста и прогресса цивилизации вообще.

Этот фактор не может быть оспорен или поставлен под сомнение ссылкой на неизменно сопутствующие истории цивилизации кровавые столкновения таких диаспор с материнским ядром нации, к которому они приурочены (или с государственными институтами этого ядра). Эти кровавые столкнове-

ния, административные притеснения, установление «непрозрачных границ», наконец «этнические чистки» являются плодом перенесения «закона джунглей» на человеческое общество в рамках средневекового геополитического метода «опустошающей цивилизации».

Вместе с кризисом кочевого хозяйства по мере роста народонаселения земли и развитием осёдлой цивилизации с её несравненно высокой технической и энерговооружённостью этот метод давно себя изжил, что продемонстрировали итоги II Мировой войны. В рамках блокового противостояния и стратегии глобализма были найдены куда более изощрённые и эффективные методы. А потому там, где представления и методы «опустошающей цивилизации» остаются положенными в основу стремления сохранить своё господство и влияние, происходит поначалу маловыразительный, но неумолимый и всё убыстряющийся геостратегический проигрыш в рамках глобального баланса, чреватый катастрофой исторического масштаба.

Радикальная смена приоритетов, наметившаяся в решениях (Декларация ВС СССР № 772-1 от 14.11. 1989 г.) 1989 года в отношении народов, ставших жертвами депортации, то есть в политике в Поволжье, на Кавказе и в Крыму (в Причерноморье) с распадом Союза рискует быть утраченной. Было бы непозволительным легкомыслием пренебречь доктринальным опытом и уроками попыток его реализации в советский период. И не меньшей слепотой было бы не замечать достижения докоммунистической мысли, несомненно, использованных ею и, главное, международно-правовых представлений и норм, сложившихся как итог осмысления уроков II Мировой войны.

Необходим правовой, адекватный, а не просто волевой выход из ситуации, нормированный для видимости некоторыми внешними атрибутами международного права. Прежде всего, необходимо очертить круг правосубъектов отношений. Два из них – компактные, материнские ядра народов-наций, приуроченных к территориям их этногенеза и границам государственного легитимирования и второй – компактные диаспоры, указаны выше. Права первых международно-правовая теория и практика описывает принципами самоопределения и равноправия народов, навечной неотчуждаемости компактного ядра нации от национальной территории и неделимости её прав в границах её государственного суверенитета актами по предотвращению геноцида, по деколонизации и пр. Права компактных диаспор зафиксированы Евроконвенцией по правам меньшинств. Но есть ещё третий субъект правоотношений в этом процессе. Это представители одних народов в состоянии перманентной дисперсной миграции и расселения среди других народов (их материнских ядер и диаспор). При этом они добровольно, во всяком случае, сознательно воспринимают (или перенимают язык, обычаи и менталитет нового окружения, добровольно отказываясь) а, со временем, возможно и утрачивая (прежние), во всяком случае, в сфере общественных отношений.

В целом это есть отражение идущего в двух направлениях процесса этнокультурного обмена – естественной ассимиляции свежего притока. Процесс беззастенчивый, но объективный и неантагонистический. Человечество без этого процесса просто не могло бы развиваться. Он не нуждается и не допускает правового нормирования иного как соблюдения гражданских прав и свобод, описываемых всеобщей декларацией прав личности.

В том случае, если удастся обеспечить права каждого из этих трёх субъектов правоотношений, в той или иной пропорции представленных и определённых территориальных или геополитических рамках, можно рассчитывать на то, что нами обеспечен один из важнейших факторов общественно-политической стабильности в этих рамках. Следовательно, задача состоит в формировании такой концепции общественного механизма, которая бы учитывала историю и особенности формирования и жизнеспособности конкретных феноменов и цивилизации в целом и обеспечивал личности, независимо от того, к какому субъекту (из трёх указанных) она приурочена, были обеспечены равные права и возможности самореализации, защиту от преступных посягательств другой личности или корпоративных сил и безотлагательное преодоление последствий такого посягательства.

Концепция должна определять не только региональную нормативно-правовую базу, но и учитывать при этом конкретно-историческую политико-правовую реальность, посредством которой рассматриваемый регион интегрирован в окружающем мире. Она будет адекватной, если статус этого региона (то есть компактного ядра материнской нации и диаспор на нём) нормирован хотя бы в ближайшем окружении и единообразно, в рамках международно признанного правосознания понимается как этой территории (например, – в Крыму) и в сопредельных странах (Украина, Россия).

Личность, как исходная частичка общества, недолговечна и ограничена в возможностях охвата всего объёма культуры. Но если на её уровне не объективируется весь объём возможностей самореализации, то он не объективируется вообще. Напротив, народ-нация, как одна из самых крупных исторических устойчивых подсистем общества, как феномен цивилизации долгосрочен и является подлинным носителем цивилизации, её творцом, хранителем, пользователем, правопреемником и правосубъектом. Уничтожив народ, уничтожают феномен и принципиальную возможность формирования личности. Поэтому «права человека» и «права народов» не взаимозаменяют и тем более не отрицают друг друга, не выстраиваются в субординацию.

В итоге конкретного нормирования прав на уровнях всех трёх субъектов правоотношений итоговый объём прав и возможностей их реализации должен быть примерно идентичным.

Это требует тщательной инвентаризации и достраивания конституционной, нормативно-правовой и договорной (международной) базы, чтобы соблюдался фактически баланс интересов личности, всех пластов и общества

в целом, обеспечения внешних условий и гарантий, отхода от реликтов стратегии «опустошающей цивилизации», как в самом Крыму, так и в стратегических направлениях от него.

Специфика Крыма как национальной родины – колыбели крымскотатарского народа такова, что без восстановления его национальной целостности, прав и состояний, отрицание его прав лишает легитимации как представленные здесь диаспоры, так и любые внешние административные, политические, арендные и прочие прерогативы и, напротив, открывает простор для иных, в не меньшей мере нелегитимных поползновений на делёж природных богатств и стратегических преимуществ его территории.

Концепция неделима. Она не может выполняться частично или селективно в отношении только каких-то избранных субъектов правоотношений. Она требует обеспечения полнокровной связи русского и украинского населения Крыма с соответствующим материнским ядром нации в рамках бесспорности принципа государственного суверенитета. Она возможна только в рамках мирного доброжелательного отношения к сопредельным государствам. А внутри Крыма не может иметь места государственных структур, разделённых по национальному или конфессиональному признаку. Конкретные инициативы для разрешения тех или иных национальных проблем или устремлений могут иметь место только в рамках общественных и политических инициатив. И только опосредованные через структуру конституционных органов они могут приобретать статус государственных программ.

Только на принципах изложенных выше, российско-украинские отношения могут выйти из тупика делёжных процедур и конфликтов.

Литература:

1. «Выводы и предложения комиссии Совета Национальностей ВС СССР». Журнал «Народный депутат» № 9, М. 1990 г.
2. «Концепция национальной политики, прав и отношений в Крыму». Газета «Арекет», информационный вестник Национального движения крымских татар № 4 (20) от 15 мая 1993 г.
3. «О концепции национальной политики, прав и отношений». Резолюция 52^{-я} (Генеральной) встречи представителей НДКТ, Симферополь, июнь, 1993.
4. Османов Ю.Б. «52^{-я} (Генеральная) встреча представителей НДКТ», «Славяно-восточные отношения в представлении Исмаила Гаспринского», «Арекет» № 4 (20), 1993 г.

ПОЛНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОДОБИЕ

Заявление для печати

По сообщению пресс-центра ВС Крыма в ходе встречи Председателя ВС Крыма с Временным поверенным по делам Израиля в Украине Эхудом Эйтаром были «обсуждены перспективы взаимовыгодного сотрудничества в области... парламентских связей между Кнессетом Израиля и ВС Крыма с целью разработки законодательства в сфере регулирования межнациональных отношений. Встреча прошла в дружественной доверительной обстановке».

Можно предположить, что отныне в своей политике на оккупированных арабских землях Кнессет будет использовать советы ВС Крыма из его опытов над крымскими татарами, а ВС Крыма воспользуется доверительными рекомендациями Тель-Авива по палестинизации отношений в Крыму.

Обычная практика подобных дружеских и доверительных сговоров о судьбах народов предусматривает то, что они вершатся за спиной этих народов. Поэтому и являются «доверительными». Но эта же практика предполагает неприменимую имитацию одобрения от имени опекаемых народов отдельными лицами этой национальности, находящимися в доверительных отношениях с опекунами. Указать в этой связи на прорабатываемые модели палестинизации отношений к крымскотатарскому народу в аналитических службах Президента России в феврале 1992 года («инициатива Г. Старовойтовой» на «форуме ислама в Санкт-Петербурге») это почти ничего не сказать. Но «татарский халпах» там присутствовал совершенно открыто. Напротив, скрытым оказался тогда Тель-Авивский синдром.

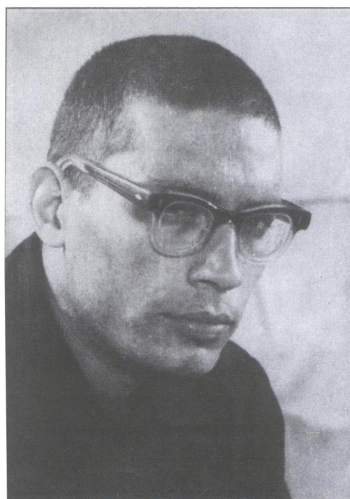
Когда ВС Крыма «заболел» швейцарской моделью, несомненно, прельщённый идеей кантонального устройства (скрытая идея бантустанизации крымских татар), помимо его воли ряд факторов ослаблял одиозность замысла. Например, тот фактор, что независимая суверенная Швейцария в принципе могла бы служить моделью для Крыма (в части своей «суверенности», как «Остров Швейцария»). Но эта суверенность принадлежит не самой Швейцарии, а Европе, которой нужен такой «Диснейленд», тихая обитель для финансовых, агентурных и других тайн. Но Швейцария – рекламный проспект Соединённых Штатов Европы, тогда как Крым в структуре «Евразийского единства» изначально призван был быть трамплином броска на юг, бастионом стратегии, изложенной на выездной сессии института философии АН СССР (1952 г.), или через трибуну воинствующего фашизма альманах «Крым» под редакцией П. Павленко. Крым – это лаборатория показательного эксперимента неосоциализма, апробирующая все виды «шоковой терапии» для народов Союза, пост-СССР-овского периода и зарубежом. Он ещё мог бы быть подведён под модель Швейцарии, стать договором с Атаюрком стра-

тегической линией геополитики. Но «палестинский» мотив, появившийся в крымской политике лжевластия в 30-х годах, блеснувший в феврале 1944 г., сразу после заседания Политбюро ЦК ВКП(б), принявшего решение о депортации, затем чудовищная эпопея «устранения татарщины», «возрождения исконно русского Крыма, дарение его территории, «воссоздание Крымской АССР» менее всего напоминает швейцарские идиллии. Зато они очень напоминают замысел, ход и метод имперской экспансии в Палестину.

Доверительно консультируясь с Тель-Авивом, руководство ВС Крыма решительно отстраняет крымских татар от любого участия в обустройстве национальной политики, о чём бы, где бы, и с кем бы ни велись переговоры в Севастополе, Ташкенте, Москве или Киеве. Не может не настораживать и позиция, занятая некоторыми государственными деятелями Украины о разграничении полномочий, настаивают на «невмешательстве» и такого рода «доверительности» и игнорирования.

Информационная рабочая группа Национального движения крымских татар отклоняет любые возможные попытки оправдать закулисный характер переговоров и консультаций по обустройству Крыма и заявляет им протест. Национальная политика, нормируемая извне, называется иностранным вмешательством.

ИРГ НДКТ Аркет № 9 (25) 24.09. 1993 г.

Ю. ОСМАНОВ. Первый срок заключения за участие в Национальном движении крымских татар (НДКТ).
Лагерь усиленного режима, п. Бессопан
Бухарской обл., январь 1970 г.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ДИЛЕТАНТА. ВРЕМЯ НИЧТО, ЕСЛИ НЕТ НИЧЕГО ВО ВРЕМЕНИ

Речь пойдёт не о странностях нашего времени. И не о его изломах. Речь о том, что такое время вообще. Толчком послужила фраза отца, всплывшая в памяти в штрафном изоляторе во время 20-дневной полной голодовки: «Время ничто, если нет ничего во времени». Во времени не было ничего и оно — остановилось. Пожиравших меня клопов я уже не ощущал, и эксперимент получался вполне «чистым».

Итак, для меня время остановилось. Но за стеной, в «зоне», оно теплилось и текло весьма ощутимо, несмотря на 50-градусный мороз. Ещё оживленнее был его ход за колючей проволокой, несмотря на продолжавшийся ещё застой. Значит, в разных системах, в разных процессах оно может характеризоваться разными темпами. Итак, темп можно рассматривать как одну из характеристик времени.

Представим себе коробок со спичками. Он может лежать год и два безо всяких видимых изменений. Коснемся спичкой раскаленного железа – через считанные секунды жизнь спички окончится. Спичка необратимо превратится в тлен. Темп времени связан каким-то образом с необратимостью, а само время – с процессом.

Это уже что-то новое. Раньше я представлял время как последовательность событий: арест, суд, приговор, этап, незаслуженная кара, освобождение. Или – вчера, сегодня, завтра, послезавтра... Стрелки часов или удары метронома отбивают точки на координате последовательности событий. Если у вас участится пульс – это уже отклонение от нормы. Норма – это стабильно текущее время – бежишь ты или отдыхаешь в кресле; лето или зима, застой или период революции... На периоде обращения Земли вокруг Солнца это никак не отразится.

Посмотрим, что говорят нам классики? Г. Лейбниц считал, что «время устанавливается из событий». Это соответствует моим первичным представлениям. Но то же положение можно изложить чуть-чуть по-иному, и появятся новые моменты: **время устанавливается событиями**, что позволяет допустить и мысль о неодинаковости темпа времени в разных событиях и выводит к понятиям теории относительности. А если рассмотреть все системы вместе и все происходящие в них процессы, то есть всю вселенную? Тогда неизбежно придём к представлению об универсальном времени, как о какой-то интегрирующей величине. А в зависимости от того, где находится наблюдатель и что он наблюдает, появляется представление о локальных, присущих какой-то одной составляющей системы, одного процесса – локальных координатах времени, со своим темпом, характеризующимся, как сказано ранее, необратимыми изменениями в этой локальной системе (подсистеме или процессе).

Итак, теперь уже природа времени мне представилась двойственной. Традиционное представление о времени как о некоторой шкале, «стреле» для упорядочения событий – прошлого и настоящего, настоящего и будущего и последовательности событий – причине и следствии. И, второе, нетривиальное представление о времени как о *мере необратимости (или неравновесности) событий*. Как некогда было сделано допущение о двойственной природе электрона — и частица, и волна.

Но это допущение порождает много очень интересных выводов и дальнейших допущений. Как известно из физики, необратимость, неравновесность любых процессов характеризуется понятием энтропии. И не просто качественно характеризуется, но и строго количественно. Изменение энтропии системы зависит от изменения таких параметров системы как температура, масса, давление и т.п. и может быть подсчитано по строгим математическим формулам. В нашем определении время во втором своём проявлении уподобляется энтропии – идентично ему или опосредованно каким-то коэффициентом. Следовательно, у нас появляется возможность связать время, выразить его через те же основные параметры системы строгими математическими формулами. Оставим эту заботу математикам. Но можно догадываться априори, что темп времени зависит от массы системы. И что чем более обширную систему мы берем, то есть чем больше её масса, тем ближе этот темп времени к темпу мирового времени (если, конечно, температура системы не очень сильно отличается от интегральной – мировой). Время можно выразить через такие параметры, как масса, температура, давление, метрика системы. Если постулат о времени, как мере необратимости процессов столь же правомерен, как постулат о времени, как последовательности событий, позволяющей поставить причину ранее следствия, а не наоборот, то понятие времени перестаёт быть «таинственной иллюзией интеллекта», некоторой условной и произвольной координатой.

Догматическое, стилизованное материалистами под марксизм (а может быть, точнее: «марксистами» под «материализм») определение времени как одного из фундаментальных свойств материи, ранее оторванное от остальных фундаментальных её свойств, будучи увязанной с ними, утрачивает мистический налёт.

Материя в любой её форме характеризуется количественным фактором, то есть обладает массой. Гравитация есть фактор существования материи. Как таковой он может иметь только одну сущность – притяжение. Есть материя – есть гравитация. Есть гравитация – есть материя. (Все остальные силовые факторы есть следствие различных форм движения материи). Наиболее общим свойством движения материи, признаком и параметром протекания процессов в материальной системе и её подсистемах является время, Оно являет-

ся наиболее общим параметром именно ввиду необратимости, вообще говоря, протекания процессов.

Отдельные процессы в изолированных системах могут протекать обратно, так что изменение энтропии равно нулю. Такие процессы, следовательно, протекают мгновенно, или же – с «остановившемся» временем. Ряд процессов может идти с уменьшением энтропии (в том числе в биологических системах). Это означает, что в локальной системе время «течёт» в обратном направлении (как в «машине времени»). Правда, уменьшение энтропии в локальной системе ведёт к усилению неравновесных процессов в сопряжённой системе. Энтропия всей системы может только увеличиваться. То есть время – универсальное, время – величина исключительно положительная.

Биг Бэнг т.е. Большой Взрыв, который, по гипотезе, привел к рождению Вселенной, может иметь физический смысл только в случае высокой степени равновесности процессов, приписываемых сотворению. Напротив, неравновесность этих процессов, сопряженная со значительным приростом энтропии, по-видимому, делает сомнительной гипотезу Большого Взрыва.

Сказанное выше позволяет определить темп времени как время, в течение которого происходит изменение необратимости на единицу.

В свете сказанного, трактовка второго закона термодинамики как «тепловой смерти вселенной» теряет свой смысл и «роковое» содержание –

снижение разности температур (как и вообще – разности потенциалов), сопровождающееся, соответственно, ростом равновесности процессов, снижает и темп времени. То есть наблюдатель, находящийся в системе, просто не заметит замедления процессов. Как не заметит изменения скорости протекания процессов и наблюдатель, находящийся в Большом Взрыве. Это может заметить только внешний наблюдатель, имеющий возможность сопоставлять изменения с протеканием процессов во внешней системе. Как мы сопоставляем наши земные дела с таким, не зависящим от них циклическим процессом, как вращение Земли вокруг Солнца.

Количественно темп времени может быть представлен, скажем, как отношение изменения энтропии в процессе (в локальной системе) к общемировому изменению энтропии за тот же период. Предположим, что это отношение для конкретной системы составило одну тысячную, а период – эксперимента для «мирового наблюдателя» длится один год. Тогда наблюдатель в исследуемой системе окажется постаревшим всего на треть суток. Конечно, мы тут предположили, что наше земное время соответствует мировому.

Любопытно проанализировать темп времени в крайних состояниях – в локальных системах, находящихся в состоянии теплового равновесия («тепловая смерть»), в «черных дырах» (представляющих собой микромодель исходного состояния вселенной) и собственно во вселенной перед Большим Взрывом.

– В подсистемах с «тепловой смертью» термодинамические процессы находятся в стадии затухания, хотя энтропия вселенной растёт, темп времени близок

к нулю. Пространственные размеры систем весьма значительны. Скорость распространения теплового возмущения в таких системах может быть весьма значительна.

– В «черных дырах», в каждой из которых сконцентрирована ничтожно малая часть массы вселенной, а все процессы вырожденны, темп времени также близок к нулю. Ввиду ограниченности размеров системы скорости близки к нулевым. Однако взрыв «черной дыры» приводит к резкому возрастанию, как темпов времени, так и скоростей.

– Во вселенной в состоянии коллапса сосредоточена вся или, точнее, значительная масса вселенной. Понятие темпа времени вырождается, математически приближаясь к единице. Таковым же он остается и в первые стадии Большого Взрыва, но существенно разнится, по-видимому, от периферии к центру. Поскольку темп времени на начальных стадиях Большого Взрыва остается близким к единице (время в этой системе близко к мировому), скорость расширения вселенной при этом для мирового наблюдателя значительно ниже, чем скорость расширения при взрыве «черной дыры».

Следует отметить, что перспектива «тепловой смерти вселенной» теряет свою драматичность, не только ввиду парадокса с темпом времени, но и ввиду того, что

движение материи обусловлено не только температурным градиентом, стремящимся к нулю по времени, но и гравитационным потенциалом, имеющим как раз противоположное действие (равномерное распределение плотности вещества в пространстве не является равновесным состоянием).

Таким образом, времени присуща двойственная природа сразу,

как только материя утрачивает состояние и свойства сингулярности и приобретает пространственную координату, разбивается на многообразие систем и процессов.

Тогда «мировое время», которое мы соподчиняем такому термодинамическому параметру, как энтропия, и который является положительной и возрастающей функцией (величиной), позволяет судить о причине и следствии, последовательности событий и о промежутках между ними. А при рассмотрении локальных систем или процессов возникает второе представление о времени как о мере необратимости их. Эта необратимость может существенно отличаться от меры необратимости вселенной как системы. Энтропия системы складывается, как известно, из энтропии составляющих её подсистем, зависит от массы и энергетического состояния. Аналогично связаны между собой и мировое время с локальными временами систем, составляющими вселенную.

Принципиальная изотропность пространства обуславливаемая природой гравитации (ибо для неё не существует «экранов»), обуславливает универсальность понятия времени. Время ничто, если нет ничего во времени.

ПАРАДОКС ВРЕМЕНИ

Реферат доклада на международной научной конференции
«Актуальные вопросы экологии Азово-Черноморского
региона и Средиземноморья».

Ю. ОСМАНОВ,
декан ф-та Востоковедения МТПЭУ.
июнь 1993 год.

Если время – фундаментальное свойство материи, то оно в не меньшей мере отражает проблему взаимоотношения человека и вообще живой материи и природы. Традиционное представление о времени сводится к некоторой шкале, «стреле» для упорядочения событий – прошлого, настоящего и будущего или же для установления причинно-следственной связи. Однако это представление недостаточно. Оно не позволяет определить какова направленность этой шкалы. Так же как, например, и причинно-следственную связь. Так – неоспорно утверждение, что понятие «сын» вторично от понятия «отец», ибо, как остроумно заметил Г.В. Плеханов, отцом можно стать только после появления сына. Следовательно, классические определения времени раскрывают его скорее опосредованное проявление, но не имманентную суть.

Несколько ближе к ней выводит определение, данное Г. Лейбницем: «время устанавливается из событий». Особенно если его сформулировать несколько иначе: «время устанавливается событиями». Конечно, формулировка Г. Лейбница скорее относит время в сферу гносеологии, – мы воспринимаем время как последовательность некоторых событий. Второе определение скорее отражает наше субъективное восприятие, коль скоро сущность времени можно определить объективным течением события.

Итак, чтобы понять время – надо проникнуть в природу события. Последовательность событий, из которой мы только что устанавливали время, тоже можно рассматривать как природу некоторого события. В частности, установить: могут ли эти события быть повторенными в обратном порядке в принципе и в частном случае.

Представим себе коробок со спичками. Он может лежать год и десять безо всяких видимых изменений. Но коснёмся раскалённым гвоздём головок спичек и, через несколько секунд жизнь этих спичек завершится. Они необратимо превратятся в тлен.

Обратный переход в принципе невозможен. Значит, во-первых, в разных процессах время может характеризоваться разными темпами, причём темп времени можно рассматривать как имманентную характеристику времени.

И, во-вторых, – темп времени связан каким-то образом с необратимостью, а само время – с сущностью процесса. Необратимость однозначно определяет течение многих, практически всех процессов окружающего мира и, стало быть, и однонаправленность «стрелы времени».

Вполне понятно, что ввиду множественности систем и процессов можно допустить предположение о неодинаковости темпов времени в них, что подтверждается как теорией относительности, так и хорошо известно биологам, как, впрочем, и в других науках и дисциплинах. Но если рассмотреть все системы вместе и все происходящие в них процессы, то есть всю вселенную как систему и процесс, то неизбежно придём к представлению об универсальности времени как о какой-то интегрирующей величине. А в зависимости от того, где находится наблюдатель, возникает представление о локальных координатах времени, со своим темпом, характеризуемым степенью необратимости изменений в этих процессах или подсистемах.

Изложенное приводит к выводу о двойственной природе времени – лежащей на поверхности и отражающейся в нашем чувственном и рациональном сознании характеристике времени как шкале последовательности событий из прошлого в настоящее. И второе, не тривиальное представление о времени как о мере необратимости (или – неравновесности) событий и процессов. Как электрон в качестве частицы и волны одновременно.

Такое предположение порождает множество интересных следствий и выводов. Из физики известно, что неравновесность любого процесса может быть оценена понятием энтропии. И не только качественно, но и строго количественно. Изменение энтропии системы зависит от изменения таких параметров системы как температура, масса, давление и т.п. Оно может быть вычислено по строгим математическим формулам. Оставим эту задачу математикам. Но априори можно утверждать, что если время во втором своём проявлении **уподобляется энтропии** – идентично ей, то время тоже можно вычислить математически, как энтропию и оно (его темп) зависит от массы системы. Чем эта масса (система) больше, тем ближе темп времени к универсальному, «мировому» времени.

При таком подходе время перестаёт выглядеть «таинственной иллюзией интеллекта», как это следует из определения, данного Г. Лейбницем. А догма о времени, как об одном из фундаментальных свойств материи (ранее оторванного от остальных фундаментальных свойств), утрачивает свой полумистический налёт.

Материя в любой её форме характеризуется количественным фактором, поскольку обладает массой. Гравитация является фактором, свидетельствующем о самом существовании материи. И как таковая, она может иметь только одну суть – притяжение: есть материя – есть гравитация; есть гравитация – есть материя. В этом смысле гравитация как бы идентична мировому времени – она может быть только положительна.

Время является наиболее общим свойством, следствием движения материи. Признаком и параметром протекания процесса в материальной системе и её подсистемах является время. Поскольку во всей системе протекание процессов в принципе необратимо, неравновесно, время и является одним (наравне с гравитацией) из самых общих, фундаментальных свойств материи.

Отдельные процессы в изолированных системах могут протекать обратимо, так что изменение энтропии в них равно нулю. По смыслу изложенного в таких процессах темп времени тоже равен нулю и они идут как бы в остановившемся времени. (К таким квазиравновесным процессам можно отнести, например, броуновское движение, состояние термодинамического равновесия и пр.). Известны процессы, происходящие с уменьшением энтропии, так что в локальной системе локальное время может течь в обратном направлении. Правда, уменьшение энтропии в локальной системе сопряжено с более интенсивной неравновесностью вовне, так что универсальное время может быть только существенно положительной величиной.

Сказанное позволяет определить темп времени как время, в течение которого происходит изменение необратимости на единицу.

В качестве одного из практических следствий такого понимания времени трактовка второго закона термодинамики как «тепловой смерти вселенной» теряет свой смысл. Снижение разности температур, приводящей к «затуханию» процессов одновременно влечёт уменьшение их неравновесности (необратимости). Наблюдатель, находящийся в системе просто не заметит «затухания» процессов. Кроме того, движение материи обусловлено не только температурными градиентами, стремящимися во времени к нулю, но и гравитационным потенциалом, имеющим противоположную тенденцию: равномерное распределение плотности материи в пространстве не является устойчивым состоянием.

Однозначная направленность фундаментальных факторов времени и гравитации позволяет рассматривать их одновременно и как факторы самоорганизации материи.

Каким бы малым ни был процент вероятности зарождения жизни (живой материи) на той или иной основе, она обязательно разовьётся при наличии такого свойства материи. И наоборот, сколь бы велика не была вероятность зарождения исходных форм, из них не суждено было бы развиться более высоким формам, если бы свойство самоорганизации не было присуще материи изначально. Ключ к отгадке этого свойства, по-видимому, связан во многом с феноменом времени. Его следует искать в соотношении обратимостей процессов воспроизводства и отмирания (как на клеточном, так и более высоких структурных уровнях). Следует ожидать, что на первом этапе развития этот баланс и определяет свойство материи к самоорганизации в рамках локальных подсистем, а темп мирового времени обуславливает общую устойчивость и темп самоорганизации жизни.

Итак, необратимость – фундаментальный фактор развития в природе и без неё не существовало бы такого измерения материи как время и самого развития и в том числе с определённой степенью вероятности – развития живых форм.

Любопытно проанализировать в рамках предлагаемой гипотезы темп времени в крайних состояниях. Как отмечалось, в состоянии близком к «тепловой смерти» (а это – подсистемы со значительными линейными размерами), скорость термодинамических процессов затухает, но падает и неравновесность этих процессов (например – термодиффузии, существенной и для живых организмов). Тем не менее, темп времени отнюдь не стремится к нулю, тогда как абсолютная продолжительность фаз процесса для наблюдателя извне может возрастать весьма значительно.

Поскольку для определения темпа времени может быть принята любая шкала времени, количественно он может быть оценён как отношение удельного изменения энтропии в локальной системе к изменению удельной (на единицу массы) энтропии вселенной. Это возможно при анализе ситуации в «чёрных дырах», где вещество находится в сингулярном состоянии, его масса составляет ничтожную часть массы вселенной, а темп времени стремится к нулю, что свидетельствует о заторможенности и высокой степени равновесности процессов в «чёрных дырах».

Нечто аналогичное должно происходить во вселенной в состоянии коллапса. Судя по всему, Большой Взрыв («Биг Бэнг»), который по гипотезе привёл к рождению вселенной, может происходить действительно как взрыв только при большой равновесности процессов, приписываемых сотворению. До Биг Бэнга понятие темпа времени и самого времени вырождается, но его двойственная природа обнаруживается сразу, как материя утрачивает состояние и свойство сингулярности, приобретает пространственную координату, разбивается на многообразие процессов и подсистем (например – центр и периферия «Большого Взрыва», где темпы времени сразу же существенно различаются).

Тогда «мировое время», которое в предлагаемой гипотезе соподчинено такому термодинамическому параметру, как энтропия, и который является положительной и возрастающей функцией остальных параметров (масса, объём, температура, давление ...), позволяет судить о причине и следствии, о последовательности событий и о промежутках между ними, но уже не на правах «таинственной иллюзии интеллекта», а как о внутренней закономерности природы. Как энтропия системы складывается из энтропий её подсистем, так и мировое время является математическим ожиданием локальных времён, устанавливаемых степенью необратимости протекающих процессов.

Время ничто – если нет ничего во времени.

Документальное издание

Юрий Бекирович ОСМАНОВ

**Просветитель Востока
ИСМАИЛ ГАСПРИНСКИЙ**

В авторской редакции

ДК № 3603 от 13.10.2009 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 21.04.2014.

Формат 60 x 84 1/16. Гарнитура «Лазурская».

Печать офсетная. Условн. печ. л. 19.

Тираж 1000 экз. Заказ № 120

Цена договорная.

ЧП «Издательство «Бизнес-Информ».

95034 г. Симферополь, ул. Киевская, 76.

Телефоны: (0652) 24-61-96, 53-01-34, 050-3971-286.

E-mail: bisnesinform@mail.ru

<http://bookcrimea.com>

Имя и авторитет Исмаил бея Гаспринского, стяжавшего славу «дедушки тюркской нации», великого гуманиста, выдвинутого педагогической общественностью Индии и научными кругами Франции на Нобелевскую премию мира и поныне глубоко почитаемого просвещённым Востоком, должно побудить передовое общественное мнение, агонизирующее на развалинах страны, обратить своё растерянное внимание на его представления о мире:

«... длинный ряд веков жизнь и культура русского и тюркского народов взаимодействуют... несмотря на грубые неуместные затеи обрусительных дельцов..., слава богу, добрые отношения народов не поколеблены.

В русском народе нет недоброжелательности, враждебности, обидчивости к «татарину» и обратно, у последнего нет никаких дурных чувств или помыслов в отношении «руса»..., отцы могут не одобрять такое добродушие, мирное сожительство, но это неопровержимый факт. Это действительность, вытекающая из общей печали, общего горя и общей нужды русской и мусульманской массы.

Их свело в одно общее великая равнина – родина, простирающаяся от подножия Алтая и Памира до болот Балтийского моря; их породнило общее горе от неумения жить, ... сравните эпосы и народные думы, русские и тюркотатарские, и вы увидите, что на разных языках эти два народа излагают одно и то же горе, одни и те же жалобы и печали. И это совершенно понятно, ибо оба богатыря из века в век преследовались одной и той же гидрой о трёх головах в виде тягот, неправды и невестства. Так было в прошлом. А в будущем эти народы пойдут, ибо должны идти рука об руку, чтобы обрести одинаково им нужные свет, правду и сносную жизнь. Пора одному выбраться из тёмной сакли, другому из закопчённой курной избы.

Не разделяйте, не отделяйте, не выделяйте, если желаете сплотить, скрепить».

АКТ № 6. ... «... по планам и по воле великодержавного шовинизма.

На территории Крыма путём выселения нации и ликвидации Крымской АССР – у крымскотатарского народа *разрушено*, ... 2400 кладбищ ... общей площадью 5000 га.

Уничтожено, ... 2,85 миллиона надгробных памятников, своим существованием и письменами повествовавшими о древней истории народа, о судьбах миллионов людей и их переплетениях с судьбами мира.

Сравнено с землёй свыше пяти миллионов сохранявшихся народом захоронений. Ликвидировано, изрублено ломami и топорами свидетельство неразрывной связи времён.

.... Разбит ломami и кувалдами надгробный памятник, воздвигнутый тюркотатарскими народами России великому просветителю Востока Исмаилу Гаспринскому на площади в Бахчисарае. Уничтожен его прах. Осквернён, разграблен и ликвидирован дом-музей Исмаила Гаспринского в Бахчисарае.

Ликвидированы сотни святынь по всему Крыму.

Этими актами вандализма, великодержавного бесчинства нешовинизм осуществляет надругательство над всеми народами, наносит позорное пятно на морально-политический облик социализма в вопросах совести, морали, этики и несёт ответственность перед историей вне сроков давности».

ISBN 978-966-648-356-3

